
ВЕСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т. 18 № 1 (2023)

ОБРАЗОВАНИЕ • НАУКА • НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Н а у ч н ы й   п е р и о д и ч е с к и й   ж у р н а л

Москва 2023

INTERNATIONAL ORGANISATIONS RESEARCH JOURNAL

 HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

Vol. 18 No 1 (2023)

E D U C A T I O N • S C I E N C E • N E W E C O N O M Y

Q u a r t e r l y J o u r n a l

Moscow 2023

ВЕСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ОБРАЗОВАНИЕ • НАУКА • НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научный периодический журнал

ISSN 1996-7845 (Print)

ISSN 2542-2081 (Online)

Периодичность выхода — 4 раза в год

Научный периодический журнал «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» издается Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» с января 2006 г.

С 2009 г. публикуется ежеквартально. Каждый номер журнала является тематическим. Включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (рекомендован по следующим научным специальностям: 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки), 13.00.08 — Теория и методика профессионального образования (педагогические науки), 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки; с 28 декабря 2018 г.)

Миссия журнала — распространение российских и зарубежных исследований в области глобального управления, международного сотрудничества по различным направлениям социально-экономической политики, в том числе образования, науки, новой экономики; а также создание профессиональной площадки для обсуждения тенденций и прогнозов в этих сферах.

Вестник международных организаций публикует статьи и аналитические материалы российских и зарубежных авторов о деятельности многосторонних международных институтов, прежде всего «Группы восьми», «Группы двадцати», БРИКС, ОЭСР, Всемирного банка, МВФ, ВТО, ООН, и интеграционных объединений, в первую очередь Европейского союза, Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и др.

Журнал рассчитан на исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся политическими проблемами международных отношений и глобального развития.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

Подписка

Подписка на журнал «Вестник международных организаций» осуществляется во всех почтовых отделениях связи:

Объединенный каталог «Пресса России»

<https://www.pressa-rg.ru>

Подписной индекс: 20054

Розничная продажа

В университетском книжном магазине «БукВышка»

Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Телефон: + 7 495 772-95-90 доб. 15429

Научный руководитель Я.И. Кузьминов
(НИУ ВШЭ, Россия)

Главный редактор М.В. Ларионова
(НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Россия)

Ответственный секретарь О.И. Колмар
(НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Э. Бейкер (Университет Шеффилда, Великобритания)

Св. Бископ (Королевский институт международных отношений «Эгмонт», Бельгия)

Ю.А. Борко (Институт Европы РАН, Россия)

Р. Вагенаар (Университет Гренингена, Нидерланды)

Я. Ваутерс (Лёвенский католический университет, Бельгия)

Ш. Го (Шанхайский университет иностранных языков, КНР)

Л.М. Гохберг (НИУ ВШЭ, Россия)

Дж.Дж. Киртон (Университет Торонто, Канада)

А.В. Кортюнов (Российский совет по международным делам, Россия)

Дж. Найт (Университет Торонто, Канада)

Т.Г. Пархалина (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия)

А.В. Соколов (НИУ ВШЭ, Россия)

И.Д. Фрумин (НИУ ВШЭ, Россия)

В.Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Россия)

Л.И. Яковсон (НИУ ВШЭ, Россия)

А.А. Яковлев (НИУ ВШЭ, Россия)

РЕДАКЦИЯ

Выпускающий редактор А.В. Заиченко

Компьютерная верстка Ю.Н. Петрина

Художник А.М. Павлов

Адрес редакции

Россия, 119017, Москва,

ул. Малая Ордынка, д. 17

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Телефон: +7 495 772-95-90 *23147 и *23150

E-mail: iorj@hse.ru

Web: <http://iorj.hse.ru/>

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС 77 — 66563 от 21.07.2016

Учредитель

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Тираж 170 экз.

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2023

INTERNATIONAL ORGANISATIONS RESEARCH JOURNAL

EDUCATION • SCIENCE • NEW ECONOMY

Quarterly Journal

ISSN 1996-7845 (Print)
ISSN 2542-2081 (Online)

International Organisations Research Journal (IORJ) is published by the National Research University Higher School of Economics since January 2006. It is published quarterly since 2009. Generally, each issue is dedicated to one theme. The Journal is on the list of reviewed scholarly journals approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia for publishing key research findings of PhD and doctoral dissertations. The journal's main themes are: global governance and international affairs, world economy, international cooperation in education, science and innovation.

The journal's mission is to disseminate the findings of research on global governance, international cooperation on a wide range of social and economic policies, including in the sphere of education, science and new economics, as well as creating a professional framework for discussion of trends and prognoses in these areas.

International Organisations Research Journal publishes academic and analytical papers by Russian and international authors on activities of international multilateral institutions: G8, G20, BRICS, OECD, the World Bank, IMF, WTO, UN, and alliances including the European Union, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organisation and others.

The journal is aimed at researchers, analysts, practitioners in international affairs and world economics and at a wide audience interested in political issues of international affairs and global development.

The editorial position does not necessarily reflect the authors views.

Copyrights are owned by authors and editorial office. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited. The reference to the materials is obligatory.

Subscription

To subscribe to the International Organisations Research Journal contact postal department:

Catalog "Pressa Rossii"

<https://www.pressa-rf.ru>

Subscription index: **20054**

Sale

To purchase the International Organisations Research Journal contact specialized bookshop of the Higher School of Economics Publishing House.

1/20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russia

Tel: + 7 495 772-95-90 extension number 15429

Yaroslav Kuzminov, *Scientific Advisor*, HSE University, Russia

Marina Larionova, *Editor-in-Chief*, Professor, HSE University; Head CIIR, RANEPa, Russia

Olga Kolmar, *Executive Secretary*, HSE University, RANEPa, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Andrew Baker (University of Sheffield, United Kingdom)

Alexander Sokolov (HSE University, Russia)

Andrei Kortunov (Russian International Affairs Council, Russia)

Andrei Yakovlev (HSE University, Russia)

Jan Wouters (KU Leuven, Belgium)

Isac Frumin (HSE University, Russia)

Jane Knight (University of Toronto, Canada)

John Kirtton (University of Toronto, Canada)

Leonid Gokhberg (HSE University, Russia)

Lev Yakobson (HSE University, Russia)

Robert Wagenaar (University of Groningen, Netherlands)

Shuyong Guo (Shanghai International Studies University, China)

Sven Biscop (Egmont – The Royal Institute for International Relations, Belgium)

Tatiana Parkhalina (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Science, Russia)

Vladimir Shadrikov (HSE University, Russia)

Yuri Borko (Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Russia)

EDITORIAL STAFF

Executive editor – Anna Zaichenko

Pre-Press – Yulia Petrina

Designer – Andrey Pavlov

Address

National Research University Higher School of Economics

17 Malaya Ordynka Ulitsa, 119017, Russia

Tel: +7 495 772-95-90 *23147 and *23150

E-mail: iorj@hse.ru

Web: <http://iorj.hse.ru/>

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR)

Reg. No. PI № FS 77 – 66563 (21.07.2016)

Publisher

National Research University Higher School of Economics

170 copies

© National Research University
Higher School of Economics, 2023

Содержание

М.В. Ларионова, А.В. Шелепов

Возможно ли лидерство «Группы двадцати» по вопросам управления данными? Есть ли шанс на сближение подходов?	7

М.В. Ларионова

«Группа двадцати» на критическом этапе. Председательство Индонезии в 2022 г.: внутренние и внешние потрясения, риски изменения баланса влияния и упадка, факторы устойчивости и восстановления равновесия.....	33

А.Г. Сахаров, К.М. Дорохина

Индекс устойчивого развития стран БРИКС: результаты	75

О.В. Бирюкова

Почему многосторонний подход к регулированию аудиовизуальных услуг сдаст позиции в ВТО.....	107

Т.М. Алиев, Е.В. Стоянова, Е.С. Чимирис

Интеграционные стратегии стран постсоветского пространства — опыт анализа с применением методики социального графа.....	127

Р.А. Юнеман

Реализация концепции многовекторности во внешней политике Республики Казахстан на примере голосования по резолюциям ГА ООН	151

Я.Н. Аду, А.Б. Мезяев

Конфликт между ЭКОВАС и Мали: международно-правовые и политические аспекты	170

Аналитические обзоры

И.М. Попова

Развитие концепции климатического клуба: от теории к практике (аналитический обзор)	190

В.А. Барина, П.А. Леваков, А.В. Полбин

Климатические риски и финансовая стабильность: роль центральных банков и выводы для России.....	204

Обзор публикаций

Р.М. Халафян

Шанхайская организация сотрудничества: переоценка приоритетов на фоне старых проблем и новых вызовов. Рецензия на коллективную монографию “The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons”	232

А.Н. Лякин, С.Ф. Сутырин

Завтра были пандемия и специальная военная операция (О монографии «Мировая экономика в период больших потрясений» под ред. Л.М. Григорьева, А.А. Курдина, И.А. Макарова).....	238

Content

M. Larionova, A. Shelepov

Opportunities and Constraints for G20 Leadership in Data Governance:
Is There a Chance for Convergence in Approaches? 7

M. Larionova

The G20 at a Critical Juncture. Indonesia's 2022 Presidency:
Internal and External Shocks, Risks of Power Rebalancing and Eventual Demise,
Causes of Resilience and Re-Equilibrium 33

A. Sakharov, K. Dorokhina

The BRICS Sustainable Development Index: the Results 75

O. Biryukova

Why Is Multilateralism Losing Ground in Audiovisual Services in the WTO? 107

T. Alyev, E. Stoyanova, E. Chimiris

Integration Strategies of the Post-Soviet Countries:
Analysis Using the Social Graph Approach 127

R. Yuneman

How Kazakhstani Multivector Foreign Policy Works: Analysis of Its Voting in UNGA.....151

Y.N. Adu, A. Mezyaev

The Conflict Between ECOWAS and Mali:
International Legal and Political Aspects.....170

Analytical Reviews

I. Popova

Transformation of the Climate Club Concept:
From Theory to Practice (Review) 190

V. Barinova, P. Levakov, A. Polbin

Climate Risks and Financial Stability:
The Role of Central Banks and Implications for Russia 204

Article and Book Reviews

R. Khalafyan

Shanghai Cooperation Organisation: Reassessment of the Priorities
Against the Background of Old Problems and New Challenges. Book Review:
“The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons” 232

A. Lyakin, S. Sutyurin

Tomorrow Were the Pandemic and the Special Military Operation
(On the Book “The World Economy in a Period of Great Turmoil”) 238

Возможно ли лидерство «Группы двадцати» по вопросам управления данными? Есть ли шанс на сближение подходов?¹

М.В. Ларионова, А.В. Шелепов

Ларионова Марина Владимировна — д.полит.н., директор Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Россия, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; larionova-mv@ranepa.ru

Шелепов Андрей Владимирович — к.э.н., с.н.с. Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Россия, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; shelepovav@ranepa.ru

Аннотация

Данные — неисчерпаемый ресурс, новая форма капитала в экономике знаний. В условиях отсутствия регулирования данных глобальные технологические корпорации стремятся расширить свое влияние на всех этапах цепочек связанных с данными процессов и используют свою рыночную силу для выстраивания монополий. Данные могут быть источником не только прибыли технологических гигантов, но также и социальной ценности. Однако рыночные силы сами по себе не обеспечивают создание общественных благ на основе данных. Для этого на уровне стран требуются усилия государства, а на международном уровне — сотрудничество государств и международных организаций. Несмотря на многочисленные инициативы по созданию механизмов координации и общих подходов к регулированию данных, взаимодействие по вопросам управления данными сильно фрагментировано и находится в тупике из-за противоречий и жесткой конкуренции между ключевыми участниками. Одним из ключевых объектов разногласий является подход к регулированию трансграничного перемещения данных.

В статье рассматриваются противоречия между практиками регулирования данных ключевых игроков цифровой экономики, прежде всего США, ЕС и Китая, и подходами, продвигаемыми ими в рамках международных институтов (ВТО, «Группы двадцати», «Группы семи», ОЭСР). Особое внимание уделяется повестке «Группе двадцати» по управлению данными и Инициативе «двадцатки» по «свободному потоку данных с доверием», проблемам ее реализации и рискам стагнации сотрудничества. В заключительном разделе представлены риски и перспективы возможных сценариев дальнейшего развития сотрудничества по регулированию данных, в том числе создания «Группой двадцати» Совета по цифровой экономике и данным, реализации инициативы «Группы семи» по формированию глобального цифрового порядка, усиления сотрудничества членов «Группы семи» и углубления взаимодействия в рамках ОЭСР, реализации предложения ЮНКТАД по формированию многоуровневой распределенной полицентрической модели управления данными при центральной роли ООН. Авторами сформулировано предложение по развитию сотрудничества БРИКС, направленного на создание инклюзивного многостороннего регулирования данных.

Ключевые слова: управление данными, «Группа двадцати», локализация, свободные потоки данных

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

¹ Статья поступила в редакцию 15.07.2022.

Для цитирования: Ларионова М.В., Шелепов А.В. Возможно ли лидерство «Группы двадцати» по вопросам управления данными? Есть ли шанс на сближение подходов? // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 1. С. 7–32 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-01

Введение. Проблема регулирования данных

Данные — новая форма капитала в экономике знаний, ресурс не только для информационных, но и для всех остальных секторов современной экономики. Общепринятой стала характеристика данных как кровеносной системы экономики и торговли [OECD, 2019a], неисчерпаемого ресурса, который можно использовать неограниченное количество раз и неограниченным количеством пользователей [OECD, 2015]. Данные имеют ценность не сами по себе, она генерируется в результате их использования. Социальная и экономическая ценность данных в основном извлекается на двух этапах цепочки связанных с данными процессов: при трансформации в знание (через анализ) и при использовании знания для принятия решений. Ценность данных зависит от своевременности обработки и использования. Для конвертации данных в информацию и знания, которые затем используются в качестве продукта, нужны технологии, включая, например, программное обеспечение, искусственный интеллект. Это означает, что для эффективного использования данных по всей цепочке нужно их движение, в том числе между странами [OECD, 2020].

Исследования показывают, что повышение доступности и активизация обмена данных могут создать дополнительные экономические и социальные выгоды в объеме от 0,1 до 1,5% ВВП в случае данных государственного сектора и от 1 до 2,5% ВВП при включении в эти процессы также данных частного сектора [OECD, 2019b]. При этом остается вопрос о том, какие субъекты выигрывают в большей степени. Повышение доступности и усиление обмена могут создавать дополнительные выгоды для держателей данных (прямое воздействие), от 10 до 20 раз больше выгод для пользователей (косвенное воздействие) и от 20 до 50 раз больше — для экономики (также косвенное воздействие). Однако в некоторых случаях повышение доступности и усиление обмена могут и снижать выгоды от производства данных для держателей данных [OECD, 2020].

Для ответа на вопрос о том, кто выигрывает, необходимо иметь оценки объемов потоков данных, направления их движения (экспорта и импорта), структуры («сырые» данные — продукты данных) и стоимости, но надежной статистики по этому вопросу пока нет [UNCTAD, 2021, р. 18–21]. Прояснение вопроса о распределении выгод и рисков может помочь в оценке преимуществ различных подходов к регулированию трансграничных потоков данных. Работу по оценке потоков и их экономической стоимости еще предстоит проделать. Однако известно, что потоки «сырых» данных направлены из менее технологически развитых стран в страны, имеющие конкурентные технологические и компетентностные преимущества. Развивающиеся страны в основном являются источниками «сырых» данных, обрабатываемых и преобразуемых в продукты (информацию) в дата-центрах развитых стран, а затем платят за получаемую обратно информацию. Создается новая модель разделения труда в цепочках данных цифровой экономики, модель центра и периферии [Rikap, 2021].

Данные являются не только источником прибыли для технологических гигантов, но также могут формировать и социальную ценность (social value). Однако рыночные

силы сами по себе не обеспечивают создания общественных благ на основе данных. Для этого на уровне стран требуются усилия государства, а на международном уровне — сотрудничество государств и международных организаций. Нельзя сказать, что такое сотрудничество не осуществляется. Регулирование, направленное на защиту данных и содействие их свободному потоку, имеет долгую историю. Сложилось несколько типов инструментов такого регулирования:

- многосторонние рамочные инструменты мягкого права (Руководство по защите конфиденциальности и трансграничных потоков личных данных ОЭСР, Правила трансграничной передачи персональных данных АТЭС, Рамочное соглашение АСЕАН по защите персональных данных);
- многосторонние обязательные инструменты (Конвенция о кибербезопасности и защите личных данных Африканского союза (Конвенция Малабо), Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Конвенция 108) Совета Европы);
- торговые соглашения, содержащие положения о защите и трансграничной передаче данных, и соглашения о цифровой торговле, обязательные к исполнению для экономик-участниц;
- односторонние инструменты (регулирование в рамках национального и наднационального права, например Общий регламент по защите данных ЕС).

Несмотря на многочисленные инициативы по созданию механизмов координации, взаимодействие по вопросам управления данными сильно фрагментировано и значительно тормозится из-за противоречий и жесткой конкуренции между ключевыми участниками. Одно из ключевых разногласий связано с подходом к регулированию трансграничного перемещения данных. По уровню открытости трансграничных потоков данных национальные режимы регулирования можно разделить на три типа.

- Свободные (free-flow) (подразумевают полную свободу движения данных и последующую ответственность (ex-post accountability) в случае ненадлежащего использования данных)².
- Обусловленные гарантиями защитных мер (flow conditional on safeguards) (защитные меры могут включать решение об адекватности или эквивалентности условий защиты другой страны, применение стандартных контрактных обязательств или обязательных корпоративных правил. Условия трансграничной передачи данных могут включать получение согласия субъекта данных, исполнение соглашения, требующего предоставления данных, необходимость удовлетворения общественных интересов, передачу данных в рамках правового сотрудничества, необходимость защиты жизненных интересов субъекта и др.)³.
- Ограниченные или обусловленные получением разрешений по конкретным случаям (flow conditional on ad-hoc case-by-case authorization) (такой режим относится, как правило, к персональным данным и «чувствительным» (sensitive) данным конкретных секторов или к данным, связанным с обеспечением национальной безопасности⁴) [Casalini, López González, 2019].

В условиях противоречий между ключевыми игроками, особенно США и Китаем, и отсутствия согласованного регулирования глобальные технологические корпора-

² Такой режим применяют, например, Гана, Филиппины и Сингапур.

³ С разной степенью жесткости условий такой режим реализуется Аргентиной, Бразилией (законопроект), ЕС, Великобританией, Египтом, Марокко, Тунисом, ЮАР, Израилем, Японией, Таиландом.

⁴ Такой режим применяют для некоторых типов данных Австралия, Новая Зеландия, Швейцария, Франция, Германия, Бельгия, Южная Корея.

ции стремятся расширить свои экосистемы данных и влияние. Цифровые платформы являются крупнейшими бенефициарами на всех этапах цепочек данных. Они заинтересованы в свободных потоках, чтобы монетизировать данные с максимальными выгодами для себя, и, соответственно, используют свою рыночную силу для выстраивания монополий и финансовые возможности для лоббирования в конгрессе США и органах ЕС, а также через экспертные центры [UNCTAD, 2021, р. 27–28]. Не стоит забывать, что цифровую торговую повестку США в основном формулировали Google, Business Software Alliance и другие технологические гиганты [Azme, Foster, Echavarrí, 2020]. Крупнейшие компании инвестируют в искусственный интеллект, технологии 5G, а также развитие инфраструктуры, в том числе наземные сети, подводные кабели, спутниковую широкополосную связь, точки обмена интернет-трафиком (IXPs), гиперцентры данных. Инвестиции корпораций в инфраструктуру, покупки стартапов и конкурентов в развивающихся странах создают угрозы нового колониализма [Elmi, 2020].

Чтобы преодолеть серьезные экономические и социальные последствия монополии цифровых платформ, выстраивающих под себя цифровые рынки, сформировать регулирование трансграничных цифровых корпораций, включая конкурентную политику и налогообложение, необходимо инклюзивное сотрудничество с участием развивающихся стран. Однако ввиду противоречий между ключевыми участниками текущее состояние диалога по международной модели регулирования можно охарактеризовать как фактически тупиковое.

Противоречия между ключевыми игроками

Три крупнейших центра цифровой экономики — США, ЕС и Китай — реализуют три различные модели регулирования, отражающие фундаментальные различия в подходах конкурентов на глобальном цифровом рынке. Приоритетом США является свобода трансграничных потоков данных, запрет на локализацию и минимальное регулирование (дерегулирование) с использованием модели саморегулирования и наилучших практик. В концепции США данные — товар, на экспорт которых не должно налагаться ограничений. Приоритеты ЕС — защита конфиденциальности и свобода потоков данных при условии обеспечения прозрачного регулирования и адекватного уровня защиты, включая принятие и применение правил трансграничного трансфера для защиты персональных данных и конфиденциальности как фундаментального права граждан. При этом существует противоречие между обязательством по защите персональных данных в соответствии со ст. 8 Хартии ЕС о фундаментальных правах, Регламентом по защите персональных данных Европейского союза [EU, 2016] и обязательствами ЕС по либерализации торговли и обеспечению свободы потоков данных [Yakovleva, 2020]. Приоритетом Китая остается киберсуверенитет⁵, безопасность данных и, соот-

⁵ Суверенитет данных имеет много определений. Ключевые два касаются суверенитета государства и граждан. Так, суверенитет данных определяется как контроль государства над данными в рамках национальной юрисдикции. Может включать также контроль за данными, сгенерированными на территории юрисдикции, но хранящимися или обрабатываемыми иностранными облачными сервисами. В этом случае экстерриториальный контроль должен осуществляться на основе получения полномочий в рамках международного права или с согласия иностранного государства. Понятие суверенитета данных также используется в отношении права и возможности граждан осуществлять контроль над своими данными. См. [Hummel et al., 2021].

Цифровой суверенитет также имеет много определений, примечательно определение в применении к ЕС: «Цифровой суверенитет означает способность Европы действовать независимо в циф-

ветственно, жесткое регулирование, предполагающее требования локализации и осторожное отношение к концепции свободного потока данных⁶.

Противоречия определяются национальными практиками регулирования и различиями в коммерческих интересах. Большинство американских цифровых гигантов специализируются на цифровых услугах, крупнейшие китайские — на цифровых услугах и товарах. Соответственно, США акцентируют в переговорах по электронной коммерции цифровые аспекты, а Китай традиционные аспекты регулирования торговли [Gao, 2018]. ЕС, не имеющий собственных технологических гигантов, использует регулирование по защите данных для защиты своего рынка от китайских и американских технологических компаний, то есть прибегает к своего рода «цифровому протекционизму» [Aaronson, 2019].

США [Government of the United States, 2019], ЕС [Titievskaia, 2020] и их партнеры по «Группе семи» продвигают положения о свободных потоках данных и отказе от локализации в рамках региональных и двухсторонних соглашений, а также Инициативы по электронной коммерции в ВТО. Китай участвует в переговорах, выступая против обязательств по свободным потокам данных, отказу от локализации и доступа к кодам источников, хотя последний вопрос в позиции Китая по электронной торговле не упоминается [WTO, 2019]. Индия, ЮАР и Группа африканских государств выступают против включения аспектов регулирования данных в переговоры по электронной коммерции [WTO, 2017].

Многомерная природа данных определяет необходимость их регулирования за рамками торговых переговоров и соглашений. Последствия трансграничных потоков данных выходят далеко за пределы торговых вопросов и затрагивают не только экономику и общество, но и безопасность. Кроме того, увязка условий регулирования данных с доступом к рынкам развитых стран создает дополнительные риски для развивающихся стран быть «запертыми» в рамках соглашений, последствия которых могут быть невыгодны для них в будущем и которые пока сложно оценить. Подписываясь под статьями торговых соглашений о свободных потоках данных и запрете локализации развивающиеся страны теряют возможность использовать свой ресурс — данные — для создания дополнительной стоимости.

Существует проблема учета трансграничных данных. Входящие и исходящие потоки данных отличаются от международных торговых потоков. Есть также проблема различий между потоками «сырых» данных и продуктов данных, которые могут рас-

---

ровом мире и должен пониматься в терминах механизмов защиты и инструментов наступления для продвижения цифровых инноваций». См. [Madiaga, 2020].

Кибер-суверенитет (также информационный суверенитет или суверенитет данных) определяется как запрет нежелательного влияния в информационном пространстве страны и перенос управления интернетом из многостороннего форума в межгосударственный институт, такой как ООН. См. [Aaronson, 2019].

⁶ Хотя Китай вместе с другими членами Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) поставил свою подпись под положениями не требовать локализации компьютерной техники на территории страны как условия ведения коммерческой деятельности и участвует в переговорах по Совместной инициативе по электронной торговле в ВТО, китайская модель регулирования трансграничных потоков имеет весьма ограничительный характер. В настоящее время Китай завершает работу над национальной системой контроля и защиты данных, которая предполагает, что для их трансграничной передачи должны быть выполнены определенные условия, включая оценку безопасности со стороны правительственных органов, и вводится требование локализации: все операторы критической информационной инфраструктуры, понимаемой весьма широко, и установленные законом процессоры личной информации должны хранить личную информацию, собранную ими, на территории страны.

сма­три­ваться как тор­гов­ля услу­гами. В ре­зуль­та­те транс­гра­нич­ные по­то­ки дан­ных дол­жны рас­сма­три­ваться в рам­ках бо­лее ши­ро­ко­го, ин­те­гри­ро­ван­но­го и сба­лан­си­ро­ван­но­го фор­ма­та [UNCTAD, 2021, р. 145–147]. В на­сто­я­щее вре­мя мы име­ем си­ту­а­цию, ко­гда вза­имод­ей­ствие осу­ществ­ля­ется в ООН, ВТО, «Гру­ппе два­д­ца­ти», «Гру­ппе се­ми», ОЭСР, АТЭС, АСЕАН и дру­гих ре­ги­о­наль­ных и двух­сто­рон­них фор­ма­тах. Од­на­ко пер­спек­ти­вы кон­крет­ных сба­лан­си­ро­ван­ных и ин­клю­зив­ных до­го­во­рен­но­стей по­ка не про­сма­три­ва­ются.

Од­но­вре­мен­но в усло­виях рас­ту­щих геополитических противоречий и ин­фор­ма­ци­он­ных войн рас­ту­т не­до­ве­рие и ри­ски злоупотребления и злонамеренного использо­вания дан­ных. Соот­вет­ствен­но, воз­ра­ста­ет стрем­ле­ние за­щи­тить кон­фи­ден­ци­аль­ность уси­ле­нием обу­слов­лен­но­сти транс­гра­нич­но­го транс­фе­ра дан­ных и/или тре­бо­ва­нием хра­не­ния и об­ра­бот­ки в кон­крет­ных гра­ни­цах. Эко­но­ми­че­ские и геополитические ри­ски вы­ну­жда­ют мно­гие стра­ны⁷ при­ни­мать ме­ры по ло­ка­ли­за­ции дан­ных⁸. Раз­ви­ва­ю­щи­еся стра­ны, не име­ю­щие дос­та­точ­ных ин­сти­ту­ци­о­наль­ных и бю­ро­кра­ти­че­ских ре­сур­сов для обес­пе­че­ния за­щи­ты тре­бо­ва­ния­ми обу­слов­лен­но­сти, ана­ло­гич­ны­ми ев­ро­пей­ским, рас­сма­три­ва­ют ло­ка­ли­за­цию как «од­но из средств обес­пе­че­ния су­ве­ре­ни­те­та дан­ных (data sovereignty, digital sovereignty) в усло­виях, ко­гда эк­стер­ри­то­ри­аль­ность по­зво­ля­ет до­ми­ни­ру­ю­щим го­су­дар­ствам на­вя­зы­вать свои за­ко­ны ми­ру, а пра­во­вые под­хо­ды раз­ви­тых стран вос­про­из­во­дят­ся до та­кой сте­пени, что ока­зы­ва­ют воз­дей­ствие на су­ве­ре­ни­тет и са­мо­оп­ре­де­ле­ние раз­ви­ва­ю­щи­хся стран» [Internet & Jurisdiction Policy Network, 2019]. Це­лью та­ко­го ре­гу­ли­ро­ва­ния яв­ля­ется со­хра­не­ние кон­тро­ля за дан­ны­ми, обес­пе­че­ние ки­бер­бе­зо­пас­но­сти, на­ци­о­наль­ной бе­зо­пас­но­сти, ки­бер­ус­той­чи­во­сти, за­щи­ты кон­фи­ден­ци­аль­но­сти, дос­ту­па го­су­дар­ства к оп­ре­де­лен­ным ка­те­го­ри­ям дан­ных и, соот­вет­ствен­но, соз­да­ние усло­вий для обес­пе­че­ния при­ме­не­ния на­ци­о­наль­но­го за­ко­но­да­тель­ства, а так­же эко­но­ми­че­ских кон­кур­ент­ных пре­иму­ществ [OECD, 2020].

США, ЕС и их парт­не­ры по «се­мер­ке» и ОЭСР вы­сту­па­ют про­тив ло­ка­ли­за­ции. В ча­сти, ка­са­ю­щей­ся бе­зо­пас­но­сти, ис­поль­зу­ется тех­но­ло­гиче­ская ар­гу­мен­та­ция: ло­ка­ли­за­ция — толь­ко од­ин из фак­то­ров бе­зо­пас­но­сти, и бе­зо­пас­ность и за­щи­та мо­гут быть обес­пе­че­ны за счет соот­вет­ствую­щих тех­но­ло­гий и про­грамм­но­го обес­пе­че­ния, на­при­мер сег­мен­ти­ро­ва­ния (sharding). Но­вые тех­но­ло­гии, в ча­ст­но­сти блок­чейн, име­ют де­цен­тра­ли­зо­ван­ную при­ро­ду, и, соот­вет­ствен­но, ло­ка­ли­за­ция про­ти­во­ре­чит их раз­ви­тию. Ло­ка­ли­за­ция не обес­пе­чи­ва­ет су­ве­ре­ни­тет в си­лу транс­гра­нич­но­го ха­рак­те­ра при­ро­ды ин­тер­не­та [Cory, Dascoli, 2021].

С эко­но­ми­че­ской точ­ки зре­ния кон­кур­ент­ные пре­иму­ства и эко­но­ми­че­ские вы­го­ды от ло­ка­ли­за­ции не­дос­та­точ­но обос­но­ва­ны. Ло­ка­ли­за­ция соз­да­ет ри­ски фраг­мен­та­ции ин­тер­не­та, фор­ми­руя раз­лич­ные тре­бо­ва­ния к кон­тро­ле­рам, вы­ну­жен­ным не­сти за­тра­ты на со­блю­де­ние не­гар­мо­ни­зи­ро­ван­ных тре­бо­ва­ний [Drake, Cerf, Kleinwächter, 2016]. Сто­и­мость ло­ка­ли­за­ции мо­жет быть вы­со­кой в ре­зуль­та­те за­тра­т на соз­да­ние ин­фра­струк­ту­ры и труд, за­тра­т на со­блю­де­ние тре­бо­ва­ний ре­гу­ли­ро­ва­ния и не­эф­фек­тив­ных рас­хо­дов, фи­нан­со­вых по­те­рь от не­до­полученных на­ло­гов, огра­ни­че­ния кон­кур­ен­ции и сти­му­лов для ин­но­ва­ций [Svantesson, 2020, р. 16]. При этом от­сут­ствуют оцен­ки сто­и­мо­сти ло­ка­ли­за­ции при­сут­ствия или пред­ста­ви­тель­ства, тре­буе­

⁷ Среди них Кения, Нигерия, Турция, Китай, Индия, Пакистан, Индонезия, Вьетнам, Россия, Саудовская Аравия, ОАЭ.

⁸ Обязательные законодательные или административные «требования, прямо или косвенно стимулирующие хранение или обработку данных, исключительно или не исключительно, в определенной юрисдикции». См. [Svantesson, 2020, р. 8].

мого, например, Регламентом ЕС 2016/679, которая может быть весьма существенной и даже запретительной для предприятий из развивающихся стран [Mattoo, Meltzer, 2018].

В качестве идеологического аргумента против локализации используется вменение мотивации. Так, Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ о хранении персональных данных вызвал глубокую озабоченность, что его реальной мотивацией является использование данных в качестве инструмента политических репрессий [Garrie, Vyhovsky, 2017]. Аналогичную озабоченность вызвал Закон о кибербезопасности КНР, а именно ст. 37. При этом требования локализации Австралии, Великобритании, Германии, Дании, Бельгии, Финляндии, Швеции в отношении конкретных типов данных (паспортные данные, секторальные данные, финансовая информация) не рассматриваются как ограничения [Selby, 2017].

В рамках правовой логики доказывается, что требование локализации является отличным от требований, предписывающих обеспечение определенного уровня защиты или стандарта кибербезопасности как условие трансграничного перемещения данных. Утверждается, что хотя такие требования ограничивают хранение или обработку, они не обязательно являются правилами локализации. Условия, налагаемые на трансграничное перемещение, — не то же самое, что запрет. Если требования обусловленного экспорта данных являются настолько высокими, что, по сути, составляют абсолютное ограничение на экспорт данных, эквивалентный обязательному законодательному или административному требованию локализации, косвенно стимулируя хранение и обработку данных в рамках конкретной юрисдикции, то это требование может подпадать под определение локализации данных. Предлагается различать четыре типа требований: 1) запреты; 2) требования (защиты в третьей стране реципиенте); 3) неопределенность регулирования; 4) стимулы. Запреты предлагается однозначно рассматривать как локализацию, а требования — только в случае, если они не удовлетворяют принципу пропорциональности в соответствии с §18 Руководства ОЭСР по защите конфиденциальности и трансграничных потоков личных данных: «Любые ограничения должны быть пропорциональны рискам, учитывать чувствительность данных и контекст обработки» [OECD, 2013].

Пропорциональность предлагается оценивать с учетом законодательства ЕС, нормативной базы ВТО и различных торговых соглашений на основе критериев: 1) способности мер достигнуть поставленной цели; 2) степени ограничения по сравнению с другими возможными мерами; 3) соразмерности вмешательства, создаваемого мерой. Одновременно предлагается дополнить принцип пропорциональности оценкой обоснования страной требования локализации на основе объективного и субъективного стандартов, или *prima facie* теста, оценивающего заявленные цели, и субъективного теста реальных намерений. При такой оценке страна или регион с «сильными традициями защиты конфиденциальности граждан» может привести сложившуюся традицию в качестве обоснования меры, которая в противном случае могла бы трактоваться как протекционистская и не соответствующая требованию пропорциональности §18 Руководства ОЭСР по защите конфиденциальности и трансграничных потоков личных данных. Напротив, страна, имеющая историю нарушений прав человека, не сможет опровергнуть такую оценку своих мер по локализации [Svantesson, 2020].

В логике этих технологических, экономических, идеологических и правовых аргументов сформулированы рекомендации для дальнейшей работы над документами ОЭСР по защите данных и их трансграничным потокам. Очевидно, что задана тенденция существенного повышения субъективности оценки соответствия мер локализации, предпринимаемых различными странами, принципу пропорциональности. Фактически создается основа для дискриминационного оценивания действий государств,

которые рассматриваются ЕС, США и партнерами по ОЭСР как недемократические. Одновременно для ЕС и стран-партнеров обосновывается возможность применения протекционистских мер как соответствующих традициям и Хартии ЕС о фундаментальных правах.

Анализ практики взаимодействия «Группы двадцати» и ОЭСР, тенденция формирования параметров сотрудничества членов «двадцатки» по вопросам цифровой экономики на основе принципов и подходов ОЭСР, роль ОЭСР в качестве ключевого экспертного института в рабочих органах «двадцатки» [Ларионова, Шелепов, 2021] позволяют предположить, что члены «Группы семи» и ОЭСР будут стремиться продвигать свои подходы и нормы регулирования данных через «Группу двадцати», хотя тенденция к легитимации инструментов ОЭСР через «Группу двадцати» и исчерпывает себя.

Повестка «двадцатки». Инициатива по «свободному потоку данных с доверием»

Вопросы управления данными (защиты и трансграничных потоков данных) интегрированы в повестку «Группы двадцати» с 2019 г. Несмотря на значение данных для развития цифровой экономики, появившаяся в 2016 г. «новая повестка», охватывающая «политику и меры в таких областях, как инновации, новая промышленная революция, цифровая экономика» [«Группа двадцати», 2016a], вопросы данных практически не затрагивала. Коммюнике лидеров и посвященные цифровой повестке документы 2016 г., Контурсы инновационного роста «Группы двадцати», План действий в области инноваций, План действий по новой индустриальной революции и Инициатива по развитию и сотрудничеству в области цифровой экономики, сотрудничество в сфере регулирования данных не упоминают, за исключением подтверждения необходимости соблюдения нормативных основ в области неприкосновенности частной жизни и защиты личных данных, а также прав интеллектуальной собственности как важного фактора укрепления доверия и развития цифровой экономики [«Группа двадцати», 2016a; 2016b].

В Гамбургском коммюнике 2017 г. «двадцатка» впервые заявила о поддержке свободного потока «информации при уважении применимых правовых рамок для неприкосновенности частной жизни, защиты данных и прав на объекты интеллектуальной собственности» [«Группа двадцати», 2017a]⁹. Формулировка о необходимости свободного потока информации, идей и знаний при соблюдении соответствующих требований законодательства и защиты данных и прав интеллектуальной собственности для создания условий процветания цифровой экономики повторяется практически в неизменном виде в Декларации, согласованной по итогам саммита в Буэнос-Айресе [Group of 20, 2018b], и Декларации министров, ответственных за цифровую экономику, 2018 г. [G20, 2018a]. Но в целом Декларация министров 2018 г. сфокусирована на использовании данных как стратегического ресурса в работе государственного сектора¹⁰ и совершенствовании измерения цифровой экономики, в том числе потоков данных¹¹.

⁹ До этого обязательство было сформулировано в Декларации министров, ответственных за цифровую экономику. В Дорожной карте «Группы двадцати» по цифровизации министрами также было заявлено намерение сотрудничать, для того чтобы «улучшить глобальное цифровое экономическое развитие и преодолеть цифровой разрыв в сфере инфраструктуры, безопасности данных и цифровых навыков» [G20, 2017b].

¹⁰ Приложение 1 к декларации «Принципы цифрового правительства».

¹¹ Приложение 3 к декларации «Измерение цифровой экономики».

В 2019 г. в рамках председательства Японии в «двадцатке» Синдзо Абэ сформулировал инициативу «свободного потока данных с доверием». По замыслу председательства, «Осацкий трек» должен был запустить процесс создания международных норм для эффективного использования данных как источника экономического роста при лидирующей роли «двадцатки» [Prime Minister of Japan and His Cabinet, 2019].

Инициатива задумывалась в русле процессов, развивающихся в международных торговых соглашениях с участием Японии, включающих положения о свободных потоках данных (Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, Соглашение о цифровой торговле Японии и США [OECD, 2020], Соглашение об экономическом партнерстве между ЕС и Японией [European Commission, 2018]¹²); в «Группе семи» (в том числе обязательств по свободным потокам данных и защите данных, согласованных в рамках председательства Японии в 2016 г. в Декларации лидеров «семерки» на саммите в Исэ-Сима 2016 [G7, 2016a], заявлении лидеров «семерки» о принципах и действиях в киберсфере [G7, 2016b], Декларации министров, ответственных за ИКТ [G7, 2016c]), в ЕС как влиятельном участнике ОЭСР, «семерки» и торговом партнере Японии (Регламент защиты персональных данных [EU, 2016], Регламент по свободному потоку неперсональных данных [EU, 2018], Стратегия ЕС по данным [European Commission, 2020]), в рамках сотрудничества между ЕС и Японией (Решение ЕС об адекватности режима защиты персональных данных в Японии [EU, 2019]) и в ОЭСР (рекомендации по свободным потокам данных по итогам первой фазы проекта Going Digital “Going Digital: Shaping Policies, Improving Lives” [OECD, 2019c], исследования по регулированию трансграничных потоков данных (профинансировано правительством Японии) [OECD, 2021b]).

Однако каких-либо субстантивных решений по выработке международного режима для эффективного использования данных как источника экономического роста члены «двадцатки» не согласовали. Три документа, принятые в рамках японского председательства, фиксируют общее понимание значения трансграничных потоков данных для устойчивого развития и необходимости защиты конфиденциальности, данных и прав ИС для обеспечения свободных потоков данных. Министры, ответственные за цифровую экономику, в совместном заявлении с министрами торговли подтвердили сформулированную в 2017 г. общую позицию о необходимости уважения международных и национальных правовых рамок для обеспечения доверия и содействия свободным потокам данных и зафиксировали намерение сотрудничать с тем, чтобы способствовать интероперабельности различных правовых рамок [G20, 2019b]. С учетом решающей роли эффективного использования данных как фактора, способствующего экономическому росту, развитию и социальному благополучию, в Декларации лидеров стран «Группы двадцати» сформулировано два обязательства: содействовать международной дискуссии по вопросам мер политики в целях максимального извлечения выгод, связанных с данными, и сотрудничать в целях поощрения совместимости различных правовых рамок [«Группа двадцати», 2019a]. Оба обязательства подтверждены в Осацкой декларации лидеров по вопросам цифровой экономики [«Группа двадцати»,

¹² Документ содержит положения о свободном трансфере информации или обработке информации в процессе электронной торговли и предоставлении финансовых услуг, а также праве сторон на защиту персональной информации и конфиденциальности (ч. 8). Часть по цифровой торговле (ч. 2) формулирует общие подходы сторон к необходимости принятия прозрачных и эффективных мер по защите потребителя в электронной торговле в соответствии с законодательством и регулированием сторон (ст. 8.78) и намерение сторон рассмотреть через три года после вступления соглашения в силу потребность включения положений о свободном потоке данных (ст. 8.81).

2019b]. Таким образом, в 2019 г. не удалось начать в рамках «двадцатки» процесс создания международного режима для эффективного использования данных как источника экономического роста. Не удалось также интегрировать в «двадцатку» решения и нормы, согласованные ранее в ОЭСР и «семерке», как это было, например, с Планом действий по борьбе с размыванием налогооблагаемой базы и перемещением прибыли (BEPS) в 2013 г., Принципами корпоративного управления в 2015 г. или Принципами «Группы двадцати» в области развития искусственного интеллекта (ИИ) в 2019 г. По сути, результатом инициативы стала договоренность о диалоге по использованию потенциала данных для устойчивого роста.

В условиях пандемии и необходимости мобилизации цифровых технологий для защиты населения и укрепления систем здравоохранения на экстренном саммите лидеры «двадцатки» приняли обязательство задействовать цифровые технологии для укрепления национальных, региональных и глобальных возможностей противодействия потенциальным вспышкам инфекционных заболеваний и обмениваться эпидемиологическими и клиническими данными, необходимыми для исследований и разработок средств диагностики, лечения и вакцин [«Группа двадцати», 2020b].

Соответственно, в апреле 2020 г. министры «Группы двадцати», ответственные за цифровую экономику, обозначили в качестве одного из приоритетов сотрудничества сбор, обработку и обмен надежными и точными неперсональными данными для мониторинга, понимания и предотвращения дальнейшего распространения COVID-19 и других инфекционных заболеваний, а также обеспечение сбора и обработки данных с соблюдением принципов этики, прозрачности, безопасности, интероперабельности и защиты конфиденциальности [G20, 2020b]. Прогресса в формировании общих подходов по потокам данных вновь не произошло. В июле 2020 г. министры, по сути, вернулись к формулировкам 2019 г., подтвердив значение свободных потоков данных с доверием и трансграничных потоков для экономического роста, развития и социального благополучия, а также готовность сотрудничать в целях достижения совместимости различных правовых рамок. В качестве первых шагов на этом направлении договорились об обмене опытом и лучшими практиками и выявлении общих подходов и инструментов [Ibid.].

В Эр-Риядской декларации лидеров «Группы двадцати» конкретные решения также отсутствуют. Направление дальнейших совместных действий определено в очень расплывчатом виде: «Мы признаем важность свободного перемещения данных на условиях доверия и трансграничных потоков данных. Мы выступаем за содействие формированию открытой, справедливой и недискриминационной среды, а также за защиту и расширение прав и возможностей потребителей при одновременном решении проблем, связанных с обеспечением неприкосновенности частной жизни, защиты данных, защиты прав интеллектуальной собственности и обеспечения безопасности. За счет решения этих проблем в рамках соответствующей применимой нормативно-правовой базы мы сможем и далее способствовать обеспечению свободного перемещения данных и укреплению доверия среди потребителей и бизнеса» [«Группа двадцати», 2020a].

Итальянское председательство не стало годом позитивных сдвигов в сближении позиций членов «Группы двадцати» по регулированию потоков данных. Несмотря на значительное внимание к вопросам цифровизации, расширение повестки по цифровой экономике (ЦЭ) и трансформацию целевой группы по ЦЭ в рабочую группу, по данным принято лишь два конкретных решения (из общего количества 225). Оба решения подтверждают сформулированные ранее намерения продолжить «работать над

решением проблем, связанных с обеспечением неприкосновенности частной жизни, защиты данных, безопасности и прав интеллектуальной собственности с учетом соответствующей применимой нормативно-правовой базы» (повторяется из саммита в саммит с 2017 г.) и «работать над углублением общего понимания и выявлением общих черт, взаимодополняющих элементов и совпадающих позиций в рамках анализа существующих подходов к регулированию инструментов, способствующих беспрепятственному перемещению информации на основе доверия в целях обеспечения совместимости в будущем» (согласовано в 2020 г. и фактически уже реализовано ОЭСР при финансовой поддержке правительства Японии) [«Группа двадцати», 2021].

Не способствовало повышению уровня доверия между членами «Группы двадцати» стремление председательства интегрировать в повестку дня «двадцатки» подходы ЕС и «Группы семи», например вопросы повторного использования и обмена данными и гибкого регулирования. Своего рода демонстрацией намерения членов «семерки» продвигать свои приоритеты в «двадцатке», ВТО и других институтах стало Заявление о принципах цифровой торговли, принятое фактически накануне саммита «двадцатки». В части, касающейся регулирования данных, «семерка» выступила за свободные потоки данных с доверием, против использования «требований локализации данных для протекционистских и дискриминационных целей, подрыва открытых обществ и демократических ценностей», а также «неоправданных барьеров для трансграничных потоков». «Семерка» пообещала обеспечивать защиту данных, конфиденциальности, прав интеллектуальной собственности и безопасности на основе высоких стандартов даже при трансграничном трансфере, усилить сотрудничество на основе выявления общих регуляторных подходов и работать над защитой неперсональных данных. Члены «Группы семи» также поддержали согласование общих принципов доверительного доступа правительства к данным частного сектора и соответствующую работу в ОЭСР [GOV.UK, 2021].

В общем по итогам трех лет работы над инициативой стало понятно, что легитимировать приоритеты, правила и нормы «семерки» и ОЭСР в «Группе двадцати» не получается. Не сработало и продвигаемое через экспертные центры [Heseleva et al., 2020] предложение США об использовании системы правил трансграничной конфиденциальности АТЭС как модели для глобального механизма трансфера данных, альтернативного ограничительному подходу ЕС и протекционистской модели Китая [Cory, Dascoli, 2021]. Но и каких-то новых подходов выработать не удалось.

В рамках председательства в «Группе двадцати» в 2022 г. Индонезия заявила в качестве одного из приоритетов сотрудничества ускорение цифровой трансформации экономики. Рабочая группа по цифровой экономике включила трансграничные потоки и свободные потоки данных с доверием в свой план работ наряду с вопросами связанности и постковидного восстановления, развития цифровых навыков и цифровой грамотности [G20, 2022]. Несмотря на усилия председательства по сохранению функциональности «Группы двадцати» как ключевого форума экономического сотрудничества ведущих государств с формирующимися экономиками и развитых стран и обеспечению консенсуса по фундаментальным вопросам макроэкономической политики, устойчивого роста, реформы глобальной системы здравоохранения, энергетического перехода и создания справедливой цифровой экономики, конфронтация «Группы семи» в отношении России сказалась на работе «двадцатки». Вопросы регулирования потоков данных не заняли в повестке председательства сколь-нибудь значительного места.

Заключение. Перспективы сотрудничества по регулированию потоков и защиты данных. Так возможно ли лидерство «Группы двадцати»?

Простой ответ на этот вопрос — нет. Экономическая блокада российских государственных институтов и частного бизнеса, нарушения прав собственности, конфиденциальности и злоупотребления частными данными членами «семерки» и ключевыми странами ОЭСР подрывали доверие к ценностям и институтам «демократических» государств со стороны большинства стран с формирующимися рынками. Фактически было разрушено доверие к ключевому элементу инициативы «Группы двадцати» по «свободному потоку данных с доверием».

Однако потребность в регулировании данных сохраняется, хотя бы для того, чтобы сдерживать монополии на цифровых рынках, формировать условия для развития справедливой цифровой экономики и создания общественных благ на основе данных.

«Группа двадцати» не является институтом выработки деталей регулирования. Но достижение политического консенсуса в рамках форума имеет ключевое значение для передачи «двадцаткой» мандата на разработку регулирования профильным многосторонним организациям или создания нового института и наделения его соответствующими компетенциями, как это было при создании аналогичного института, Совета финансовой стабильности, в контексте реформы глобального финансового регулирования. Рекомендации о необходимости инициативы «двадцатки» по разработке общего глобального механизма регулирования защиты и потоков данных неоднократно формулировались экспертным сообществом, включая предложения о создании Совета по управлению данными [Aaronsen et al., 2021]. Действительно, координация процессов формирования механизмов коллективного регулирования цифровой экономики и данных как ее ключевого ресурса должна быть неотъемлемой составляющей повестки «Группы двадцати» как главного форума международного экономического сотрудничества, объединяющего ведущие развитые экономики и страны с формирующимися рынками. Развитие ЦЭ является обязательным условием достижения основной цели «двадцатки» по обеспечению сильного, устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста. Совет цифровой стабильности мог бы объединить развитые и развивающиеся страны, а также ключевые международные организации для координации процесса формирования стандартов, регулирования и политики, касающейся деятельности цифровых платформ и регулирования данных, выявления и стимулирования обмена лучшими практиками, оценки уязвимостей и формирования предложений по политике, направленной на их устранение или смягчение [Fay, Medhora, 2021].

Критика этого подхода в основном связана с тем, что как институт, созданный «двадцаткой», Совет вероятно будет «сфокусирован на “Группе двадцати”», и соответственно, не будет достаточно инклюзивен и легитимен. Кроме того, стабильность не будет одной из ключевых проблем цифровой экономики [UNCTAD, 2021, p. 185]. Хотя оба аргумента справедливы, преодоление указанных ограничений возможно за счет включения в работу института развивающихся стран и ключевых международных организаций, определения круга вопросов его мандата и компетенций и отражения сформированного мандата в названии института, например Совет по цифровой экономике и управлению данными (Digital economy and data governance board).

В условиях геополитической конфронтации шансы на формирование консенсуса в «двадцатке» ничтожны. Кроме того, риски создания специального института «двадцаткой» связаны с высокой вероятностью объединения усилий членов «семерки» для продвижения своих позиций в определении его параметров. В этом случае вполне возможно создание цифрового Бреттон-Вудского института [Medhora, Owen, 2020], который упрочит баланс сил старой системы.

Каковы же альтернативы и возможные сценарии дальнейшего развития регулирования данных? «Группа семи» будет и дальше стремиться формировать правила регулирования как для себя, так и для мира в целом. Намерение создать глобальный цифровой порядок, основанный на демократических принципах и правилах, недвусмысленно заявлено в приоритетах председательства Германии в «семерке» в 2022 г.: «Как часть нашего председательства мы хотим продвигать свободные трансграничные потоки данных с доверием, содействовать справедливой конкуренции и связанности. С нашими партнерами по “Группе семи” мы хотим работать для обеспечения открытого, надежного и безопасного интернета, который не ограничивает, но усиливает демократические принципы и универсальные права человека. Как “Группа семи” мы хотим формировать общее понимание в отношении таких сфер, как глобальный цифровой порядок, в котором мы должны усилить международное сотрудничество с партнерами-единомышленниками. В этом контексте мы, вместе с партнерами по “семерке”, стремимся достичь более крепкого международного сотрудничества в отношении стандартов и норм, укорененных в открытом, демократическом и основанном на правилах порядке» [G7 German Presidency, 2022].

Соответственно, можно прогнозировать дальнейшее сближение и углубление сотрудничества по выработке общих подходов к регулированию потоков и защиты данных в рамках «Группы семи» и ОЭСР, с одной стороны, и стагнацию процесса в рамках «Группы двадцати» — с другой.

Процесс сближения в ОЭСР уже идет и включает: 1) собственно регулирование доступа, обработки, трансфера и защиты данных, в том числе повышение уровня доступности данных частного сектора; 2) формально технологические аспекты — технологии повышения уровня защиты, обеспечение переносимости и интероперабельности данных; 3) сближение практик администрирования, например, сотрудничество надзорных органов и сопоставимость используемого инструментария¹³; 4) формирование согласованных, основанных на общих ценностях правил и кодексов поведения как ориентиров или лучших практик использования данных [OECD, 2021a]. В инструментарий сближения, включающий исследования, обзоры, опросы, выявление лучших практик, формирование рекомендаций, интегрируются государства, не являющиеся членами ОЭСР, в том числе развивающиеся страны и члены «двадцатки». На сближение направлена и работа в рамках третьей фазы проекта Going Digital (2021–2022), включающая вопросы регулирования, доступности, обмена и контроля данных; содействия трансграничным потокам с доверием; влияния использования данных на фирмы и рынки; измерения данных и их потоков [OECD, n.d.a].

Таким образом, процесс является всеобъемлющим и затрагивает ценностно-идеологический, регуляторный, технологический и административный уровни, выходя за пределы членства ОЭСР. В условиях вероятной стагнации сотрудничества в рамках «Группы двадцати» этот управляемый, складывающийся из многих ручьев поток будет обтекать «двадцатку» и двигаться по намеченной траектории к формированию

¹³ Например, сопоставимость форматов и процедур нотификации нарушений персональных данных. См. [Iwaya, Kokdsl-Oudot, Ronchi, 2021].

системы, состоящей из сопряженных сетей регулирования, задачей которой является свободное движение трансграничных потоков данных¹⁴ как условие объективного отражения глобального распределения экономической, технологической и социальной активности, а также функционирования распределенных рынков и обществ данных [OECD, 2020].

«Семерка» уже приняла дорожную карту по сотрудничеству в отношении свободных потоков данных с доверием [G7, 2021a]. Развивается сотрудничество органов, ответственных за защиту данных [G7, 2021b]. Процесс поддерживает бизнес стран [Mastercard, 2021], в том числе технологические компании [BSA, 2022] и экспертное сообщество [Goodman, Risberg, 2021]. Сотрудничество «семерки» по цифровой экономике сильно идеологизировано и политизировано [G7 German Presidency, 2022] и, как и другие направления, активно развивается в сторону противодействия России [Jenkins, n.d.]. Однако возможные попытки «семерки» легитимировать свои подходы в «Группе двадцати» хоть и связаны с рисками, но все же оставляют окно возможностей для диалога.

ЮНКТАД предлагает поиск кооперативного решения как альтернативу конкуренции за цифровую и геоэкономическую власть, фрагментации регулирования и интернета. Новое регулирование должно учитывать все экономические и социальные измерения данных, целостным образом включать вопросы, касающиеся прав человека, национальной безопасности, торговли, конкуренции, налогообложения и управления интернетом. Соответственно, необходимо решать и вопрос о том, каким должен быть международный форум по формированию регулирования данных. Считая его возможным, поскольку, несмотря на различия в уровне приоритизации основными целями для всех стран являются экономический рост и развитие, защита данных и конфиденциальности и национальная безопасность, эксперты ЮНКТАД предлагают инициировать широкий диалог, направленный на формирование многоуровневой инклюзивной и гибкой системы управления данными. Диалог должен строиться на основе нескольких взаимосвязанных процессов:

- 1) выработки общего понимания основных концепций, включая таксономию данных, в том числе концепции «сырых» данных, продуктов данных, суверенитета данных;
- 2) определения условий доступа к данным;
- 3) создания системы измерения потоков данных;
- 4) формирования понимания данных как глобального общественного блага;
- 5) анализа различных формирующихся механизмов и инициатив по управлению данными;
- 6) определения и признания цифровых и связанных с данными прав;
- 7) выработки гибких, коллективно согласованных, инклюзивных стандартов, обеспечения интероперабельности и мобильности данных;
- 8) сотрудничества по регулированию глобальных цифровых платформ, направленного на преодоление доминирования и дисбалансов рыночной силы.

В диалоге должны участвовать профильные структуры ООН, международные и региональные организации, государства, частные структуры, бизнес, гражданское общество и экспертное сообщество, что даст возможность обеспечить многообразие, гибкость, учет различных региональных и национальных подходов. Одновременно

¹⁴ Оно может быть ограничено только задачами обеспечения национальной безопасности и реализации законных целей государственной политики. Ограничения при этом должны быть легитимны и пропорциональны возможным рискам.

должна быть оказана помощь в создании в развивающихся странах технологического и управленческого потенциала для полноценного участия в цифровой экономике и цепочках данных на всех этапах создания стоимости. В результате на основе многостороннего диалога предполагается формирование многоуровневой распределенной полицентрической модели управления данными при центральной роли ООН или специализированного института в системе ООН.

Опыт многочисленных форумов ООН, в том числе Форума по управлению интернетом, а также диалога по реформе международной системы экономического управления и созданию Глобального экономического координационного совета (Global Economic Coordination Council) [UN, 2009] показывает, что с высокой вероятностью результатом станет появление еще одного консультативного механизма, не обладающего компетенциями для принятия решений. Очевидно, что в рамках такого механизма будут значительны риски влияния как государственных и межгосударственных институтов, так и структур управления интернетом и технологических компаний, традиционно выступающих спонсорами и активными участниками аналогичных платформ¹⁵.

Таким образом, при обоих сценариях развития сотрудничества высоки риски альтернативного интересам и подходам России влияния в формируемых институтах. В этом контексте важным фактором может стать консолидированная позиция и сотрудничество БРИКС. Политика членов «пятерки» по управлению данными дает основание полагать, что консолидация возможна и важна для них. Одновременно, с учетом того, что миссия БРИКС – создание справедливого международного порядка, обеспечение участия и адекватного представительства развивающихся стран в системе глобального управления, содействие устойчивому развитию и инклюзивному росту, члены БРИКС должны быть заинтересованы в создании регулирования трансграничных данных и цифровых платформ, обеспечивающего сбалансированное распределение данных, преодоление угроз формирования нового колониализма и создание общественных благ на основе данных.

Однако пока в институциональной повестке «пятерки» вопросы регулирования данных не занимали значительного места. Это может быть связано с понимаем БРИКС необходимости выстраивать регулирование цифровых рынков в более широком формате с партнерами по «двадцатке». Но в условиях конфронтации, кризиса доверия, стремления «семерки» формировать глобальный цифровой порядок по своим правилам, вероятности стагнации сотрудничества в «двадцатке» совершенно необходимо активизировать взаимодействие в БРИКС, затем продвигая общие позиции в «Группе двадцати».

Основа жизнеспособного и инклюзивного многостороннего регулирования – договоренность по сближению регулирования данных при сохранении суверенитета стран над управлением данными. Консенсус по защите данных в таком случае касается в первую очередь не регуляторной практики, а уровня защиты, не навязывает и не ограничивает режим защиты требованиями обусловленности или локализации, а определяет принципы сотрудничества и взаимодействия уполномоченных органов стран-участниц. Ведь, как известно, режим обусловленности потоков данных может быть эквивалентен требованиям локализации хранения (и обработки данных)¹⁶, а требование локализации хранения не обязательно означает полное ограничение потоков данных [Casalini, López González, 2019]. Более того, локализация не обязательно под-

¹⁵ Правительства «семерки» и ЕК, Корпорация по присвоению доменных имен (ICANN), Общество Интернета, Microsoft, Google, Amazon и др. См., например, IGF [n.d.], [OECD, n.d.b].

¹⁶ См., например, оценку в отношении Регламента ЕС в [Cory, Dascoli, 2021].

разумеает привязку к юрисдикции хранения и обработки данных, но может предполагать локализацию контролера и процессора [de la Chapelle, Porciuncula, 2021, p. 18]. Различия между национальными стандартами регулирования неизбежны, они есть и у стран БРИКС, но можно договориться о принципах. При этом страны назначения данных могут обязаться обеспечивать защиту данных граждан страны-источника в обмен на обязательство последней не ограничивать потоки данных. Первым шагом может быть определение условий защиты страной-источником данных, вторым — признание соответствия уровня защиты в случае, если есть уверенность в ее обеспечении, даже если регуляторные практики при этом различаются [Mattoo, Meltzer, 2018].

Для начала можно было бы инициировать в БРИКС анализ сопоставимости регулирования данных стран-членов, обмен опытом и выявление наилучших практик. Выполнение такой работы в 2022—2023 гг. позволило бы выйти на формирование принципов регулирования потоков и защиты данных БРИКС в 2024—2025 гг. В дальнейшем принципы могли бы стать основой для добровольного механизма регулирования потоков и защиты данных, открытого для присоединения других стран, в том числе партнеров по региональным интеграционным объединениям членов «пятерки».

Общие подходы и апробированные механизмы могли бы стать фундаментом для формирования согласованных позиций и реализации лидерского потенциала «пятерки» и дать новый импульс перспективам сотрудничества по регулированию потоков и защиты данных в «Группе двадцати».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Aaronson S.A. (2019) What Are We Talking About When We Talk About Digital Protectionism? // *World Trade Review*. Vol. 18. Issue 4. P. 541—577. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/S1474745618000198>.

Aaronson S.A., Kimura F., Lee-Makiyama H., Stephenson S.M. (2021) Actions to Make “Data Free Flow With Trust” Operational in Practice. G20 Insights Policy Brief, 30 September. Режим доступа: https://www.g20-insights.org/policy_briefs/actions-to-make-data-free-flow-with-trust-operational-in-practice/ (дата обращения: 25.07.2022).

Azmeh S., Foster C., Echavarrí J. (2020) The International Trade Regime and the Quest for Free Digital Trade // *International Studies Review*. Vol. 22. Issue 3. P. 671—92. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/isr/viz033>.

BSA (2022) Virtual Event: G7 Multi-Stakeholder Conference on Data Governance and Flows. 6 April. Режим доступа: <https://www.bsa.org/news-events/events/virtual-event-g7-multi-stakeholder-conference-on-data-governance-and-flows> (дата обращения: 23.01.2023).

Casalini F., López González J. (2019) Trade and Cross-Border Data Flows. OECD Trade Policy Papers No. 220, Organisation for Economic Co-operation and Development. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/b2023a47-en>.

Cory N., Dascoli L. (2021) How Barriers to Cross-Border Data Flows Are Spreading Globally, What They Cost, and How to Address Them. Information Technology & Innovation Foundation (ITIF), 19 July. Режим доступа: <https://itif.org/publications/2021/07/19/how-barriers-cross-border-data-flows-are-spreading-globally-what-they-cost/> (дата обращения: 25.07.2022).

de la Chapelle B., Porciuncula L. (2021) We Need to Talk About Data: Framing the Debate Around Free Flow of Data and Data Sovereignty. Internet and Jurisdiction Policy Network. Режим доступа: <https://www.internetjurisdiction.net/uploads/pdfs/We-Need-to-Talk-About-Data-Framing-the-Debate-Around-the-Free-Flow-of-Data-and-Data-Sovereignty-Report-2021.pdf> (дата обращения: 25.07.2022).

Drake W., Cerf V., Kleinwächter W. (2016) Internet Fragmentation: An Overview. Future of the Internet Initiative White Paper, World Economic Forum. Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FII_Internet_Fragmentation_An_Overview_2016.pdf (дата обращения: 25.07.2022).

Elmi N. (2020) Is Big Tech Setting Africa Back? Foreign Policy, 11 November. Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2020/11/11/is-big-tech-setting-africa-back/> (дата обращения: 25.07.2022).

European Commission (EC) (2018) Proposal for a Council Decision on the Conclusion of the Economic Partnership Agreement Between the European Union and Japan. COM(2018) 192 final. Brussels, 18 April. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52018PC0192#document2> (дата обращения: 25.07.2022).

European Commission (EC) (2020) Communication From the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A European Strategy for Data. COM(2020) 66 final. Brussels, 19 February. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0066> (дата обращения: 25.07.2022).

European Union (EU) (2016) Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons With Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and Repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text With EEA relevance). Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/2016-05-04> (дата обращения: 25.07.2022).

European Union (EU) (2018) Regulation (EU) 2018/1807 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 on a Framework for the Free Flow of Non-Personal Data in the European Union (Text With EEA Relevance) // Official Journal of the European Union, L 303/59. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32018R1807> (дата обращения: 25.07.2022).

European Union (EU) (2019) Commission Implementing Decision (EU) 2019/419 of 23 January 2019 Pursuant to Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council on the Adequate Protection of Personal Data by Japan Under the Act on the Protection of Personal Information (Text With EEA Relevance) // Official Journal of the European Union, L 76/1. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019D0419> (дата обращения: 25.07.2022).

Fay R., Medhora R. (2021) A Global Governance Framework for Digital Technologies. T20 Policy Brief. Режим доступа: <https://www.t20italy.org/wp-content/uploads/2021/09/TF4-PB5-Fay-1.pdf> (дата обращения: 25.07.2022).

Gao H. (2018) Digital or Trade? The Contrasting Approaches of China and US to Digital Trade // Journal of International Economic Law. Vol. 21. Issue 2. P. 297–321. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/jiel/jgy015>.

Garrie D., Byhovskiy I. (2017) Privacy and Data Protection in Russia // Journal of Law & Cyber Warfare. Vol. 5. Issue 2. P. 235–253. Режим доступа: https://www.jlcw.org/wp-content/uploads/2017/07/JLCW_5_2_Final.pdf (дата обращения: 25.07.2022).

Goodman M.P., Risberg P. (2021) Advancing Data Governance in the G7. Center for Strategic & International Studies (CSIS), 2 February. Режим доступа: <https://www.csis.org/analysis/advancing-data-governance-g7> (дата обращения: 25.07.2022).

GOV.UK (2021) G7 Trade Ministers' Digital Trade Principles. News Story, 22 October. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/news/g7-trade-ministers-digital-trade-principles> (дата обращения: 25.07.2022).

Government of the United States (2019) Joint Statement on Electronic Commerce. Communication From the United States. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/DDFDDocuments/252610/q/INF/ECOM/5.pdf (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 20 (G20) (2016a) Коммюнике лидеров «Группы двадцати» по итогам саммита в Ханчжоу (КНР). Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5108> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 20 (G20) (2016b) Инициатива «Группы двадцати» по развитию и сотрудничеству в области цифровой экономики. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5111> (дата обращения: 25.07.2022) (in Russian).

Group of 20 (G20) (2017a) Коммюнике лидеров «Группы двадцати» по итогам саммита в Гамбурге (Германия). Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/Gn9x4LcdfsmHANRguAmG-8ghlYMWzLrxX.doc> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 20 (G20) (2017b) Digital Economy Ministerial Declaration: Shaping Digitalisation for an Interconnected World. Düsseldorf, 7 April. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2017/170407-digitalization.html> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 20 (G20) (2018a) Digital Economy Ministerial Declaration. Salta, 24 August. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2018/2018-08-24-digital.html> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 20 (G20) (2018b) Декларация лидеров «Группы двадцати». Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5373> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 20 (G20) (2019a) Осацкая декларация лидеров стран «Группы двадцати». Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5425> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 20 (G20) (2019b) Ministerial Statement on Trade and Digital Economy. Tsukuba City, 8–9 June. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/Ministerial_Statement_on_Trade_and_Digital_Economy.pdf (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 20 (G20) (2019c) Осацкая декларация по вопросам цифровой экономики. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5427> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 20 (G20) (2020a) Digital Economy Ministerial Declaration. Virtual Meeting, July 22. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2020/2020-g20-digital-0722.html> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 20 (G20) (2020b) Extraordinary G20 Digital Economy Ministerial Meeting: COVID-19 Response Statement. Virtual Meeting, 30 April. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2020/2020-g20-digital-0430.html> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 20 (G20) (2020c) Экстренный саммит лидеров «Группы двадцати». Заявление по новой коронавирусной инфекции COVID 19. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5485> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 20 (G20) (2020d) Декларация Эр-Риядского саммита лидеров «Группы двадцати» (21–22 ноября 2020 г.). Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5585> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 20 (G20) (2021) Римская декларация лидеров «Группы двадцати». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5729> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 20 (G20) (2022) MCI Consolidates Digital Issues in Indonesia's G20 Presidency through DEWG to Achieve Stronger Recovery. URL: <https://g20.org/mci-consolidates-digital-issues-in-indonesias-g20-presidency-through-dewg-to-achieve-stronger-recovery-2/> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 7 (G7) (2016a) Leaders' Declaration. Ise-Shima, 27 May. Режим доступа: <http://www.g7.utoronto.ca/summit/2016shima/ise-shima-declaration-en.html#cyber> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 7 (G7) (2016b) G7 Principles and Actions on Cyber. Ise-Shima, 27 May. Режим доступа: <http://www.g7.utoronto.ca/summit/2016shima/cyber.html> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 7 (G7) (2016c) Joint Declaration by G7 ICT Ministers (Action Plan on Implementing the Charter). Takamatsu, 30 April. Режим доступа: <http://www.g7.utoronto.ca/ict/2016-ict-declaration.html> (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 7 (G7) (2021a) Ministerial Declaration. G7 Digital and Technology Ministers' Meeting, 28 April. Режим доступа: https://www.soumu.go.jp/main_sosiki/joho_tsusin/eng/presentation/pdf/G7_Digital_and_Technology_Ministerial_Declaration.pdf (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 7 (G7) (2021b) Communiqué: "Data Free Flow With Trust." Roundtable of G7 Data Protection and Privacy Authorities, 7–8 September. Режим доступа: https://www.priv.gc.ca/en/opc-news/speeches/2021/communiqué-g7_210907/ (дата обращения: 25.07.2022).

Group of 7 (G7) German Presidency (2022) Policy Priorities for Germany's G7 Presidency in 2022. Режим доступа: <http://www.g7.utoronto.ca/summit/2022elmau/2022-01-21-g7-programm-en-data.pdf> (дата обращения: 25.07.2022).

Heseleva K., Ramos V.J., Ichilevici de Oliveira A. (2020) Towards a Multilateral Consensus on Data Governance. G20 Insights Policy Brief, 29 May. Режим доступа: https://www.g20-insights.org/policy_briefs/towards-a-multilateral-consensus-on-data-governance/ (дата обращения: 25.07.2022).

- Hummel P., Braun M., Tretter M., Dabrock P. (2021) Data Sovereignty: A Review // *Big Data & Society*. Vol. 8. Issue 1. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1177/2053951720982012>.
- Internet & Jurisdiction Policy Network (2019) 2019 Internet & Jurisdiction Global Status Report. Режим доступа: <https://connect.internetjurisdiction.net/zs/4uhWUc> (дата обращения: 23.01.2023).
- Internet Governance Forum (IGF) (n.d.) Donors to the IGF Trust Fund. Режим доступа: <https://www.intgovforum.org/en/about#donors-to-the-igf-trust-fund> (дата обращения: 23.01.2023).
- Iwaya S., Koksai-Oudot E., Ronchi E. (2021) Promoting Comparability in Personal Data Breach Notification Reporting. OECD Digital Economy Papers No. 322, Organisation for Economic Co-operation and Development. Режим доступа: <https://doi.org/10.1787/88f79eb0-en>.
- Jenkins F. (n.d.) G7 Help Ukraine in Cyberspace. The Munich Eye. Режим доступа: <https://themunicheye.com/g7-help-ukraine-in-cyberspace-4805> (дата обращения: 25.07.2022).
- Larionova M.V., Shelepov A.V. (2021) Emerging Mechanisms for Regulating the Digital Economy: Risks and Opportunities for the Multilateral System of Global Governance // *International Organisations Research Journal*. Vol. 16. No. 1. P. 29–63. Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-01-02> (in Russian and English).
- Madiega T. (2020) Digital Sovereignty for Europe. EPRS Ideas Paper PE 651.992, European Parliamentary Research Service. Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI\(2020\)651992_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI(2020)651992_EN.pdf) (дата обращения: 25.07.2022).
- Mastercard (2021) Setting Principles for the Digital Economy: Establishing a G7 Data and Technology Forum. 22 March. Режим доступа: <https://www.mastercard.com/news/insights/2021/setting-principles-for-the-digital-economy-establishing-a-g7-data-and-technology-forum/> (дата обращения: 25.07.2022).
- Mattoo A., Meltzer J.P. (2018) International Data Flows and Privacy: The Conflict and Its Resolution. Policy Research Working Paper No. 8431, World Bank Group. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10986/29837> (дата обращения: 25.07.2022).
- Medhora R.P., Owen T. (2020) A Post-COVID-19 Digital Bretton Woods. Centre for International Governance Innovation, 19 April. Режим доступа: <https://www.cigionline.org/articles/post-covid-19-digital-bretton-woods/> (дата обращения: 25.07.2022).
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2013) Recommendation of the Council Concerning Guidelines Governing the Protection of Privacy and Transborder Flows of Personal Data. OECD/LEGAL/0188. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0188> (дата обращения: 25.07.2022).
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2015) Data-Driven Innovation: Big Data for Growth and Well-Being. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264229358-en>.
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2019a) Data in the Digital Age. OECD Going Digital Policy Note. Режим доступа: <https://www.oecd.org/digital/ieconomy/data-in-the-digital-age.pdf> (дата обращения: 25.07.2022).
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2019b) Enhancing Access to and Sharing of Data: Reconciling Risks and Benefits for Data Re-use Across Societies. Режим доступа: <https://doi.org/10.1787/276aaca8-en>.
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2019c) Going Digital: Shaping Policies, Improving Lives. Режим доступа: <https://www.oecd.org/digital/going-digital-shaping-policies-improving-lives-9789264312012-en.htm> (дата обращения: 25.07.2022).
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2020) Mapping Approaches to Data and Data Flows: Report for the G20 Digital Economy Task Force, Saudi Arabia. Режим доступа: <https://www.oecd.org/trade/documents/mapping-approaches-to-data-and-data-flows.pdf> (дата обращения: 25.07.2022).
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2021a) Good Practice Principles for Data Ethics in the Public Sector. Режим доступа: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/good-practice-principles-for-data-ethics-in-the-public-sector.pdf> (дата обращения: 25.07.2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2021b) Mapping Commonalities in Regulatory Approaches to Cross-Border Data Transfers. TAD/TC/WP(2020)15/FINAL, 23 April. Режим доступа: [https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=TAD/TC/WP\(2020\)15/FINAL&docLanguage=En](https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=TAD/TC/WP(2020)15/FINAL&docLanguage=En) (дата обращения: 25.07.2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (n.d.a) Going Digital Project. Режим доступа: <https://www.oecd.org/digital/going-digital-project/> (дата обращения: 23.01.2023).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (n.d.b) Internet Policy and Governance. Режим доступа: <https://www.oecd.org/sti/broadband/internet-policy-and-governance.htm> (дата обращения: 23.01.2023).

Prime Minister of Japan and His Cabinet (2019) Toward a New Era of “Hope-Driven Economy:” The Prime Minister’s Keynote Speech at the World Economic Forum Annual Meeting. 23 January. Режим доступа: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/statement/201901/_00003.html (дата обращения: 23.01.2023).

Rikap C. (2021) Intellectual Monopoly Capitalism and Its Effects on Development: Intellectual Monopoly Capitalism Uncovered. *Developing Economics*, 7 April. Режим доступа: <https://developingeconomics.org/2021/04/07/intellectual-monopoly-capitalism-and-its-effects-on-development/> (дата обращения: 25.07.2022).

Selby J. (2017) Data Localization Laws: Trade Barriers or Legitimate Responses to Cybersecurity Risks, or Both? // *International Journal of Law and Information Technology*. Vol. 25. Issue 3. P. 213–232. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/ijlit/eah010>.

Svantesson D. (2020) Data Localisation Trends and Challenges: Considerations for the Review of the Privacy Guidelines. OECD Digital Economy Papers No. 301, Organisation for Economic Co-operation and Development. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/7fbaed62-en>.

Titievskaia J. (2020) WTO E-Commerce Negotiations. EPRS PE 659.263, European Parliamentary Research Service. Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2020/659263/EPRS_ATA\(2020\)659263_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2020/659263/EPRS_ATA(2020)659263_EN.pdf) (дата обращения: 25.07.2022).

United Nations (UN) (2009) Report of the Commission of Experts of the President of the United Nations General Assembly on Reforms of the International Monetary and Financial System. Режим доступа: https://www.un.org/en/ga/econcrisisummit/docs/FinalReport_CoE.pdf (дата обращения: 25.07.2022).

United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) (2021) Digital Economy Report 2021. Cross-Border Data Flows and Development: For Whom the Data Flow. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/der2021_en.pdf (дата обращения: 25.07.2022).

World Trade Organization (WTO) (2017) The Work Programme on Electronic Commerce: Statement by the African Group. WT/MIN(17)/21, 6 December. Режим доступа: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN17/21.pdf&Open=True> (дата обращения: 25.07.2022).

World Trade Organization (WTO) (2019) Joint Statement on Electronic Commerce: Communication From China. INF/ECOM/19, 23 April. Режим доступа: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/INF/ECOM/19.pdf&Open=True> (дата обращения: 25.07.2022).

Yakovleva S. (2020) Personal Data Transfers in International Trade and EU Law: A Tale of Two “Necessities” // *The Journal of World Investment & Trade*. Vol. 21. No. 6. P. 881–919. Режим доступа: <https://doi.org/10.1163/22119000-12340189>.

Opportunities and Constraints for G20 Leadership in Data Governance: Is There a Chance for Convergence in Approaches?¹

M. Larionova, A. Shelepov

Marina Larionova — PhD, Head, Centre for International Institutions Research (CIIR), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russia; larionova-mv@ranepa.ru

Andrey Shelepov — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Centre for International Institutions Research (CIIR), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, 119034, Moscow, Russia; shelepov-av@ranepa.ru

Abstract

Data is an infinite resource, a new form of capital in the knowledge economy. In absence of data regulation, global technological corporations seek to expand their influence at each link in data chains and use their market power to build monopolies. Data can generate not only profits for tech giants but also social value; however, market forces by themselves will not create data-based public goods. For this, government actions are needed at the county level, and interstate and multilateral institutional cooperation is required at the international level. To date, despite numerous initiatives to establish coordination mechanisms and data regulation, cooperation on data governance is highly fragmented and gridlocked due to contradictions and tough competition between players. One of the key disagreements is related to the regulation of cross-border data flows.

The article explores contradictions between the regulatory practices of the central actors in the digital economy, the U.S., the European Union (EU) and China in the first place, and the approaches they promote in international institutions such as the World Trade Organization (WTO), the Group of G20 (G20), the Group of 7 (G7), and the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). In particular, the authors look at the G20's agenda on data governance and the initiative on free data flow with trust and consider its challenges and the risks of cooperation stagnation. The conclusion presents possible scenarios for future cooperation on data governance, their risks and perspectives, including the establishment of the Digital Economy and Data Governance Board by the G20, the G7's initiative on shaping global digital order, deepening of cooperation on data governance within the G7 and the OECD, and the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) proposal on building a multilevel, distributed polycentric data-governance model with the UN playing a central role. The authors conclude with a proposal on cooperation within BRICS (Brazil, Russia, India, China and South Africa) aimed at shaping inclusive multilateral data governance.

Keywords: Data governance, G20, localization, free data flows

Acknowledgments: the article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

For citation: Larionova M., Shelepov A. (2023) Opportunities and Constraints for G20 Leadership in Data Governance: Is There a Chance for Convergence in Approaches? *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 1, pp. 7–32 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-01

References

- Aaronson S.A. (2019) What Are We Talking About When We Talk About Digital Protectionism? *World Trade Review*, vol. 18, issue 4, pp. 541–77. Available at: <https://doi.org/10.1017/S1474745618000198>.
- Aaronson S.A., Kimura F., Lee-Makiyama H., Stephenson S.M. (2021) Actions to Make “Data Free Flow With Trust” Operational in Practice. G20 Insights Policy Brief, 30 September. Available at: <https://www.g20->

---

¹ This article was submitted 15.07.2022.

insights.org/policy_briefs/actions-to-make-data-free-flow-with-trust-operational-in-practice/ (accessed 25 July 2022).

Azmeh S., Foster C., Echavarri J. (2020) The International Trade Regime and the Quest for Free Digital Trade. *International Studies Review*, vol. 22, issue 3, pp. 671–92. Available at: <https://doi.org/10.1093/isr/viz033>.

BSA (2022) Virtual Event: G7 Multi-Stakeholder Conference on Data Governance and Flows, 6 April. Available at: <https://www.bsa.org/news-events/events/virtual-event-g7-multi-stakeholder-conference-on-data-governance-and-flows> (accessed 30 January 2023).

Casalini F., López González J. (2019) Trade and Cross-Border Data Flows. OECD Trade Policy Papers No 220, Organisation for Economic Co-operation and Development. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/b2023a47-en>.

Cory N., Dascoli L. (2021) How Barriers to Cross-Border Data Flows Are Spreading Globally, What They Cost, and How to Address Them. Information Technology & Innovation Foundation (ITIF), 19 July. Available at: <https://itif.org/publications/2021/07/19/how-barriers-cross-border-data-flows-are-spreading-globally-what-they-cost/> (accessed 25 July 2022).

de la Chapelle B., Porciuncula L. (2021) We Need to Talk About Data: Framing the Debate Around Free Flow of Data and Data Sovereignty. Internet and Jurisdiction Policy Network. Available at: <https://www.internetjurisdiction.net/uploads/pdfs/We-Need-to-Talk-About-Data-Framing-the-Debate-Around-the-Free-Flow-of-Data-and-Data-Sovereignty-Report-2021.pdf> (accessed 25 July 2022).

Drake W., Cerf V., Kleinwächter W. (2016) Internet Fragmentation: An Overview. Future of the Internet Initiative White Paper, World Economic Forum. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FII_Internet_Fragmentation_An_Overview_2016.pdf (accessed 25 July 2022).

Elmi N. (2020) Is Big Tech Setting Africa Back? Foreign Policy, 11 November. Available at: <https://foreign-policy.com/2020/11/11/is-big-tech-setting-africa-back/> (accessed 25 July 2022).

European Commission (EC) (2018) Proposal for a Council Decision on the Conclusion of the Economic Partnership Agreement Between the European Union and Japan. COM(2018) 192 final. Brussels, 18 April. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52018PC0192#document2> (accessed 25 July 2022).

European Commission (EC) (2020) Communication From the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A European Strategy for Data. COM(2020) 66 final. Brussels, 19 February. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0066> (accessed 25 July 2022).

European Union (EU) (2016) Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons With Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and Repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text With EEA relevance). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/2016-05-04> (accessed 25 July 2022).

European Union (EU) (2018) Regulation (EU) 2018/1807 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 on a Framework for the Free Flow of Non-Personal Data in the European Union (Text With EEA Relevance). *Official Journal of the European Union*, L 303/59. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32018R1807> (accessed 25 July 2022).

European Union (EU) (2019) Commission Implementing Decision (EU) 2019/419 of 23 January 2019 Pursuant to Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council on the Adequate Protection of Personal Data by Japan Under the Act on the Protection of Personal Information (Text With EEA Relevance). *Official Journal of the European Union*, L 76/1. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019D0419> (accessed 25 July 2022).

Fay R., Medhora R. (2021) A Global Governance Framework for Digital Technologies. T20 Policy Brief. Available at: <https://www.t20italy.org/wp-content/uploads/2021/09/TF4-PB5-Fay-1.pdf> (accessed 25 July 2022).

Gao H. (2018) Digital or Trade? The Contrasting Approaches of China and US to Digital Trade. *Journal of International Economic Law*, vol. 21, issue 2, pp. 297–321. Available at: <https://doi.org/10.1093/jiel/jgy015>.

Garrie D., Byhovskiy I. (2017) Privacy and Data Protection in Russia. *Journal of Law & Cyber Warfare*, vol. 5, issue 2, pp. 235–53. Available at: https://www.jlcw.org/wp-content/uploads/2017/07/JLCW_5_2_Final.pdf (accessed 25 July 2022).

Goodman M.P., Risberg P. (2021) Advancing Data Governance in the G7. Center for Strategic & International Studies (CSIS), 2 February. Available at: <https://www.csis.org/analysis/advancing-data-governance-g7> (accessed 25 July 2022).

GOV.UK (2021) G7 Trade Ministers' Digital Trade Principles. News Story, 22 October. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/g7-trade-ministers-digital-trade-principles> (accessed 25 July 2022).

Government of the United States (2019) Joint Statement on Electronic Commerce. Communication From the United States. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/DDFDDocuments/252610/q/INF/ECOM/5.pdf (accessed 25 July 2022).

Group of 20 (G20) (2016a) Kommyunike liderov “Gruppy dvadcati” po itogam sammita v Hanchzhou (KNR) [Communiqué of the Leaders of the G20 Following the Summit in Hangzhou (PRC)]. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/5108> (accessed 25 July 2022) (in Russian).

Group of 20 (G20) (2016b) Iniciativa “Gruppy dvadcati” po razvitiyu i sotrudnichestvu v oblasti cifrovoj ekonomiki [G20 Digital Economy Development and Cooperation Initiative]. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/5111> (accessed 25 July 2022) (in Russian).

Group of 20 (G20) (2017a) Kommyunike liderov “Gruppy dvadcati” po itogam sammita v Gamburge (Germaniya) [Communiqué of the G20 Leaders Following the Summit in Hamburg (Germany)]. Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/Gn9x4LcdfsmHANRguAmG8ghIYMwzLrxX.doc> (accessed 25 July 2022).

Group of 20 (G20) (2017b) Digital Economy Ministerial Declaration: Shaping Digitalisation for an Interconnected World. Düsseldorf, 7 April. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2017/170407-digitalization.html> (accessed 25 July 2022).

Group of 20 (G20) (2018a) Digital Economy Ministerial Declaration. Salta, 24 August. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2018/2018-08-24-digital.html> (accessed 25 July 2022).

Group of 20 (G20) (2018b) Deklaraciya liderov “Gruppy dvadcati” [G20 Leaders' Declaration]. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/5373> (accessed 25 July 2022) (in Russian).

Group of 20 (G20) (2019a) Osakskaya deklaraciya liderov stran “Gruppy dvadcati” [G20 Leaders' Osaka Declaration]. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/5425> (accessed 25 July 2022) (in Russian).

Group of 20 (G20) (2019b) Ministerial Statement on Trade and Digital Economy. Tsukaba City, 8–9 June. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_cii/Project/Ministerial_Statement_on_Trade_and_Digital_Economy.pdf (accessed 25 July 2022).

Group of 20 (G20) (2019c) Osakskaya deklaraciya po voprosam cifrovoj ekonomiki [Osaka declaration on digital economy]. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/5427> (accessed 25 July 2022) (in Russian).

Group of 20 (G20) (2020a) Digital Economy Ministerial Declaration. Virtual Meeting, July 22. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2020/2020-g20-digital-0722.html> (accessed 25 July 2022).

Group of 20 (G20) (2020b) Extraordinary G20 Digital Economy Ministerial Meeting: COVID-19 Response Statement. Virtual Meeting, 30 April. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2020/2020-g20-digital-0430.html> (accessed 25 July 2022).

Group of 20 (G20) (2020c) Ekstrennyj sammit liderov “Gruppy dvadcati”. Zayavlenie po novoj koronavirusnoj infekcii COVID 19 [Extraordinary G20 Leaders' Summit. Statement on COVID-19]. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/5485> (accessed 25 July 2022) (in Russian).

Group of 20 (G20) (2020d) Deklaraciya Er-Riyadskogo sammita liderov “Gruppy dvadcati” (21–22 noyabrya 2020 goda) [G20 Riyadh Summit G20 Leaders' Declaration (November 21–22, 2020)]. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/5585> (accessed 25 July 2022) (in Russian).

Group of 20 (G20) (2021) Rimskaya deklaraciya liderov “Gruppy dvadcati” [G20 Rome Leaders' Declaration]. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/5729> (accessed 25 July 2022) (in Russian).

Group of 20 (G20) (2022) MCI Consolidates Digital Issues in Indonesia's G20 Presidency through DEWG to Achieve Stronger Recovery. URL: <https://g20.org/mci-consolidates-digital-issues-in-indonesias-g20-presidency-through-dewg-to-achieve-stronger-recovery-2/> (accessed 25 July 2022)/

Group of 7 (G7) (2016a) Leaders' Declaration. Ise-Shima, 27 May. Available at: <http://www.g7.utoronto.ca/summit/2016shima/ise-shima-declaration-en.html#cyber> (accessed 25 July 2022).

Group of 7 (G7) (2016b) G7 Principles and Actions on Cyber. Ise-Shima, 27 May. Available at: <http://www.g7.utoronto.ca/summit/2016shima/cyber.html> (accessed 25 July 2022).

Group of 7 (G7) (2016c) Joint Declaration by G7 ICT Ministers (Action Plan on Implementing the Charter). Takamatsu, 30 April. Available at: <http://www.g7.utoronto.ca/ict/2016-ict-declaration.html> (accessed 25 July 2022).

Group of 7 (G7) (2021a) Ministerial Declaration. G7 Digital and Technology Ministers' Meeting, 28 April. Available at: https://www.soumu.go.jp/main_sosiki/joho_tsusin/eng/presentation/pdf/G7_Digital_and_Technology_Ministerial_Declaration.pdf (accessed 25 July 2022).

Group of 7 (G7) (2021b) Communiqué: "Data Free Flow With Trust." Roundtable of G7 Data Protection and Privacy Authorities, 7–8 September. Available at: https://www.priv.gc.ca/en/opc-news/speeches/2021/communiqué-g7_210907/ (accessed 25 July 2022).

Group of 7 (G7) German Presidency (2022) Policy Priorities for Germany's G7 Presidency in 2022. Available at: <http://www.g7.utoronto.ca/summit/2022elmau/2022-01-21-g7-programm-en-data.pdf> (accessed 25 July 2022).

Heseleva K., Ramos V.J., Ichilevici de Oliveira A. (2020) Towards a Multilateral Consensus on Data Governance. G20 Insights Policy Brief, 29 May. Available at: https://www.g20-insights.org/policy_briefs/towards-a-multilateral-consensus-on-data-governance/ (accessed 25 July 2022).

Hummel P., Braun M., Tretter M., Dabrock P. (2021) Data Sovereignty: A Review. *Big Data & Society*, vol. 8, issue 1. Available at: <http://dx.doi.org/10.1177/2053951720982012>.

Internet & Jurisdiction Policy Network (2019) 2019 Internet & Jurisdiction Global Status Report. Available at: <https://connect.internetjurisdiction.net/zs/4uhWUc> (accessed 30 January 2023).

Internet Governance Forum (IGF) (n.d.) Donors to the IGF Trust Fund. Available at: <https://www.intgovforum.org/en/about#donors-to-the-igf-trust-fund> (accessed 30 January 2023).

Iwaya S., Koksai-Oudot E., Ronchi E. (2021) Promoting Comparability in Personal Data Breach Notification Reporting. OECD Digital Economy Papers No 322, Organisation for Economic Co-operation and Development. Available at: <https://doi.org/10.1787/88f79eb0-en>.

Jenkins F. (n.d.) G7 Help Ukraine in Cyberspace. The Munich Eye. Available at: <https://themunicheye.com/g7-help-ukraine-in-cyberspace-4805> (accessed 25 July 2022).

Larionova M.V., Shelepov A.V. (2021) Emerging Mechanisms for Regulating the Digital Economy: Risks and Opportunities for the Multilateral System of Global Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 1, pp. 29–63. Available at: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-01-02> (in Russian and English).

Madiaga T. (2020) Digital Sovereignty for Europe. EPRS Ideas Paper PE 651.992, European Parliamentary Research Service. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI\(2020\)651992_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI(2020)651992_EN.pdf) (accessed 25 July 2022).

Mastercard (2021) Setting Principles for the Digital Economy: Establishing a G7 Data and Technology Forum. 22 March. Available at: <https://www.mastercard.com/news/insights/2021/setting-principles-for-the-digital-economy-establishing-a-g7-data-and-technology-forum/> (accessed 25 July 2022).

Mattoo A., Meltzer J.P. (2018) International Data Flows and Privacy: The Conflict and Its Resolution. Policy Research Working Paper No 8431, World Bank Group. Available at: <http://hdl.handle.net/10986/29837> (accessed 25 July 2022).

Medhora R.P., Owen T. (2020) A Post-COVID-19 Digital Bretton Woods. Centre for International Governance Innovation, 19 April. Available at: <https://www.cigionline.org/articles/post-covid-19-digital-bretton-woods/> (accessed 25 July 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2013) Recommendation of the Council Concerning Guidelines Governing the Protection of Privacy and Transborder Flows of Personal Data. OECD/LEGAL/0188. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0188> (accessed 25 July 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2015) Data-Driven Innovation: Big Data for Growth and Well-Being. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264229358-en>.

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2019a) Data in the Digital Age. OECD Going Digital Policy Note. Available at: <https://www.oecd.org/digital/ieconomy/data-in-the-digital-age.pdf> (accessed 25 July 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2019b) Enhancing Access to and Sharing of Data: Reconciling Risks and Benefits for Data Re-use Across Societies. Available at: <https://doi.org/10.1787/276aaca8-en>.

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2019c) Going Digital: Shaping Policies, Improving Lives. Available at: <https://www.oecd.org/digital/going-digital-shaping-policies-improving-lives-9789264312012-en.htm> (accessed 25 July 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2020) Mapping Approaches to Data and Data Flows: Report for the G20 Digital Economy Task Force, Saudi Arabia. Available at: <https://www.oecd.org/trade/documents/mapping-approaches-to-data-and-data-flows.pdf> (accessed 25 July 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2021a) Good Practice Principles for Data Ethics in the Public Sector. Available at: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/good-practice-principles-for-data-ethics-in-the-public-sector.pdf> (accessed 25 July 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2021b) Mapping Commonalities in Regulatory Approaches to Cross-Border Data Transfers. TAD/TC/WP(2020)15/FINAL, 23 April. Available at: [https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=TAD/TC/WP\(2020\)15/FINAL&docLanguage=En](https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=TAD/TC/WP(2020)15/FINAL&docLanguage=En) (accessed 25 July 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (n.d.a) Going Digital Project. Available at: <https://www.oecd.org/digital/going-digital-project/> (accessed 30 January 2023).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (n.d.b) Internet Policy and Governance. Available at: <https://www.oecd.org/sti/broadband/internet-policy-and-governance.htm> (accessed 30 January 2023).

Prime Minister of Japan and His Cabinet (2019) Toward a New Era of “Hope-Driven Economy”: The Prime Minister’s Keynote Speech at the World Economic Forum Annual Meeting. 23 January. Available at: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/statement/201901/_00003.html (accessed 30 January 2023).

Rikap C. (2021) Intellectual Monopoly Capitalism and Its Effects on Development: Intellectual Monopoly Capitalism Uncovered. *Developing Economics*, 7 April. Available at: <https://developingeconomics.org/2021/04/07/intellectual-monopoly-capitalism-and-its-effects-on-development/> (accessed 25 July 2022).

Selby J. (2017) Data Localization Laws: Trade Barriers or Legitimate Responses to Cybersecurity Risks, or Both? *International Journal of Law and Information Technology*, vol. 25, issue 3, pp. 213–32. Available at: <https://doi.org/10.1093/ijlit/eax010>.

Svantesson D. (2020) Data Localisation Trends and Challenges: Considerations for the Review of the Privacy Guidelines. OECD Digital Economy Papers No 301, Organisation for Economic Co-operation and Development. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/7fbaed62-en>.

Titievskaja J. (2020) WTO E-Commerce Negotiations. EPRS PE 659.263, European Parliamentary Research Service. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2020/659263/EPRS_ATA\(2020\)659263_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2020/659263/EPRS_ATA(2020)659263_EN.pdf) (accessed 25 July 2022).

United Nations (UN) (2009) Report of the Commission of Experts of the President of the United Nations General Assembly on Reforms of the International Monetary and Financial System. Available at: https://www.un.org/en/ga/econcrisissummit/docs/FinalReport_CoE.pdf (accessed 25 July 2022).

United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) (2021) Digital Economy Report 2021. Cross-Border Data Flows and Development: For Whom the Data Flow. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/der2021_en.pdf (accessed 25 July 2022).

World Trade Organization (WTO) (2017) The Work Programme on Electronic Commerce: Statement by the African Group. WT/MIN(17)/21, 6 December. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN17/21.pdf&Open=True> (accessed 25 July 2022).

World Trade Organization (WTO) (2019) Joint Statement on Electronic Commerce: Communication From China. INF/ECOM/19, 23 April. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/INF/ECOM/19.pdf&Open=True> (accessed 25 July 2022).

Yakovleva S. (2020) Personal Data Transfers in International Trade and EU Law: A Tale of Two “Necessities”. *The Journal of World Investment & Trade*, vol. 21, no 6, pp. 881–919. Available at: <https://doi.org/10.1163/22119000-12340189>.

«Группа двадцати» на критическом этапе. Председательство Индонезии в 2022 г.: внутренние и внешние потрясения, риски изменения баланса влияния и упадка, факторы устойчивости и восстановления равновесия¹

М.В. Ларионова

Ларионова Марина Владимировна — д.полит.н., директор Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Россия, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; larioнова-mv@ranepa.ru

Аннотация

Председательство Индонезии в 2022 г. стало критическим этапом в истории «Группы двадцати», так как пришлось на период, когда рост напряженности в отношениях между США, Китаем и Россией препятствовал согласованным действиям «двадцатки», необходимым для обеспечения устойчивого и справедливого восстановления и долгосрочного роста. После начала специальной военной операции на Украине «Группа семи» оказывала огромное давление на председательство с целью исключить Россию из работы «двадцатки». Страны с формирующимся рынком выступали за сохранение статуса России в форуме и рассматривали давление как попытку усилить доминирование «семерки» в процессе принятия его решений. Они сделали выбор в пользу «двадцатки», которая могла бы обеспечивать сотрудничество как институт, принадлежащий в равной степени странам с формирующимся рынком и развитым странам, продвигая реформы и восстанавливая многосторонность. «Двадцатка» оказалась глубоко расколота. Председательству удалось сохранить свою повестку дня и роль «Группы двадцати» как главного форума сотрудничества между странами с развитой и формирующейся экономикой, где голос последних за столом переговоров был силен и преобладал плюрализм.

В данной статье сделана попытка проанализировать, как «Группа двадцати» пережила кризис, вызванный экзогенными и эндогенными потрясениями 2022 г., трансформировалась ли она в ходе этого критического этапа, и если да, то каким образом. Представлено качественное исследование динамики «двадцатки» в 2022 г. и прослеживается взаимодействие взаимозависимых переменных: акторов, институтов, повесток дня. Применяется системный анализ процессов и контент-анализ нарративов ключевых акторов.

Статья начинается с обзора ситуации в «Группе двадцати» в момент перехода председательства от Италии к Индонезии и повестки председательства 2022 г. Затем излагаются основные проблемы, с которыми мир и «двадцатка» столкнулись в начале 2022 г., непосредственно перед кризисом. Далее рассмотрены противоречия внутри «двадцатки», а также роли председательства, стран «семерки» и БРИКС. Особое внимание уделяется стремлению команды Джоко Видодо обеспечить преодоление «двадцаткой» внешнего давления и внутренней конфронтации, формирование коллективных решений по приоритетам председательства, сохранение института в качестве катализатора восстановления мировой экономики.

---

¹ Статья поступила в редакцию 23.12.2022.

ки и продвижение повестки, которая отвечала бы интересам развивающихся стран. В заключительном разделе статьи рассмотрены переменные, повлиявшие на деятельность и развитие «Группы двадцати» в 2022 г., и факторы ее устойчивости.

Ключевые слова: «Группа двадцати», критический этап, председательство Индонезии в «Группе двадцати», «Группа семи», БРИКС

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Ларионова М.В. «Группа двадцати» на критическом этапе. Председательство Индонезии в 2022 г.: внутренние и внешние потрясения, риски изменения баланса влияния и упадка, факторы устойчивости и восстановления равновесия // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 1. С. 33–74 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-02

Введение

«Группу двадцати» часто критикуют за невыполнение обязательств по реформированию архитектуры глобального управления и продвижению дальновидной повестки дня², а также за неспособность обеспечить адекватный ответ на вспышку COVID-19 [Johnstone, 2021]. Однако, пусть и с опозданием, в 2020 г. «двадцатка» все же выступила в качестве драйвера и координатора антикризисных действий [Лукаш, 2021]. Ей удалось консолидировать ресурсы своих членов и международных организаций, выработать коллективные решения и частично выполнить обязательства³ по противодействию пандемии и ее последствиям [Gorlich, Stein-Zalai, 2021].

На экстренном саммите «двадцатки» под председательством Саудовской Аравии было принято обязательство укрепить потенциал ВОЗ по координации борьбы с пандемией и устранить дефицит финансирования Стратегического плана ВОЗ по обеспечению готовности и реагирования; противодействовать социальным, экономическим и финансовым последствиям пандемии путем вливания более 5 трлн долл. США в мировую экономику как части целенаправленных мер налогово-бюджетной и макроэкономической политики по восстановлению экономики; укрепить глобальные системы финансовой безопасности для поддержки стран с формирующимся рынком и развивающихся стран, столкнувшихся с потрясениями в области здравоохранения, экономике и социальной сфере на фоне пандемии COVID-19 [G20, 2020a]. С скромные успехи саммита «двадцатки» в Эр-Рияде включают обязательства поддерживать широкомасштабную иммунизацию как глобальное общественное благо, выделить 4,5 млрд долл. США на Инициативу по ускорению доступа к средствам для борьбы с COVID-19 (АСТ-А), продолжить реализацию беспрецедентных мер фискальной, денежно-кредитной и финансовой стабилизации, продлить срок действия Инициативы о предоставлении отсрочки по обслуживанию долга (DSSI) до июня 2021 г. и активизировать усилия по искоренению бедности и устранению неравенства, усугубляемых пандемией [G20, 2020b].

«Двадцатка» не оправдала многих ожиданий и не реализовала в полной мере предложения о масштабном распределении специальных прав заимствования МВФ для

² См., например, [Berger et al., 2019].

³ Уровень исполнения составил 86%, что выше среднего показателя (76%) для предыдущих саммитов.

повышения глобальной ликвидности⁴ и инициативе по облегчению бремени задолженности для высвобождения ресурсов стран с низким уровнем доходов для борьбы с пандемией COVID-19 и ее последствиями. Однако, несмотря на неспособность обеспечить дальновидное лидерство и трансформационную повестку глобального управления в критический момент, связанный с тройным кризисом здравоохранения, экономики и социальной сферы, «Группа двадцати» сохранила свою роль главного форума экономического сотрудничества между ключевыми развитыми странами и странами с формирующимся рынком, доказав свою ценность в качестве важнейшего хаба экономического управления. Результаты реализации предыдущих решений, глобальные общественные блага, созданные коллективными действиями, устоявшаяся повестка дня, встроенные нормы, модели взаимодействия, обширные сети сотрудничества, способность перестраивать работу в ответ на внутреннее и внешнее давление, национальные интересы государств-членов выступили в качестве источников устойчивости «двадцатки» и позволили ей сохранить свою динамику перед лицом разрушающейся многосторонности и потрясений, связанных с пандемией [Ларионова, 2022]. В терминах исторического институционализма (ИИ) в 2020 г. эти факторы внутренней стабильности, усиленные в рамках многочисленных сохраняющихся «петель обратной связи» институциональной динамики «Группы двадцати», закрепились и сохранили ее равновесие. В то же время зависимость от прошлых решений и процессов ограничила ее трансформацию и способность к инновациям [Kirton, Larionova, 2022].

Эта «зависимость от пути» требует дальнейшего анализа институционального равновесия «двадцатки» и действий ее членов по поддержанию динамики развития через призму концепции критического этапа в рамках традиции исторического институционализма.

Джованни Капочча и Роджер Даниэль Келемен определяют «критические этапы как относительно короткие периоды времени, в течение которых существует значительно повышенная вероятность того, что выбор агентов повлияет на интересующий их результат» [Sarocchia, Kelemen, 2011]. Критические этапы не следует отождествлять с переменами, поскольку непредвиденные последствия прошлых решений не исключают возврата к равновесию, что подтверждается результатами работы «двадцатки» в 2020 г. Другими словами, критический этап — это редкий и относительно короткий период важных политических, социальных или экономических событий. Они создают потребность в институциональном ответе и стимулируют эволюцию, которая может как оставить долговременное наследие, так и привести к возврату в равновесие [Hogan, 2019]. Пандемический кризис способствовал появлению большого количества исследований, посвященных его оценке в качестве критического этапа в жизни и поведении обществ, институтов и государств [Twigg, 2020]. Некоторые авторы исследовали деятельность «двадцатки» в период пандемии COVID-19 также через призму критических этапов [Johnstone, 2021].

В данной статье предпринята попытка проанализировать, пережила ли «двадцатка» очередной кризис, вызванный новыми экзогенными и глубокими эндогенными потрясениями 2022 г., и почему это случилось. Исследуется, какую роль сыграли ключевые игроки, в первую очередь Индонезия как председательствующая в «Группе двадцати» в 2022 г. страна, государства БРИКС и другие страны с формирующейся ры-

⁴ Видные экономисты и политики призывали к выпуску от 1 до 3 трлн СПЗ. МВФ весной 2020 г. предложил осуществить масштабное общее распределение СДР, но «двадцатка» одобрила предложение о распределении 453 млрд СПЗ лишь год спустя.

ночной экономикой и развитые страны «семерки», а также трансформировалась ли и каким образом «Группа двадцати» на этом критическом этапе.

Опираясь на традицию ИИ, автор представляет качественный анализ институционального развития «двадцатки», прослеживая взаимодействие взаимозависимых переменных (акторов, институтов, повесток дня). В исследовании применяется системный анализ процессов и контент-анализ нарративов ключевых акторов⁵, позволяющий реконструировать «процесс принятия решений, определить, какие решения оказали самое сильное влияние и какие варианты были доступны и приемлемы для акторов, которые их принимали» [Carossa, Kelemen, 2011, p. 355].

Статья начинается с краткого описания положения дел в «двадцатке» в момент перехода председательства от Италии к Индонезии, а также повестки индонезийского председательства. Далее представлены основные вызовы, с которыми столкнулись мир и «двадцатка» в начале 2022 г., непосредственно перед началом кризиса, основные факторы напряженности и противоречий внутри института. Главное внимание уделено усилиям председательства по управлению деятельностью «Группы двадцати» в условиях внешнего и внутреннего давления, выработке коллективных решений по приоритетам председательства, сохранению роли института как основного форума экономической координации ключевых стран с формирующимся рынком и развитых стран и продвижению повестки дня, которая отвечала бы интересам развивающихся стран. В заключительном разделе обобщены результаты исследования переменных, повлиявших на деятельность и развитие «Группы двадцати» в 2022 г., и факторов ее устойчивости.

«Группа двадцати» на старте председательства Индонезии и его приоритеты

В 2021 г. «двадцатка» работала в условиях неравномерного восстановления экономики и рисков роста инфляции, задолженности и возобновления пандемии. Под председательством Италии «Группа двадцати» продолжила реализацию скоординированных мер для обеспечения восстановления экономики, поддержала глобальные цели по вакцинации не менее 40% населения во всех странах к концу 2021 г. и 70% к середине 2022 г., подтвердила приверженность цели Парижского соглашения удержать глобальное повышение средней температуры значительно ниже 2°C и продолжать усилия по его ограничению на 1,5°C относительно доиндустриального уровня, поддержала общее распределение СПЗ МВФ на сумму, эквивалентную 650 млрд долл. США, и создание нового Тростового фонда на цели повышения потенциала к восстановлению и устойчивости, одобрила соглашение Инклюзивного механизма ОЭСР и «Группы двадцати» о минимальном уровне налогообложения и правилах перераспределения между юрисдикциями налогов на сверхприбыли транснациональных корпораций [Bank of Italy, 2022], продлила Инициативу о предоставлении отсрочки по обслуживанию долга (DSSI) до декабря 2021 г. и согласовала реализацию Общих принципов долгового регулирования после завершения DSSI. Это были важные решения.

Тем не менее «двадцатка» не смогла добиться прогресса в мобилизации 100 млрд долл. США климатического финансирования ежегодно до 2025 г. для удовлетворения

⁵ Он охватывает официальные документы институтов, заявления лидеров, министров, шерп и других участников процессов «двадцатки», БРИКС и «семерки», документы, подготовленные международными организациями, доклады и предложения участников групп взаимодействия, статьи и комментарии исследовательских центров стран-членов.

потребностей развивающихся стран в реализации мер по смягчению последствий изменения климата, как это было обещано развитыми странами на 21-й сессии КС РКИК ООН. Не удалось также мобилизовать необходимые для реализации мер готовности к пандемиям 15 млрд долл. США в год [The Independent Panel for Pandemic Preparedness and Response, 2021]. «Группа двадцати» даже не обсуждала подходы к реструктуризации долгов, позволяющие избежать суверенных долговых кризисов в странах с низким уровнем дохода. Лидеры «двадцатки» не пошли дальше признания необходимости сотрудничества для создания благоприятной, инклюзивной, открытой, справедливой и недискриминационной цифровой экономики и не пришли к консенсусу в отношении целевого срока достижения нулевых чистых выбросов парниковых газов в глобальном масштабе. Не было достигнуто никакого прогресса в реформировании ВТО и МВФ.

Намерение итальянского правительства «использовать возобновившееся стремление США к многосторонности для расширения возможностей «Группы двадцати»» [Gresco, 2021], стимулировать перезапуск трансатлантических отношений [Marchetti, 2021] и привести повестку «двадцатки» в соответствие с «Зеленой сделкой» и целями цифровой трансформации ЕС привело к противоречивым результатам. Действительно, «семификация» переговорного процесса, то есть усиление в нем роли «Группы семи» (в такой степени, что проект декларации лидеров сначала обсуждался в рамках «семерки», а затем был распространен среди других членов), усугубила разногласия между «семеркой» и государствами с формирующимся рынком и не способствовала снижению геостратегической напряженности между странами Запада и Россией с Китаем [De Benedetto, 2021]. Все большая роль Запада в «двадцатке» подорвала веру в способность форума содействовать межправительственному сотрудничеству и координации политики между экономически значимыми развитыми странами и государствами с формирующимся рынком. Была нарушена центральная для роли «Группы двадцати» функция в обеспечении баланса влияния и справедливого представительства развивающихся стран и государств с формирующимся рынком в глобальном управлении.

Тем не менее, хотя «двадцатка» не смогла «удовлетворить растущий спрос на глобальные решения» [Kirton, 2021], она осталась важнейшим в мире институтом экономического управления [Bhatia, 2022].

Переход председательства к Индонезии с ее планами сделать «Группу двадцати» «актуальной для развивающихся стран и тех, кто находится в наиболее уязвимом положении» [МІКТА, 2021], был важным (поворотным) моментом, но не гарантией изменения баланса внутри самой «двадцатки». Индонезия последовательно отстаивала интересы развивающихся стран в рамках института. В частности, будучи единственной страной «двадцатки» из числа государств АСЕАН, Индонезия стремилась представлять весь регион Юго-Восточной Азии [Weck, 2011]. Начиная с саммита в Питтсбурге Индонезия призывала развитые страны «Группы двадцати» учитывать побочные эффекты пакетов стимулирующих мер при принятии решений, предложила создать Глобальную сеть финансовой безопасности в качестве второй линии защиты, отстаивала повестку дня в области развития и инвестиции в инфраструктуру в качестве приоритетов «двадцатки», несмотря на сильное первоначальное возражение развитых стран [Hermawan, 2022].

Председательство в «Группе двадцати» в 2022 г. и в АСЕАН в 2023 г. позволило Индонезии, наиболее экономически и политически влиятельному государству Юго-Восточной Азии и движущей силе построения политического сообщества и сообщества безопасности в АСЕАН и Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), заявить о своем статусе «средней державы» и обозначить в «двадцатке» приоритеты регионального развития, связывающие глобальную и региональную повестки дня [Al-Fadhat, 2022].

Девиз председательства Индонезии «Восстановимся вместе, восстановимся сильнее» подчеркивал необходимость более тесного взаимодействия для обеспечения инклюзивного и устойчивого восстановления после пандемии. Он также демонстрировал приверженность Индонезии духу единства АСЕАН, большое значение которому придавала председательствовавшая в Ассоциации в 2022 г. Камбоджа [ASEAN, 2021]. Президент Джоко Видодо подчеркивал, что инклюзивность является приоритетом председательства Индонезии в «двадцатке». Были большие надежды на то, что Индонезия возьмет на себя инициативу «разработать повестку дня, выступить за глобальным столом переговоров и донести до партнеров голос развивающихся стран, стран с формирующейся экономикой и островных государств в столь серьезный момент» [Modak, 2021]. Действительно, ни один из трех секторальных приоритетов, объявленных председательством в октябре 2021 г., не мог быть реализован без инклюзивного партнерства. Стремление Индонезии к обеспечению сильного и устойчивого восстановления включало следующие амбициозные цели:

- укрепление глобальной архитектуры здравоохранения для подготовки мира к более эффективному реагированию и обеспечения возможности справляться с будущими кризисами;
- инклюзивную цифровую трансформацию как новый источник экономического роста за счет развития цифровых навыков и повышения цифровой грамотности;
- переход к низкоуглеродным энергетическим системам с приоритетным вниманием энергетической безопасности, физической и финансовой доступности для обеспечения зеленого и устойчивого будущего [MFA of Indonesia, 2022b].

Эти приоритеты отражали глобальный спрос на действия «Группы двадцати» и отвечали внутренним потребностям и устремлениям Индонезии. Учитывая сосредоточенность президента Видодо на внутренних проблемах, правительство пыталось «максимально использовать свое стратегическое положение в качестве председателя “двадцатки” и приоритизировать национальные интересы: демонстрация того, какую пользу принесет стране председательство в “Группе двадцати”, стала основной частью усилий правительства по обеспечению его внутренней поддержки и успеха» [Muhibat, 2022]. В политическом плане председательство предоставило Индонезии возможность завоевать авторитет и доверие к ее лидерству в глобальных усилиях по восстановлению. В экономической сфере задачами председательства стали увеличение притока инвестиций, создание новых возможностей для бизнеса и обеспечение импульса для роста цифровой экономики [Al-Fadhat, 2022].

Приоритеты председательства были тесно связаны с внутренними целями развития. Так, Цифровая дорожная карта Индонезии на 2021–2024 гг. нацелена на ускорение цифровой трансформации за счет развития инфраструктуры. Ее планируемый бюджет в 31,1 млрд долл. США будет направлен на создание системы электронного правительства и платформы One Data Indonesia, поддержку перехода 30 млн ММСП к использованию цифровых технологий до 2024 г. и запуск многочисленных программ развития цифровых навыков, включая стипендии в области цифровой грамотности и цифровых талантов [U.S. International Trade Administration, 2021].

Хотя в течение нескольких лет до пандемии страна неуклонно наращивала инвестиции и провела ряд реформ по различным аспектам системы здравоохранения, включая обеспечение всеобщего охвата услугами здравоохранения к 2019 г. и реализацию различных программ социального страхования [Mahendradhata et al., 2017], пандемия COVID-19 выявила многочисленные проблемы в данной сфере [Mahendradhata et al., 2021]. Для преодоления последствий пандемии и наращивания потенциала здравоохранения правительство выделило 255,3 трлн рупий (около 9,4% государственного

бюджета на 2022 г.). Для обеспечения устойчивости системы здравоохранения было запланировано расширение двустороннего и многостороннего сотрудничества, в том числе для поощрения отечественного производства вакцин, медицинского оборудования и фармацевтических препаратов с целью обеспечения их физической и финансовой доступности [Cabinet Secretariat of Indonesia, 2021].

Будучи архипелагом из 17 504 островов и восьмым по величине источником выбросов углерода среди стран мира, в 2021 г. Индонезия поставила цель свести чистые выбросы парниковых газов к нулю к 2060 г. Для ускорения энергоперехода правительство приняло план постепенного вывода из эксплуатации угольных электростанций и развития инфраструктуры возобновляемых источников энергии, включая солнечную, ветровую и гидроэнергетику. Для реализации этого плана стране потребуется «около 8 млрд долл. США дополнительных инвестиций в год к 2030 г. <...> К 2050 г. около четверти сокращения необходимо будет обеспечивать за счет технологий, которые в настоящее время недоступны на коммерческой основе в Индонезии, включая водородное топливо, атомную энергетику, улавливание, утилизацию и хранение углерода. Развертывание этих технологий требует инноваций на глобальном уровне для снижения затрат» [International Energy Agency, 2022, р. 4]. Председательство в «Группе двадцати» предоставило уникальную возможность для переговоров и установления партнерских отношений, которые способствовали бы внедрению инновационных экологически чистых энергетических технологий, в том числе через многосторонние донорские механизмы, такие как «Партнерство по справедливому энергетическому переходу», продвигаемое «семеркой» [G7, 2022].

Повестка председательства была намного шире, чем три указанные выше основные темы. Учет других внутренних интересов и обеспечение преемственности обусловили включение в нее вопросов координации макроэкономической политики, финансирования развития и поддержки реализации ЦУР, международного налогообложения, выпуска цифровых валют центральных банков и регулирования стейблкоинов, укрепления многосторонней торговой системы, содействия торговле и инвестициям, обеспечения устойчивости сельского хозяйства и продовольственных поставок, восстановления туризма, борьбы с коррупцией и расширения прав и возможностей женщин.

Среди приглашенных участников были как постоянные гости саммитов (Испания, Нидерланды, Сингапур в качестве председателя Группы по вопросам глобального управления (ГГУ), Сенегал⁶ в качестве председателя Африканского союза, глава Агентства развития Африканского союза — НЕПАД (АС — НЕПАД)⁷, Камбоджа как председатель Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)⁸, ОАЭ в качестве председателя Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и десять международных организаций⁹), так и новички (председатель Карибского сообщества (КАРИКОМ)¹⁰ и председатель Форума тихоокеанских островов (PIF))¹¹. Помимо от-

⁶ Маки Салл, президент Сенегала.

⁷ Новоизбранная г-жа Бекеле-Томас.

⁸ Была представлена премьер-министром Хун Сенем.

⁹ Азиатский банк развития (АБР), Совет по финансовой стабильности (СФС), Международная организация труда (МОТ), Международный валютный фонд (МВФ), Исламский банк развития (ИБР), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирный банк, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Всемирная торговая организация (ВТО) и Организация Объединенных Наций (ООН).

¹⁰ Был представлен Чаном Сантохи, президентом Суринама.

¹¹ Премьер-министр Фиджи Фрэнк Мбаинирама.

ражения духа инклюзивности, их участие было направлено на укрепление репрезентативности и легитимности «Группы двадцати».

Встреча шерп 7–8 декабря 2021 г., ставшая первым из впечатляющего списка 180 мероприятий председательства, прошла в контексте осторожного оптимизма на фоне постепенного восстановления мировой экономики. В условиях несбалансированного оживления экономики, роста инфляции и долговой нагрузки, повышения цен на продукты питания и энергию, ограничений в цепочках поставок и сохраняющейся нехватки рабочей силы [OECD, 2021] преобразующая сила «двадцатки» была крайне важна для обеспечения устойчивого и справедливого восстановления и долгосрочного роста. Предлагаемый набор мер включал (но не ограничивался) дальнейшую стимулирующую денежно-кредитную политику с должным учетом инфляционных рисков и побочных эффектов, стимулирующую налогово-бюджетную политику, учитывающую цели устойчивости государственных финансов, поставку вакцин и ресурсов для систем здравоохранения в странах с низким уровнем дохода, решение структурных проблем, таких как неравномерная цифровизация, политику в области изменения климата, обеспечивающую справедливое распределение бремени, реформирование системы международной торговли и налогообложения [IMF, 2022a]. Комплексная повестка требовала согласованных действий со стороны членов «Группы двадцати» и других международных институтов. Эта амбициозная задача становилась все более и более сложной в условиях растущей напряженности в отношениях между США и Китаем, США и Россией.

Председательство прекрасно осознавало риски этой конфронтации. Министр иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди в своем ежегодном заявлении о внешней политике для прессы в 2022 г. указала, что «столкновение между великими державами по-прежнему беспокоит многие страны, особенно на фоне торговой войны между Вашингтоном и Пекином, а также их соперничества в Южно-Китайском море в последние пять лет» [Al-Fadhat, 2022]. Таким образом, Индонезии предстояла «тяжелая дорога для того, чтобы стратегическое соперничество между крупными экономиками, такими как США, Китай и Россия, могло быть преобразовано в конструктивные и полезные результаты в год ее председательства в “двадцатке”» [Modak, 2021].

Контекст и вызовы

2022-й начался с мрачных прогнозов. Из-за продолжающегося распространения новых штаммов COVID-19 и связанных с этим ограничений на мобильность, сбоев в цепочках поставок, роста цен на энергоносители и продовольствие и повышения инфляции прогнозы глобального роста в 2022 г. были пересмотрены в сравнении с прогнозом октября 2021 г. на 0,5 п.п. в сторону снижения, до 4,4%¹². Прогнозировалось замедление темпов роста ВВП всех экономик «двадцатки» за исключением Германии, Японии, Индонезии и Саудовской Аравии в течение двух лет подряд (в 2022 и 2023 гг.) [IMF, 2022a]. Цель вакцинации 40% населения во всех странах не была достигнута, хотя «это было бы возможно, если бы вакцины против COVID-19 распределялись справедливо» [WHO, 2022, р. 3]. Пандемия и экономический кризис подорвали прогресс по всем ЦУР, усилили неравенство доходов между странами и усугубили цифровой разрыв. В Шестом

¹² Ожидалось, что в 2022 г. инфляция составит в среднем 3,9% в странах с развитой экономикой и 5,9% в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах. Прогнозировался рост цен на нефть и газ примерно на 12 и 58% соответственно и более умеренный рост цен на продовольствие на уровне около 4,5% [IMF, 2022b].

оценочном отчете Рабочей группы II МГЭИК, опубликованном в феврале 2022 г., вероятность того, что глобальное потепление достигнет или превысит 1,5°C в ближайшей перспективе, оценивалась выше 50% даже для сценария с очень низким уровнем выбросов парниковых газов, и прозвучало предупреждение о широкомасштабных, всеобъемлющих последствиях увеличения частоты и интенсивности экстремальных климатических и погодных явлений для экосистем, людей, населенных пунктов и инфраструктуры [IPCC, 2022, p. 10]. Эти и многие другие вызовы требовали решительных согласованных действий, однако разрушение многосторонности продолжалось.

Призывы к укреплению многосторонности и ускорению формирования инклюзивного управления не воплотились в реальные действия. ООН сосредоточила внимание на процессе широкого обсуждения будущих механизмов управления на Саммите будущего¹³, включая предложения по разработке Глобального цифрового договора и проведению раз в два года саммитов «двадцатки» и Экономического и Социального Совета, Генерального секретаря ООН и глав международных финансовых институтов [UN, 2021]. Обсуждения не сопровождались продуктивным политическим участием стран из-за разногласий между постоянными членами Совета Безопасности. ВТО продолжила терять центральную роль в управлении мировой торговлей вследствие неспособности решить системные проблемы своей работы в сферах урегулирования споров, развития, принятия решений, прозрачности, роли рынков в международной торговле, субсидий, окружающей среды и изменения климата [Low, 2022]. Давно обещанная и столь необходимая реформа международной валютной системы буксовала, в результате чего система становилась все менее и менее устойчивой [Sheng, Geng, 2022].

Обострилась геополитическая напряженность между Россией и НАТО. В конце 2021 г. Россия предприняла несколько попыток смягчить угрозы, связанные с выходом США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г., Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) 1987 г. (в связи с утверждениями о предполагаемых нарушениях Договора Россией) и Договора по открытому небу [Sokov, 2021], расширением НАТО до границ России вопреки ее интересам в области безопасности, о чем прямо заявляли российские официальные лица [President of Russia, 2007] и неоднократно предостерегали эксперты [Mearsheimer, 2014] и политики, а также систематической поддержкой союзниками по НАТО вступления Украины в Организацию, усилившейся после свержения правительства Януковича, которое двигалось к нейтралитету страны [Allison, 2022]. В 2021 г. администрация Байдена подтвердила все элементы решения саммита НАТО в Бухаресте в 2008 г. и пообещала усилить поддержку для быстрого вступления Украины в альянс [Mearsheimer, 2022]. Союзники последовательно наращивали помощь для формирования и усиления соответствующего потенциала Украины через комплексный пакет помощи, участие в Силах реагирования НАТО, ежегодные коллективные тренировки в сфере киберзащиты и военные учения (в том числе в районе Черного моря), обмен информацией и статус партнера с расширенными возможностями, а также финансовую помощь США в области безопасности на сумму 19,6 млрд долл. США с 2014 г. [U.S. Department of State, 2023].

На саммите в Брюсселе в июне 2021 г. НАТО подтвердила обязательство о членстве Украины в Североатлантическом альянсе, принятое на саммите в Бухаресте в 2008 г. В августе 2021 г. министры обороны США и Украины подписали Стратегическое оборонное рамочное соглашение. В ноябре госсекретарь США и министр иностранных дел Украины подписали Хартию о стратегическом партнерстве между двумя странами. Документы подтвердили положения деклараций НАТО от 2008 и 2021 гг. на двусторон-

¹³ Первоначально планировался на 2023 г. и был перенесен на 22–23 сентября 2024 г.

ней основе незамедлительно и независимо от того, что происходило в самой Организации. Таким образом Украина де-факто становилась членом НАТО.

В условиях прекращения действия Договора о РСМД, отклонения США предложения о моратории на развертывание ракет, угрозы скорого размещения наступательных пусковых установок ПРО «Иджис» на Украине, у границ России, ускоренной интеграции Украины в НАТО и переброски в страну вооружений, Россия начала концентрировать войска на украинской границе, чтобы продемонстрировать Вашингтону свою решимость устранить экзистенциальную угрозу — постепенное (с 1997 г.) приближение НАТО к границам России [Abelow, 2022].

В декабре 2021 г. Россия инициировала переговоры, у которых не было шансов, но если бы этот шанс им дали, они могли бы начать дипломатический процесс перехода к новому глобальному стратегическому режиму в условиях, когда единственным элементом ядерного сдерживания оставался продленный Договор СНВ. Россия выдвинула предложения по договорам с США и НАТО [MFA of Russia, 2021], которые предусматривали гарантии безопасности, с основным требованием о прекращении расширения НАТО. США и их союзники отвергли проекты договоров [Ryan, 2022]. Одновременно США наращивали военное присутствие в восточной Европе, в то время как члены НАТО продолжали усиливать восточный фланг альянса и увеличивали военную поддержку Украины, подчеркивая решимость сделать ее своим политическим и военным бастионом на границе с Россией даже ценой жизни украинцев [Carpenter, 2022] и разрушения страны.

Президент Джоко Видодо прекрасно осознавал риски, которые эта геополитическая конфронтация создавала для глобального восстановления и мира в целом. 17 февраля 2022 г. на открытии первой встречи министров финансов и глав центральных банков он призвал, «чтобы каждая сторона положила конец соперничеству и трениям», сосредоточившись «на синергии и сотрудничестве, чтобы спасти и восстановить мир, в котором мы живем» [G20 Research Group, 2022]. Несмотря на геополитический раскол между членами «двадцатки», министры финансов и главы центральных банков согласовали набор конкретных обязательств. Они в основном повторяли ранее принятые решения, в том числе по повышению устойчивости глобальных цепочек поставок, продолжению реализации мер целевой поддержки, сохранению финансовой стабильности и долгосрочной фискальной устойчивости, осуществлению выверенных, хорошо спланированных и широко освещаемых стратегий отказа от антикризисных мер, мониторингу инфляции, поддержке уязвимых стран, пострадавших от пандемии COVID-19, проведению более системного анализа макроэкономических рисков, связанных с изменением климата, затрат и выгод различных моделей энергоперехода, поддержке эффективной Глобальной системы финансовой безопасности с сильным, основанным на квотном капитале, адекватно обеспеченным финансовыми ресурсами МВФ в ее центре, увеличению инвестиций в цифровую инфраструктуру и инфраструктурные технологии, чтобы сократить цифровой разрыв [G20 Finance Ministers, 2022a]. Инициатива Индонезии по наращиванию расчетов в местных валютах в рамках трансграничной торговли и инвестиций в целях снижения зависимости от доллара США [Xinhua, 2022] не нашла отражения в коммюнике, которое стало последним согласованным документом, принятым министрами в период председательства Индонезии.

На следующий день после его подписания министры иностранных дел «Группы семи» приняли Заявление по Украине с требованием к России сократить численность вооруженных сил на своей территории вдоль границы с Украиной и упоминанием о решимости защищать суверенитет, территориальную целостность, экономическую и финансовую стабильность Украины. Послание дипломатов было гораздо более вы-

разительным в части угроз применения согласованных экономических и финансовых санкций, способных повлечь беспрецедентные масштабные издержки для российской экономики, чем в отношении готовности «изучить дипломатические пути реагирования на законную озабоченность России в области безопасности». Риторическое упоминание «Минских соглашений как единственного пути к долгосрочному политическому урегулированию конфликта на востоке Украины» [G7 Finance Ministers, 2022a] не сопровождалось призывом Владимира Зеленского к конструктивному участию в процессе, давно остановившемся из-за нежелания Украины обеспечить реализацию большинства пунктов Протокола, включая осуществление инклюзивного общенационального диалога, децентрализацию власти, принятие закона «О временном порядке местного самоуправления» и проведение местных выборов в Донецкой и Луганской областях. На самом деле, как позже стало известно, Украина и европейские гаранты процесса подписали Минские соглашения в 2014 г., чтобы выиграть время для Украины, и никогда не собирались их выполнять. Новые обязательства в военной сфере, в том числе по поставкам летального вооружения для поддержки ВСУ, принятые одновременно Канадой, Данией, Норвегией, Германией, Нидерландами, Польшей и Великобританией [Kiel Institute for the World Economy, 2022], а также использование США Программы передачи излишков вооружения другим странам для поставки вертолетов Ми-17 на Украину [U.S. Department of State, 2023] явно сократили возможности для переговоров.

21 февраля президент России Владимир Путин подписал Указы о признании Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики и Договоры с главами республик [Президент России, 2022]. Всякая надежда на переговоры и мирное урегулирование конфликта, которая могла сохраняться на тот момент у последних оптимистов, была разрушена немедленной реакцией «семерки» и стран — членов ЕС с потоком новых обязательств по военной поддержке Украины [Kiel Institute for the World Economy, 2022] и санкций против Российской Федерации, включая запреты на поездки, запреты на экспорт, замораживание активов и приостановку сертификации «Северного потока — 2». 24 февраля 2022 г. президент Владимир Путин объявил о начале специальной военной операции. США и их союзники развязали санкционную войну против России и усилили военную поддержку Украины. Мир вступил в критический этап.

Трудный путь к саммиту на Бали

Председательство Индонезии столкнулось с трудным выбором. Лидерство «двадцатки» в глобальном управлении подверглось серьезному испытанию. Она была расколота, не была единой и не имела перспектив по восстановлению «сильнее, чем раньше». Члены «семерки», полные решимости изолировать Россию от международных институтов, оказывали огромное давление на председательство, чтобы исключить ее из деятельности «Группы двадцати», угрожая бойкотировать встречи [Reuters, 2022] и ставя под угрозу реализацию повестки дня. Члены БРИКС, Индонезия, Мексика, Аргентина, Саудовская Аравия, Турция, Южная Корея, а также Япония выступили против исключения России [S&P Global Market, 2022]. Председательство было привержено сохранению своей повестки и обеспечению того, чтобы «Группа двадцати» оставалась катализатором восстановления мировой экономики» [MFA of Indonesia, 2022e]. Индонезия пыталась сбалансировать отношения между крупными державами. Она много вложила в подготовку к председательству и намеревалась сделать его успешным. Это означало,

что форум должен был функционировать как группа из двадцати участников, «а не как G19 или другие варианты G-» [Aljazeera, 2022]. Но это стремление было не единственным фактором, определяющим политический выбор Индонезии в пользу преодоления кризиса.

Разрабатывая линию действий, председательство учитывало различные факторы, включая экономические связи с Россией как одним из важных торговых партнеров и источников инвестиций [MFA of Indonesia, 2022c], доктрину «свободной» и «активной» внешней политики движения неприсоединения, историческое общественное восприятие России как естественного союзника Индонезии [Institut Montaigne, 2022a], а политики США как лицемерной [East Asia Forum, 2022], озабоченность рисками роста цен на сырьевые товары и продовольствие, ответственность Индонезии за региональную стабильность и безопасность как первый среди равных партнеров в АСЕАН [Mantong, Kembara, 2022], а также роль Украины как крупного экспортера пшеницы в страну [Manungung, 2021]. Хотя Индонезия проголосовала за резолюцию Генассамблеи ООН от 2 марта 2022 г., осуждающую действия России на Украине [UN, 2022a], во время виртуальной пресс-конференции министр иностранных дел Индонезии не назвала СВО «российским вторжением» и не выразила намерения вводить санкции против Москвы [Al-Fadhat, 2022]. Индонезия воздержалась при голосовании Генассамблеи ООН за приостановку участия России в Совете ООН по правам человека¹⁴. Председательство вело консультации со всеми членами и стремилось адаптировать «существующую повестку, чтобы позволить «Группе двадцати» справиться с экономическими последствиями военного конфликта, сохраняя при этом приверженность решению ранее существовавших глобальных проблем и возвращению мира к сильному, устойчивому, инклюзивному и сбалансированному росту» [G20 Finance Ministers, 2022b].

Пока шерпа в «Группе двадцати», министр иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди вела интенсивные переговоры в многочисленных двусторонних и многосторонних форматах, расписание и заявления президента Джоко Видодо в феврале — апреле, казалось, были в основном сосредоточены на внутренних вопросах. Повестка и встречи «Группы двадцати» также рассматривались через призму внутренних приоритетов. В то же время президент активно выступал в поддержку единства «двадцатки» и мирного урегулирования украинского конфликта. Он проводил переговоры на системной основе с канцлером Германии Олафом Шольцем, премьер-министром Японии Фумио Кисидой, премьер-министром Канады Джастином Трюдо, президентом Франции Эммануэлем Макроном, премьер-министром Нидерландов Марком Рютте, генеральным секретарем ООН Антониу Гутерришем, президентом Украины Владимиром Зеленским, президентом Португалии Марселу де Соузой, президентом России Владимиром Путиным [Cabinet Secretariat of Indonesia, 2022b].

В логике независимой внешней политики индонезийская команда считала своим долгом пригласить на встречи всех членов «двадцатки». В духе активной политики, как компромисс и шаг к мирному решению конфликта, приглашение на саммит было также направлено Владимиру Зеленскому. В то же время президент Джоко Видодо отклонил просьбу Зеленского о помощи в форме поставок вооружений, заявив, что «в соответствии с мандатом Конституции и принципами внешней политики Индонезии не разрешено направлять вооружение как помощь какой-либо стране. Однако Индонезия готова оказать гуманитарную помощь» [Ibid.].

¹⁴ Среди других воздержавшихся членов «двадцатки» были Индия, Бразилия, Южная Африка, Мексика, Саудовская Аравия. См. [UN, 2022c].

Чтобы объяснить свою позицию общественности, правительство назначило актрису и активистку Моду Аюнду официальным представителем председательства Индонезии в «двадцатке», задачей которого стало разъяснение целей и сути повестки председательства индонезийскому народу и международному сообществу [Cabinet Secretariat of Indonesia, 2022a].

В рамках финансового трека Министерство финансов и Центральный банк Индонезии работали над подготовкой второй профильной встречи со всеми членами «двадцатки». Хотя несколько министров финансов и глав центральных банков¹⁵ покинули встречу, было очевидно, что председательству удалось противостоять давлению «семерки», требующей, чтобы «международные организации и многосторонние форумы больше не вели свою деятельность с Россией в обычном режиме» [G7 Finance Ministers, 2022b]. Как заявила на пресс-конференции по итогам встречи министр финансов Шри Мульяни Индравати, уход нескольких участников не помешал обсуждению и не повлиял на его содержание. Хотя эта встреча не была обычной, эффективность «двадцатки» не снизилась, поскольку все члены продолжили считать ее подходящим форумом для решения сохраняющихся проблем, связанных с пандемией, и рассмотрения новых вызовов, обусловленных украинским конфликтом и препятствующих восстановлению [IMF, 2022g].

Неудачей для председательства можно считать неспособность согласовать коммюнике и неодобрение со стороны «Группы семи», выразившей сожаление по поводу «участия России в международных форумах, включая встречи «двадцатки», Международного валютного фонда и Всемирного банка на этой неделе» [G7 Finance Ministers, 2022b]. Успехами председательства стали подтверждение обязательства по реализации тщательно выверенных, хорошо спланированных и четко изложенных стратегий сворачивания антикризисных мер для поддержки восстановления и сокращения потенциальных побочных эффектов, консенсус по устранению дефицита финансирования для обеспечения готовности к пандемиям путем создания нового финансового механизма (Фонд финансового посредничества при Всемирном банке) и соглашение об обеспечении реализации Дорожной карты «Группы двадцати» по устойчивому финансированию. Важным результатом встречи стало подтверждение в совместном пресс-релизе Министерства финансов Индонезии и Банка Индонезии того, что «председательство обязано пригласить на встречи всех членов “двадцатки” и провести эффективные обсуждения для поиска решений. Это требует учета позиций всех участников. Индонезия получила полную поддержку от членов “двадцатки” для совместной работы над преодолением глобальных проблем, продолжая при этом придерживаться основного приоритета председательства Индонезии: восстанавливаться вместе, восстанавливаться сильнее. В духе многосторонности члены смогли прийти к консенсусу сегодня, в ходе второй встречи министров финансов и глав центральных банков» [G20 Finance Ministers, 2022b]. В духе свободной и активной внешней политики председательство прошло между Сциллой (неуспех председательства) и Харибдой (неуместность или утрата «двадцаткой» роли главного форума экономического сотрудничества ведущих стран с развитой экономикой и государств с формирующимся рынком). Но это была только часть пути.

В июне и июле переговоры в рамках «двадцатки» проходили в контексте продолжающейся СВО, ухудшения экономических перспектив, роста цен на продовольствие

¹⁵ Представители «семерки», в том числе министр финансов США Джанет Л. Йеллен, председатель Федеральной резервной системы Джером Х. Пауэлл, президент Европейского центрального банка Кристин Лагард, управляющий Банком Англии Эндрю Бейли, заместитель премьер-министра и министр финансов Канады Христия Фриланд. См. [Rapport, 2022].

и энергоносители, увеличения военной и экономической поддержки Украины, введения санкций, активной западной пропаганды, распространяющей нарративы США и их союзников и использования крупнейшими технологическими монополиями «своих возможностей цензурирования в полном соответствии с внешнеполитическими интересами правительства США» [Greenwald, 2022]. Этот подход позволил «самым русофобским и милитаристским из европейских лидеров НАТО, а также тем, у кого меньше всего мужества, следовать ошибочной американской политике. Продвигаемый нарратив затуманил умы американских и европейских граждан, приведя к ура-патриотизму и разжиганию войны» [Abelow, 2022]. У команды индонезийского председательства хватило воли придерживаться собственной политики и планов и продолжать дипломатические усилия на всех уровнях.

Президент Джоко Видодо совершил в июне визиты на высшем уровне в Германию, Украину и Россию. Визит в Германию позволил принять участие в саммите «Группы семи» в качестве приглашенного лидера и дал возможность провести консультации с главами государств «семерки», а также другими приглашенными лидерами¹⁶ и международными организациями¹⁷. Присутствие на встречах и упоминание в качестве участника в коммюнике также подразумевало одобрение или поддержку коллективных обязательств «семерки», в том числе по осуждению России и скоординированным санкциям «Группы семи» по постоянной финансовой, гуманитарной, военной и дипломатической поддержке Украины [G7, 2022]. Президент, вероятно, не разделял позиции «семерки» в отношении санкций и военной поддержки Украины, но ассоциирование с ними было ценой, которую ему пришлось заплатить за ускорение доступа к финансированию энергетического перехода через Партнерство по справедливому энергетическому переходу (JETP) в рамках Партнерства «семерки» по глобальной инфраструктуре и инвестициям (PGII) и обеспечение присутствия лидеров стран «семерки», необходимого для успешного саммита «двадцатки». Хотя позиция «Группы семи» в отношении бойкота саммита могла измениться в связи с опасениями, что «отсутствие Запада предоставит России свободную платформу для взаимодействия с остальными лидерами “двадцатки”» [Muhibat, 2022, p. 21], дипломатические усилия Джоко Видодо были жизненно важны для продолжения диалога в «Группе двадцати».

Частью сделки стала поездка президента в Киев для приглашения Владимира Зеленского на саммит [MFA of Indonesia, 2022f]. Визит в Москву, на котором он лично пригласил на саммит президента Путина и передал ему послание от Зеленского, стремясь продвинуться к мирному урегулированию конфликта и «возродить дух многосторонности», затрагивал вопросы как внешней политики и успеха «Группы двадцати», так и внутренней политики, поскольку был направлен на решение вопроса стабилизации региональных рынков путем реинтеграции «российских продовольствия и удобрений и украинского продовольствия в глобальные цепочки поставок» и углубления двустороннего экономического сотрудничества, в том числе в сфере туризма, ядерных технологий и железнодорожной инфраструктуры [Президент России, 2022]. Несмотря на скептические оценки визита, он стал важнейшим дипломатическим усилием для

¹⁶ Аргентина: Альберто Фернандес; Индия: Нарендра Моди; Сенегал: Маки Салл; ЮАР: Сирил Рамафоса.

¹⁷ Международное энергетическое агентство: Фатих Бироль; Международная организация труда: Гай Райдер; Международный валютный фонд: Кристалина Георгиева; Организация экономического сотрудничества и развития: Матиас Корманн; Организация Объединенных Наций: Антониу Гутерриш; Всемирный банк: Дэвид Малпасс; Всемирная организация здравоохранения: Тедрос Аданом Гебреисус; Всемирная торговая организация: Нгози Оконджо-Ивеала.

обеспечения дальнейшего функционирования «Группы двадцати» [The Conversation, 2022].

Менее известным и обсуждаемым, но не менее важным стало участие президента Джоко Видодо в саммите БРИКС+, организованном председателем КНР Си Цзиньпином 24 июня, и визит в Китай 25–26 июля 2022 г. Диалог высокого уровня по глобальному развитию, в котором приняли участие лидеры стран БРИКС и 12 крупнейших государств Азии, Латинской Америки и Африки¹⁸, подтвердил обязательства в сферах многосторонности, развития, инклюзивности, расширения сотрудничества и повышения справедливости и равноправия международного порядка, искоренения бедности, обеспечения доступа к энергии, устойчивого сельского хозяйства и стабильного снабжения продовольствием, физической и финансовой доступности вакцин [High-level Dialogue on Global Development, 2022]. Эти цели соответствовали приоритетам повестки, продвигаемой Джоко Видодо внутри страны и в «двадцатке». Позиции лидеров БРИКС и председательства Индонезии сопрягались по двум ключевым вопросам: сохранению единства «Группы двадцати» и мирным переговорам. В декларации БРИКС подчеркивалась ведущая роль «двадцатки» в глобальном экономическом управлении, отмечалось, что она должна сохранить эту роль для реагирования на текущие глобальные вызовы, и содержался призыв к переговорам между Россией и Украиной [БРИКС, 2022]. Встреча Джоко Видодо и Си Цзиньпина стала важной вехой как в двустороннем, так и в многостороннем сотрудничестве, включая принятие стратегических документов, таких как новый Пятилетний план действий по реализации Всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и Индонезией (2022–2026 гг.) и Меморандум о взаимопонимании по совместному продвижению сотрудничества в рамках инициатив Экономического пояса Шелкового пути, Морского Шелкового пути XXI в. и Глобальной морской точки опоры, а также реализацию конкретных проектов, в том числе обязательство по завершению строительства высокоскоростной железной дороги Джакарта-Бандунг. Си Цзиньпин подтвердил полную поддержку председательства Индонезии в «Группе двадцати» в 2022 г. и в АСЕАН в 2023 г. [MFA of Indonesia, 2022d].

Рабочие группы, целевые группы и шерпы продолжали подготовку к встречам на уровне министров и к саммиту лидеров. Основными событиями этого периода стали встречи шерп, министров иностранных дел и министров финансов и глав центральных банков «двадцатки». Мало что известно о трудностях встречи шерп и достигнутых на ней результатах, поскольку информация для общественности ограничена в силу закрытого характера этого формата.

На встрече министров иностранных дел «Группы двадцати» предполагалось обсудить два блока вопросов: шаги по укреплению многосторонности, глобального сотрудничества и взаимного доверия между странами для создания благоприятных условий для глобальной стабильности, мира и развития и меры по преодолению продовольственного кризиса, дефицита удобрений, сдерживанию растущих мировых цен на сырье и обеспечению продовольственной и энергетической безопасности. Председательство стремилось к тому, чтобы «Группа двадцати» как экономический форум использовала свои возможности для обсуждения этих вопросов и поиска устойчивых

¹⁸ Президент Алжира Абдельмаджид Теббун, президент Аргентины Альберто Фернандес, президент Египта Абдель Фаттах Ас-Сиси, президент Ирана Сейед Эбрахим Раиси, президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев, президент Сенегала Маки Салл, президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев, премьер-министр Камбоджи Хун Сен, премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед Али, премьер-министр Фиджи Хосайя Вореке Байнимарама, премьер-министр Малайзии Исмаил Сабри Якоб и премьер-министр Таиланда Прают Чан-Оча.

социально-экономических решений [MFA of Indonesia, 2022a]. Министр иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди заявила, что она ожидает от встречи министров иностранных дел «построения моста взаимодействия для всех сторон, роста уважения и взаимного доверия» и надеется, что «все стороны будут соблюдать цели и принципы Устава ООН, поддерживать мир и справедливость, содействовать дружескому сотрудничеству, противостоять односторонности и возведению стен изоляции и работать вместе во имя мира, стабильности и процветания в будущем» [MFA of China, 2022]. СМИ подняли много шума из-за ухода министра иностранных дел России с заседания, бойкота министрами «семерки» приема, ужина и фотосессии, а также несогласования итогового документа (хотя у министров иностранных дел «двадцатки» нет практики принятия коммюнике). Действительно, встреча определенно не смогла помочь навести мосты или восстановить доверие, но это не вина председательства. США и их союзники воспользовались возможностью, чтобы обвинить в агрессии Россию, возложив на нее вину за рост цен на продовольствие и энергоносители, и подтвердить поддержку Украины, которая должна помочь ей одержать победу над Россией [MFA, 2022], отклонившись таким образом от повестки дня и не оправдав ожидания Ретно Марсуди. Тем не менее встреча была полезной. Присутствие на ней всех министров иностранных дел на фоне сложной мировой ситуации продемонстрировало актуальность «Группы двадцати». Были подтверждены приверженность и желание председательства обеспечить единство «двадцатки», а Ретно Марсуди смогла провести множество двусторонних встреч для обсуждения будущих шагов и компромиссов. Встреча стала платформой, на которой министры стран «семерки» столкнулись с мнениями своих коллег из стран с формирующейся экономикой, которые выступали за «мир посредством диалога и консультаций, скорейшее прекращение огня, предотвращение затягивания и эскалации конфликта... серьезный и всесторонний диалог... для совместного построения сбалансированной, эффективной и устойчивой архитектуры европейской безопасности» [MFA of China, 2022].

Неделю спустя на встрече министров финансов и глав центральных банков в повестке доминировали проблемы продовольственной и энергетической безопасности, роста инфляции и задолженности, замедления восстановления и ухудшения экономических перспектив, в чем многие участники обвиняли «войну России против Украины», игнорируя заявление России о том, что указанные проблемы усугубляются санкциями¹⁹. В обзорной записке, подготовленной МВФ для «двадцатки», содержалось предупреждение о рисках, связанных с затянувшимся конфликтом на Украине, усилением глобальной фрагментации и неравенства, которые могут привести к социальной напряженности, и содержался призыв к совместным многосторонним действиям для решения многочисленных проблем, восстановления мира и отмены ограничений на экспорт продовольствия [IMF, 2022b]. Напряженность между членами помешала принятию коммюнике. Тем не менее большинство основных обязательств финансового трека были подтверждены в резюме Председателя, включая обязательства по поддержке упорядоченного, справедливого и обеспечивающего доступность энергоперехода для достижения целей Повестки дня в сфере развития на период до 2030 г. и Парижского соглашения, реализации двухкомпонентного международного налогового пакета ОЭСР и «Группы двадцати» (предполагающего предоставление налоговых прав юрисдикциям, в которых осуществляется приносящая прибыль деятельность, и

¹⁹ В резюме не упоминается, кто именно высказал эту точку зрения, но отмечается, что «один член выразил мнение, что санкции усугубляют существующие проблемы». Автор делает предположение, что это была Россия. См. [G20 Indonesian Presidency, 2022a].

введения минимального глобального уровня налогообложения для транснациональных компаний), внедрения Общих принципов долгового урегулирования после завершения DSSI, продолжения реформы управления МВФ и устранения структурных уязвимостей в секторе небанковского финансового посредничества. Председательство смогло обеспечить консенсус, несмотря на глубокие разногласия. Поддержка членами «двадцатки» «усилий индонезийского председательства по поддержанию эффективной системы многосторонности через “Группу двадцати”» [G20 Indonesian Presidency, 2022c] стала явным признанием его роли в сохранении «двадцатки» в качестве главного форума экономического сотрудничества между крупными развитыми и формирующимися экономиками.

Встречи на уровне министров в сентябре — октябре проходили под давлением конфронтации между членами, и ни одна из них не завершилась принятием совместного коммюнике. Ключевые решения, изложенные в резюме Председателя, были основаны на проектах текстов, которые участники не смогли принять. В резюме Председателя по итогам встречи министров окружающей среды и климата подчеркивался широкий консенсус по активизации усилий в рамках реализации связанных с климатом и окружающей средой целей Повестки-2030 и достижения целей Парижского соглашения по «удержанию роста средней глобальной температуры значительно ниже 2°C относительно доиндустриального уровня... на основе справедливости и принципа общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей в свете различных национальных обстоятельств» [G20 Indonesian Presidency, 2022f]. Инициатива председательства по добровольному Партнерству «Группы двадцати» для действий в отношении океанов по смягчению последствий и адаптации к изменению климата была оставлена для дальнейшего обсуждения. Учитывая, что текст подтверждал многие ранее принятые в рамках «двадцатки» и ООН обязательства, можно предположить, что коммюнике не было принято из-за разногласий по поводу заявления о конфликте на Украине: некоторые члены «двадцатки» осудили Россию, тогда как другие выразили мнение, что этот форум не является подходящим для обсуждения геополитических вопросов, и призвали к миру, прекращению боевых действий и окончанию конфликта.

Аналогичное заявление содержалось во всех последующих резюме по итогам министерских встреч. Неизменно подчеркивалось, что были выражены разные взгляды в отношении геополитической напряженности, при этом подтверждался консенсус по существенным вопросам и единогласно поддерживалось председательство Индонезии и его действия по достижению результатов²⁰. Исключением стало резюме Председателя по итогам встречи министров сельского хозяйства «Группы двадцати» «Балансировка производства и торговли продовольствием для обеспечения его для всех», в котором за постоянное внимание к повышению продовольственной безопасности и устойчивым сельскохозяйственным и продовольственным системам высоко оценивались предыдущие председательства в «Группе двадцати», а не текущее [G20 Indonesian Presidency, 2022b], несмотря на то, что оно усиленно работало над согласованием основанных на консенсусе обязательств по трем приоритетным вопросам: надежного и устойчивого сельского хозяйства; открытой, справедливой, предсказуемой, прозрачной и недискриминационной торговли сельскохозяйственной продукцией и инновационного агропредпринимательства, основанного на цифровизации сельского хозяйства.

Первая в истории совместная встреча министров финансов и сельского хозяйства «Группы двадцати» была посвящена действиям по обеспечению продовольственной безопасности. Было выражено одобрение многочисленным многосторонним иници-

²⁰ См., например, [G20 Indonesian Presidency, 2022e].

ативам по решению проблем в этой сфере и вновь заявлено о поддержке открытой, прозрачной, инклюзивной, предсказуемой, недискриминационной и основанной на правилах многосторонней торговой системы. В то же время в ответ на аргумент о том, что «односторонние санкции негативно сказываются на глобальной продовольственной безопасности», страны, наложившие эти санкции, возразили, что ограничения не были нацелены на сельскохозяйственные товары или удобрения, игнорируя влияние санкций в сфере финансов и страхования и других факторов экономической неопределенности на экспорт из России, не принимая во внимание тот факт, что агропродовольственный сектор является очень энергоемким, и, таким образом, «рост цен на энергоносители и удобрения приводит к более высоким производственным затратам и способствует повышению цен на продовольствие» [OECD, 2022], а также пренебрегая предупреждением ООН о том, что «эффективного решения продовольственного кризиса не будет без реинтеграции продуктов питания производства Украины, а также продовольствия и удобрений, производимых Российской Федерацией, на мировые рынки — несмотря на боевые действия» [UN, 2022b]²¹. Разногласия не позволили достичь консенсуса в отношении действий, которые могли бы стабилизировать рынки.

Что касается цифровой экономики, был достигнут скромный прогресс по каждой из трех тем повестки дня. В сфере цифровой инфраструктуры председательство предложило концепцию цифровой взаимосвязанности, ориентированной на человека. По вопросам цифровой грамотности, был представлен Инструментарий «Группы двадцати» для измерения цифровых навыков и цифровой грамотности, а также Сборник практик и политик в отношении продвинутых цифровых навыков и цифровой грамотности. По приоритету свободного потока данных с доверием «двадцатка» продолжила диалог для «выявления общих черт, взаимодополняемости и элементов конвергенции между существующими нормативными и политическими подходами и инструментами, включая региональные и многосторонние соглашения, которые обеспечивают свободный поток данных с доверием и трансграничные потоки данных». Председательство также инициировало обсуждение принципов законности, справедливости и прозрачности для продвижения таких потоков данных [G20 Indonesian Presidency, 2022g].

Министры образования приняли обязательство использовать цифровые технологии и преодолеть цифровой разрыв, чтобы обеспечить инклюзивное, справедливое и качественное образование и продвигать возможности обучения на протяжении всей жизни для всех в духе совместной добровольной работы (“gotong royong”)²². На встрече министров труда и занятости были подтверждены базовые обязательства «Группы двадцати» по сокращению гендерного разрыва в уровне участия в рабочей силе на 25% к 2025 г. и доли молодых людей, которые подвергаются риску остаться за пределами рынка труда, на 15% к 2025 г., а также обеспечению достаточного доступа к социальной защите для всех. Участники встречи сосредоточили внимание на политике и навыках, необходимых для интеграции людей с ограниченными возможностями на рынок труда, усилению охраны занятости, безопасности и гигиены труда в контексте быстрой трансформации рынков труда в связи с экономическими, социальными, экологическими изменениями, ростом автоматизации, развитием цифровых технологий и платформенной занятости.

²¹ Также игнорировался тот факт, что индекс цен на продовольствие ФАО достиг рекордно высокого уровня в феврале 2022 г., до начала конфликта, и немного снизился в апреле и мае 2022 г.

²² Gotong royong — индонезийский термин, означающий совместную работу для преодоления трудностей и достижения результатов. См. [G20 Indonesian Presidency, 2022d].

Ключевыми результатами встречи по теме энергетического перехода стали подтверждение обязательств «двадцатки» по обеспечению доступа к дешевым, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех к 2030 г. (в соответствии с ЦУР 7) и нулевых чистых глобальных выбросов парниковых газов примерно к середине века, как указано в Римской декларации «Группы двадцати». Участники приняли Балийскую дорожную карту по энергопереходу, в которой были представлены меры по обеспечению доступности энергии, развитию интеллектуальных и экологически чистых энергетических технологий и стимулированию финансирования экологически чистой энергетики [G20 Energy Ministers, 2022]. С учетом приоритетов председательства особое внимание было уделено проблемам доступа к энергии островных государств, расположенных на архипелагах, отдаленных и изолированных сообществ, а также партнерам для справедливого и инклюзивного энергетического перехода. Ввиду неблагоприятного воздействия на доступ к энергии и стабильность рынка ограничительных мер, введенных «семеркой» в отношении российских нефти и газа, включая «полный запрет на все услуги, обеспечивающие морскую транспортировку российской нефти и нефтепродуктов по всему миру, за исключением случаев, когда нефть приобретает по цене не выше уровня, который должен быть согласован с международными партнерами» [G7, 2022], многие «участники подчеркнули необходимость воздерживаться от односторонних ограничений» [G20 Indonesian Presidency, 2022a]. Хотя заявление о том, что «энергетика никогда не должна использоваться в качестве инструмента политического принуждения» было инициировано «семеркой», оно вполне может рассматриваться и как призыв со стороны стран БРИКС, поскольку запреты и поэтапный отказ от импорта ископаемого топлива из России привели к скачкам цен, которые повлияли на глобальный рост, «снизив мировой объем ВВП в совокупности на 0,8% к 2023 г.» [World Bank, 2023].

В соответствии с целью Индонезии по содействию устойчивому развитию министры торговли, инвестиций и промышленности сосредоточили внимание на реформе ВТО, а также роли многосторонней торговой системы, включая цифровую торговлю и глобальные цепочки поставок, и инклюзивных инвестиций в содействии достижению ЦУР. Хотя в резюме не содержалось явного заявления об улучшении доступа к рынкам, финансам, инвестициям, технологиям и решениям, Добровольные руководящие принципы поддержки многосторонней торговой системы (МТС) для достижения целей в области устойчивого развития, подготовленные председательством, напрямую указывают эту цель и отмечают, что сохранение открытых рынков и противодействие торговому протекционизму во всех его формах, а также обеспечение справедливого распределения выгод от торговли среди населения имеют важное значение для реализации ЦУР [G20 Indonesian Presidency, 2022e].

Министры туризма «двадцатки» обсуждали меры, направленные на ускорение инклюзивного, устойчивого и поступательного восстановления туристических потоков, включая гармонизацию процедур обеспечения безопасных поездок с возможным трансграничным признанием сертификатов о вакцинации против COVID-19, создание устойчивых и жизнеспособных сообществ и ММСП, а также развитие синергии между туризмом, культурой и креативными секторами [G20 Indonesian Presidency, 2022h].

По мере приближения саммита рост интенсивности боевых действий, наращивание военной поддержки Украины, увеличение численности сил НАТО в Европе²³

²³ Военные учения НАТО начиная с 21 февраля активизировались по всей Европе. Прошли мартовские учения «Холодный ответ – 2022» в Норвегии, серия крупных военных учений в Балтийском, Адриатическом и Средиземном морях в мае, крупнейшие комплексные учения противовоздушной

и усиление санкций продолжали подталкивать вверх цены на энергоносители и продовольствие, стимулируя инфляцию и замедляя экономический рост²⁴. Перед лицом растущих рисков для финансовой стабильности, прогнозируемых глобальных потерь ВВП в размере около 4 трлн долл. США (размер экономики Германии) [IMF, 2022d] и необратимого замедления движения к достижению ЦУР председательство попыталось наладить координацию мер в рамках «двадцатки», чтобы смягчить неблагоприятные и подрывающие рост вторичные эффекты быстрого ужесточения денежно-кредитной политики для стран с формирующимися рынками и развивающихся стран, поскольку укрепление доллара уже создавало нагрузку на многие страны, увеличивая долговое и инфляционное давление [IMF, 2022e]. Обязательство укреплять сотрудничество в области макроэкономической политики, сохранять финансовую стабильность и долгосрочную фискальную устойчивость, предпринимать меры в отношении рисков ухудшения ситуации и негативных вторичных эффектов было одним из результатов октябрьской встречи министров финансов и глав центральных банков.

Были подтверждены и многие другие обязательства, принятые на июльской встрече министров финансов, в том числе по борьбе с протекционизмом, поощрению согласованных усилий по реформе ВТО и продолжению реформы управления МВФ. Как всегда, обещание по пересмотру квот было расплывчатым и не содержало конкретных аспектов, изложенных Межправительственной группой двадцати четырех по международным валютным вопросам и развитию несколькими днями ранее²⁵. Несмотря на то что «семерка» продолжала настаивать на введении ценообразования на выбросы углерода, «Группа двадцати» не пошла дальше признания необходимости сбалансированного сочетания мер политики для достижения углеродной нейтральности, включая полный набор фискальных, рыночных и регуляторных механизмов. В то время как СФС и КПРИ, БМР, МВФ и Всемирный банк подготовили доклады о приоритетах следующего этапа Дорожной карты «двадцатки» по совершенствованию трансграничных платежей и вариантах доступа к ЦВЦБ и их функциональной совместимости для трансграничных платежей, председательство и его региональные партнеры сделали практический шаг к реализации данной Дорожной карты, объявив о подписании Генерального соглашения о платежных связях между центральными банками АСЕАН-5 на полях саммита «Группы двадцати» в ноябре 2022 г. [Central Bank of Indonesia, 2022] Министр финансов Шри Мульяни Индравати и глава центрального банка Индонезии Перри Варджийо смогли обеспечить функционирование «двадцатки», несмотря на де-

и противоракетной обороны в Эстонии, Латвии, Литве и Польше в июне, сборочные учения «Балтопс – 22» на шведском острове Готланд в Балтийском море в июле, совместные полеты «Фракийская гадюка» над Болгарией и комплексные многонациональные учения над Словакией в августе, многонациональные учения повышенной готовности «Серебряная стрела – 2022» в Латвии в сентябре и учения по ядерному сдерживанию с участием десятков самолетов над северо-западной Европой с 17 по 30 октября.

²⁴ Согласно прогнозу МВФ, ожидалось, что мировой рост замедлится с 6,0% в 2021 г. до 3,2% в 2022 г. и 2,7% в 2023 г. Прогнозировалось, что глобальная инфляция вырастет с 4,7% в 2021 г. до 8,8% в 2022 г., но снизится до 6,5% в 2023 г. и до 4,1% к 2024 г. [IMF, 2022f].

²⁵ Предлагаем рассмотреть увеличение веса компонента ВВП и исправить перекосы в [пересмотренной] формуле [квот]. Перераспределение долей квот должно защищать доли членов, имеющих право на средства Фонда сокращения бедности и содействия экономическому росту, и малых развивающихся государств и не должно происходить за счет других стран с формирующимся рынком и развивающихся стран. 16-й Общий пересмотр квот должен углубить реформы управления для улучшения голоса и представительства таких стран в Исполнительном совете МВФ, в том числе за счет добавления третьего председателя для стран Африки к югу от Сахары, но не за счет еще одного председателя из числа стран с формирующимся рынком и развивающихся стран». См. [IMF, 2022c].

структивное влияние разногласий между членами и продолжающиеся усилия США и их партнеров «сплотить глобальную коалицию союзников и партнеров, возлагающих на Россию ответственность, на ежегодных встречах МВФ и Всемирного банка» [U.S. Department of the Treasury, 2022b]. Участники не высказали единой позиции относительно причин роста цен на сырьевые товары и инфляции, но согласились с важностью глобального сотрудничества и выразили «признательность председательству Индонезии за усилия по поддержанию эффективной системы многосторонности через «Группу двадцати»» [G20 Indonesian Presidency, 2022c].

Учреждение Фонда по пандемиям (инициированного в 2021 г. как фонд финансового посредничества по предотвращению пандемий, обеспечению готовности и реагированию) при Всемирном банке, выступающем в качестве доверительного управляющего, и добровольные взносы на сумму более 1,4 млрд долл. США стали общим достижением Целевой группы по финансам и здравоохранению и министров финансов и здравоохранения, которые провели две совместные встречи. Обеспечение капитализации Фонда в размере 31,1 млрд долл. США, необходимых для предотвращения, обеспечения готовности и реагирования на пандемии [World Bank, 2022], за счет дополнительных ресурсов, а не отвлечения средств, предназначенных для укрепления сектора здравоохранения, будет иметь ключевое значение для его значимого вклада в глобальную архитектуру здравоохранения. Запуск Фонда подтвердил возможности конструктивной работы «двадцатки», несмотря на разногласия между ее членами. По словам министра здравоохранения Индонезии Буди Гунади Садикина по итогам встречи министров здравоохранения, «несмотря на наши разногласия, государства — члены «Группы двадцати» собрались вместе, чтобы говорить на одном языке — языке первоочередной важности гуманности, языке защиты здоровья, не знаящем границ» [The Jakarta Post, 2022].

Согласование декларации «Группы двадцати» на уровне шерп стало прорывом, и председательство заслужило самых высоких оценок за это достижение. Однако разногласия оставались очень серьезными. Призывы международных институтов отменить ограничения на экспорт продовольствия и удобрений [UN Secretary-General, 2022] вновь столкнулись с самооправданием и перекладыванием ответственности²⁶. Несмотря на предупреждения о ежегодной потере не менее 1,5% ВВП в результате разделения на блоки [IMF, 2022b], риски углубления разногласий между развитыми и развивающимися странами нарастали из-за того, что «семерка» стремилась использовать «Группу двадцати» в своих интересах и превратить ее в поле битвы с соперниками [Sidiropoulos, 2022] в тот период, когда более всего было необходимо сотрудничество.

Итоги саммита

Саммит состоялся на фоне роста цен на продовольствие и энергоносители, экономического спада и геополитических противостояний. За месяц до саммита НАТО начала двухнедельные учения по ядерному сдерживанию в северо-западной Европе. В конце октября Россия провела учения по ответному ядерному реагированию. Пока шерпы «двадцатки» обсуждали текст декларации, американские, британские и австралийские войска начали двухнедельные учения на военной базе США, имитирующие российское вторжение в Европу.

²⁶ Например, см. стандартный аргумент, что санкции ЕС, принятые против России, не затрагивают сельское хозяйство и продукты питания, а также экспорт удобрений из России. См. [European Council, 2022].

Принятие декларации стало важным и почти неожиданным итогом саммита, достижением председательства, демонстрацией влияния стран «двадцатки» с формирующимся рынком, их способности консолидировать позиции в защиту реальной многосторонности и доказательством устойчивости и ценности «Группы двадцати» для своих членов и всего мира. В своем вступительном заявлении на пленарном заседании «Группы двадцати» Джоко Видодо призвал всех членов института не добавлять еще одну неудачу к длинному списку проблем и вызовов и отложить в сторону разногласия для достижения конкретных результатов, в которых нуждается мир [Sansad TV, 2022].

Компромисс по заявлениям о военных действиях на Украине, ссылки на различия в оценках ситуации и санкций, в том числе в рамках СБ ООН и ГА ООН, признание того, что «Группа двадцати» не является форумом для решения вопросов безопасности», хотя эти вопросы «могут иметь значительные последствия для мировой экономики», а также подчеркивание приоритетности международного права, Устава ООН, мирного разрешения конфликтов, дипломатии и диалога позволили продвинуться в достижении ключевых решений для сильного, инклюзивного и устойчивого глобального восстановления и устойчивого развития. Декларация соответствовала стремлению председательства ускорить достижение ЦУР. Половина из 223 обязательств заявляли о действиях, направленных на урегулирование кризисов, препятствующих прогрессу в реализации Повестки дня на период до 2030 г., содействие реализации конкретных ЦУР и поддержку развивающихся стран, особенно наименее развитых и малых островных государств, в достижении ЦУР.

Для решения проблем продовольственной безопасности «Группа двадцати» приняла обязательство обеспечить физическую и финансовую доступность продуктов питания и продовольствия для нуждающихся, особенно в развивающихся и наименее развитых странах. Оно предполагает реализацию Инициативы ООН и Турции по безопасной транспортировке зерна и продуктов питания из украинских портов от июля 2022 г. и Меморандума о взаимопонимании между Россией и Секретариатом ООН по продвижению российских пищевых продуктов и удобрений на мировые рынки. Продовольственная безопасность, безусловно, будет более достижима, если члены «Группы двадцати» выполнят балийские обязательства по содействию торговле сельскохозяйственной и пищевой продукцией, укреплению глобальных, региональных и местных цепочек поставок, отказу от введения запретов или ограничений на продукты питания и удобрения, противоречащих соответствующим положениям ВТО, поддержке инновационных методов и технологий для повышения производительности и укреплению Информационной системы сельскохозяйственных рынков (AMIS) в качестве инструмента раннего предупреждения, повышающего прозрачность рынка продуктов питания и удобрений.

В условиях волатильности цен на энергоносители и перебоев в поставках «Группа двадцати» подтвердила обязательства по достижению задач ЦУР 7 по устранению пробелов в доступе к энергии, искоренению энергетической бедности, достижению стабильности и прозрачности энергетических рынков, укреплению энергетической безопасности за счет повышения энергоэффективности и диверсификации энергетических балансов и систем. Для поддержки справедливого перехода к низкоэмиссионному производству электроэнергии «Группа двадцати» обязалась ускорить распространение и внедрение инновационных технологий, стимулировать инвестиции в устойчивую инфраструктуру и промышленность и использовать широкий спектр налоговых, рыночных и регуляторных механизмов, включая ценовые и неценовые механизмы и стимулы. Как всегда, было подтверждено принятое в Питтсбурге в 2009 г. обязательство по поэтапному отказу от неэффективных субсидий на ископаемое то-

пливо при одновременном предоставлении адресной поддержки беднейшим и наиболее уязвимым слоям населения. Лидеры заявили о своей решимости продолжать усилия по достижению глобального нулевого уровня чистой эмиссии парниковых газов к середине века или около этого времени и ограничению роста температуры до 1,5°C с должным учетом различных национальных обстоятельств и оценкой макроэкономических рисков, связанных с изменением климата, а также затрат и выгод различных моделей перехода. Декларация не только подчеркивала настоятельную необходимость выполнения обязательства развитых стран по совместной мобилизации 100 млрд долл. США в год к 2020 г. и ежегодно до 2025 г. для смягчения последствий изменения климата, но и содержала призыв к новой амбициозной, коллективной, количественно выраженной цели климатического финансирования, начиная с минимального уровня 100 млрд долл. США ежегодно, для поддержки развивающихся стран.

Обязательства по поддержке достижения ЦУР, связанных со здоровьем, включали широкий спектр действий от обеспечения всеобщего охвата услугами здравоохранения до укрепления потенциала предотвращения, обеспечения готовности и реагирования на пандемии через Фонд по пандемиям, выполнения Международных медико-санитарных правил 2005 г., обеспечения масштабной иммунизации против COVID-19 и своевременного, справедливого и всеобщего доступа к безопасным, недорогим, качественным и эффективным вакцинам, терапевтическим и диагностическим средствам (ВТД). В части облегчения доступа к ВТД и развития местного и регионального производства товаров медицинского назначения «двадцатка» отметила решение министров в рамках ВТО о том, что правомочные развивающиеся страны могут производить вакцины против COVID-19 «без согласия правообладателя в той мере, в какой это необходимо для борьбы с пандемией» и члены ВТО могут «принять решение о расширении его сферы действия для охвата производства и поставок диагностических и терапевтических средств для COVID-19» [WTO, 2022]. Таким образом, приоритет председательства по укреплению глобального управления в сфере здравоохранения и достижению связанных со здоровьем ЦУР был надлежащим образом отражен в решениях. Однако «двадцатка» не приняла никаких обязательств по общим техническим стандартам и методам проверки, лишь признав их важность для содействия функциональной совместимости и международным поездкам.

Было согласовано очень мало конкретных решений по цифровой трансформации. Учитывая важность цифровизации для достижения ЦУР, лидеры пообещали и дальше развивать цифровые навыки и цифровую грамотность, а также продвигать более инклюзивную, ориентированную на человека, расширяющую возможности и устойчивую цифровую трансформацию. «Двадцатка» подтвердила роль данных для развития, экономического роста и социального благополучия, обязалась обеспечить свободный поток данных с доверием и способствовать трансграничным потокам данных. Но развития повестка не получила, предложенные председательством принципы законности, справедливости и прозрачности для продвижения свободных потоков данных с доверием и трансграничных потоков данных в декларации не упоминались.

С целью более сильного восстановления и обеспечения устойчивого развития «Группа двадцати» подтвердила обязательства по укреплению сотрудничества в области макроэкономической политики, сохранению финансовой стабильности и долгосрочной финансовой устойчивости, принимая во внимание побочные эффекты ужесточения денежно-кредитной политики и необходимость надлежащего управления валютными курсами и инфляционными рисками.

В очередной раз лидеры подтвердили приверженность укреплению устойчивости международной финансовой архитектуры, в том числе путем реализации долго-

срочных обязательств по реформе управления МВФ и недавних обязательств по содействию устойчивым потокам капитала, развитию рынков капитала в национальных валютах в соответствии с предложением председательства Индонезии и расширению трансграничных платежей в соответствии с инициативой Саудовской Аравии 2020 г., включая рассмотрение возможных вариантов доступа и совместимости цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ) для стимулирования трансграничных платежей. Хотя «двадцатка» согласилась с тем, что для устойчивости финансовой системы крайне важно создать «всеобъемлющий международный подход к регулированию деятельности, связанной с криптоактивами, по принципу «одинаковая деятельность, одинаковые риски — одинаковое регулирование» и обеспечить, чтобы Принципы для инфраструктур финансового рынка применялись к системно значимым структурам, обеспечивающим обращение стейблкоинов, обязательства по регулированию не были сформулированы и не были делегированы новые мандаты СФС, БМР и МОКЦБ.

В декларации традиционно была подтверждена приверженность «основанной на правилах, недискриминационной, свободной, справедливой, открытой, инклюзивной, равноправной, устойчивой и прозрачной многосторонней торговой системе, ядром которой является ВТО», а также реформированию Организации, включая механизм урегулирования споров. Поскольку действия говорят громче слов²⁷, мало надежды на то, что «Группа двадцати» сможет выполнить это обязательство. Почти в точном соответствии с Римской декларацией «двадцатка» подчеркнула, что торговая и климатическая/экологическая политика должны быть взаимодополняющими и согласовываться с ВТО. Не было повторено включенное в Римскую декларацию указание на необходимость устранения искажений, ставшее отголоском обвинения Китая «семеркой» в чрезмерных государственных субсидиях, особенно в сталелитейной промышленности. Признание важности инклюзивного международного сотрудничества в области цифровой торговли указывает на продолжающиеся обсуждения в рамках инициативы Совместного заявления об электронной коммерции и разногласия между членами (Индия и ЮАР утверждают, что попытки ввести в ВТО новые правила по результатам переговоров противоречат основополагающим принципам и целям многосторонней системы, закрепленным в Марракешском соглашении)²⁸.

Декларация затрагивает реализацию большинства ЦУР. Так, «Группа двадцати» обязалась поддерживать уязвимые страны посредством недавно созданного Трастового фонда на цели достижения стойкости и долгосрочной устойчивости (RST) и Общих принципов долгового урегулирования после завершения Инициативы по предоставлению отсрочки долговых платежей (ЦУР 1), защищать наиболее уязвимых от голода, содействовать продовольственной безопасности и поддерживать устойчивые сельскохозяйственные и продовольственные системы (ЦУР 2), расширять равный доступ к медицинскому обслуживанию и противоэпидемическим медицинским средствам (ЦУР 3), поддерживать развивающиеся страны в восстановлении более устойчивых, технологичных, доступных и эффективных систем образования (ЦУР 4), преодолевать гендерные разрывы в занятости и оплате труда (ЦУР 5), ускорять справедливые, доступные и инклюзивные энергетические переходы (ЦУР 7), содействовать созданию рабочих мест за счет предпринимательства, развития цифровых навыков для будущей

²⁷ Достаточно двух примеров 2022 г.: Закона о противодействии злонамеренной деятельности России в Африке с серьезными последствиями для африканских стран (см. [Fabricius, 2022]) и Закона США о снижении инфляции, представляющего серьезные риски для экономик ЕС (см. [Institut Montaigne, 2022b]).

²⁸ Включая принципы принятия решений на основе консенсуса и процедуры внесения поправок в правила. См. [WTO, 2021].

занятости и ускорения интеграции молодежи на рынок труда (ЦУР 8), поощрять инвестиции в устойчивую инфраструктуру и промышленность, а также инновационные технологии (ЦУР 9), проводить инклюзивную политику на рынке труда и стремиться к обеспечению всеобщей социальной защиты для всех к 2030 г. (ЦУР 10).

Лидеры обязались повышать устойчивость местных туристических сообществ, способствовать созданию инклюзивной и справедливой экосистемы на всех уровнях, защищать и сохранять культурное наследие, включая наследие местных общин и коренных народов (ЦУР 11), снижать воздействие на окружающую среду путем изменения неустойчивых моделей потребления и производства, а также способствовать экологически безопасному обращению с отходами (ЦУР 12), реализовывать Парижское соглашение (ЦУР 13), добиться прогресса в продвижении действий по борьбе с изменением климата, связанных с океаном, включая амбициозное и сбалансированное соглашение относительно имеющего обязательную юридическую силу международного договора в рамках ЮНКЛОС о сохранении и устойчивом использовании морского биоразнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции (ЦУР 14), наращивать усилия по борьбе с утратой биоразнообразия, обезлесением, опустыниванием, деградацией земель и засухами, а также восстановлению деградированных земель для достижения нулевого уровня деградации земель к 2030 г. (ЦУР 15), осуществлять политику нулевой терпимости к коррупции и активизировать усилия по эффективному противодействию борьбе с отмыванием денег, финансированию терроризма и распространению оружия массового уничтожения (ЦУР 16), укреплять инклюзивное и устойчивое восстановление и повышать устойчивость во всех развивающихся странах, включая МОРАГ в Тихоокеанском регионе и Карибском бассейне, и продолжать поддержку Африки в рамках Соглашения «Группы двадцати» с Африкой и Инициативы «Группы двадцати» по содействию промышленному развитию в Африке и НРС (ЦУР 17).

Лидеры обязались активизировать более инклюзивную многосторонность и реформы, направленные на реализацию Повестки дня на период до 2030 г. (ЦУР 17), и выразили признательность индонезийскому председательству за его усилия по поддержанию эффективной системы многостороннего сотрудничества в рамках «Группы двадцати». Председательство действительно задало очень высокий стандарт дипломатии.

Однако очень глубокие разногласия сохраняются, а разрыв между риторикой и реальностью остается огромным. Достаточно двух красноречивых примеров. Вскоре за принятием обязательства по достижению стабильности, прозрачности и доступности энергетических рынков последовал запрет Министерства финансов США на импорт российской сырой нефти и нефтепродуктов, цена на который превышает установленный порог²⁹, направленный на предотвращение скачка цен после вступления в силу запрета ЕС на покупку, импорт или трансфер сырой нефти 5 декабря 2022 г. и продуктов нефтепереработки 5 февраля 2023 г. [European Council, n.d.]. Эти запреты оказывают дополнительное давление на глобальные нефтяные балансы и подталкивают мировые цены на нефть к росту. Несмотря на обязательство решать проблемы продовольственной безопасности, включая скачки цен и дефицит продовольственных товаров и удобрений во всем мире, суда с российскими удобрениями застряли в европейских

²⁹ Решение, поддержанное странами «семерки» и Австралией, предполагает запрет на торговлю/посредничество, финансирование, перевозки, страхование, включая перестрахование и защиту и возмещение убытков, услуги таможенных брокеров в отношении российской нефти, а также предусматривает, что любое лицо, покупающее ее по цене сверх предельной, может быть привлечено к административной или уголовной ответственности. См. [U.S. Department of The Treasury, 2022a].

портах, а поставки на мировой рынок затруднены из-за ограничений на банковские платежи, страхование, фрахт судов, транспортировку и перевалку, что создает риски для продовольственной безопасности, особенно для африканских стран, зависящих от импорта российских удобрений.

Заключение

Индонезийское председательство стало переломным этапом для «Группы двадцати». За относительно короткий период резко возросла вероятность того, что интересы и выбор акторов изменят путь развития «Группы двадцати», поставив ее на новую траекторию, что определит и ограничит выбор будущих решений. Временной рычаг переломного этапа был очень велик — процесс продолжительностью в десять месяцев мог привести к переходу к новому равновесию на неопределенно долгий срок. Вероятность того, что природа и роль «двадцатки» в глобальном управлении пострадают в результате разногласий между ее членами, была еще выше.

В отличие от 2020 г. триггер разногласий был эндогенным. «Группа двадцати» оказалась глубоко разделена. «Семерка» и Австралия добивались исключения России из «двадцатки» и оказывали огромное давление на председательство, угрожая бойкотировать саммит, превращая площадки встреч в поля столкновений и парализуя способность «двадцатки» согласовывать совместные заявления. Страны с формирующимся рынком выступали за то, чтобы Россия осталась членом «двадцатки». Более того, они расценивали принуждение со стороны США и их союзников как попытку инструментализации «Группы двадцати» и усиления доминирования «семерки» в процессе принятия решений в рамках форума с целью укрепления мирового порядка, основанного на американских правилах. Они делали выбор в пользу «двадцатки», которая могла бы обеспечивать сотрудничество как институт, принадлежащий в равной степени странам с формирующимся рынком и развитым странам, продвигая реформы и восстанавливая многосторонность.

Действия председательства сыграли решающую роль в определении динамики «Группы двадцати» в этот критический период. Индонезийская команда хотела обеспечить успех председательства, выражающийся в принятии конкретных решений по его повестке дня. В то же время председательство было абсолютно привержено обеспечению того, чтобы «двадцатка» действовала именно как «двадцатка», а не форум с участием меньшего количества стран, уважая взгляды всех ее членов, сохраняла свой статус главного форума экономического сотрудничества, ценность и доверие в глазах развивающихся стран, не являющихся ее членами, и была способна принимать решения для борьбы с актуальными угрозами, которые будут способствовать миру и дипломатическим решениям и создавать глобальные общественные блага. Поскольку министерские встречи последовательно заканчивались принятием резюме Председателя, стало очевидно, что США и их партнеры готовы поставить под угрозу работу «двадцатки». Было также ясно, что председательство было готово поставить на карту достижение результатов по собственной повестке дня, чтобы не допустить риски дальнейшего изменения баланса сил в рамках форума, что де-факто могло привести к трансформации «Группы двадцати» в «Группу семи+» и в конечном итоге к ее разрушению (упадку) из-за роста дефицита доверия.

Стремясь обеспечить единство «Группы двадцати», команда Джоко Видодо была вынуждена сделать болезненный для председательства выбор. Он был обусловлен уникальным сочетанием факторов, которые оказали решающее влияние на деятельность

«Группы двадцати»: приверженность Индонезии подлинно инклюзивной многосторонности с уважением интересов развивающихся стран, ее «свободная» и «активная» внешняя политика, ответственность за региональную безопасность и стабильность, отказ от политики сдерживания и отчуждения, явный отказ быть пешкой в новой холодной войне и участником прокси-войн, приверженность поиску преобразующих решений и конструктивному участию в мирном урегулировании конфликтов [MFA of Indonesia, 2022g], решительная и умелая дипломатия, а также крайне негативное восприятие США и их влияния на мировой порядок и в целом положительное восприятие России среди индонезийцев [Latana, 2022].

Эти особенности в сочетании с решимостью ключевых стран с развивающейся экономикой не допустить, чтобы «двадцатка» стала жертвой соперничества великих держав, стали важными факторами ее устойчивости. При поддержке БРИКС+ Индонезия направила «Группу двадцати» к новому равновесию. Если бы она отступила от своей позиции, могли бы произойти парадигматические изменения в природе «Группы двадцати». Интересы стран-членов также стали фактором устойчивости «двадцатки». И БРИКС, и «семерка» нуждаются в ней, чтобы оказывать влияние на глобальное экономическое управление. «Группа двадцати» необходима БРИКС+ для продвижения реформы системы многосторонних институтов, направленной на повышение ее инклюзивности и репрезентативности с учетом современных мировых реалий. «Семерка» нуждается в «двадцатке», чтобы оказывать влияние и контролировать решения, связанные с международной финансовой и валютной системой. Итоги председательства подтвердили значение «Группы двадцати» как жизнеспособной платформы для координации. После саммита на Бали «двадцатка» получила новую основу как форум сотрудничества между странами с развитой и формирующейся экономикой, где за столом переговоров был силен голос развивающихся стран и преобладал плюрализм.

Что было бы с «двадцаткой», если бы индонезийское председательство действовало иначе? Сложно сказать. Высока вероятность того, что будь на месте Индонезии Италия с ее прочными европейскими и трансатлантическими связями, новая геометрия форума сложилась бы почти неизбежно.

Новое равновесие очень хрупко. С одной стороны, чередой председательств развивающихся стран — это хорошая возможность для консолидации «Группы двадцати» как форума равноправных игроков. С другой стороны, истеблишмент США полон решимости и дальше добиваться исключения России из ключевых экономических институтов, включая «двадцатку», подкрепляя эту деятельность бюджетными и законодательными решениями [US Congress, 2022]. Продолжающаяся напряженность может усугубить разногласия и увеличить дефицит доверия между членами «двадцатки», подвергая ее функциональность и роль новым рискам. Политическая воля Индии к тому, чтобы сделать свое председательство в «Группе двадцати» в 2023 г. инклюзивным, амбициозным, решительным и ориентированным на действия [MEA of India, 2022], дает надежду, что страна сможет опереться на свою приверженность многополярности, использовать свой авторитет второй по темпам роста экономики «двадцатки», региональной державы со стратегической автономией в геополитике, члена ШОС, БРИКС, ИБСА, Восточноазиатского саммита и Регионального форума АСЕАН, и укрепит наследие председательства Индонезии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- БРИКС (2022) Пекинская декларация XIV саммита БРИКС. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/brics/2022/XIV-BRICS-Summit-Beijing-Declaration-RUS.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).
- Ларионова М.В. (2022) Краткая история институциональной динамики «Группы двадцати» (2008–2021 гг.) // Вестник международных организаций. Т. 17. № 2. С. 250–274 (на русском и английском языках). Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-11>.
- Лукаш С.В. (2021) «Группа двадцати» во втором десятилетии XXI в.: направляя мир к инклюзивному росту и устойчивому развитию // Вестник международных организаций. Т. 16. № 2. С. 7–14 (на русском и английском языках). Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-02-01>.
- Президент России (2022) Подписание документов о признании Донецкой и Луганской Народных Республик. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/67829> (дата обращения: 20.02.2023).
- Abelow B. (2022) How the West Brought War to Ukraine Misguided American and NATO policies created the Ukraine crisis. Now they risk nuclear war. Режим доступа: <https://medium.com/@benjamin.abelow/western-policies-caused-the-ukraine-crisis-and-now-risk-nuclear-war-1e402a67f44e> (дата обращения: 20.02.2023).
- Al-Fadhat F. (2022) Indonesia's G20 presidency: neoliberal policy and authoritarian tendencies // Australian Journal of International Affairs. Режим доступа: 10.1080/10357718.2022.2070598.
- Aljazeera (2022) “Not G19”: Why Indonesia won't bar Russia from the G20, 22 April 2022. Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/news/2022/4/22/not-g19-why-indonesia-wont-bar-russia-from-the-g20> (дата обращения: 20.02.2023).
- Allison R. (2022) Russia, Ukraine and state survival through neutrality // International Affairs. Vol. 98. Issue 6. P. 1849–1872. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/ia/iia230> (дата обращения: 20.02.2023).
- ASEAN (2021) ASEAN Chairmanship 2022 – Cambodia. Режим доступа: <https://asean.org/asean-chairmanship-2022-cambodia/> (дата обращения: 20.02.2023).
- Bank of Italy (2022) Outcomes of Italy's G20 Presidency. Speech by Luigi Federico Signorini Senior Deputy Governor of the Bank of Italy. Eurofi High Level Seminar 2022, Paris 23 February. Режим доступа: https://www.bancaditalia.it/pubblicazioni/interventi-direttorio/int-dir-2022/Signorini_outcomes_G20_presidency_23022022.pdf (дата обращения: 20.02.2023).
- Berger A., Cooper A.F., Grimm S. (2019) A decade of G20 summitry: Assessing the benefits, limitations and future of global club governance in turbulent times // South African Journal of International Affairs. Vol. 26. Issue 4. Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10220461.2019.1705889> (дата обращения: 20.02.2023).
- Bhatia R. (2022) Geopolitics, G20 and India's Choices // The Hindu. Режим доступа: https://www.gateway-house.in/geopolitics-g20-and-indias-choices/?utm_source=MadMimi&utm_medium=email&utm_content=Geopolitics%2C+G20+and+India%27s+Choices+%7C+Iran-Russia+pas+de+deux+%7C+Bombay%E2%80%99s+Armenian+legacy+%7C+India%E2%80%99s+Trade+Policy+in+the+21st+Century&utm_campaign=20220824_m169125554_Weekly+Briefing+25_08_22&utm_term=Geopolitics_2C+G20+and+India_E2_80_99s+choices (дата обращения: 20.02.2023).
- Cabinet Secretariat of Indonesia (2021) Finance Minister Reveals 2022 State Budget Bill Focus for Health Sector. Office of Assistant to Deputy Cabinet Secretary for State Documents & Translation. 25 Agustus. Режим доступа: https://setkab.go.id/en/finance-minister-reveals-2022-state-budget-bill-focus-for-health-sector/?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=finance-minister-reveals-2022-state-budget-bill-focus-for-health-sector (accessed 20 February 2023).
- Cabinet Secretariat of Indonesia (2022a) Gov't Appoints Maudy Ayunda as Spokesperson for G20 Indonesia Presidency, 31 March. Режим доступа: <https://setkab.go.id/en/govt-appoints-maudy-ayunda-as-spokesperson-for-g20-indonesia-presidency/> (дата обращения: 20.02.2023).
- Cabinet Secretariat of Indonesia (2022b) President Jokowi: Peace, Stability are Key to Global Economic Recovery, 29 April. Режим доступа: <https://setkab.go.id/en/president-jokowi-peace-stability-are-key-to-global-economic-recovery/> (дата обращения: 20.02.2023).

Capoccia G., Kelemen R.D. (2011) The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // *World Politics*. Vol. 59. Issue 3 (April). P. 341–369. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/S0043887100020852> (дата обращения: 20.02.2023).

Carpenter T.G. (2022) Ignored Warnings: How NATO Expansion Led to the Current Ukraine Tragedy. February 24. Режим доступа: <https://www.19fortyfive.com/2022/02/ignored-warnings-how-nato-expansion-led-to-the-current-ukraine-tragedy/> (дата обращения: 20.02.2023).

Central Bank of Indonesia (2022) At Their Last Meeting in 2022, G20 Finance Ministers and Central Bank Governors Demonstrates Concrete Actions to Tackle Global Economic Challenges, 14 October. Режим доступа: https://www.bi.go.id/en/publikasi/ruang-media/news-release/pages/sp_2427922.aspx (дата обращения: 20.02.2023).

De Benedetto A. (2021) An important challenge for Italy. Режим доступа: <http://trinitamonti.org/2021/11/30/the-outcomes-of-the-italian-presidency-of-the-g20-in-rome/> (дата обращения: 20.02.2023).

East Asia Forum (2022) Ukraine war highlights differences between Indonesian and US foreign policy frameworks, 5 August. Режим доступа: <https://www.eastasiaforum.org/2022/08/05/ukraine-war-highlights-differences-between-indonesian-and-u-s-foreign-policy-frameworks/> (дата обращения: 20.02.2023).

European Council (2022) Remarks by President Charles Michel before the G20 summit in Bali, 15 November. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/11/15/remarks-by-president-charles-michel-before-the-g20-summit-in-bali/> (дата обращения: 20.02.2023).

European Council (n.d.) EU sanctions against Russia explained. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained/> (дата обращения: 20.02.2023).

Fabricius P. (2022) A new law to punish states that back certain Russian actions could have major implications for African countries. Institute for Security Studies, 20 May. Режим доступа: <https://issafrica.org/issatoday/us-debates-bill-to-counter-malign-russian-activities-in-africa> (дата обращения: 20.02.2023).

G20 (2020a) Extraordinary G20 Leaders' Summit Statement on COVID-19. Режим доступа: [https://www.ranepa.ru/ciir/gruppa-dvadsati/predsdatelstva/saodovskoe-predsdatelstvo-2020/G20_Extraordinary%20G20%20Leaders%E2%80%99%20Summit_Statement_EN%20\(1\).pdf](https://www.ranepa.ru/ciir/gruppa-dvadsati/predsdatelstva/saodovskoe-predsdatelstvo-2020/G20_Extraordinary%20G20%20Leaders%E2%80%99%20Summit_Statement_EN%20(1).pdf) (дата обращения: 20.02.2023).

G20 (2020b) G20 Riyadh Summit Leaders' Declaration. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/ciir/gruppa-dvadsati/predsdatelstva/saodovskoe-predsdatelstvo-2020/G20%20Riyadh%20Summit%20Leaders%20Declaration_EN.pdf (дата обращения: 20.02.2023).

G20 Energy Ministers (2022) Decade of Actions: Bali Energy Transitions Roadmap. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220902-energy-roadmap.html> (дата обращения: 20.02.2023).

G20 Finance Ministers (2022a) Communiqué, G20 Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting, 17–18 February 2022, Jakarta, Indonesia. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2022indoneziya/G20-FMBCBG-Communique-Jakarta-17-18-February-2022.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

G20 Finance Ministers (2022b) Ministers of Finance and Governors of Central Banks of G20 Countries Work Together on Solutions on the Current Global Economic Challenges. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2022indoneziya/Ministers_of_Finance_and_Governors_of_Central_Banks_of_G20_Countries_Work_Together_on_Solutions_on_the_Current_Global_Economic_Challenges.pdf (дата обращения: 20.02.2023).

G20 Indonesian Presidency (2022a) Chair's Summary: Energy Transitions Ministers Meeting 2022. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220902-energy-chair-summary.html> (дата обращения: 20.02.2023).

G20 Indonesian Presidency (2022b) Chair's Summary: G20 Agriculture Ministers' Meeting. Режим доступа: <https://www.fas.usda.gov/sites/default/files/inline-files/22%2009%2028%20Agriculture%20Ministers%20Meeting%20Chair%27s%20Summary.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

G20 Indonesian Presidency (2022c) Chair's Summary. Third G20 Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting, Bali, 15–16 July 2022. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220716-finance.html> (дата обращения: 20.02.2023).

G20 Indonesian Presidency (2022d) G20 Chair's Summary: Education Ministers' Meeting. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220901-education.html> (дата обращения: 20.02.2023).

G20 Indonesian Presidency (2022e) G20 Chair's Summary: Trade, Investment and Industry Ministers Meeting Bali, September 22–23, 2022. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220923-trade-investment-industry.html> (дата обращения: 20.02.2023).

G20 Indonesian Presidency (2022f) G20 Chair's Summary: Joint Environment and Climate Ministers' Meeting. Режим доступа: https://g20.org/wp-content/uploads/2022/09/G20_JECMM_Chairs-Summary-2022.pdf (дата обращения: 20.02.2023).

G20 Indonesian Presidency (2022g) G20 Digital Economy Ministers' Meeting 2022: Chair's Summary. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220921-digital-chair-summary-and-letter.html#summary> (дата обращения: 20.02.2023).

G20 Indonesian Presidency (2022h) 2022 G20 Tourism Ministerial Meeting Chair's Summary. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220926-tourism.html> (дата обращения: 20.02.2023).

G20 Research Group (2022) Welcoming Speech of the President of the Republic of Indonesia at the Opening of the 1st FMCBG Indonesia G20 Presidency 2022, February 17, 2022, Jakarta, Indonesia. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220217-widodo.html> (дата обращения: 20.02.2023).

G7 (2022). G7 Leaders' Communiqué. Elmau, 28 June. Режим доступа: http://www.g7.utoronto.ca/summit/2022elmau/FINAL_20220628_G7%20Statement%20Elmau%202022.pdf (дата обращения: 20.02.2023).

G7 Finance Ministers (2022a) G7 Finance Ministers' Statement on Ukraine. Berlin, February 14, 2022. Режим доступа: <http://www.g7.utoronto.ca/finance/220214-ukraine.html> (дата обращения: 20.02.2023).

G7 Finance Ministers (2022b) G7 Finance Ministers' Statement on Ukraine. Washington DC, April 20, 2022. Режим доступа: <http://www.g7.utoronto.ca/finance/220420-ukraine.html> (дата обращения: 20.02.2023).

Görlich D., Stein-Zalai J. (2020) Reinvigorating multilateral cooperation during the Covid-19 crisis: The role of the G20. Режим доступа: https://www.g20-insights.org/policy_briefs/reinvigorating-multilateral-cooperation-during-the-covid-19-crisis-the-role-of-the-g20/ (дата обращения: 20.02.2023).

Greco E. (2021) The Italian G20 Presidency: A Post-Summit Assessment. Режим доступа: <https://www.iai.it/en/publicazioni/italian-g20-presidency-post-summit-assessment> (дата обращения: 20.02.2023).

Greenwald G. (2022) Western Dissent from US/NATO Policy on Ukraine is Small, Yet the Censorship Campaign is Extreme. Режим доступа: <https://greenwald.substack.com/p/western-dissent-from-usnato-policy?s=r> (дата обращения: 20.02.2023).

Hermawan Y.P. (2022) Indonesia and the G20 gearing up for a more inclusive, sustainable and robust recovery. Режим доступа: <https://www.globalgovernanceproject.org/indonesia-and-the-g20-gearing-up-for-a-more-inclusive-sustainable-and-robust-recovery/yulius-p-hermawan/> (дата обращения: 20.02.2023).

High-level Dialogue on Global Development (2022) Chair's Statement of the High-level Dialogue on Global Development. Режим доступа: http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/dtxw/202206/t20220625_10709988.html (дата обращения: 20.02.2023).

Hogan J.W. (2021) The Critical Juncture Concept's Evolving Capacity to Explain Policy Change // European Policy Analysis, February. Режим доступа: <https://doi.org/10.1002/epa2.1057> Institut Montaigne (2022a) Indonesia: Looking Up to Russia, and Away from Europe, 18 July. Режим доступа: <https://www.institutmontaigne.org/en/analysis/indonesia-looking-russia-and-away-europe> (дата обращения: 20.02.2023).

Institut Montaigne (2022b) The Real Reasons Why Europe Is Concerned by the US Inflation Reduction Act, 15 December. Режим доступа: <https://www.institutmontaigne.org/en/analysis/real-reasons-why-europe-concerned-us-inflation-reduction-act> (дата обращения: 20.02.2023).

Intergovernmental Panel on Climate Change (2022) Summary for Policymakers. Режим доступа: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/downloads/report/IPCC_AR6_WGII_SummaryForPolicymakers.pdf (дата обращения: 20.02.2023).

International Energy Agency (2022) An Energy Sector Roadmap to Net Zero Emissions in Indonesia. Режим доступа: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/b496b141-8c3b-47fc-adb2-90740eb0b3b8/AnEnergySectorRoadmaptoNetZeroEmissionsinIndonesia.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

International Monetary Fund (IMF) (2022a) Group of Twenty IMF Note – Finance Ministers and Central Bank Governors' Meetings. G-20 Surveillance Note. February 16. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/np/g20/021622.htm> (дата обращения: 20.02.2023).

International Monetary Fund (IMF) (2022b) IMF Managing Director Kristalina Georgieva Remarks at the G20 Leaders' Summit, 15 November. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/11/15/sp111522-imf-managing-director-kristalina-georgieva-remarks-at-the-g20-leaders-summit?cid=em-COM-123-45672> (дата обращения: 20.02.2023).

International Monetary Fund (IMF) (2022c) Intergovernmental Group of Twenty-Four on International Monetary Affairs and Development, 11 October. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/10/11/cm101122-intergovernmental-group-of-twenty-four-on-international-monetary-affairs-and-development?cid=em-COM-123-45503> (дата обращения: 20.02.2023).

International Monetary Fund (IMF) (2022d) Navigating A More Fragile World. By Kristalina Georgieva, IMF Managing Director, 6 October. Режим доступа: https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/10/06/sp-2022-annual-meetings-curtain-raiser?utm_medium=email&utm_source=govdelivery (дата обращения: 20.02.2023).

International Monetary Fund (IMF) (2022e) WEO Press Briefing Annual Meetings 2022, 11 October. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/10/12/tr101122-weo-transcript?cid=em-COM-123-45507> (дата обращения: 20.02.2023).

International Monetary Fund (IMF) (2022f) Countering the Cost-of-Living Crisis. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/10/11/world-economic-outlook-october-2022> (дата обращения: 20.02.2023).

International Monetary Fund (IMF) (2022g) G20 Press Conference: 2nd Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=3CvsumWiX7Y> (дата обращения: 20.02.2023).

Johnstone I. (2021) The G20, Climate Change and COVID-19: Critical Juncture or Critical Wound? // Full-bright Review of Economics and Policy. Vol. 1. No. 2. P. 227–245. Режим доступа: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/FREP-05-2021-0031/full/html> (дата обращения: 20.02.2023).

Kiel Institute for the World Economy (2022) Ukraine Support Tracker. Режим доступа: <https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/?cookieLevel=not-set> (дата обращения: 20.02.2023).

Kirton J. (2021) An Analysis of the G20's Significant Performance at the 2021 Rome Summit Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/analysis/211115-kirton-performance.html> (дата обращения: 20.02.2023).

Kirton J., Larionova M. (2022) Contagious convergent cumulative cooperation: the dynamic development of the G20, BRICS and SCO // International Politics. Режим доступа: <https://doi.org/10.1057/s41311-022-00407-7> (дата обращения: 20.02.2023).

Latana (2022) Democracy Perception Index 2022. Режим доступа: <https://7049607.fs1.hubspotusercontent-na1.net/hubfs/7049607/Democracy%20Perception%20Index%202022.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

Low P. (2022) The WTO in Crisis: Closing the Gap between Conversation and Action or Shutting Down the Conversation? // World Trade Review. No. 21(3). P. 274–290. Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/journals/world-trade-review/article/wto-in-crisis-closing-the-gap-between-conversation-and-action-or-shutting-down-the-conversation/F52B85C6BB52F96F181782EC34A54C66> (дата обращения: 20.02.2023).

Mahendradhata Y. et al. (2017) The Republic of Indonesia Health System Review // Health Systems in Transition. Vol. 7. No. 1. Режим доступа: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/254716/9789290225164-eng.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

Mahendradhata Y. et al. (2021) The Capacity of the Indonesian Healthcare System to Respond to COVID-19 // Front. Public Health. 7 July. Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2021.649819/full> (дата обращения: 20.02.2023).

Mantong A.W., Kembara G. (2022) Indonesia's G20 Presidency and the War in Ukraine. Режим доступа: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/indonesias-g20-presidency-and-war-ukraine> (дата обращения: 20.02.2023).

Manurung H. (2021) Indonesia – Ukraine Bilateral Relations. Режим доступа: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.32021.24804>.

Marchetti S. (2021) Italy's 2021 G20 presidency – a transatlantic reset? Режим доступа: <https://euobserver.com/world/150537> (дата обращения: 20.02.2023).

Mearsheimer J.J. (2014) Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. The Liberal Delusions That Provoked Putin // Foreign Affairs. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (дата обращения: 20.02.2023).

Mearsheimer J.J. (2022) The Causes and Consequences of the Ukraine War. Режим доступа: <https://www.russiamatters.org/analysis/causes-and-consequences-ukraine-war> (дата обращения: 20.02.2023).

МІКТА (2021) МІКТА Foreign Ministers' Joint Statement on Indonesia's G20 Presidency. 21 December 2021. Режим доступа: <http://mikta.org/document/mikta-foreign-ministers-joint-statement-on-indonesias-g20-presidency/?ckattempt=1> (дата обращения: 20.02.2023).

Ministry of External Affairs (MEA) of India (2022) English Translation of Prime Minister Shri Narendra Modi's remarks at the Closing Session of G-20 Summit in Bali, 16 November. Режим доступа: <https://mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/35890/English+Translation+of+Prime+Minister+Shri+Narendra+Modi+remarks+at+the+Closing+Session+of+G20+Summit+in+Bali> (дата обращения: 20.02.2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of China (2022) Wang Yi Attends the G20 Foreign Ministers' Meeting, 8 July. Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202207/t20220709_10717939.html (дата обращения: 20.02.2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Indonesia (2022a) G20 Foreign Ministers Meeting to be held in Bali, 6 July. Режим доступа: https://kemlu.go.id/portal/en/read/3774/siaran_pers/g20-foreign-ministers-meeting-to-be-held-in-bali (дата обращения: 20.02.2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Indonesia (2022b) Indonesia Promotes Spirit to Recover Together in the 2022 G20 Presidency. Saturday, 1 October. Режим доступа: <https://kemlu.go.id/portal/en/read/3288/berita/indonesia-promotes-spirit-to-recover-together-in-the-2022-g20-presidency> (дата обращения: 20.02.2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Indonesia (2022c) Indonesia-Russia Committed to Remove Trade Barriers Between Two Countries. Ministry of Foreign Affairs of Indonesia, 4 March. Режим доступа: <https://kemlu.go.id/portal/en/read/2218/berita/indonesia-russia-committed-to-remove-trade-barriers-between-two-countries> (дата обращения: 20.02.2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Indonesia (2022d) Joint Press Statement on the Bilateral Meeting between President of the People's Republic of China and President of the Republic of Indonesia, 26 July. Режим доступа: https://kemlu.go.id/portal/en/read/3844/siaran_pers/joint-press-statement-on-the-bilateral-meeting-between-president-of-the-peoples-republic-of-china-and-president-of-the-republic-of-indonesia (дата обращения: 20.02.2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Indonesia (2022e) Minister Retno Marsudi Discusses Preparations for G20 Summit at Global Governance Group Forum, 22 September. Режим доступа: <https://kemlu.go.id/portal/en/read/4004/berita/minister-retno-marsudi-discusses-preparations-for-g20-summit-at-global-governance-group-forum> (дата обращения: 20.02.2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Indonesia (2022f) President Jokowi Returns to Poland from Ukraine before Heading to Russia, 30 June. Режим доступа: <https://kemlu.go.id/portal/en/read/3753/berita/president-jokowi-returns-to-poland-from-ukraine-before-heading-to-russia> (дата обращения: 20.02.2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Russia (2021) Treaty between The United States of America and the Russian Federation on Security Guarantees. Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/?lang=en (дата обращения: 20.02.2023).

Ministry of Foreign Affairs of Indonesia (2022g) Statement by Minister for Foreign Affairs of the Republic of Indonesia at the General Debate of the 77th Session of the UN General Assembly, 26 September. Режим доступа: <https://kemlu.go.id/portal/en/read/4018/pidato/statement-by-minister-for-foreign-affairs-of-the-republic-of-indonesia-at-the-general-debate-of-the-77th-session-of-the-un-general-assembly-new-york-26-september-2022> (дата обращения: 20.02.2023).

Ministry of Foreign Affairs of Russia (MFA) (2022) Foreign Minister Sergey Lavrov's Statement and Answers to Media Questions Following the G20 Foreign Ministers Meeting in Denpasar, 8 July. Режим доступа: https://mid.ru/en/press_service/minister_speeches/1821243/ (дата обращения: 20.02.2023).

Modak P. (2021) Three 'I's Influence G20's Discourse. Режим доступа: <https://www.cppr.in/articles/three-is-influence-g20s-discourse> (дата обращения: 20.02.2023).

Muhibat S.F. (2022) Domestic Constraints on Indonesia's Global Leadership Aspirations // East Asia Quarterly. Vol. 14. No. 3. July – September. Режим доступа: <https://press-files.anu.edu.au/downloads/press/n10564/pdf/book.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

OECD (2021) OECD Economic Outlook. Vol. 2021. Issue 2. Режим доступа: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook/volume-2021/issue-2_66c5ac2c-en (дата обращения: 20.02.2023).

OECD (2022) The Impacts and Policy Implications of Russia's Aggression against Ukraine on Agricultural Markets. Режим доступа: <https://www.oecd.org/ukraine-hub/policy-responses/the-impacts-and-policy-implications-of-russia-s-aggression-against-ukraine-on-agricultural-markets-0030a4cd/#figure-d1e267> (дата обращения: 20.02.2023).

President of Russia (2007) Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/24034> (дата обращения: 20.02.2023).

Rapporteur A. (2022) Treasury Secretary Janet Yellen walked out of a G20 meeting as Russia's finance minister spoke // The New York Times, 20 April 2022. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/04/20/world/europe/treasury-secretary-janet-yellen-walked-out-of-a-g20-meeting-as-russias-finance-minister-spoke.html> (дата обращения: 20.02.2023).

Reuters (2022) Yellen Says Russia Should be Expelled from G20, U.S. May Boycott Some Meetings, 7 April. Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/yellen-says-russia-should-be-expelled-g20-us-may-boycott-some-meetings-2022-04-06/> (дата обращения: 20.02.2023).

Ryan K. (2022) Ideas for US/NATO response to Russian security guarantee proposals. Режим доступа: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/ideas-for-us-nato-response-to-russian-security-guarantee-proposals/> (дата обращения: 20.02.2023).

S&P Global Market (2022) G20 members' views on Russia diverge, making expulsion unlikely, 23 May. Режим доступа: <https://ihsmarkit.com/research-analysis/g20-members-views-on-russia-diverge-making-expulsion-unlikely.html> (дата обращения: 20.02.2023).

Sansad TV (2022) Indonesian President Joko Widodo's remarks at G20 Summit in Bali. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=fUCg3bJAXiY> (дата обращения: 20.02.2023).

Sidiropoulos E. (2022) Development, Keeping SDGs as a Priority. ISPS, 14 November. Режим доступа: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/development-keeping-sdgs-priority-36686> (дата обращения: 20.02.2023).

Sneng A., Geng X. (2022) The International Monetary System Is More Unfit than Ever. Режим доступа: <https://www.project-syndicate.org/commentary/us-dollar-dominance-unsustainable-international-financial-reform-by-andrew-sheng-and-xiao-geng-2022-04> (дата обращения: 20.02.2023).

Sokov N. (2021) The U.S. Withdrawal from the Open Skies Treaty. Режим доступа: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2021/01/08_Sokov.pdf (дата обращения: 20.02.2023).

The Independent Panel for Pandemic Preparedness and Response (2021) G20 Summit COVID-19 Outcome Deeply Disappointing. Statement by Former Co-Chairs of the Independent Panel for Pandemic Preparedness and Response, Her Excellency President Ellen Johnson Sirleaf and Right Honourable Helen Clark. Режим доступа: <https://theindependentpanel.org/g20-summit-covid-19-outcome-deeply-disappointing/> (дата обращения: 20.02.2023).

The Jakarta Post (2022) G20 Health Ministers Meeting Delivers Six Key Actions for the Upcoming Leaders' Summit, 1 November. Режим доступа: <https://www.thejakartapost.com/business/2022/11/01/g20-health-ministers-meeting-delivers-six-key-actions-for-upcoming-leaders-summit.html> (дата обращения: 20.02.2023).

Twigg J. (2020) COVID-19 as a 'Critical Juncture': A Scoping Review // Global Policy, December. Режим доступа: <https://www.globalpolicyjournal.com/sites/default/files/pdf/Twigg%20-%20COVID-19%20as%20a%20Critical%20Juncture%E2%80%99%E2%80%99%E2%80%A2%20Scoping%20Review.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

U.S. Congress (2022) H.R.7776 – James M. Inhofe National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2023. Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/7776/text> (дата обращения: 20.02.2023).

U.S. Department of State (2023) U.S. Security Cooperation with Ukraine. Режим доступа: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-ukraine/> (дата обращения: 20.02.2023).

U.S. Department of The Treasury (2022a) Guidance on Implementation of the Price Cap Policy for Crude Oil of Russian Federation Origin; Publication of Russia-related Determination; Issuance of Russia-related General Licenses, 22 November. Режим доступа: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20221122> (дата обращения: 20.02.2023).

U.S. Department of the Treasury (2022b) Schedule for Secretary of the Treasury Janet L. Yellen and Deputy Secretary of the Treasury Wally Adeyemo at the 2022 Annual Meetings of the IMF and World Bank, 11 October. Режим доступа: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy1004> (дата обращения: 20.02.2023).

U.S. International Trade Administration (2021) Indonesia: Digital Economy Opportunities. US International Trade Administration. Режим доступа: <https://www.trade.gov/market-intelligence/indonesia-digital-economy-opportunities> (дата обращения: 20.02.2023).

United Nations (UN) (2021) Our Common Agenda. Режим доступа: <https://www.un.org/en/un75/common-agenda> (дата обращения: 20.02.2023).

United Nations (UN) (2022a) General Assembly Resolution Demands End to Russian Offensive in Ukraine, 2 March. Режим доступа: <https://news.un.org/en/story/2022/03/1113152> (дата обращения: 20.02.2023).

United Nations (UN) (2022b) Global Impact of the War in Ukraine: Billions of People Face the Greatest Cost-of-Living Crisis in a Generation. 8 June. Режим доступа: https://news.un.org/pages/wp-content/uploads/2022/06/GCRG_2nd-Brief_Jun8_2022_FINAL.pdf (дата обращения: 20.02.2023).

United Nations (UN) (2022c) UN General Assembly Votes to Suspend Russia from the Human Rights Council, 7 April. Режим доступа: <https://news.un.org/en/story/2022/04/1115782> (дата обращения: 20.02.2023).

United Nations (UN) Secretary-General (2022) Opening Remarks of the Secretary-General at Press Conference at G20 Summit, 14 November. Режим доступа: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2022-11-14/opening-remarks-of-the-secretary-general-press-conference-g20-summit> (дата обращения: 20.02.2023).

Weck W. (2011) ASEAN and G20 – Indonesia's Foreign Policy Perspective. Режим доступа: https://www.kas.de/documents/252038/253252/7_dokument_dok_pdf_21871_2.pdf/99d16d0f-ee7e-f0de-79bb-c56ecd84f93b?version=1.0&t=1539660143705 (дата обращения: 20.02.2023).

World Bank (2022) Analysis of Pandemic Preparedness and Response (PPR) architecture, financing needs, gaps and mechanisms. Prepared for the G20 Joint Finance & Health Task Force. Paper prepared by the World Health Organization & the World Bank, 22 March. Режим доступа: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/5760109c4db174ff90a8dfa7d025644a-0290032022/original/G20-Gaps-in-PPR-Financing-Mechanisms-WHO-and-WB-pdf.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

World Bank (2023) Global Economic Prospects. January 2023. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects> (дата обращения: 20.02.2023).

World Health Organization (WHO) (2022) Global COVID-19 Vaccination Strategy in a Changing World: July 2022 Update. Режим доступа: <https://www.who.int/publications/m/item/global-covid-19-vaccination-strategy-in-a-changing-world--july-2022-update> (дата обращения: 20.02.2023).

World Trade Organization (WTO) (2021) The Legal Status of 'Joint Statement Initiatives' and Their Negotiated Outcomes, 18 February. Режим доступа: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/W819.pdf&Open=True> (дата обращения: 20.02.2023).

World Trade Organization (WTO) (2022) Ministerial Decision on the TRIPS Agreement Adopted on 17 June 2022. Режим доступа: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN22/30.pdf&Open=True> (дата обращения: 20.02.2023).

Xinhua (2022) Indonesia to Promote Local Currency Settlement in G20 Meeting, 16 February. Режим доступа: <https://english.news.cn/20220216/99b5d19b48f44e838f24f6b77cac6dae/c.html> (дата обращения: 20.02.2023).

The G20 at a Critical Juncture. Indonesia's 2022 Presidency: Internal and External Shocks, Risks of Power Rebalancing and Eventual Demise, Causes of Resilience and Re-Equilibrium¹

M. Larionova

Marina Larionova – PhD, Head, Centre for International Institutions Research (CIIR), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russia; larionova-mv@ranepa.ru

Abstract

The 2022 Indonesian presidency was a critical juncture in the history of the Group of 20 (G20). Indonesia took over the presidency at a time when surging tensions between the U.S., China and Russia impeded concerted action by the G20 essential to secure sustainable and equitable recovery and long-term growth. Following the launch of the special military operation in Ukraine, the Group of 7 (G7) put immense pressure on the presidency to expel Russia from G20 activities. Emerging market countries wanted Russia to remain a member and regarded the pressure as an effort to enhance the G7's dominance in the forum's decision-making. Their choice was in favour of the G20, which can cooperate as an institute equally owned by emerging market and advanced countries, thus driving reform and restoring multilateralism. The G20 was deeply split. The presidency managed to save the agenda and ensured that the G20 remained a premier forum of cooperation between advanced and emerging economies in which the voice of the emerging economies at the negotiating table was strong and pluralism prevailed.

This article analyses how the G20 survived the crisis activated by exogenous and endogenous shocks in 2022 and whether and how it transformed in the course of this critical juncture. The article presents a qualitative case study of G20 dynamics in 2022, tracing interactions of the interdependent variables – actors, institutions, and agendas. The study applies a systemic process analysis and content analysis of the key actors' narratives.

The article starts with a review of the G20's state-of play at the Indonesian presidency's takeover from Italy and examines the new presidency's agenda. It then outlines the main challenges the world and the G20 faced in early 2022, just before the eruption of the crisis. It goes on to explore the tensions within the G20, the roles played by the presidency, the G7, and the BRICS group formed by Brazil, Russia, India, China and South Africa. The author focuses on the endeavor by Joko Widodo's team to steer the G20 through the external pressures and internal confrontations, forge collective decisions on the presidency's priorities, save the institution as a catalyst for global economic recovery, and advance an agenda that would respond to developing countries' interests. It concludes by summing up variables affecting the G20's performance and development in 2022 and the causes of its resilience.

Keywords: G20, critical juncture, Indonesia's G20 Presidency, G7, BRICS

Acknowledgments: the article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

For citation: Larionova M. (2023) The G20 at a Critical Juncture. Indonesia's 2022 Presidency: Internal and External Shocks, Risks of Power Rebalancing and Eventual Demise, Causes of Resilience and Re-Equilibrium. *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 1, pp. 33–74 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-02

References

Abelow B. (2022) How the West Brought War to Ukraine Misguided American and NATO policies created the Ukraine crisis. Now they risk nuclear war. Available at: <https://medium.com/@benjamin.abelow/western-policies-caused-the-ukraine-crisis-and-now-risk-nuclear-war-1e402a67f44e> (accessed 20 February 2023).

---

¹ This article was submitted 23.12.2022.

Al-Fadhat F. (2022) Indonesia's G20 presidency: neoliberal policy and authoritarian tendencies // Australian Journal of International Affairs. Available at: [10.1080/10357718.2022.2070598](https://doi.org/10.1080/10357718.2022.2070598).

Aljazeera (2022) 'Not G19': Why Indonesia won't bar Russia from the G20, 22 April 2022. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2022/4/22/not-g19-why-indonesia-wont-bar-russia-from-the-g20> (accessed 20 February 2023).

Allison R. (2022) Russia, Ukraine and state survival through neutrality, *International Affairs*, vol. 98, issue 6, pp. 1849–1872. Available at: <https://doi.org/10.1093/ia/iiaa230> (accessed 20 February 2023).

ASEAN (2021) ASEAN Chairmanship 2022 – Cambodia. Available at: <https://asean.org/asean-chairmanship-2022-cambodia/> (accessed 20 February 2023).

Bank of Italy (2022) Outcomes of Italy's G20 Presidency. Speech by Luigi Federico Signorini Senior Deputy Governor of the Bank of Italy. Eurofi High Level Seminar 2022, Paris 23 February. Available at: https://www.bancaditalia.it/pubblicazioni/interventi-direttorio/int-dir-2022/Signorini_outcomes_G20_presidency_23022022.pdf (accessed 20 February 2023).

Berger A., Cooper A.F., Grimm S. (2019) A decade of G20 summitry: Assessing the benefits, limitations and future of global club governance in turbulent times. *South African Journal of International Affairs*, vol. 26, issue 4. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10220461.2019.1705889> (accessed 20 February 2023).

Bhatia R. (2022) Geopolitics, G20 and India's Choices, *The Hindu*. Available at: https://www.gatewayhouse.in/geopolitics-g20-and-indias-choices/?utm_source=MadMimi&utm_medium=email&utm_content=Geopolitics%2C+G20+and+India%27s+Choices+%7C+Iran-Russia+pas+de+deux+%7C+Bombay%E2%80%99s+Armenian+legacy+%7C+India%E2%80%99s+Trade+Policy+in+the+21st+Century&utm_campaign=20220824_m169125554_Weekly+Briefing+25_08_22&utm_term=Geopolitics_2C+G20+and+India_E2_80_99s+choices (accessed 20 February 2023).

BRICS (2022) Pekinskaja deklaracija XIV sammita BRIKS [BRICS Summit – Beijing Declaration]. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/brics/2022/XIV-BRICS-Summit-Beijing-Declaration-RUS.pdf> (accessed 20 February 2023).

Cabinet Secretariat of Indonesia (2021) Finance Minister Reveals 2022 State Budget Bill Focus for Health Sector. Office of Assistant to Deputy Cabinet Secretary for State Documents & Translation. 25 Agustus. Available at: https://setkab.go.id/en/finance-minister-reveals-2022-state-budget-bill-focus-for-health-sector/?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=finance-minister-reveals-2022-state-budget-bill-focus-for-health-sector (accessed 20 February 2023).

Cabinet Secretariat of Indonesia (2022a) Gov't Appoints Maudy Ayunda as Spokesperson for G20 Indonesia Presidency, 31 March. Available at: <https://setkab.go.id/en/govt-appoints-maudy-ayunda-as-spokesperson-for-g20-indonesia-presidency/> (accessed 20 February 2023).

Cabinet Secretariat of Indonesia (2022b) President Jokowi: Peace, Stability are Key to Global Economic Recovery, 29 April. Available at: <https://setkab.go.id/en/president-jokowi-peace-stability-are-key-to-global-economic-recovery/> (accessed 20 February 2023).

Capoccia G., Kelemen R.D. (2011) The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism. *World Politics*, vol. 59, issue 3 (April), pp. 341–369. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0043887100020852> (accessed 20 February 2023).

Carpenter T.G. (2022) Ignored Warnings: How NATO Expansion Led to the Current Ukraine Tragedy. February 24. Available at: <https://www.19fortyfive.com/2022/02/ignored-warnings-how-nato-expansion-led-to-the-current-ukraine-tragedy/> (accessed 20 February 2023).

Central Bank of Indonesia (2022) At Their Last Meeting in 2022, G20 Finance Ministers and Central Bank Governors Demonstrates Concrete Actions to Tackle Global Economic Challenges, 14 October. Available at: https://www.bi.go.id/en/publikasi/ruang-media/news-release/pages/sp_2427922.aspx (accessed 20 February 2023).

De Benedetto A. (2021) An important challenge for Italy. Available at: <http://trinitamonti.org/2021/11/30/the-outcomes-of-the-italian-presidency-of-the-g20-in-rome/> (accessed 20 February 2023).

East Asia Forum (2022) Ukraine war highlights differences between Indonesian and US foreign policy frameworks, 5 August. Available at: <https://www.eastasiaforum.org/2022/08/05/ukraine-war-highlights-differences-between-indonesian-and-u-s-foreign-policy-frameworks/> (accessed 20 February 2023).

European Council (2022) Remarks by President Charles Michel before the G20 summit in Bali, 15 November. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/11/15/remarks-by-president-charles-michel-before-the-g20-summit-in-bali/> (accessed 20 February 2023).

European Council (n.d.) EU sanctions against Russia explained. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained/> (accessed 20 February 2023).

Fabricius P. (2022) A new law to punish states that back certain Russian actions could have major implications for African countries. Institute for Security Studies, 20 May. Available at: <https://issafrica.org/issatoday/us-debates-bill-to-counter-malign-russian-activities-in-africa> (accessed 20 February 2023).

G20 (2020a) Extraordinary G20 Leaders' Summit Statement on COVID-19. Available at: [https://www.ranepa.ru/ciir/gruppa-dvadsati/predsdatelstva/saudooskoe-predsdatelstvo-2020/G20_Extraordinary%20G20%20Leaders%E2%80%99%20Summit_Statement_EN%20\(1\).pdf](https://www.ranepa.ru/ciir/gruppa-dvadsati/predsdatelstva/saudooskoe-predsdatelstvo-2020/G20_Extraordinary%20G20%20Leaders%E2%80%99%20Summit_Statement_EN%20(1).pdf) (accessed 20 February 2023).

G20 (2020b) G20 Riyadh Summit Leaders' Declaration. Available at: https://www.ranepa.ru/ciir/gruppa-dvadsati/predsdatelstva/saudooskoe-predsdatelstvo-2020/G20%20Riyadh%20Summit%20Leaders%20Declaration_EN.pdf (accessed 20 February 2023).

G20 Energy Ministers (2022) Decade of Actions: Bali Energy Transitions Roadmap. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220902-energy-roadmap.html> (accessed 20 February 2023).

G20 Finance Ministers (2022a) Communiqué, G20 Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting, 17–18 February 2022, Jakarta, Indonesia. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2022indoneziya/G20-FMBCG-Communique-Jakarta-17-18-February-2022.pdf> (accessed 20 February 2023).

G20 Finance Ministers (2022b) Ministers of Finance and Governors of Central Banks of G20 Countries Work Together on Solutions on the Current Global Economic Challenges. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2022indoneziya/Ministers_of_Finance_and_Governors_of_Central_Banks_of_G20_Countries_Work_Together_on_Solutions_on_the_Current_Global_Economic_Challenges.pdf (accessed 20 February 2023).

G20 Indonesian Presidency (2022a) Chair's Summary: Energy Transitions Ministers Meeting 2022. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220902-energy-chair-summary.html> (accessed 20 February 2023).

G20 Indonesian Presidency (2022b) Chair's Summary: G20 Agriculture Ministers' Meeting. Available at: <https://www.fas.usda.gov/sites/default/files/inline-files/22%2009%2028%20Agriculture%20Ministers%20Meeting%20Chair%27s%20Summary.pdf> (accessed 20 February 2023).

G20 Indonesian Presidency (2022c) Chair's Summary. Third G20 Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting, Bali, 15–16 July 2022. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220716-finance.html> (accessed 20 February 2023).

G20 Indonesian Presidency (2022d) G20 Chair's Summary: Education Ministers' Meeting. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220901-education.html> (accessed 20 February 2023).

G20 Indonesian Presidency (2022e) G20 Chair's Summary: Trade, Investment and Industry Ministers Meeting Bali, September 22–23, 2022. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220923-trade-investment-industry.html> (accessed 20 February 2023).

G20 Indonesian Presidency (2022f) G20 Chair's Summary: Joint Environment and Climate Ministers' Meeting. Available at: https://g20.org/wp-content/uploads/2022/09/G20_JECMM_Chairs-Summary-2022.pdf (accessed 20 February 2023).

G20 Indonesian Presidency (2022g) G20 Digital Economy Ministers' Meeting 2022: Chair's Summary. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220921-digital-chair-summary-and-letter.html#summary> (accessed 20 February 2023).

G20 Indonesian Presidency (2022h) 2022 G20 Tourism Ministerial Meeting Chair's Summary. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220926-tourism.html> (accessed 20 February 2023).

G20 Research Group (2022) Welcoming Speech of the President of the Republic of Indonesia at the Opening of the 1st FMCBG Indonesia G20 Presidency 2022, February 17, 2022, Jakarta, Indonesia. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220217-widodo.html> (accessed 20 February 2023).

G7 (2022). G7 Leaders' Communiqué. Elmau, 28 June. Available at: http://www.g7.utoronto.ca/summit/2022elmau/FINAL_20220628_G7%20Statement%20Elmau%202022.pdf (accessed 20 February 2023).

G7 Finance Ministers (2022a) G7 Finance Ministers' Statement on Ukraine. Berlin, February 14, 2022. Available at: <http://www.g7.utoronto.ca/finance/220214-ukraine.html> (accessed 20 February 2023).

G7 Finance Ministers (2022b) G7 Finance Ministers' Statement on Ukraine. Washington DC, April 20, 2022. Available at: <http://www.g7.utoronto.ca/finance/220420-ukraine.html> (accessed 20 February 2023).

Görlich D., Stein-Zalai J. (2020) Reinvigorating multilateral cooperation during the Covid-19 crisis: The role of the G20. Available at: https://www.g20-insights.org/policy_briefs/reinvigorating-multilateral-cooperation-during-the-covid-19-crisis-the-role-of-the-g20/ (accessed 20 February 2023).

Greco E. (2021) The Italian G20 Presidency: A Post-Summit Assessment. Available at: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/italian-g20-presidency-post-summit-assessment> (accessed 20 February 2023).

Greenwald G. (2022) Western Dissent from US/NATO Policy on Ukraine is Small, Yet the Censorship Campaign is Extreme. Available at: <https://greenwald.substack.com/p/western-dissent-from-usnato-policy?s=r> (accessed 20 February 2023).

Hermawan Y.P. (2022) Indonesia and the G20 gearing up for a more inclusive, sustainable and robust recovery. Available at: <https://www.globalgovernanceproject.org/indonesia-and-the-g20-gearing-up-for-a-more-inclusive-sustainable-and-robust-recovery/yulius-p-hermawan/> (accessed 20 February 2023).

High-level Dialogue on Global Development (2022) Chair's Statement of the High-level Dialogue on Global Development. Available at: http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/dtxw/202206/t20220625_10709988.html (accessed 20 February 2023).

Hogan J.W. (2021) The Critical Juncture Concept's Evolving Capacity to Explain Policy Change. *European Policy Analysis*, February. Available at: <https://doi.org/10.1002/epa2.1057>.

Institut Montaigne (2022a) Indonesia: Looking Up to Russia, and Away from Europe, 18 July. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/en/analysis/indonesia-looking-russia-and-away-europe> (accessed 20 February 2023).

Institut Montaigne (2022b) The Real Reasons Why Europe Is Concerned by the US Inflation Reduction Act, 15 December. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/en/analysis/real-reasons-why-europe-concerned-us-inflation-reduction-act> (accessed 20 February 2023).

Intergovernmental Panel on Climate Change (2022) Summary for Policymakers. Available at: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/downloads/report/IPCC_AR6_WGII_SummaryForPolicymakers.pdf (accessed 20 February 2023).

International Energy Agency (2022) An Energy Sector Roadmap to Net Zero Emissions in Indonesia. Available at: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/b496b141-8c3b-47fc-adb2-90740eb0b3b8/AnEnergySectorRoadmaptoNetZeroEmissionsinIndonesia.pdf> (accessed 20 February 2023).

International Monetary Fund (IMF) (2022a) Group of Twenty IMF Note – Finance Ministers and Central Bank Governors' Meetings. G-20 Surveillance Note. February 16. Available at: <https://www.imf.org/external/np/g20/021622.htm> (accessed 20 February 2023).

International Monetary Fund (IMF) (2022b) IMF Managing Director Kristalina Georgieva Remarks at the G20 Leaders' Summit, 15 November. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/11/15/sp111522-imf-managing-director-kristalina-georgieva-remarks-at-the-g20-leaders-summit?cid=em-COM-123-45672> (accessed 20 February 2023).

International Monetary Fund (IMF) (2022c) Intergovernmental Group of Twenty-Four on International Monetary Affairs and Development, 11 October. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/10/11/cm101122-intergovernmental-group-of-twenty-four-on-international-monetary-affairs-and-development?cid=em-COM-123-45503> (accessed 20 February 2023).

International Monetary Fund (IMF) (2022d) Navigating A More Fragile World. By Kristalina Georgieva, IMF Managing Director, 6 October. Available at: https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/10/06/sp-2022-annual-meetings-curtain-raiser?utm_medium=email&utm_source=govdelivery (accessed 20 February 2023).

International Monetary Fund (IMF) (2022e) WEO Press Briefing Annual Meetings 2022, 11 October. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/10/12/tr101122-weo-transcript?cid=em-COM-123-45507> (accessed 20 February 2023).

International Monetary Fund (IMF) (2022f) Countering the Cost-of-Living Crisis. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/10/11/world-economic-outlook-october-2022> (accessed 20 February 2023).

International Monetary Fund (IMF) (2022g) G20 Press Conference: 2nd Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=3CvsumWiX7Y> (accessed 20 February 2023).

Johnstone I. (2021) The G20, Climate Change and COVID-19: Critical Juncture or Critical Wound? *Fullbright Review of Economics and Policy*, vol. 1, no 2, pp. 227–245. Available at: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/FREP-05-2021-0031/full/html> (accessed 20 February 2023).

Kiel Institute for the World Economy (2022) Ukraine Support Tracker. Available at: <https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/?cookieLevel=not-set> (accessed 20 February 2023). Kirton J. (2021) An Analysis of the G20's Significant Performance at the 2021 Rome Summit Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/analysis/211115-kirton-performance.html> (accessed 20 February 2023).

Kirton J., Larionova M. (2022) Contagious convergent cumulative cooperation: the dynamic development of the G20, BRICS and SCO. *International Politics*. Available at: <https://doi.org/10.1057/s41311-022-00407-7> (accessed 20 February 2023).

Larionova M. (2022) A Brief History of the G20 Institutional Dynamics (2008–2021), *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 2, pp. 250–274 (in Russian and English). Available at: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-11>

Latana (2022) Democracy Perception Index 2022. Available at: <https://7049607.fs1.hubspotusercontent-na1.net/hubfs/7049607/Democracy%20Perception%20Index%202022.pdf> (accessed 20 February 2023).

Low P. (2022) The WTO in Crisis: Closing the Gap between Conversation and Action or Shutting Down the Conversation? *World Trade Review*, no 21(3), pp. 274–290. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/world-trade-review/article/wto-in-crisis-closing-the-gap-between-conversation-and-action-or-shutting-down-the-conversation/F52B85C6BB52F96F181782EC34A54C66> (accessed 20 February 2023).

Lukash S. (2021). G20 in the Second Decade of the 21st Century. Steering the World Towards Inclusive Growth and Sustainable Development. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 2, pp. 7–14 (in Russian and English). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-02-01>.

Mahendradhata Y. et al. (2017) The Republic of Indonesia Health System Review. *Health Systems in Transition*, vol. 7, no 1. Available at: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/254716/9789290225164-eng.pdf> (accessed 20 February 2023).

Mahendradhata Y. et al. (2021) The Capacity of the Indonesian Healthcare System to Respond to COVID-19. *Front. Public Health*. 7 July. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2021.649819/full> (accessed 20 February 2023).

Mantong A.W., Kembara G. (2022) Indonesia's G20 Presidency and the War in Ukraine. Available at: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/indonesias-g20-presidency-and-war-ukraine> (accessed 20 February 2023).

Manurung H. (2021) Indonesia – Ukraine Bilateral Relations. Available at: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.32021.24804>.

Marchetti S. (2021) Italy's 2021 G20 presidency – a transatlantic reset? Available at: <https://euobserver.com/world/150537> (accessed 20 February 2023).

Mearsheimer J.J. (2014) Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. The Liberal Delusions That Provoked Putin. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (accessed 20 February 2023).

Mearsheimer J.J. (2022) The Causes and Consequences of the Ukraine War. Available at: <https://www.russia-matters.org/analysis/causes-and-consequences-ukraine-war> (accessed 20 February 2023).

MIKTA (2021) MIKTA Foreign Ministers' Joint Statement on Indonesia's G20 Presidency. 21 December 2021. Available at: <http://mikta.org/document/mikta-foreign-ministers-joint-statement-on-indonesias-g20-presidency/?ckattempt=1> (accessed 20 February 2023).

Ministry of External Affairs (MEA) of India (2022) English Translation of Prime Minister Shri Narendra Modi's remarks at the Closing Session of G-20 Summit in Bali, 16 November. Available at: <https://mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/35890/English+Translation+of+Prime+Minister+Shri+Narendra+Modi+remarks+at+the+Closing+Session+of+G20+Summit+in+Bali> (accessed 20 February 2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of China (2022) Wang Yi Attends the G20 Foreign Ministers' Meeting, 8 July. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202207/t20220709_10717939.html (accessed 20 February 2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Indonesia (2022a) G20 Foreign Ministers Meeting to be held in Bali, 6 July. Available at: https://kemlu.go.id/portal/en/read/3774/siaran_pers/g20-foreign-ministers-meeting-to-be-held-in-bali (accessed 20 February 2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Indonesia (2022b) Indonesia Promotes Spirit to Recover Together in the 2022 G20 Presidency. Saturday, 01 October. Available at: <https://kemlu.go.id/portal/en/read/3288/berita/indonesia-promotes-spirit-to-recover-together-in-the-2022-g20-presidency> (accessed 20 February 2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Indonesia (2022c) Indonesia-Russia Committed to Remove Trade Barriers Between Two Countries. Ministry of Foreign Affairs of Indonesia, 4 March. Available at: <https://kemlu.go.id/portal/en/read/2218/berita/indonesia-russia-committed-to-remove-trade-barriers-between-two-countries> (accessed 20 February 2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Indonesia (2022d) Joint Press Statement on the Bilateral Meeting between President of the People's Republic of China and President of the Republic of Indonesia, 26 July. Available at: https://kemlu.go.id/portal/en/read/3844/siaran_pers/joint-press-statement-on-the-bilateral-meeting-between-president-of-the-peoples-republic-of-china-and-president-of-the-republic-of-indonesia (accessed 20 February 2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Indonesia (2022e) Minister Retno Marsudi Discusses Preparations for G20 Summit at Global Governance Group Forum, 22 September. Available at: <https://kemlu.go.id/portal/en/read/4004/berita/minister-retno-marsudi-discusses-preparations-for-g20-summit-at-global-governance-group-forum> (accessed 20 February 2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Indonesia (2022f) President Jokowi Returns to Poland from Ukraine before Heading to Russia, 30 June. Available at: <https://kemlu.go.id/portal/en/read/3753/berita/president-jokowi-returns-to-poland-from-ukraine-before-heading-to-russia> (accessed 20 February 2023).

Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Russia (2021) Treaty between The United States of America and the Russian Federation on Security Guarantees. Available at: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/?lang=en (accessed 20 February 2023).

Ministry of Foreign Affairs of Indonesia (2022g) Statement by Minister for Foreign Affairs of the Republic of Indonesia at the General Debate of the 77th Session of the UN General Assembly, 26 September. Available at: <https://kemlu.go.id/portal/en/read/4018/pidato/statement-by-minister-for-foreign-affairs-of-the-republic-of-indonesia-at-the-general-debate-of-the-77th-session-of-the-un-general-assembly-new-york-26-september-2022> (accessed 20 February 2023).

Ministry of Foreign Affairs of Russia (MFA) (2022) Foreign Minister Sergey Lavrov's Statement and Answers to Media Questions Following the G20 Foreign Ministers Meeting in Denpasar, 8 July. Available at: https://mid.ru/en/press_service/minister_speeches/1821243/ (дата обращения: 20.02.2023).

Modak P. (2021) Three 'Ts' Influence G20's Discourse. Available at: <https://www.cppr.in/articles/three-is-influence-g20s-discourse> (accessed 20 February 2023).

Muhibat S.F. (2022) Domestic Constraints on Indonesia's Global Leadership Aspirations. *East Asia Quarterly*, vol. 14, no 3 (July – September). Available at: <https://press-files.anu.edu.au/downloads/press/n10564/pdf/book.pdf> (accessed 20 February 2023).

OECD (2021) OECD Economic Outlook, vol. 2021, issue 2. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook/volume-2021/issue-2_66c5ac2c-en (accessed 20 February 2023).

OECD (2022) The Impacts and Policy Implications of Russia's Aggression Against Ukraine on Agricultural Markets. Available at: <https://www.oecd.org/ukraine-hub/policy-responses/the-impacts-and-policy-implications-of-russia-s-aggression-against-ukraine-on-agricultural-markets-0030a4cd/#figure-d1e267> (accessed 20 February 2023).

President of Russia (2007) Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/24034> (accessed 20 February 2023).

President of Russia (2022) Podpisanie dokumentov o priznanii Doneckoj i Luganskoj narodnyh respublik [Signing of documents recognising Donetsk and Lugansk People's Republics]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/67829> (accessed 20 February 2023).

Rappeport A. (2022) Treasury Secretary Janet Yellen walked out of a G20 meeting as Russia's finance minister spoke. *The New York Times*, 20 April 2022. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/04/20/world/europe/treasury-secretary-janet-yellen-walked-out-of-a-g20-meeting-as-russias-finance-minister-spoke.html> (accessed 20 February 2023).

Reuters (2022) Yellen Says Russia Should be Expelled from G20, U.S. May Boycott Some Meetings, 7 April. Available at: <https://www.reuters.com/world/yellen-says-russia-should-be-expelled-g20-us-may-boycott-some-meetings-2022-04-06/> (accessed 20 February 2023).

Ryan K. (2022) Ideas for US/NATO Response to Russian Security Guarantee Proposals. Available at: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/ideas-for-us-nato-response-to-russian-security-guarantee-proposals/> (accessed 20 February 2023).

S&P Global Market (2022) G20 Members' Views on Russia Diverge, Making Expulsion Unlikely, 23 May. Available at: <https://ihsmarkit.com/research-analysis/g20-members-views-on-russia-diverge-making-expulsion-unlikely.html> (accessed 20 February 2023).

Sansad TV (2022) Indonesian President Joko Widodo's Remarks at G20 Summit in Bali. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=fUCg3bJAxiY> (accessed 20 February 2023).

Sidiropoulos E. (2022) Development, Keeping SDGs as a Priority. ISPS, 14 November. Available at: <https://www.ispionline.it/it/publicazione/development-keeping-sdgs-priority-36686> (accessed 20 February 2023).

Sneng A., Geng X. (2022) The International Monetary System Is More Unfit than Ever. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/us-dollar-dominance-unsustainable-international-financial-reform-by-andrew-sheng-and-xiao-geng-2022-04> (accessed 20 February 2023).

Sokov N. (2021) The U.S. Withdrawal from the Open Skies Treaty. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2021/01/08_Sokov.pdf (accessed 20 February 2023).

The Independent Panel for Pandemic Preparedness and Response (2021) G20 Summit COVID-19 Outcome Deeply Disappointing. Statement by Former Co-Chairs of the Independent Panel for Pandemic Preparedness and Response, Her Excellency President Ellen Johnson Sirleaf and Right Honourable Helen Clark. Available at: <https://theindependentpanel.org/g20-summit-covid-19-outcome-deeply-disappointing/> (accessed 20 February 2023).

The Jakarta Post (2022) G20 Health Ministers Meeting Delivers Six Key Actions for the Upcoming Leaders' Summit, 1 November. Available at: <https://www.thejakartapost.com/business/2022/11/01/g20-health-ministers-meeting-delivers-six-key-actions-for-upcoming-leaders-summit.html> (accessed 20 February 2023).

Twigg J. (2020) COVID-19 as a 'Critical Juncture': A Scoping Review. *Global Policy*, December. Available at: <https://www.globalpolicyjournal.com/sites/default/files/pdf/Twigg%20-%20COVID-19%20as%20a%20%E2%80%98Critical%20Juncture%E2%80%99%2C%20A%20Scoping%20Review.pdf> (accessed 20 February 2023).

U.S. Congress (2022) H.R.7776 - James M. Inhofe National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2023. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/7776/text> (accessed 20 February 2023).

U.S. Department of State (2023) U.S. Security Cooperation with Ukraine. Available at: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-ukraine/> (accessed 20 February 2023).

U.S. Department of The Treasury (2022a) Guidance on Implementation of the Price Cap Policy for Crude Oil of Russian Federation Origin; Publication of Russia-related Determination; Issuance of Russia-related General Licenses, 22 November. Available at: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20221122> (accessed 20 February 2023).

U.S. Department of the Treasury (2022b) Schedule for Secretary of the Treasury Janet L. Yellen and Deputy Secretary of the Treasury Wally Adeyemo at the 2022 Annual Meetings of the IMF and World Bank, 11 October. Available at: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy1004> (accessed 20 February 2023).

U.S. International Trade Administration (2021) Indonesia: Digital Economy Opportunities. US International Trade Administration. Available at: <https://www.trade.gov/market-intelligence/indonesia-digital-economy-opportunities> (accessed 20 February 2023).

United Nations (UN) (2021) Our Common Agenda. Available at: <https://www.un.org/en/un75/common-agenda> (accessed 20 February 2023).

United Nations (UN) (2022a) General Assembly Resolution Demands end to Russian Offensive in Ukraine, 2 March. Available at: <https://news.un.org/en/story/2022/03/1113152> (accessed 20 February 2023).

United Nations (UN) (2022b) Global Impact of the war in Ukraine: Billions of People Face the Greatest Cost-of-Living Crisis in a Generation. 8 June. Available at: https://news.un.org/pages/wp-content/uploads/2022/06/GCRG_2nd-Brief_Jun8_2022_FINAL.pdf (accessed 20 February 2023).

United Nations (UN) (2022c) UN General Assembly Votes to Suspend Russia from the Human Rights Council, 7 April. Available at: <https://news.un.org/en/story/2022/04/1115782> (accessed 20 February 2023).

United Nations (UN) Secretary-General (2022) Opening Remarks of the Secretary-General at Press Conference at G20 Summit, 14 November. Available at: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2022-11-14/opening-remarks-of-the-secretary-general-press-conference-g20-summit> (accessed 20 February 2023).

Weck W. (2011) ASEAN and G20 – Indonesia's Foreign Policy Perspective. Available at: https://www.kas.de/documents/252038/253252/7_dokument_dok_pdf_21871_2.pdf/99d16d0f-ee7e-f0de-79bb-c56ecd84f93b?version=1.0&t=1539660143705 (accessed 20 February 2023).

World Bank (2022) Analysis of Pandemic Preparedness and Response (PPR) architecture, financing needs, gaps and mechanisms. Prepared for the G20 Joint Finance & Health Task Force. Paper prepared by the World Health Organization & the World Bank, 22 March. Available at: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/5760109c4db174ff90a8dfa7d025644a-0290032022/original/G20-Gaps-in-PPR-Financing-Mechanisms-WHO-and-WB-pdf.pdf> (accessed 20 February 2023).

World Bank (2023) Global Economic Prospects. January 2023. Available at: <https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects> (accessed 20 February 2023).

World Health Organization (WHO) (2022) Global COVID-19 Vaccination Strategy in a Changing World: July 2022 Update. Available at: <https://www.who.int/publications/m/item/global-covid-19-vaccination-strategy-in-a-changing-world--july-2022-update> (accessed 20 February 2023).

World Trade Organization (WTO) (2021) The Legal Status of 'Joint Statement Initiatives' and Their Negotiated Outcomes, 18 February. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/W819.pdf&Open=True> (accessed 20 February 2023).

World Trade Organization (WTO) (2022) Ministerial Decision on the TRIPS Agreement Adopted on 17 June 2022. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN22/30.pdf&Open=True> (accessed 20 February 2023).

Xinhua (2022) Indonesia to Promote Local Currency Settlement in G20 Meeting, 16 February. Available at: <https://english.news.cn/20220216/99b5d19b48f44e838f24f6b77cac6dae/c.html> (accessed 20 February 2023).

Индекс устойчивого развития стран БРИКС: результаты¹

А.Г. Сахаров, К.М. Дорохина

Сахаров Андрей Геннадиевич — н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Россия, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; sakharov-ag@ranepa.ru

Дорохина Ксения Михайловна — н.с. Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Россия, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; dorokhina-km@ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматриваются результаты исследования, посвященного формированию Индекса устойчивого развития БРИКС. Авторы описывают методологию составления индекса, процесс отбора индикаторов, методологические проблемы и вызовы, а также подробно останавливаются на анализе динамики показателей достижения ЦУР в странах «пятерки» в 2015–2020 гг.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют как об общем прогрессе стран БРИКС в направлении реализации ЦУР, так и о наличии негативных тенденций по ряду направлений и для ряда стран. Для 53 из 64 показателей, отобранных для анализа, фиксируется положительная динамика в среднем по БРИКС. Тем не менее индекс позволил выявить ряд проблемных областей не только для отдельных государств, но и для института в целом. Среди них: рост среднего значения показателя распространенности недоедания; рост числа людей, нуждающихся в лечении от тропических болезней; повышение нагрузки на водные экосистемы стран БРИКС на фоне сокращения их площади, снижение доли расходов на НИОКР от ВВП; снижение показателей биоразнообразия.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития (ЦУР); Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года; устойчивое развитие; БРИКС

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Сахаров А.Г., Дорохина К.М. Индекс устойчивого развития стран БРИКС: результаты // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 1. С. 75–106 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-03

Введение

Перспективы достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) в значительной степени осложняются текущим комплексным кризисом в экономической, геополитической,

---

¹ Статья поступила в редакцию 28.12.2022.

энергетической и социальной сферах. Ввиду того, что до конца периода реализации Повестки дня в области устойчивого развития ООН (Повестка-2030) остается все меньше времени, важность оценки достижений и перспектив мирового сообщества и отдельных государств в сфере устойчивого развития, а также выявления конкретных проблемных направлений возрастает.

На решение этой задачи была направлена работа по формированию Индекса устойчивого развития БРИКС. Индекс задумывался как механизм оценки прогресса «пятерки» по достижению ЦУР в 2015–2020 гг. В настоящей статье освещаются результаты индекса и представлены краткие выводы по итогам исследования. Методология исследования и использованные авторами подходы, основанные на изучении опыта аналогичных индексов и рейтингов, подробно освещены в статье «Индекс устойчивого развития стран БРИКС: методологические аспекты»². В связи с этим в настоящей работе авторы не останавливаются подробно на описании технической стороны исследования, а фокусируются на его результатах.

Работа по оценке хода реализации ЦУР сохраняет актуальность для России, находящейся в условиях, характеризующихся наличием существенных экономических ограничений. Необходимость усилий по достижению национальных целей развития и соответствующих ЦУР не только сохраняется, но и приобретает дополнительную важность. Для поддержания устойчивого функционирования общества представляется необходимым обеспечить баланс между решением краткосрочных задач и реализацией долгосрочных социальных и экологических приоритетов, обозначенных как в рамках ЦУР, так и в национальных документах стратегического планирования. Также, ввиду наличия внешних ограничений, возрастает и потребность во взаимодействии с крупными развивающимися экономиками БРИКС.

Изучение опыта и результатов этих стран в преодолении укоренившихся проблем развития, освоении отдаленных регионов, создании качественной инфраструктуры и внедрении новых решений в сфере госуправления соответствует направленности Повестки-2030. С поправкой на страновую специфику этот опыт может быть учтен при реализации национальных целей развития России.

В отличие от схожих международных сопоставительных исследований, в рамках работы решается задача по отражению в Индексе национальных особенностей и интересов стран БРИКС в сфере устойчивости, а также расширению охвата разрабатываемых показателей за счет включения дополнительных индикаторов, в том числе в сферах, не затрагиваемых Повесткой-2030.

В заключительной части статьи освещены ключевые проблемы и сложности, сопряженные с реализацией целей исследования. Среди них как сущностные, присущие самому набору Целей, так и методологические, отражающие проблемы в системе сбора статистической информации в странах БРИКС. В частности, в связи с отсутствием в Повестке-2030 таких важных сфер, как цифровизация и развитие устойчивости к пандемиям, возникает вопрос о целесообразности включения в индекс показателей из новых тематических областей, приобретших большую актуальность в течение последних лет. С одной стороны, эти сферы не являются элементами Повестки-2030 и, таким образом, не должны становиться предметом оценки достижений стран в ее реализации. С другой стороны, наличие новых масштабных трендов в глобальном развитии, смещение национальных приоритетов в направлении решения новых проблем в вышеозначенных сферах и роль в достижении устойчивого развития обуславливают

² Андропова И.В., Сахаров А.Г. Индекс устойчивого развития стран БРИКС: методологические аспекты // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 23–47.

потребность в осмыслении и корректном отражении этих вызовов в рамках настоящего исследования.

Методология Индекса устойчивого развития БРИКС

Для составления Индекса устойчивого развития БРИКС были отобраны 64 показателя. Показатели отбирались на основе трех главных критериев:

- 1) наличие данных для всех пяти стран БРИКС для 2015–2016 гг. для «раннего» года;
- 2) наличие данных для всех пяти стран БРИКС для 2017–2021 гг. для «последнего доступного» года;
- 3) показатель не должен быть оценочным или подразумевать бинарный результат (да/нет).

На первом этапе исследования была поставлена цель обеспечить максимальное соответствие набора отбираемых показателей Системе показателей ЦУР и свести к минимуму случаи замещения показателей. В связи с этим распределение показателей по ЦУР также проводилось в соответствии с параметрами утвержденной ООН Системы. В результате были отобраны 49 индикаторов непосредственно из Системы показателей ЦУР (Генеральная Ассамблея ООН, 2016 г.) по всем целям, кроме ЦУР 4 «Качественное образование» и ЦУР 16 «Мир и правосудие». Для ликвидации пробела данных по ЦУР 4 в анализ также были включены три показателя, отражающих процент завершения начального и полного среднего образования, а также долю расходов на образование от ВВП. На втором этапе исследования к набору индикаторов из списка ООН — для заполнения пробелов — были добавлены дополнительные показатели, отражающие отдельные направления реализации Повестки-2030. Были собраны данные по 15 дополнительным показателям. Полный список показателей см. в Приложении.

Итого по 64 отобранными показателям были сформированы два массива данных: для каждой из двух хронологических групп — «2015» и «2020» (начало и конец периода мониторинга). Объективное различие в единицах измерения и разрядности значений по различным показателям ЦУР, а также наличие «негативных» показателей, снижение значений по которым фактически означает прогресс в направлении устойчивого развития, обусловило необходимость нормализации данных для обеспечения сопоставимости результатов.

Нормализация данных для каждого из двух массивов проводилась с использованием метода z -оценки — за «ранний» год (2015–2016 гг.) и «последний доступный» год (2017–2021 гг.), по формуле:

$$z = \frac{x - \bar{X}}{S_x},$$

где x — значение показателя каждой из стран БРИКС; $\bar{X}$ — среднее значение показателя всех стран БРИКС; S_x — стандартное отклонение, вычисленное для множества значений показателя всех стран БРИКС. z -оценка позволила привести результаты стран для каждой из хронологических групп к единой шкале, со средним значением, равным 0. В интересах повышения наглядности итоговых результатов, а также обеспечения сопоставимости результатов процедура нормализации для «негативных» показателей была дополнена сменой знака ($z^* - 1$). Эта процедура позволила избежать искажений при выставлении средних оценок за группу показателей в рамках одной ЦУР для каждой из стран БРИКС. Результирующие значения сформировали статичные индексы устойчивого развития стран БРИКС для начала и конца периода мониторинга.

Индекс прогресса в сфере устойчивости, отражающий динамику значений по показателям ЦУР в странах БРИКС в период 2015–2020 гг. относительно результатов друг друга, вычислялся по схожей формуле:

$$z_{\Delta x} = \frac{\Delta x - \overline{\Delta x}}{S_{\Delta x}},$$

где Δx — разница между значениями показателя каждой из стран БРИКС в «поздней» и «ранней» хронологической группе; $\overline{\Delta x}$ — среднее значение для Δx всех стран БРИКС; $S_{\Delta x}$ — стандартное отклонение, вычисленное для множества значений Δx всех стран БРИКС. Результирующая z-оценка позволила привести результаты прогресса стран к единой шкале, со средним значением, равным 0. Формирование итогового динамического индекса прогресса также было дополнено корректировкой значений «негативных» показателей ($Z\Delta x^* - 1$), по аналогии со статическими индексами, описанными выше.

Таким образом, сформированы статические индексы стран БРИКС для «раннего» и «позднего» этапов и динамический Индекс прогресса.

Наконец, на завершающем этапе формирования Индекса устойчивого развития БРИКС решались задачи по обеспечению учета национальных приоритетов стран «пятерки» в сфере устойчивого развития. С этой целью по итогам анализа документов стратегического планирования стран БРИКС проведена экспертная оценка степени отражения в них отобранных 64 показателей устойчивости. Оценка проводится по 3-балльной шкале, где 0 означает отсутствие соответствующего приоритета в системе документов стратегического планирования; 0,5 — частичный учет; 1 — полный учет. Под полным учетом понимается наличие в документах стратегического планирования страны БРИКС целей, задач, целевых показателей по тематике, затрагиваемой в рамках анализируемого элемента Повестки-2030. Частичный учет означает наличие целей, задач и показателей по тематике, смежной с затрагиваемой в рамках Повестки-2030, либо оказывающих косвенное влияние на потенциальное изменение рассматриваемых показателей ЦУР.

Если экспертная оценка равнялась 0, от значения Индекса прогресса отнимались 15% от разницы между наибольшим и наименьшим значением индекса для конкретного показателя. Если оценка равнялась 0,5, значение индекса оставалось неизменным. Если оценка равнялась 1, к индексу прогресса прибавлялись 15% от разницы между наибольшим и наименьшим значением индекса для конкретного показателя. Значение модификатора в 15% от разницы между наибольшим и наименьшим значением индекса для отражения экспертной оценки приоритетности показателей устойчивости в национальных документах выбрано в целях обеспечения умеренного влияния субъективной оценки на объективные изменения абсолютных значений показателей, отобранных для анализа. С одной стороны, модификатор с таким значением в состоянии повлиять на относительные позиции стран в итоговом распределении, но, с другой, он не будет иметь определяющего значения в индексе.

Таким образом, итоговый индекс формируется за счет применения модификатора экспертной оценки к Индексу прогресса. Этот модификатор призван обеспечить связь индикаторов устойчивого развития с национальной повесткой дня стран БРИКС, в том числе с точки зрения приоритизации направлений Повестки-2030 для стран «пятерки» в последние годы и на обозримую перспективу.

С учетом того, что большая часть показателей, отобранных для анализа, в той или иной степени учитывается в рамках документов стратегического планирования стран БРИКС, эффект применения модификатора в среднем оказался повышающим. Суще-

ствуется, однако, ряд исключений. Преимущественно это касается так называемых негативных показателей. Например, показатели 3.4.2 «Смертность от самоубийств», 3.7.2 «Показатель рождаемости среди девушек-подростков (в возрасте от 10 до 14 лет; в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 девушек-подростков», 3.9.3 «Смертность от неумышленного отравления», практически не находят отражения в документах БРИКС. По таким показателям применение модификатора привело к падению оценок.

Источники данных

Для обеспечения четкой связи индекса с принятой ООН Повесткой дня в области устойчивого развития до 2030 г., в качестве основы источниковой базы исследования использовалась база данных Целей устойчивого развития ООН (ООН, 2023). Всем трем обозначенным критериям отбора соответствовали 48 уникальных индикаторов.

По ЦУР 1 «Ликвидация нищеты» — четыре показателя:

1.1.1. Доля населения, живущего за международной чертой бедности (1,25 долл. США в день), в разбивке по полу, возрасту, статусу занятости и месту проживания (городское/сельское).

1.3.1. Доля населения, охватываемого минимальным уровнем/системами социальной защиты, в разбивке по полу, с выделением детей, безработных, пожилых, инвалидов, беременных, новорожденных, лиц, получивших трудовое увечье, и бедных и уязвимых.

1.4.1. Доля населения, живущего в домохозяйствах с доступом к базовым услугам.

1.5.1. Число погибших, пропавших без вести и пострадавших непосредственно в результате бедствий на 100 тыс. человек.

По ЦУР 2 «Ликвидация голода» — два показателя:

2.1.1. Распространенность недоедания.

2.2.3. Распространенность анемии среди женщин в возрасте 15–49 лет в разбивке по статусу беременности (%).

По ЦУР 3 «Хорошее здоровье и благополучие» — 11 показателей:

3.1.1. Коэффициент материнской смертности.

3.2.1. Коэффициент смертности детей в возрасте до пяти лет.

3.2.2. Коэффициент неонатальной смертности.

3.3.2. Заболеваемость туберкулезом на 100 тыс. человек.

3.3.5. Число людей, нуждающихся в лечении от «забытых» тропических болезней.

3.4.1. Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета, хронических респираторных заболеваний.

3.4.2. Смертность от самоубийств.

3.5.2. Употребление алкоголя на душу населения (в возрасте 15 лет и старше) в литрах чистого спирта в календарный год.

3.6.1. Смертность в результате дорожно-транспортных происшествий.

3.7.2. Показатель рождаемости среди девушек-подростков (в возрасте от 10 до 14 лет; в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 девушек-подростков в той же возрастной группе;

3.8.1. Охват основными медико-санитарными услугами.

3.9.3. Смертность от неумышленного отравления.

По ЦУР 4 «Качественное образование» — три показателя:

коэффициент завершения начального образования;

коэффициент завершения полного среднего образования;

доля государственных расходов на образование от ВВП.

По ЦУР 5 «Гендерное равенство» — один показатель:

5.5.1. Доля мест, занимаемых женщинами в а) национальных парламентах и б) местных органах власти.

По ЦУР 6 «Чистая вода и санитария» — пять показателей:

6.1.1. Доля населения, пользующегося услугами водоснабжения, организованного с соблюдением требований безопасности.

6.2.1. Доля населения, использующего а) организованные с соблюдением требований безопасности услуги санитарии и б) устройства для мытья рук с мылом и водой.

6.4.1. Динамика изменения эффективности водопользования.

6.4.2. Уровень нагрузки на водные ресурсы: забор пресной воды в процентном отношении к имеющимся запасам пресной воды.

6.6.1. Динамика изменения площади связанных с водой экосистем.

По ЦУР 7 «Недорогостоящая и чистая энергия» — три показателя:

7.1.1. Доля населения, имеющего доступ к электроэнергии.

7.2.1. Доля возобновляемых источников энергии в общем объеме конечного энергопотребления.

7.3.1. Энергоемкость, рассчитываемая как отношение расхода первичной энергии к ВВП.

По ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост» — два показателя:

8.1.1. Ежегодные темпы роста реального ВВП на душу населения.

8.2.1. Ежегодные темпы роста реального ВВП на каждого занятого.

По ЦУР 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура» — четыре показателя:

9.4.1. Выбросы CO₂ на единицу добавленной стоимости.

9.5.1. Доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВВП.

9.b.1. Доля добавленной стоимости продукции среднетехнологичных и высокотехнологичных отраслей в общем объеме добавленной стоимости.

9.c.1. Доля населения, охваченного мобильными сетями, в разбивке по технологиям.

По ЦУР 10 «Уменьшение неравенства» — пять показателей:

10.4.1. Доля ВВП, приходящаяся на оплату труда.

10.7.3. Количество людей, погибших или исчезнувших в процессе миграции в направлении международного назначения.

10.7.4. Доля беженцев от общей численности населения в разбивке по стране происхождения.

10.a.1. Доля товарных позиций наименее развитых стран и развивающихся стран, к которым применяются нулевые тарифы.

10.b.1. Совокупный объем потоков ресурсов в целях развития в разбивке по странам-получателям и странам-донорам и видам потоков (например, официальная помощь в целях развития, прямые иностранные инвестиции и прочие финансовые потоки).

По ЦУР 11 «Устойчивые города и населенные пункты» — два показателя:

11.5.1. Число погибших, пропавших без вести и пострадавших непосредственно в результате бедствий на 100 тыс. человек.

11.6.2. Среднегодовой уровень содержания мелких твердых частиц (например, класса PM_{2.5} и PM₁₀) в атмосфере городов (в пересчете на численность населения).

По ЦУР 12 «Ответственное потребление и производство» — два показателя:

12.2.2. Совокупное внутреннее материальное потребление и внутреннее материальное потребление на душу населения и в процентном отношении к ВВП.

12.с.1. Сумма субсидий на ископаемое топливо на единицу ВВП (производство и потребление).

По ЦУР 13 «Борьба с изменением климата» — один показатель:

13.1.1. Число погибших, пропавших без вести и пострадавших непосредственно в результате бедствий на 100 тыс. человек.

По ЦУР 14 «Сохранение морских экосистем» — один показатель:

14.1.1. Плотность лома пластмасс.

По ЦУР 15 «Сохранение экосистем суши» — три показателя:

15.1.1. Площадь лесов в процентном отношении к общей площади суши.

15.4.1. Доля важных с точки зрения биологического разнообразия горных районов, находящихся под охраной.

15.5.1. Индекс Красного списка.

По ЦУР 17 «Партнерство в интересах устойчивого развития» — один показатель:

17.1.1. Общий объем государственных доходов в процентном отношении к ВВП в разбивке по источникам.

Дополнительно были использованы девять показателей из Базы данных Института статистики ЮНЕСКО (ЮНЕСКО 2023):

1. ВВП на душу населения, ППС;
2. Обслуживание госдолга, % от ВВП.
3. Ожидаемая продолжительность обучения, дошкольное образование.
4. Ожидаемая продолжительность обучения, начальная школа.
5. Ожидаемая продолжительность обучения, высшее образование.
6. Ожидаемая продолжительность обучения, среднее образование.
7. Уровень рождаемости, рождений на одну женщину.
8. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении.
9. Уровень смертности, младенческая смертность (на 1000 живорождений).

Также из базы данных Международного энергетического агентства (МЭА, 2023) (МЭА 2023) были использованы шесть показателей:

1. Выбросы CO₂ на единицу ВВП.
2. Выбросы CO₂ на душу населения.
3. Углеродоемкость конечного энергопотребления.
4. Углеродоемкость энергопотребления в промышленности.
5. Доля низкоуглеродных источников в производстве электроэнергии.
6. Доля возобновляемых источников энергии в производстве электроэнергии.

Наконец, был использован один показатель из статистического сборника БРИКС за 2021 г. — доля расходов на образование от ВВП (Росстат, 2022).

Результаты Индекса устойчивого развития БРИКС

В результате отбора 64 индикаторов в сфере устойчивого развития и сбора статистической информации по ним для пяти стран БРИКС был сформирован массив данных, позволяющий проследить относительные позиции стран БРИКС на 2015 и 2020 гг., и относительный прогресс стран БРИКС за этот период.

Группировка показателей возможна как по отдельным ЦУР, так и по тематическим направлениям, отражающим основные «опоры» Повестки-2030: социальному, экономическому и экологическому. Для целей настоящей статьи результаты представ-

лены по тематическим направлениям. Относительные (в сравнении друг с другом) позиции стран БРИКС отражены в двух статических Индексах устойчивого развития для каждого из направлений на начало и конец периода мониторинга. Эти индексы вычисляются на основании абсолютных значений показателей. Относительный (в сравнении друг с другом) прогресс каждой из стран БРИКС, достигнутый за период мониторинга, отражен в динамическом Индексе прогресса, вычисляемом на основании разницы между абсолютными значениями показателей на конец и начало периода мониторинга. Значение «0» по вертикальной шкале означает средний результат по БРИКС. Положительные значения индекса отражают значения выше среднего по БРИКС, отрицательные — ниже среднего.

Рисунки 1 и 2 отражают текущие показатели индекса на 2015 и 2020 гг., а также результирующий Индекс прогресса по социальному направлению. Прогресс Индии и Китая в направлении реализации социальных задач ЦУР был наиболее быстрым среди стран «пятерки» в 2015–2020 гг. Несмотря на сохраняющееся отставание от других стран БРИКС по абсолютным значениям показателей социальной сферы, Индии удалось добиться наибольших темпов улучшения. Так, с 13,6 до 8,4% снизилась доля населения, живущего менее чем на 1,25 долл. США в день; выросла с 57 до 71% доля населения, живущего в домохозяйствах с доступом к базовым услугам; повысился с 55 до 61% охват населения основными медико-санитарными услугами.

Рост индекса фиксировался и для России, однако Индекс прогресса немного не достиг среднего уровня. По двум показателям социального блока — «Доля населения, охватываемого минимальным уровнем / системами социальной защиты...» и «Уровень рождаемости» — в России фиксировался регресс: с 90,4 до 90,1% и с 1,8 до 1,5 детей на одну женщину соответственно. Кроме того, фактическая стагнация наблюдалась еще по двум показателям. «Доля населения, пользующегося услугами водоснабжения, организованного с соблюдением требований безопасности», фиксировалась на уровне 76%, что ниже, чем в Бразилии (86%), КНР (95%), ЮАР (81%). «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении» осталась на отметке 71 год, в то время как в других странах БРИКС за аналогичный период наблюдался рост.

Индексы Бразилии и ЮАР продемонстрировали падение, обусловленное периодом экономического кризиса и деградацией некоторых ключевых показателей. В частности, в обеих странах фиксировался рост доли населения, проживающего за международной чертой бедности. В Бразилии данный показатель увеличился с 3,2 до 4,6%, в ЮАР — с 5,7 до 6,3% в период 2015–2020 гг. Фиксировались негативные тенденции и в сфере здравоохранения. В частности, в Бразилии за период мониторинга выросла заболеваемость туберкулезом: с 43 до 46 случаев на 100 тыс. человек. В ЮАР вырос коэффициент неонатальной смертности: с 11 до 11,5.

По задачам социального блока отмечался достаточно высокий уровень приоритизации в рамках документов стратегического планирования стран БРИКС в таких сферах, как борьба с бедностью (ЦУР 1), здравоохранение (ЦУР 3), образование (ЦУР 4). В то же время отмечается низкий уровень приоритизации гендерных вопросов (ЦУР 5), а также задач борьбы с неравенством (ЦУР 10) (рис. 3).

По экологическому направлению наиболее высокие абсолютные показатели Индекса устойчивости фиксируются для Бразилии (рис. 4 и 5). Этой стране также удалось упрочить абсолютное лидерство в данной сфере в период 2015–2020 гг. Так, в Бразилии, среди прочих, выросла доля возобновляемых источников энергии в общем объеме конечного энергопотребления с 43,7 до 47,1%, снизился показатель выбросов CO₂ на единицу ВВП с 0,3 до 0,2 кг CO₂ на 1 долл. США), сократилась углеродоемкость конечного энергопотребления (с 47,9 до 43,2 кг CO₂ на 1 долл. США).

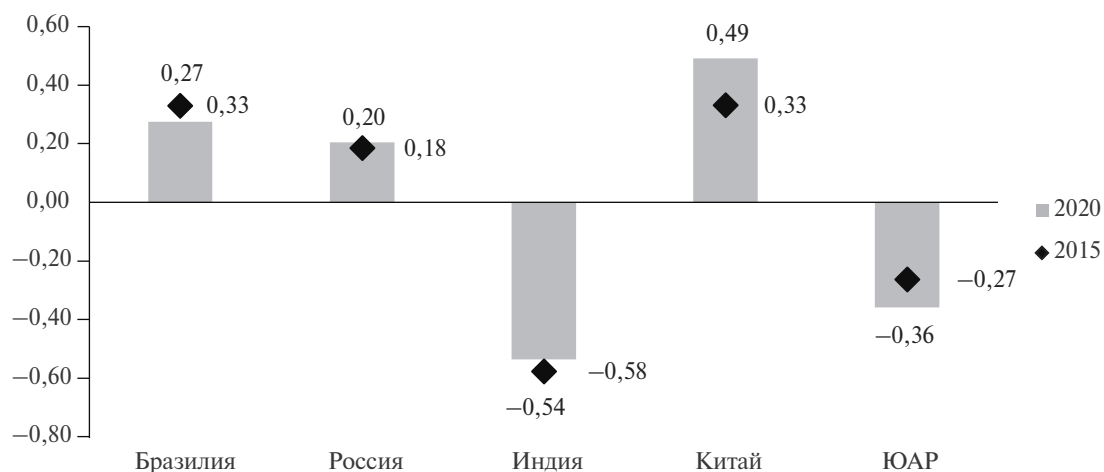

Рис. 1. Индекс устойчивого развития БРИКС на начало и конец периода мониторинга. Социальное направление

Источник: Составлено авторами.

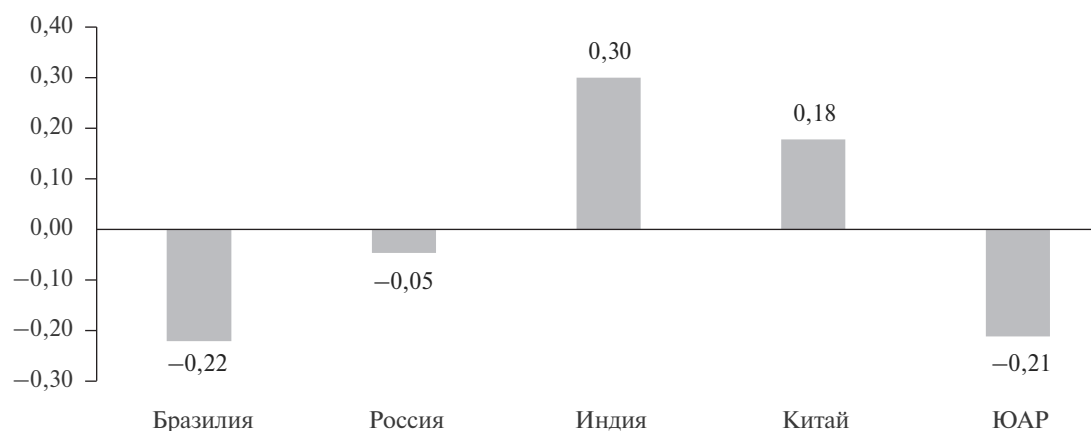

Рис. 2. Индекс прогресса. Социальное направление

Источник: Составлено авторами.

Тем не менее наибольший прогресс за пятилетний период продемонстрировал Китай, значительно улучшив результаты по таким показателям, как энергоемкость ВВП (снижение с 7,2 до 6,3 МДж на 1 долл. США), уровень выбросов CO₂ на единицу добавленной стоимости (снижение с 0,52 до 0,45 кг CO₂ на 1 долл. США), площадь лесов (рост с 22,3 до 23,3%) и охраняемых горных районов (рост с 11 до 11,8%).

С учетом высоких показателей Бразилии, результаты России находятся ниже средней отметки по шкале распределения относительных результатов. По средним абсолютным значениям статического индекса для 2015 г. Россия находилась на втором месте после Бразилии. В 2020 г. — опустилась на третье место. Регресс абсолютных значений наблюдался лишь для одного показателя из экологической сферы — «доля во-

возобновляемых источников энергии в общем объеме конечного энергопотребления». За период мониторинга он понизился с 3,2 до 3,18%.

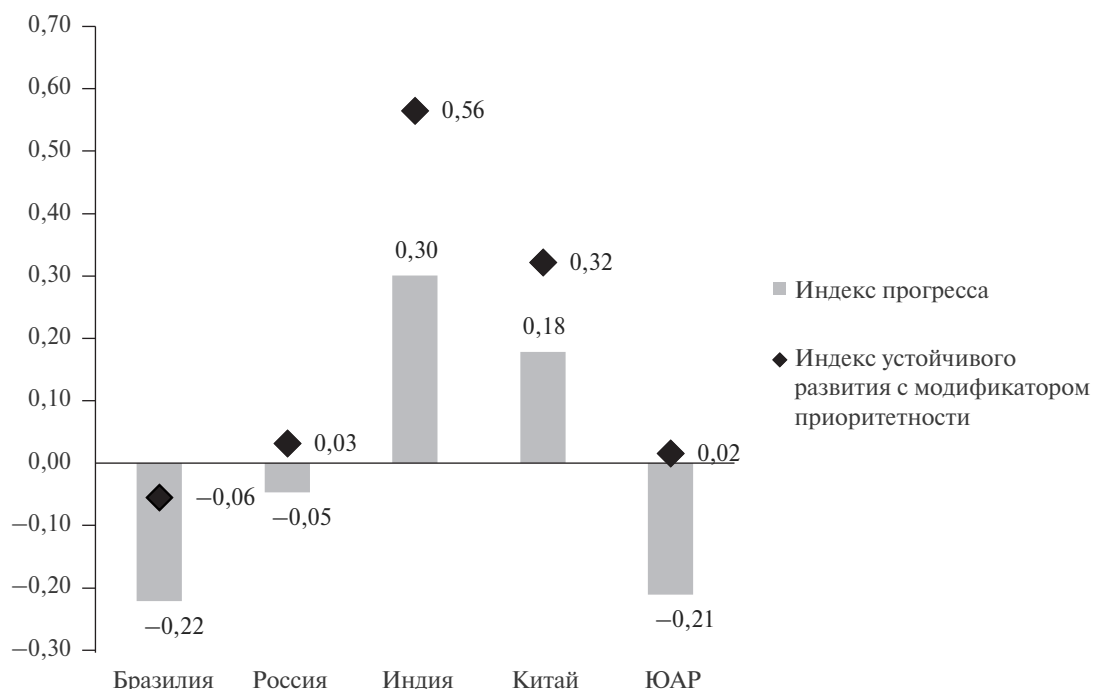

Рис. 3. Итоговый Индекс устойчивого развития БРИКС. Социальное направление

Источник: Составлено авторами.

Худшие результаты как по статическим, так и по динамическому индексу продемонстрировала ЮАР. Регресс наблюдался для семи из 18 показателей (см. Приложение). В частности, по показателям ЦУР 6, связанным с использованием водных ресурсов, фиксировалась негативная динамика. Вырос уровень нагрузки на водные ресурсы, выраженный в заборе пресной воды в процентном отношении к имеющимся запасам, — с 59,75 до 63,56%, а также ускорилась динамика сокращения площади связанных с водой экосистем — в 2015 г. площадь сократилась на 0,6%, а в 2020 г. на 15,4%.

С точки зрения приоритизации экологического направления в национальной политике стран БРИКС наблюдался высокий уровень учета задач устойчивости, за исключением вопроса об отмене субсидий на ископаемое топливо, а также борьбы с загрязнением прибрежных зон ломом пластмасс. В остальном по таким направлениям, как борьба с выбросами парниковых газов, повышение энергоэффективности, эффективности систем водопользования, а также восстановление экосистем и биоразнообразия, отмечался высокий уровень учета соответствующих задач в национальных документах, равно как и в международных обязательствах, в том числе в рамках реализации Парижского соглашения (рис. 6).

Значительная разница показателей посткризисного 2015 и 2020 гг. обусловила лидерство России по Индексу прогресса в экономической сфере (рис. 8). Тем не менее

в абсолютных величинах Китай демонстрирует самые высокие темпы роста по рассматриваемым экономическим показателям среди стран БРИКС. Показатель ВВП на душу населения в этой стране увеличился с 12 612 до 17 603 долл. США. Кроме того, в КНР фиксируется наивысший среди «пятерки» показатель расходов на НИОКР по отношению к ВВП (2,14% в 2020 г.).

Бразилия, переживавшая период экономического кризиса, в 2015–2020 гг. демонстрирует наибольшее падение индекса (рис. 7 и 8). Негативная динамика наблюдалась по девяти из 12 показателей (см. Приложение).

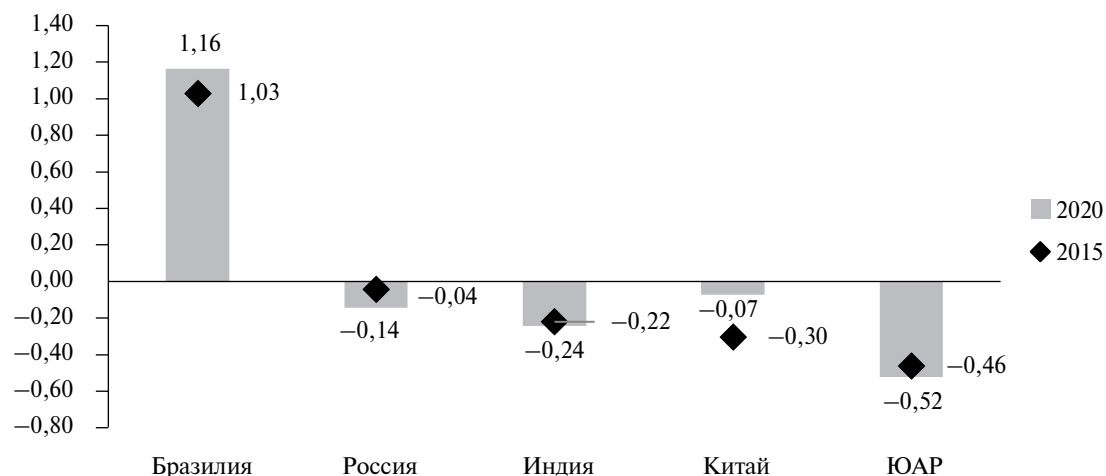

Рис. 4. Индекс устойчивого развития БРИКС на начало и конец периода мониторинга. Экологическое направление

Источник: Составлено авторами.

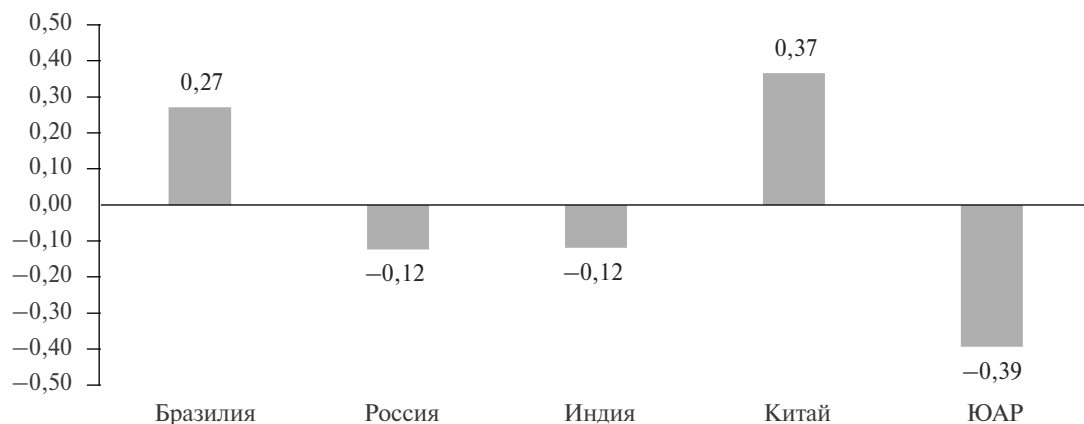

Рис. 5. Индекс прогресса. Экологическое направление

Источник: Составлено авторами.

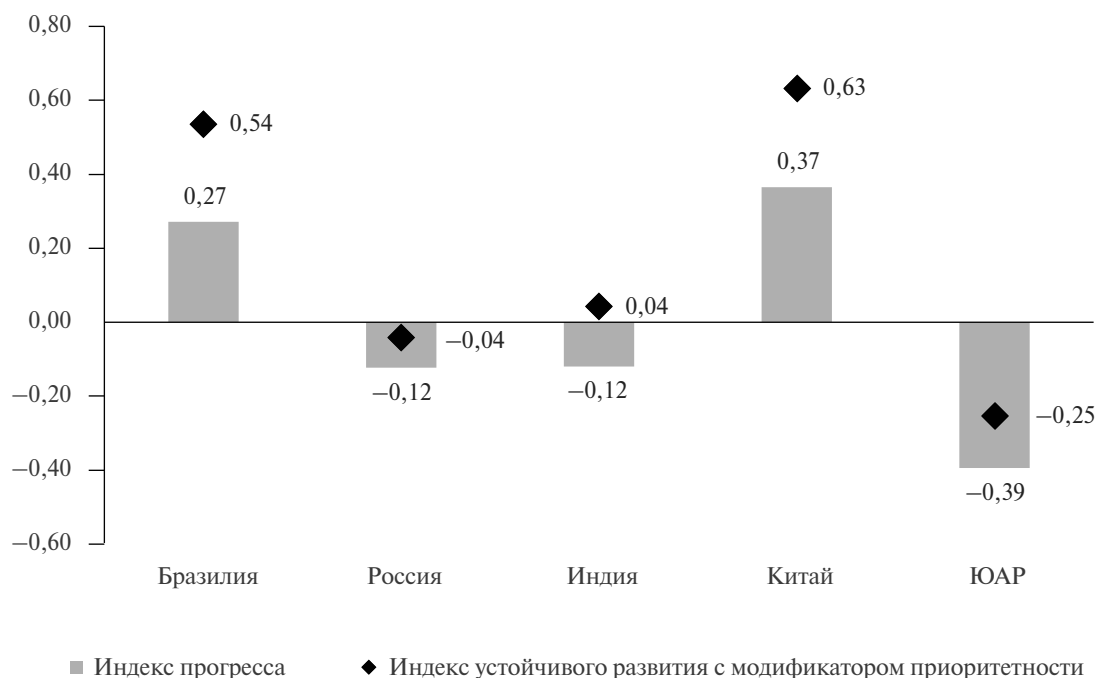

Рис. 6. Итоговый Индекс устойчивого развития БРИКС. Экологическое направление

Источник: Составлено авторами.

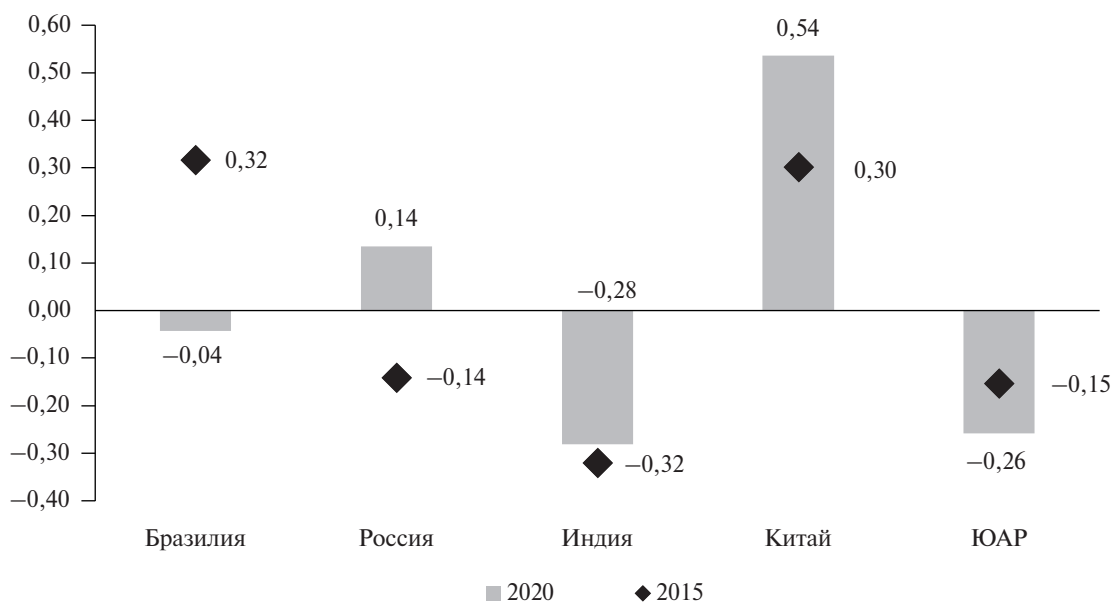

Рис. 7. Индекс устойчивого развития БРИКС на начало и конец периода мониторинга. Экономическое направление

Источник: Составлено авторами.

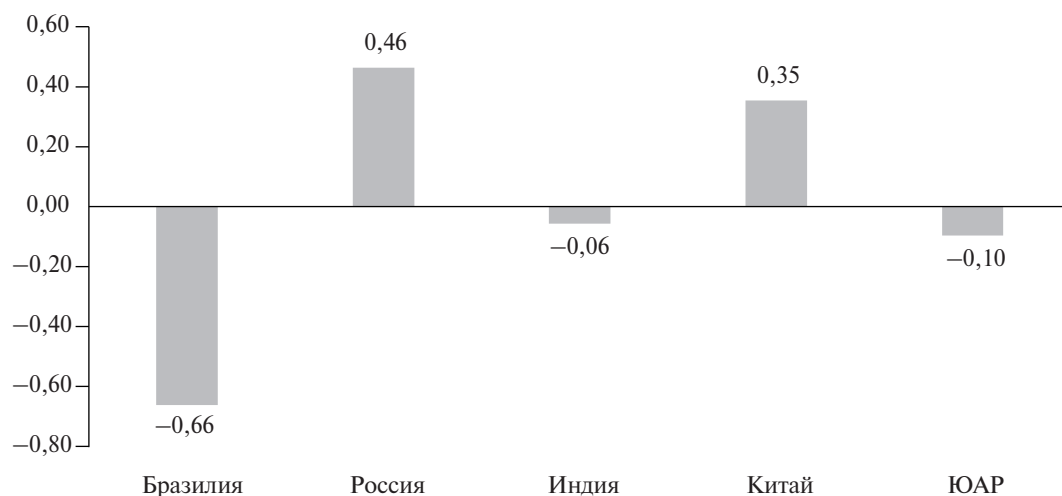

Рис. 8. Индекс прогресса. Экономическое направление

Источник: Составлено авторами.

Экономические аспекты Повестки-2030, напрямую связанные с устойчивым функционированием экономики государств, естественным образом находят отражение в национальной политике и системах стратегического планирования стран БРИКС. Примечательным исключением в этой сфере является низкая степень учета задач, связанных с международной помощью, в национальных документах планирования России: ЦУР 10.a.1 (Доля товарных позиций наименее развитых стран и развивающихся стран, к которым применяются нулевые тарифы) и ЦУР 10.b.1 (Совокупный объем потоков ресурсов в целях развития в разбивке по странам-получателям и странам-донорам и видам потоков) (рис. 9).

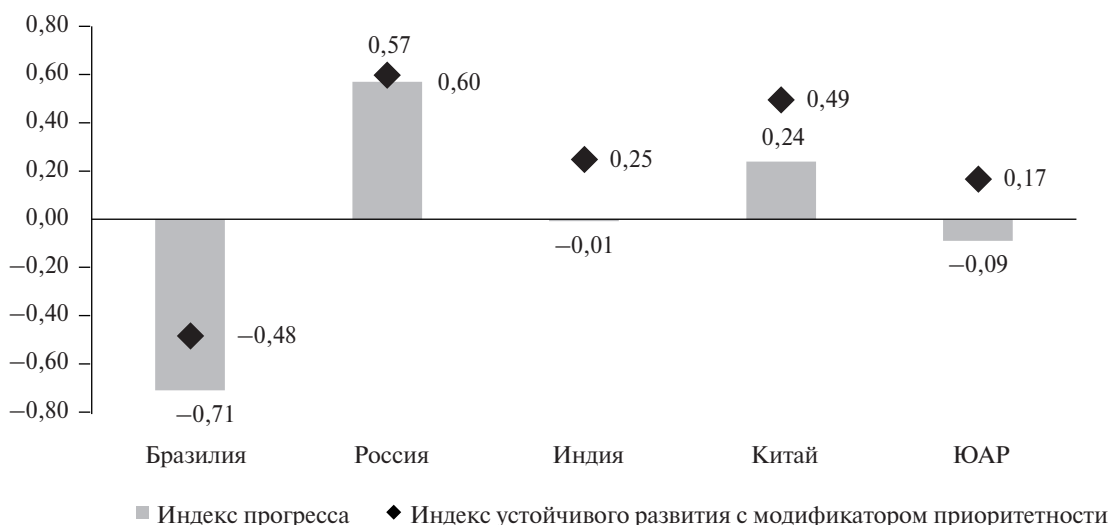

Рис. 9. Итоговый Индекс устойчивого развития БРИКС. Экономическое направление

Источник: Составлено авторами.

Рисунок 10 демонстрирует итоговые значения Индекса устойчивого развития для стран БРИКС и их относительные позиции.

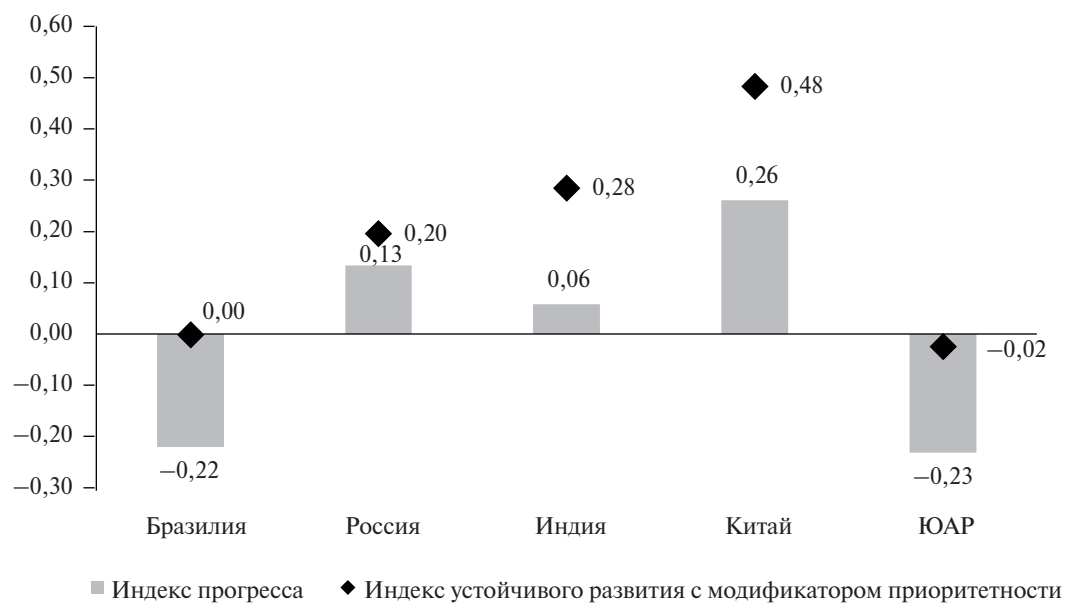

Рис. 10. Итоговый Индекс устойчивого развития БРИКС. Все направления (64 индикатора)

Источник: Составлено авторами.

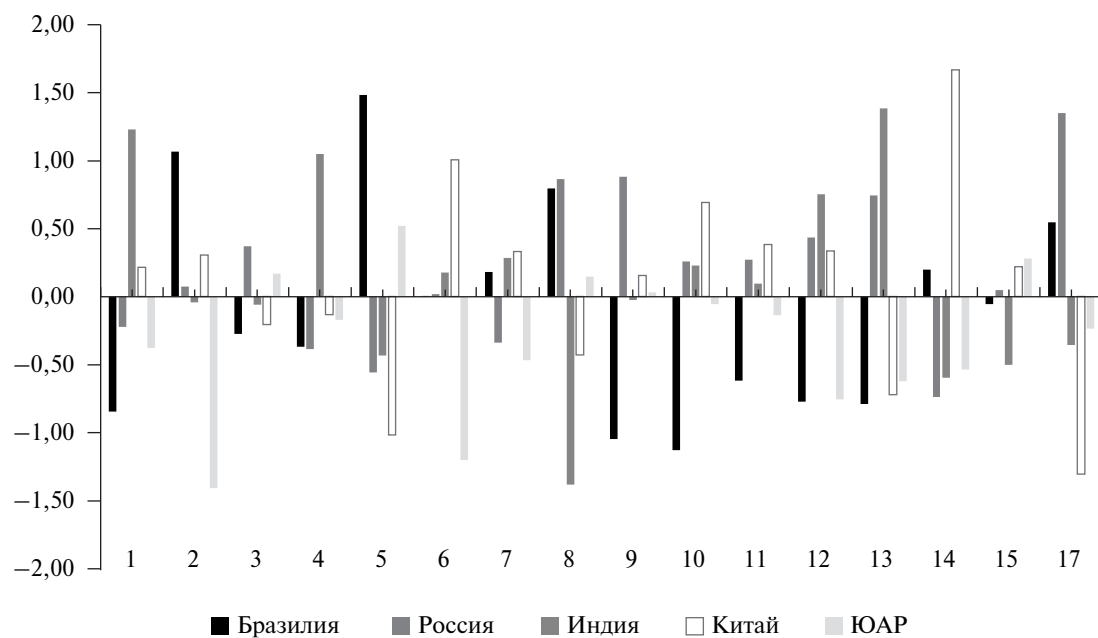

Рис. 11. Индекс прогресса в достижении ЦУР за период 2015–2020 гг.

Источник: Составлено авторами.

На рис. 11 отражено распределение показателей по Целям устойчивого развития. Наиболее значительного прогресса по всем ключевым направлениям ЦУР в 2015–2020 гг. добился Китай, показавший наиболее высокие результаты по таким направлениям Повестки-2030, как ЦУР 6 «Чистая вода и санитария», ЦУР 10 «Уменьшение неравенства», ЦУР 14 «Сохранение морских экосистем». Находящаяся на втором месте Индия прогрессировала быстрее других стран по ЦУР 1 «Ликвидация нищеты», ЦУР 4 «Качественное образование», ЦУР 13 «Борьба с изменением климата». Россия, занявшая третье место, лидировала по ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост», ЦУР 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура». Бразилия показала наиболее высокие результаты по целям ЦУР 2 «Ликвидация голода», ЦУР 5 «Гендерное равенство». Наконец, в ЮАР наибольший прогресс зафиксирован по ЦУР 15 «Сохранение экосистем суши».

Проблемы и перспективы развития методологии исследования

В процессе формирования Индекса устойчивого развития БРИКС коллектив авторов столкнулся с рядом сложностей. Ключевым ограничением, как и для многих других аналогичных исследований, стала низкая степень доступности данных по показателям достижения ЦУР. В рамках исследования предприняты усилия для обеспечения наибольшей сопоставимости страновых данных, в связи с чем отбирались лишь показатели с доступными актуальными данными для всех стран БРИКС. Для заполнения тематических пробелов, в частности по Целям 4 (образование) и 7 (энергетика), были включены дополнительные показатели, не содержащиеся в Системе, утвержденной ООН.

Кроме того, в связи с тем, что распределение показателей по ЦУР проводилось в соответствии с параметрами утвержденной ООН Системы, ряд показателей повторяется в нескольких ЦУР. Например, показатель «Число погибших, пропавших без вести и пострадавших непосредственно в результате бедствий на 100 тыс. человек» используется в рамках трех ЦУР: 1.5.1, 11.5.1 и 13.1.1. Целесообразность повторного включения одного индикатора в несколько ЦУР вызывает вопросы. Группировка результатов по трем направлениям Повестки-2030 позволяет учесть показатель лишь один раз, например для данного показателя в рамках социального направления.

Временной лаг в получении данных по показателям ЦУР (составляющий в среднем от одного года до двух лет) обуславливает необходимость включения в анализ более поздних действий стран БРИКС, не отраженных в статистических данных. В этой связи прорабатывался вопрос о трансформации качественных данных о действиях стран БРИКС, предпринятых в 2020–2022 гг., в количественные показатели и их интеграции в индекс. Основной проблемой в данном случае представляется несовместимость двух массивов данных. Для обеспечения связанности индекса с национальными обстоятельствами, приоритетами и действиями стран БРИКС в анализ был включен компонент учета показателей устойчивости в документах стратегического планирования. Так, на втором этапе исследования проведена экспертная оценка степени учета показателей, отобранных для анализа, в национальных документах стратегического планирования стран «пятерки». Был проведен мониторинг стратегических документов и действий стран БРИКС, на основании приоритетности конкретной задачи в рамках национальной политики страны выставлена оценка по трехбалльной шкале. На завершающем этапе исследования проведена интеграция полученных экспертных оценок в качестве модификаторов для показателей индекса с целью отражения места отдельных

элементов Повестки-2030 в системе приоритетов стран БРИКС и перспектив их развития в будущем.

Значительной проблемой являются и искажения индекса по причине учета показателей конкретных лет. Так, 2020 г. (последний доступный для большинства показателей на момент формирования индекса) по очевидным причинам, связанным с пандемией коронавирусной инфекции, не по всем направлениям отражал тенденции в сфере устойчивого развития для стран БРИКС. Нельзя исключать и влияние на индекс краткосрочного воздействия отдельных кризисных явлений в том или ином году. В связи с этим при продолжении работы будет рассматриваться возможность учета усредненных значений показателей устойчивости за трехлетние временные периоды в качестве исходных данных для формирования индекса.

Важным направлением усилий по совершенствованию индекса является и включение в него новых показателей, отражающих современные тенденции в области устойчивости. В перспективе в индекс будут интегрированы показатели в сфере цифровизации, возможно, в качестве модификаторов достижения ЦУР по отдельным направлениям. Впрочем, определение конкретной степени воздействия цифровых решений на процессы по всему спектру Повестки-2030 остается нерешенной исследовательской задачей.

Продолжение исследования в предстоящие годы обеспечит также накопление массива данных за более длительный период времени, что позволит проводить многолетний сравнительный анализ прогресса стран БРИКС в переходе к более устойчивым моделям роста.

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют как об общем прогрессе стран БРИКС в направлении реализации ЦУР, так и о наличии негативных тенденций по ряду направлений и для ряда стран. Для 53 из 64 показателей, отобранных для анализа, фиксируется положительная динамика в среднем по БРИКС. Тем не менее индекс позволил выявить ряд проблемных областей не только для отдельных государств, но и для института в целом. Среди них: рост среднего значения показателя распространенности недоедания; рост числа людей, нуждающихся в лечении от тропических болезней; повышение нагрузки на водные экосистемы стран БРИКС на фоне сокращения их площади, снижение доли расходов на НИОКР от ВВП; снижение показателей биоразнообразия.

По задачам социального блока наиболее быстрый прогресс фиксировался для Индии и Китая. Рост абсолютных значений индекса фиксировался и для России, однако Индекс прогресса немного не достиг среднего уровня. Результаты Бразилии и ЮАР продемонстрировали падение, связанное с периодом экономического кризиса и деградацией некоторых ключевых показателей.

По экологическому направлению наиболее высокие абсолютные показатели Индекса устойчивости фиксируются для Бразилии, упрочившей лидерство в данной сфере в 2015–2020 гг. Тем не менее Китай продемонстрировал наибольший прогресс за пятилетний период, улучшив результаты по таким показателям, как энергоемкость ВВП, уровень выбросов на единицу ВВП, площадь лесов и охраняемых горных районов.

Значительная разница показателей посткризисного 2015 и 2020 гг. обусловила лидерство России по Индексу прогресса в экономической сфере. Тем не менее в абсолютных величинах Китай демонстрирует самые высокие темпы прогресса по рассматриваемым экономическим показателям среди стран БРИКС.

Ранжирование стран по совокупному Индексу устойчивого развития БРИКС, отражающему относительную степень улучшения показателей в сфере устойчивости в период 2015–2020 гг., с учетом национальных приоритетов, выглядит следующим образом:

- 1-е место: Китай (0,48 балла);
- 2-е место: Индия (0,28 балла);
- 3-е место: Россия (0,20 балла);
- 4-е место: Бразилия (0 баллов);
- 5-е место: ЮАР (–0,02 балла).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Организация Объединенных Наций (ООН) (2016) Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Режим доступа: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%202020%20review_Rus.pdf (дата обращения: 09.03.2023).

BRICS (2022) Joint Statistical Publication. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BRICS%20Joint%20Statistical%20Publication-2022.pdf> (дата обращения: 09.03.2023).

International Energy Agency (IEA) (n.d.) Data and Statistics. Режим доступа: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-sets> (дата обращения: 09.03.2023).

United Nations (UN) (n.d.) SDG Indicators Database. Режим доступа: <https://unstats.un.org/sdgs/dataportal/database> (дата обращения: 09.03.2023).

United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) Institute for Statistics (UIS) (n.d.). Режим доступа: <http://data.uis.unesco.org> (дата обращения: 09.03.2023).

Приложение

Таблица П1. Исходные значения показателей в сфере устойчивого развития Бразилии, 2015–2020 гг.

Показатель	Бразилия	
	2015 г.	2020 г.
1.1.1. Доля населения, живущего за международной чертой бедности (1,25 долл. США в день), в разбивке по полу, возрасту, статусу занятости и месту проживания (городское/сельское)	3,200	4,600
1.3.1. Доля населения, охватываемого минимальным уровнем/системами социальной защиты, в разбивке по полу, с выделением детей, безработных, пожилых, инвалидов, беременных, новорожденных, лиц, получивших трудовое увечье, и бедных и уязвимых	74,900	69,900
1.4.1. Доля населения, живущего в домохозяйствах с доступом к базовым услугам	86,000	90,000
1.5.1. Число погибших, пропавших без вести и пострадавших непосредственно в результате бедствий на 100 тыс. человек	0,072	0,078
2.1.1. Распространенность недоедания	2,500	2,500
2.2.3 Распространенность анемии среди женщин в возрасте 15–49 лет в разбивке по статусу беременности, %	16,800	16,100
3.1.1. Коэффициент материнской смертности	63,000	60,000
3.2.1. Коэффициент смертности детей в возрасте до пяти лет	16,400	13,900
3.2.2. Коэффициент неонатальной смертности	9,400	7,900
3.3.2. Заболеваемость туберкулезом на 100 тыс. человек	43,000	46,000
3.3.5. Число людей, нуждающихся в лечении от «забытых» тропических болезней	11067291,000	9560959,000
3.4.1. Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета, хронических респираторных заболеваний	16,200	15,500
3.4.2. Смертность от самоубийств	5,900	6,900
3.5.2. Употребление алкоголя на душу населения (в возрасте 15 лет и старше) в литрах чистого спирта в календарный год	7,900	7,321
3.6.1. Смертность в результате дорожно-транспортных происшествий	20,800	16,000
3.7.2. Показатель рождаемости среди девушек-подростков (в возрасте от 10 до 14 лет; в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 девушек-подростков в той же возрастной группе	61,700	49,100
3.8.1. Охват основными медико-санитарными услугами	75,000	75,000
3.9.3. Смертность от неумышленного отравления	0,200	0,100
4.1.1. Доля детей и молодежи, приходящаяся на а) учащихся 2-х и 3-х классов; б) выпускников начальной школы; и с) выпускников неполной средней школы, которые достигли по меньшей мере минимального уровня владения навыками i) чтения и ii) математики, в разбивке по полу	97,000	95,160
4.1.2. Процент завершения (начальное образование, неполное и полное среднее образование)	69,710	67,320
Доля государственных расходов на образование от ВВП	5,200	6,200
5.5.1. Доля мест, занимаемых женщинами в а) национальных парламентах и б) местных органах власти	8,970	15,200
6.1.1. Доля населения, пользующегося услугами водоснабжения, организованного с соблюдением требований безопасности	82,000	86,000

Показатель	Бразилия	
	2015 г.	2020 г.
6.2.1. Доля населения, использующего а) организованные с соблюдением требований безопасности услуги санитарии и б) устройства для мытья рук с мылом и водой	44,000	44,000
7.1.1. Доля населения, имеющего доступ к электроэнергии	100,000	100,000
10.7.3. Количество людей, погибших или исчезнувших в процессе миграции в направлении международного назначения	0,000	0,000
10.7.4. Доля беженцев от общей численности населения в разбивке по стране происхождения	0,437	0,747
Ожидаемая продолжительность обучения, дошкольное образование	1,660	1,730
Ожидаемая продолжительность обучения, начальная школа	5,400	5,240
Ожидаемая продолжительность обучения, высшее образование	2,230	2,410
Ожидаемая продолжительность обучения, среднее образование	0,300	0,280
Уровень рождаемости, рождений на одну женщину	1,800	1,700
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	75,000	76,000
Уровень смертности, младенческая смертность (на 1000 живорождений)	14,000	13,000
6.4.1. Динамика изменения эффективности водопользования	23,210	22,620
6.4.2. Уровень нагрузки на водные ресурсы: забор пресной воды в процентном отношении к имеющимся запасам пресной воды	3,020	3,050
6.6.1. Динамика изменения площади связанных с водой экосистем	0,571	–2,118
7.2.1. Доля возобновляемых источников энергии в общем объеме конечного энергопотребления	43,741	47,062
7.3.1. Энергоемкость, рассчитываемая как отношение расхода первичной энергии к ВВП	4,030	3,930
9.4.1. Выбросы CO ₂ на единицу добавленной стоимости	0,459	0,435
11.6.2. Среднегодовой уровень содержания мелких твердых частиц (например, класса PM _{2.5} и PM ₁₀) в атмосфере городов (в пересчете на численность населения)	11,771	11,624
Выбросы CO ₂ на единицу ВВП	0,300	0,200
Выбросы CO ₂ на душу населения	2,200	1,800
Углеродоемкость конечного энергопотребления	47,900	43,200
Углеродоемкость энергопотребления в промышленности	29,200	27,600
Доля низкоуглеродных источников энергии в генерации электроэнергии	76,500	86,300
Доля возобновляемых источников в генерации электроэнергии	74,000	84,100
12.с.1. Сумма субсидий на ископаемое топливо на единицу ВВП (производство и потребление)	0,095	0,119
14.1.1. а) Индекс прибрежной эвтрофикации и б) плотность лома пластмасс	5410680,000	4741,000
15.1.1. Площадь лесов в процентном отношении к общей площади суши	60,287	59,417
15.4.1. Доля важных с точки зрения биологического разнообразия горных районов, находящихся под охраной	48,827	49,895
15.5.1. Индекс Красного списка	0,901	0,898
8.1.1. Ежегодные темпы роста реального ВВП на душу населения	–4,350	0,380
8.2.1. Ежегодные темпы роста реального ВВП на каждого занятого	–3,300	–1,100

Показатель	Бразилия	
	2015 г.	2020 г.
9.5.1. Доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВВП	1,343	1,160
9.b.1. Доля добавленной стоимости продукции среднетехнологичных и высокотехнологичных отраслей в общем объеме добавленной стоимости	35,460	35,020
9.c.1. Доля населения, охваченного мобильными сетями, в разбивке по технологиям	93,530	91,220
10.4.1. Доля ВВП, приходящаяся на оплату труда	61,900	60,400
10.a.1. Доля товарных позиций наименее развитых стран и развивающихся стран, к которым применяются нулевые тарифы	56,354	54,962
10.b.1. Совокупный объем потоков ресурсов в целях развития в разбивке по странам-получателям и странам-донорам и видам потоков (например, официальная помощь в целях развития, прямые иностранные инвестиции и прочие финансовые потоки)	40889,000	10184,000
12.2.2. Совокупное внутреннее материальное потребление и внутреннее материальное потребление на душу населения и в процентном отношении к ВВП	1,466	1,600
17.1.1. Общий объем государственных доходов в процентном отношении к ВВП в разбивке по источникам	40,421	42,559
ВВП на душу населения, ППС (2011 USD)	15064,000	14615,000
Обслуживание долга, % к ВНД	5,100	9,300

Источник: Составлено авторами на основе баз данных ООН, ЮНЕСКО, МЭА и статистического сборника БРИКС.

Таблица П2. Исходные значения показателей в сфере устойчивого развития России, 2015–2020 гг.

Показатель	Россия	
	2015 г.	2020 г.
1.1.1. Доля населения, живущего за международной чертой бедности (1,25 долл. США в день), в разбивке по полу, возрасту, статусу занятости и месту проживания (городское/сельское)	0,000	0,000
1.3.1. Доля населения, охватываемого минимальным уровнем/системами социальной защиты, в разбивке по полу, с выделением детей, безработных, пожилых, инвалидов, беременных, новорожденных, лиц, получивших трудовое увечье, и бедных и уязвимых	90,400	90,100
1.4.1. Доля населения, живущего в домохозяйствах с доступом к базовым услугам	88,000	89,000
1.5.1. Число погибших, пропавших без вести и пострадавших непосредственно в результате бедствий на 100 тыс. человек	0,478	0,222
2.1.1. Распространенность недоедания	2,500	2,500
2.2.3. Распространенность анемии среди женщин в возрасте 15–49 лет в разбивке по статусу беременности, %	20,100	21,100
3.1.1. Коэффициент материнской смертности	18,000	17,000
3.2.1. Коэффициент смертности детей в возрасте до пяти лет	8,200	5,800
3.2.2. Коэффициент неонатальной смертности	3,900	2,600
3.3.2. Заболеваемость туберкулезом на 100 тыс. человек	67,000	50,000
3.3.5. Число людей, нуждающихся в лечении от «забытых» тропических болезней	6,000	1,000

Показатель	Россия	
	2015 г.	2020 г.
3.4.1. Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета, хронических респираторных заболеваний	26,400	24,200
3.4.2. Смертность от самоубийств	32,000	25,100
3.5.2. Употребление алкоголя на душу населения (в возрасте 15 лет и старше) в литрах чистого спирта в календарный год	11,909	10,504
3.6.1. Смертность в результате дорожно-транспортных происшествий	17,500	12,000
3.7.2. Показатель рождаемости среди девушек-подростков (в возрасте от 10 до 14 лет; в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 девушек-подростков в той же возрастной группе	24,000	21,500
3.8.1. Охват основными медико-санитарными услугами	71,000	75,000
3.9.3. Смертность от неумышленного отравления	4,500	3,800
4.1.1. Доля детей и молодежи, приходящаяся на а) учащихся 2-х и 3-х классов; б) выпускников начальной школы; и с) выпускников неполной средней школы, которые достигли по меньшей мере минимального уровня владения навыками i) чтения и ii) математики, в разбивке по полу	99,300	99,400
4.1.2. Процент завершения (начальное образование, неполное и полное среднее образование)	99,300	99,400
Доля государственных расходов на образование от ВВП	3,800	4,000
5.5.1. Доля мест, занимаемых женщинами в а) национальных парламентах и б) местных органах власти	13,560	15,780
6.1.1. Доля населения, пользующегося услугами водоснабжения, организованного с соблюдением требований безопасности	76,000	76,000
6.2.1. Доля населения, использующего а) организованные с соблюдением требований безопасности услуги санитарии и б) устройства для мытья рук с мылом и водой	60,000	61,000
7.1.1. Доля населения, имеющего доступ к электроэнергии	96,000	100,000
10.7.3. Количество людей, погибших или исчезнувших в процессе миграции в направлении международного назначения	0,000	1,000
10.7.4. Доля беженцев от общей численности населения в разбивке по стране происхождения	46,196	36,111
Ожидаемая продолжительность обучения, дошкольное образование	3,410	3,450
Ожидаемая продолжительность обучения, начальная школа	3,960	4,170
Ожидаемая продолжительность обучения, высшее образование	4,020	4,320
Ожидаемая продолжительность обучения, среднее образование	0,040	0,020
Уровень рождаемости, рождений на одну женщину	1,800	1,500
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	71,000	71,000
Уровень смертности, младенческая смертность (на 1000 живорождений)	7,000	4,000
6.4.1. Динамика изменения эффективности водопользования	18,780	19,290
6.4.2. Уровень нагрузки на водные ресурсы: забор пресной воды в процентном отношении к имеющимся запасам пресной воды	3,970	4,040
6.6.1. Динамика изменения площади связанных с водой экосистем	4,604	7,932
7.2.1. Доля возобновляемых источников энергии в общем объеме конечного энергопотребления	3,200	3,181
7.3.1. Энергоемкость, рассчитываемая как отношение расхода первичной энергии к ВВП	7,750	8,120
9.4.1. Выбросы CO ₂ на единицу добавленной стоимости	1,373	1,258

Показатель	Россия	
	2015 г.	2020 г.
11.6.2. Среднегодовой уровень содержания мелких твердых частиц (например, класса PM2.5 и PM10) в атмосфере городов (в пересчете на численность населения)	10,511	9,803
Выбросы CO ₂ на единицу ВВП	1,100	1,100
Выбросы CO ₂ на душу населения	10,600	10,800
Углеродоемкость конечного энергопотребления	80,900	75,100
Углеродоемкость энергопотребления в промышленности	42,900	45,900
Доля низкоуглеродных источников энергии в генерации электроэнергии	15,000	17,600
Доля возобновляемых источников в генерации электроэнергии	7,000	8,800
12.с.1. Сумма субсидий на ископаемое топливо на единицу ВВП (производство и потребление)	2,540	1,660
14.1.1. а) Индекс прибрежной эвтрофикации и б) плотность лома пластмасс	555747,000	681338,000
15.1.1. Площадь лесов в процентном отношении к общей площади суши	49,761	49,784
15.4.1. Доля важных с точки зрения биологического разнообразия горных районов, находящихся под охраной	35,572	35,572
15.5.1. Индекс Красного списка	0,952	0,952
8.1.1. Ежегодные темпы роста реального ВВП на душу населения	–2,170	1,240
8.2.1. Ежегодные темпы роста реального ВВП на каждого занятого	–1,300	2,500
9.5.1. Доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВВП	1,101	0,983
9.б.1. Доля добавленной стоимости продукции среднетехнологичных и высокотехнологичных отраслей в общем объеме добавленной стоимости	28,560	30,490
9.с.1. Доля населения, охваченного мобильными сетями, в разбивке по технологиям	89,000	98,900
10.4.1. Доля ВВП, приходящаяся на оплату труда	51,000	52,000
10.а.1. Доля товарных позиций наименее развитых стран и развивающихся стран, к которым применяются нулевые тарифы	60,206	61,976
10.б.1. Совокупный объем потоков ресурсов в целях развития в разбивке по странам-получателям и странам-донорам и видам потоков (например, официальная помощь в целях развития, прямые иностранные инвестиции и прочие финансовые потоки)	745,000	802,000
12.2.2. Совокупное внутреннее материальное потребление и внутреннее материальное потребление на душу населения и в процентном отношении к ВВП	1,411	1,441
17.1.1. Общий объем государственных доходов в процентном отношении к ВВП в разбивке по источникам	37,442	40,841
ВВП на душу населения, ППС (2011 USD)	25488,000	27970,000
Обслуживание долга в % к ВНД	7,800	6,700

Источник: Составлено авторами на основе баз данных ООН, ЮНЕСКО, МЭА и статистического сборника БРИКС.

Таблица ПЗ. Исходные значения показателей в сфере устойчивого развития Индии, 2015–2020 гг.

Показатель	Индия	
	2015 г.	2020 г.
1.1.1. Доля населения, живущего за международной чертой бедности (1,25 долл. США в день), в разбивке по полу, возрасту, статусу занятости и месту проживания (городское/сельское)	13,600	8,400
1.3.1. Доля населения, охватываемого минимальным уровнем/системами социальной защиты, в разбивке по полу, с выделением детей, безработных, пожилых, инвалидов, беременных, новорожденных, лиц, получивших трудовое увечье, и бедных и уязвимых	22,000	24,400
1.4.1. Доля населения, живущего в домохозяйствах с доступом к базовым услугам	57,000	71,000
1.5.1. Число погибших, пропавших без вести и пострадавших непосредственно в результате бедствий на 100 тыс. человек	0,574	0,209
2.1.1. Распространенность недоедания	14,700	15,300
2.2.3. Распространенность анемии среди женщин в возрасте 15–49 лет в разбивке по статусу беременности, %	52,700	53,000
3.1.1. Коэффициент материнской смертности	158,000	145,000
3.2.1. Коэффициент смертности детей в возрасте до пяти лет	43,500	34,300
3.2.2. Коэффициент неонатальной смертности	25,900	21,700
3.3.2. Заболеваемость туберкулезом на 100 тыс. человек	217,000	193,000
3.3.5. Число людей, нуждающихся в лечении от «забытых» тропических болезней	667768672,000	733660997,000
3.4.1. Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета, хронических респираторных заболеваний	22,600	21,900
3.4.2. Смертность от самоубийств	12,300	12,700
3.5.2. Употребление алкоголя на душу населения (в возрасте 15 лет и старше) в литрах чистого спирта в календарный год	5,521	5,605
3.6.1. Смертность в результате дорожно-транспортных происшествий	15,600	15,600
3.7.2. Показатель рождаемости среди девушек-подростков (в возрасте от 10 до 14 лет; в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 девушек-подростков в той же возрастной группе	11,100	12,200
3.8.1. Охват основными медико-санитарными услугами	55,000	61,000
3.9.3. Смертность от неумышленного отравления	0,300	0,300
4.1.1. Доля детей и молодежи, приходящаяся на а) учащихся 2-х и 3-х классов; б) выпускников начальной школы; и с) выпускников неполной средней школы, которые достигли по меньшей мере минимального уровня владения навыками i) чтения и ii) математики, в разбивке по полу	90,900	93,600
4.1.2. Процент завершения (начальное образование, неполное и полное среднее образование)	52,100	61,000
Доля государственных расходов на образование от ВВП	3,000	3,500
5.5.1. Доля мест, занимаемых женщинами в а) национальных парламентах и б) местных органах власти	11,970	14,440
6.1.1. Доля населения, пользующегося услугами водоснабжения, организованного с соблюдением требований безопасности	51,000	56,000
6.2.1. Доля населения, использующего а) организованные с соблюдением требований безопасности услуги санитарии и б) устройства для мытья рук с мылом и водой	67,000	68,000

Показатель	Индия	
	2015 г.	2020 г.
7.1.1. Доля населения, имеющего доступ к электроэнергии	88,000	98,000
10.7.3. Количество людей, погибших или исчезнувших в процессе миграции в направлении международного назначения	8,000	9,000
10.7.4. Доля беженцев от общей численности населения в разбивке по стране происхождения	0,754	0,939
Ожидаемая продолжительность обучения, дошкольное образование	1,820	1,830
Ожидаемая продолжительность обучения, начальная школа	5,430	5,010
Ожидаемая продолжительность обучения, высшее образование	1,340	1,570
Ожидаемая продолжительность обучения, среднее образование	0,020	0,110
Уровень рождаемости, рождений на одну женщину	2,300	2,200
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	69,000	70,000
Уровень смертности, младенческая смертность (на 1000 живорождений)	35,000	27,000
6.4.1. Динамика изменения эффективности водопользования	2,450	3,020
6.4.2. Уровень нагрузки на водные ресурсы: забор пресной воды в процентном отношении к имеющимся запасам пресной воды	66,490	66,490
6.6.1. Динамика изменения площади связанных с водой экосистем	9,476	6,475
7.2.1. Доля возобновляемых источников энергии в общем объеме конечного энергопотребления	34,396	31,689
7.3.1. Энергоемкость, рассчитываемая как отношение расхода первичной энергии к ВВП	4,890	4,380
9.4.1. Выбросы CO ₂ на единицу добавленной стоимости	1,487	1,385
11.6.2. Среднегодовой уровень содержания мелких твердых частиц (например, класса PM _{2.5} и PM ₁₀) в атмосфере городов (в пересчете на численность населения)	67,217	68,755
Выбросы CO ₂ на единицу ВВП	1,000	0,900
Выбросы CO ₂ на душу населения	1,600	1,700
Углеродоемкость конечного энергопотребления	89,100	87,600
Углеродоемкость энергопотребления в промышленности	59,300	56,400
Доля низкоуглеродных источников энергии в генерации электроэнергии	18,100	22,900
Доля возобновляемых источников в генерации электроэнергии	15,300	20,000
12.с.1. Сумма субсидий на ископаемое топливо на единицу ВВП (производство и потребление)	1,124	0,794
14.1.1. а) Индекс прибрежной эвтрофикации и б) плотность лома пластмасс	883222,000	172809,000
15.1.1. Площадь лесов в процентном отношении к общей площади суши	23,822	24,270
15.4.1. Доля важных с точки зрения биологического разнообразия горных районов, находящихся под охраной	28,070	28,081
15.5.1. Индекс Красного списка	0,693	0,671
8.1.1. Ежегодные темпы роста реального ВВП на душу населения	6,800	3,180
8.2.1. Ежегодные темпы роста реального ВВП на каждого занятого	7,100	3,500
9.5.1. Доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВВП	0,693	0,653
9.б.1. Доля добавленной стоимости продукции среднетехнологичных и высокотехнологичных отраслей в общем объеме добавленной стоимости	42,880	41,470

Показатель	Индия	
	2015 г.	2020 г.
9.с.1. Доля населения, охваченного мобильными сетями, в разбивке по технологиям	95,000	99,060
10.4.1. Доля ВВП, приходящаяся на оплату труда	53,400	56,000
10.а.1. Доля товарных позиций наименее развитых стран и развивающихся стран, к которым применяются нулевые тарифы	35,139	37,997
10.б.1. Совокупный объем потоков ресурсов в целях развития в разбивке по странам-получателям и странам-донорам и видам потоков (например, официальная помощь в целях развития, прямые иностранные инвестиции и прочие финансовые потоки)	12274,000	24002,000
12.2.2. Совокупное внутреннее материальное потребление и внутреннее материальное потребление на душу населения и в процентном отношении к ВВП	3,056	2,834
17.1.1. Общий объем государственных доходов в процентном отношении к ВВП в разбивке по источникам	12,429	13,153
ВВП на душу населения, ППС (2011 USD)	5464,000	6675,000
Обслуживание долга в % к ВНД	2,400	2,900

Источник: Составлено авторами на основе баз данных ООН, ЮНЕСКО, МЭА и статистического сборника БРИКС.

Таблица П4. Исходные значения показателей в сфере устойчивого развития Китая, 2015–2020 гг.

Показатель	Китай	
	2015 г.	2020 г.
1.1.1. Доля населения, живущего за международной чертой бедности (1,25 долл. США в день), в разбивке по полу, возрасту, статусу занятости и месту проживания (городское/сельское)	0,700	0,500
1.3.1. Доля населения, охватываемого минимальным уровнем/системами социальной защиты, в разбивке по полу, с выделением детей, безработных, пожилых, инвалидов, беременных, новорожденных, лиц, получивших трудовое увечье, и бедных и уязвимых	63,000	70,800
1.4.1. Доля населения, живущего в домохозяйствах с доступом к базовым услугам	84,000	92,000
1.5.1. Число погибших, пропавших без вести и пострадавших непосредственно в результате бедствий на 100 тыс. человек	0,070	0,065
2.1.1. Распространенность недоедания	3,000	3,000
2.2.3. Распространенность анемии среди женщин в возрасте 15–49 лет в разбивке по статусу беременности, %	14,900	15,500
3.1.1. Коэффициент материнской смертности	30,000	29,000
3.2.1. Коэффициент смертности детей в возрасте до пяти лет	10,700	7,900
3.2.2. Коэффициент неонатальной смертности	5,400	3,900
3.3.2. Заболеваемость туберкулезом на 100 тыс. человек	65,000	58,000
3.3.5. Число людей, нуждающихся в лечении от «забытых» тропических болезней	26100630,000	22841,000
3.4.1. Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета, хронических респираторных заболеваний	16,800	15,900
3.4.2. Смертность от самоубийств	8,100	8,100

Показатель	Китай	
	2015 г.	2020 г.
3.5.2. Употребление алкоголя на душу населения (в возрасте 15 лет и старше) в литрах чистого спирта в календарный год	7,101	6,040
3.6.1. Смертность в результате дорожно-транспортных происшествий	18,300	17,400
3.7.2. Показатель рождаемости среди девушек-подростков (в возрасте от 10 до 14 лет; в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 девушек-подростков в той же возрастной группе	9,200	9,300
3.8.1. Охват основными медико-санитарными услугами	76,000	79,000
3.9.3. Смертность от неумышленного отравления	2,000	1,800
4.1.1. Доля детей и молодежи, приходящаяся на а) учащихся 2-х и 3-х классов; б) выпускников начальной школы; и с) выпускников неполной средней школы, которые достигли по меньшей мере минимального уровня владения навыками i) чтения и ii) математики, в разбивке по полу	94,600	95,600
4.1.2. Процент завершения (начальное образование, неполное и полное среднее образование)	55,400	59,300
Доля государственных расходов на образование от ВВП	4,200	4,100
5.5.1. Доля мест, занимаемых женщинами в а) национальных парламентах и б) местных органах власти	23,620	24,940
6.1.1. Доля населения, пользующегося услугами водоснабжения, организованного с соблюдением требований безопасности	93,000	95,000
6.2.1. Доля населения, использующего а) организованные с соблюдением требований безопасности услуги санитарии и б) устройства для мытья рук с мылом и водой	52,000	70,000
7.1.1. Доля населения, имеющего доступ к электроэнергии	100,000	100,000
10.7.3. Количество людей, погибших или исчезнувших в процессе миграции в направлении международного назначения	15,000	0,000
10.7.4. Доля беженцев от общей численности населения в разбивке по стране происхождения	16,202	13,070
Ожидаемая продолжительность обучения, дошкольное образование	2,360	2,790
Ожидаемая продолжительность обучения, начальная школа	5,780	6,250
Ожидаемая продолжительность обучения, высшее образование	2,270	3,150
Ожидаемая продолжительность обучения, среднее образование	0,070	0,060
Уровень рождаемости, рождений на одну женщину	1,700	1,700
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	76,000	77,000
Уровень смертности, младенческая смертность (на 1000 живорождений)	8,000	6,000
6.4.1. Динамика изменения эффективности водопользования	18,070	23,540
6.4.2. Уровень нагрузки на водные ресурсы: забор пресной воды в процентном отношении к имеющимся запасам пресной воды	43,200	43,200
6.6.1. Динамика изменения площади связанных с водой экосистем	7,546	11,996
7.2.1. Доля возобновляемых источников энергии в общем объеме конечного энергопотребления	12,245	13,124
7.3.1. Энергоемкость, рассчитываемая как отношение расхода первичной энергии к ВВП	7,200	6,300
9.4.1. Выбросы CO2 на единицу добавленной стоимости	0,523	0,449

Показатель	Китай	
	2015 г.	2020 г.
11.6.2. Среднегодовой уровень содержания мелких твердых частиц (например, класса PM2.5 и PM10) в атмосфере городов (в пересчете на численность населения)	50,283	45,756
Выбросы CO ₂ на единицу ВВП	0,800	0,700
Выбросы CO ₂ на душу населения	6,700	7,100
Углеродоемкость конечного энергопотребления	110,700	112,700
Углеродоемкость энергопотребления в промышленности	70,100	64,700
Доля низкоуглеродных источников энергии в генерации электроэнергии	22,500	26,300
Доля возобновляемых источников в генерации электроэнергии	20,100	22,400
12.с.1. Сумма субсидий на ископаемое топливо на единицу ВВП (производство и потребление)	0,218	0,213
14.1.1. а) Индекс прибрежной эвтрофикации и б) плотность лома пластмасс	14219138,000	134588,000
15.1.1. Площадь лесов в процентном отношении к общей площади суши	22,313	23,341
15.4.1. Доля важных с точки зрения биологического разнообразия горных районов, находящихся под охраной	11,005	11,821
15.5.1. Индекс Красного списка	0,752	0,735
8.1.1. Ежегодные темпы роста реального ВВП на душу населения	6,480	5,650
8.2.1. Ежегодные темпы роста реального ВВП на каждого занятого	6,900	6,600
9.5.1. Доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВВП	2,057	2,141
9.б.1. Доля добавленной стоимости продукции среднетехнологичных и высокотехнологичных отраслей в общем объеме добавленной стоимости	41,450	41,450
9.с.1. Доля населения, охваченного мобильными сетями, в разбивке по технологиям	99,500	99,900
10.4.1. Доля ВВП, приходящаяся на оплату труда	51,600	51,300
10.а.1. Доля товарных позиций наименее развитых стран и развивающихся стран, к которым применяются нулевые тарифы	34,597	38,344
10.б.1. Совокупный объем потоков ресурсов в целях развития в разбивке по странам-получателям и странам-донорам и видам потоков (например, официальная помощь в целях развития, прямые иностранные инвестиции и прочие финансовые потоки)	18063,000	42379,000
12.2.2. Совокупное внутреннее материальное потребление и внутреннее материальное потребление на душу населения и в процентном отношении к ВВП	3,653	3,464
17.1.1. Общий объем государственных доходов в процентном отношении к ВВП в разбивке по источникам	28,916	28,148
ВВП на душу населения, ППС (2011 USD)	12612,000	17603,000
Обслуживание долга в % к ВНД	1,200	1,900

Источник: Составлено авторами на основе баз данных ООН, ЮНЕСКО, МЭА и статистического сборника БРИКС.

Таблица П5. Исходные значения показателей в сфере устойчивого развития ЮАР, 2015–2020 гг.

Показатель	ЮАР	
	2015 г.	2020 г.
1.1.1. Доля населения, живущего за международной чертой бедности (1,25 долл. США в день), в разбивке по полу, возрасту, статусу занятости и месту проживания (городское/сельское)	5,700	6,300
1.3.1. Доля населения, охватываемого минимальным уровнем/системами социальной защиты, в разбивке по полу, с выделением детей, безработных, пожилых, инвалидов, беременных, новорожденных, лиц, получивших трудовое увечье, и бедных и уязвимых	47,800	49,300
1.4.1. Доля населения, живущего в домохозяйствах с доступом к базовым услугам	74,000	78,000
1.5.1. Число погибших, пропавших без вести и пострадавших непосредственно в результате бедствий на 100 тыс. человек	0,559	0,537
2.1.1. Распространенность недоедания	5,200	6,500
2.2.3. Распространенность анемии среди женщин в возрасте 15–49 лет в разбивке по статусу беременности, %	28,900	30,500
3.1.1. Коэффициент материнской смертности	125,000	119,000
3.2.1. Коэффициент смертности детей в возрасте до пяти лет	37,100	34,500
3.2.2. Коэффициент неонатальной смертности	11,000	11,500
3.3.2. Заболеваемость туберкулезом на 100 тыс. человек	988,000	615,000
3.3.5. Число людей, нуждающихся в лечении от «забытых» тропических болезней	6696701,000	18807465,000
3.4.1. Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета, хронических респираторных заболеваний	28,800	24,100
3.4.2. Смертность от самоубийств	24,500	23,500
3.5.2. Употребление алкоголя на душу населения (в возрасте 15 лет и старше) в литрах чистого спирта в календарный год	9,460	9,451
3.6.1. Смертность в результате дорожно-транспортных происшествий	24,100	22,200
3.7.2. Показатель рождаемости среди девушек-подростков (в возрасте от 10 до 14 лет; в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 девушек-подростков в той же возрастной группе	71,100	40,900
3.8.1. Охват основными медико-санитарными услугами	64,000	67,000
3.9.3. Смертность от неумышленного отравления	1,900	1,700
4.1.1. Доля детей и молодежи, приходящаяся на а) учащихся 2-х и 3-х классов; б) выпускников начальной школы; и с) выпускников неполной средней школы, которые достигли по меньшей мере минимального уровня владения навыками i) чтения и ii) математики, в разбивке по полу	96,900	98,000
4.1.2. Процент завершения (начальное образование, неполное и полное среднее образование)	45,400	47,600
Доля государственных расходов на образование от ВВП	6,900	6,900
5.5.1. Доля мест, занимаемых женщинами в а) национальных парламентах и б) местных органах власти	41,500	45,840
6.1.1. Доля населения, пользующегося услугами водоснабжения, организованного с соблюдением требований безопасности	84,000	81,000
6.2.1. Доля населения, использующего а) организованные с соблюдением требований безопасности услуги санитарии и б) устройства для мытья рук с мылом и водой	44,000	44,000
7.1.1. Доля населения, имеющего доступ к электроэнергии	85,000	85,000

Показатель	ЮАР	
	2015 г.	2020 г.
10.7.3. Количество людей, погибших или исчезнувших в процессе миграции в направлении международного назначения	3,000	0,000
10.7.4. Доля беженцев от общей численности населения в разбивке по стране происхождения	0,807	0,833
Ожидаемая продолжительность обучения, дошкольное образование	0,770	0,700
Ожидаемая продолжительность обучения, начальная школа	7,300	6,850
Ожидаемая продолжительность обучения, высшее образование	1,130	1,240
Ожидаемая продолжительность обучения, среднее образование	0,340	0,370
Уровень рождаемости, рождений на одну женщину	2,500	2,400
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	63,000	64,000
Уровень смертности, младенческая смертность (на 1000 живорождений)	29,000	26,000
6.4.1. Динамика изменения эффективности водопользования	14,940	14,320
6.4.2. Уровень нагрузки на водные ресурсы: забор пресной воды в процентном отношении к имеющимся запасам пресной воды	59,750	63,560
6.6.1. Динамика изменения площади связанных с водой экосистем	−0,619	−15,397
7.2.1. Доля возобновляемых источников энергии в общем объеме конечного энергопотребления	10,292	10,343
7.3.1. Энергоемкость, рассчитываемая как отношение расхода первичной энергии к ВВП	7,580	7,700
9.4.1. Выбросы CO ₂ на единицу добавленной стоимости	1,137	1,062
11.6.2. Среднегодовой уровень содержания мелких твердых частиц (например, класса PM _{2.5} и PM ₁₀) в атмосфере городов (в пересчете на численность населения)	27,106	25,148
Выбросы CO ₂ на единицу ВВП	1,300	1,300
Выбросы CO ₂ на душу населения	7,600	7,400
Углеродоемкость конечного энергопотребления	151,400	149,900
Углеродоемкость энергопотребления в промышленности	46,600	44,200
Доля низкоуглеродных источников энергии в генерации электроэнергии	7,300	10,400
Доля возобновляемых источников в генерации электроэнергии	2,400	5,100
12.с.1. Сумма субсидий на ископаемое топливо на единицу ВВП (производство и потребление)	0,773	1,334
14.1.1. а) Индекс прибрежной эвтрофикации и б) плотность лома пластмасс	1059365,000	304,000
15.1.1. Площадь лесов в процентном отношении к общей площади суши	14,205	14,055
15.4.1. Доля важных с точки зрения биологического разнообразия горных районов, находящихся под охраной	29,694	31,906
15.5.1. Индекс Красного списка	0,785	0,770
8.1.1. Ежегодные темпы роста реального ВВП на душу населения	−0,340	−1,160
8.2.1. Ежегодные темпы роста реального ВВП на каждого занятого	−2,500	0,700
9.5.1. Доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВВП	0,798	0,832
9.б.1. Доля добавленной стоимости продукции среднетехнологичных и высокотехнологичных отраслей в общем объеме добавленной стоимости	24,430	24,430

Показатель	ЮАР	
	2015 г.	2020 г.
9.с.1. Доля населения, охваченного мобильными сетями, в разбивке по технологиям	99,900	99,970
10.4.1. Доля ВВП, приходящаяся на оплату труда	53,000	54,100
10.а.1. Доля товарных позиций наименее развитых стран и развивающихся стран, к которым применяются нулевые тарифы	59,021	60,988
10.б.1. Совокупный объем потоков ресурсов в целях развития в разбивке по странам-получателям и странам-донорам и видам потоков (например, официальная помощь в целях развития, прямые иностранные инвестиции и прочие финансовые потоки)	6330,000	5239,000
12.2.2. Совокупное внутреннее материальное потребление и внутреннее материальное потребление на душу населения и в процентном отношении к ВВП	1,521	1,499
17.1.1. Общий объем государственных доходов в процентном отношении к ВВП в разбивке по источникам	37,766	38,679
ВВП на душу населения, ППС (2011 USD)	14010,000	13126,000
Обслуживание долга в % к ВНД	6,400	8,700

Источник: Составлено авторами на основе баз данных ООН, ЮНЕСКО, МЭА и статистического сборника БРИКС.

The BRICS Sustainable Development Index: the Results¹

A. Sakharov, K. Dorokhina

Andrei Sakharov – Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russia; sakharov-ag@ranepa.ru

Ksenia Dorokhina – Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russia; dorokhina-km@ranepa.ru

Abstract

This article discusses the results of the study on the formation of the BRICS Sustainable Development Index. The authors describe the methodology of the index, the indicator selection process, and methodological problems and challenges, and also provide a detailed analysis of the dynamics of sustainable development goal (SDG) indicators for the BRICS countries (Brazil, Russia, India, China, and South Africa) in 2015–20.

The results of the study indicate both the overall progress of the BRICS countries toward SDG implementation and the presence of negative trends in a number of areas and for some countries. For 53 of the 64 indicators selected for the analysis, positive trends were recorded, on average, across BRICS. Nevertheless, the index identified several negative trends across a number of issue areas for individual states and for the group as a whole. These trends include: an increase in the average prevalence of malnutrition, an increase in the number of people in need of treatment for tropical diseases, increasing pressure on water ecosystems in the BRICS countries amid a decrease in their area, a decrease in the share of research and development expenditures of gross national product (GDP), and a decline in biodiversity indicators.

Keywords: Sustainable Development Goals (SDGs), 2030 Agenda for Sustainable Development, sustainable development, BRICS

Acknowledgements: the article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme.

For citation: Sakharov A., Dorokhina K. (2023) The BRICS Sustainable Development Index: the Results. *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 1, pp. 75–106 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-03

References

BRICS (2022) Joint Statistical Publication. Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BRICS%20Joint%20Statistical%20Publication-2022.pdf> (accessed 9 March 2023).

International Energy Agency (IEA) (n.d.) Data and Statistics. Available at: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-sets> (accessed 9 March 2023).

United Nations (UN) (2016) Sistema global'nyh pokazatelej dostizhenija celej v oblasti ustojchivogo razvitiya i vypolneniya zadach Povestki dnja v oblasti ustojchivogo razvitiya na period do 2030 goda [Global Indicator Framework for the Sustainable Development Goals and Targets of the 2030 Agenda for Sustainable Development].

---

¹ This article was submitted 28.12.2022.

ment]. Available at: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%202020%20review_Rus.pdf (accessed 9 March 2023) (in Russian).

United Nations (UN) (n.d.) SDG Indicators Database. Available at: <https://unstats.un.org/sdgs/dataportal/database> (accessed 9 March 2023).

United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) Institute for Statistics (UIS) (n.d.). Available at: <http://data.uis.unesco.org> (accessed 9 March 2023).

Почему многосторонний подход к регулированию аудиовизуальных услуг сдает позиции в ВТО¹

О.В. Бирюкова

Бирюкова Ольга Владимировна — к.э.н., доцент факультета мировой экономики и мировой политики, с.н.с. Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; Olga.Birjukova@mail.ru
ORCID iD — <https://orcid.org/0000-0002-4845-6897>

Аннотация

Торговля аудиовизуальными услугами позволяет достигать экономических целей и оказывает влияние на социальные ценности принимающих стран. Именно поэтому эта сфера, в которой столкнулись противоположные подходы США и Европейского союза (ЕС), традиционно была одним из самых сложных вопросов на переговорах Всемирной торговой организации (ВТО). Автор показывает, что меры, связанные с культурной политикой, могут формировать протекционистские торговые барьеры для поддержки национальных компаний. Стремительное развитие технологий расширило возможности передачи и распространения аудио- и видеоконтента. В то же время существующие многосторонние торговые правила, а также применяемая классификация аудиовизуальных услуг становятся все более нерелевантными. В статье делается вывод о том, что, с одной стороны, растущий рынок аудиовизуальных услуг требует более четких правил для трансграничной торговли, а с другой стороны — тенденция к формированию региональных блоков со специфическими правилами усложняет переговоры (или даже общее понимание) о правилах торговли аудиовизуальными услугами в рамках ВТО.

Ключевые слова: аудиовизуальные услуги, либерализация, ГАТС, технологическая нейтральность, торговые барьеры

Благодарности: данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2022 г.

Автор благодарит г-жу Руози Чжан, советника Отдела торговли услугами и инвестиций Секретариата ВТО, за вдохновляющие обсуждения вопросов, связанных с классификацией услуг.

Для цитирования: Бирюкова О.В. Почему многосторонний подход к регулированию аудиовизуальных услуг сдает позиции в ВТО // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 1. С. 107–126 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-04

¹ Статья поступила в редакцию 02.12.2022.

Об авторе: Ольга Бирюкова является автором многих работ по вопросам международной торговли, включая регулирование в сфере услуг. Участвует в фундаментальных исследованиях и экспертизе для правительства России и Евразийской экономической комиссии по вопросам торговой политики. В 2018–2022 гг. — ведущий российский переговорщик по электронной коммерции, торговле услугами и инвестициям в ВТО (Женева, Швейцария).

Введение

Переговоры по либерализации аудиовизуальных услуг (фильмы, презентации, телевизионные программы, услуги кинотеатров и корпоративные конференции) традиционно являются одним из наиболее спорных вопросов в рамках ВТО. Немаловажную роль в развитии торговли в этом секторе играет национальная политика государства в сфере культуры, науки и образования. Аудиовизуальные услуги характеризуются двойственным содержанием. С одной стороны, компании, действующие в этой области, — это коммерческие предприятия, которые должны приносить прибыль, с другой — на рынках многих стран они рассматриваются как проводники «чужих» социальных норм и ценностей. Этот двойственный характер аудиовизуальных услуг в значительной степени определил их особое место в международной торговле услугами и привел к тому, что многие страны относятся к либерализации данного сектора с большой осторожностью.

В настоящее время 87 членов Всемирной торговой организации (ВТО) ведут переговоры по электронной коммерции в рамках плюрилатеральной совместной инициативы. Члены ВТО, в том числе многие развивающиеся страны, участвуют в этой инициативе для разработки базовых правил управления глобальной цифровой экономикой. В частности, члены стремятся к общим дисциплинам для упрощения дистанционных транзакций и укрепления доверия к цифровым рынкам, одновременно способствуя преодолению барьеров в электронной торговле [WTO, 2023]. Разрабатываемые договоренности будут влиять на регулирование цифровых услуг (доступ в интернет, IP-телефония, видео по запросу, распространение контента через онлайн-сервисы, так называемые услуги интеллектуальных сетей связи и др.). Этим обусловлена дополнительная необходимость анализа правил международной торговли аудиовизуальными услугами, а также торгов — политических подходов государств-членов к этим вопросам.

Актуальность данной темы также связана с современной трансформирующей эволюцией: появлением крупных онлайн-платформ, которые определяют беспрецедентные изменения в производстве, распространении, радиовещании и потреблении аудиовизуального контента [Nieborg, Poell, 2018]. Присутствие этих посредников в повседневной жизни граждан и потребителей поднимает серьезные регулятивные вопросы [Mansell, 2015].

Цель данной статьи состоит в обзоре существующих правил ВТО, которые оказывают влияние на аудиовизуальные услуги, а также в оценке перспектив заключения новой сделки в этом быстроразвивающемся и технологически сложном секторе. В статье анализируется, как правила ВТО (в первую очередь Генеральное соглашение по тарифам и торговле и Генеральное соглашение по торговле услугами) регулируют торговлю аудиовизуальными услугами. Затем в статье исследуется, как нормативная дихотомия между нормой «свободной торговли» и соблюдением «культурных исключений» влияет на приоритеты США и ЕС в международной повестке аудиовизуальной политики. Отмечается особая роль Конвенции ЮНЕСКО в противостоянии этих подходов. Приведены примеры барьеров в международной торговле аудиовизуальными услугами. Далее автор анализирует эволюцию нормативно-правовых актов в ЕС как ключевом экспортере аудиовизуальных услуг. Делается вывод о том, что для достижения многосторонней торговой сделки по аудиовизуальным услугам в ближайшем будущем нет весомых предпосылок.

Регулирование аудиовизуальных услуг в правилах ГАТТ и ГАТС

Проблема регулирования экспорта кинофильмов существовала еще в момент подписания Генерального соглашения по тарифам и торговле в 1947 г. (ГАТТ). Опасаясь агрессивной экспансии американской киноиндустрии, Великобритания и Франция сформулировали в ГАТТ ст. IV «Особые положения, относящиеся к кинофильмам». Эта статья разрешает странам применять экранные квоты на показ отечественных кинофильмов. Опираясь на эту статью, Великобритания, Германия, Франция и Япония впоследствии отводили часть (примерно треть) экранного времени для показа национальных фильмов, треть — американских и треть — фильмов других стран.

В начале 1990-х годов ГАТТ было институционализировано во Всемирную торговую организацию, которая расширила регулирование не только на товарную, но и другие сферы. Так, в 1995 г. вступило в силу Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС) — первое многостороннее соглашение, охватывающее торговлю в секторах услуг, включая аудиовизуальные услуги. Соглашение было основано на представлении о том, что безопасный доступ к рынкам и постепенная либерализация могут стимулировать рост торговли услугами аналогично тому, как ГАТТ с 1947 г. способствовал торговле товарами. С другой стороны, ГАТС допускает возможность осуществления внутренней регулятивной и политической автономии различными путями — ключевой вопрос в случае аудиовизуального сектора, имеющего особое значение для культуры и самобытности членов ВТО [Zampetti, 2003].

Поскольку при создании ВТО ГАТТ, регулирующее торговлю товарами (включая ст. IV по кинофильмам), было сохранено, а регулирующий торговлю услугами ГАТС был добавлен, при интерпретации обязательств членов ВТО в отношении такой категории, как кинофильмы, может возникнуть двоякая ситуация. С одной стороны, к ним могут применяться обязательства по предоставлению национального режима, прописанные в ст. III ГАТТ. С другой стороны, на них распространяются обязательства по аудиовизуальным услугам в соответствии с ГАТС.

Заложенный в ГАТС подход подразумевает определенную гибкость в отношении либерализации, то есть перечни специфических обязательств в торговле услугами являются индивидуальными. В результате, например, такие члены ВТО, как ЕС, Канада и Швейцария, не включили сектор аудиовизуальных услуг в свои обязательства, чтобы иметь возможность сохранить национальные регулятивные меры, связанные с политикой в сфере культуры [Grabert, 2006].

Обратной стороной компромисса стало то, что все члены ВТО должны были согласиться с принципом постепенной либерализации². Следовательно, вопрос об открытии рынков кино и телевидения должен был вновь появиться в повестке будущих торговых переговоров. Однако в ходе Дохийского раунда развития, на котором рассматривалась и сфера услуг, каких-либо договоренностей по доступу на рынок аудиовизуальных услуг достичь не удалось.

В настоящее время фильмы редко рассматриваются как физические товары, на которые распространяются тарифы. Поэтому если в соответствии с ГАТС у члена ВТО нет обязательств в отношении аудиовизуальных услуг, на практике он может вводить ограничения в отношении доступа на рынок и национального режима на производство, распространение и показ фильмов, включая субсидии для национальных фильмов. Но даже если фильмы рассматривать как физические товары, вероятность успеш-

² GATS, Art.XIX:1; Marrakesh Agreement, preamble.

ного оспаривания мер по субсидированию национальной киноиндустрии низкая. В таком случае истец должен суметь доказать, что субсидии влияют на конкуренцию между аналогичными отечественными и импортными товарами в ущерб импортным товарам.

Определение аудиовизуального сектора в ВТО и технологическая нейтральность

ГАТС не содержит самой классификации. Таким образом, для целей фиксации обязательств в торговле услугами в свои перечни члены ВТО в основном использовали Список классифицированных услуг по секторам (ВТО, 1991 г.). Этот документ содержит ссылки на соответствующие категории СРС Классификации основных продуктов Организации Объединенных Наций 1991 г. (Central Product Classification, prov.). Список не является обязательным, но на практике многие члены ВТО следовали его классификации в своих перечнях специфических обязательств. Следует отметить, что категории услуг в Списке должны быть взаимоисключающими [WTO, 2005a, para. 180]. В соответствии с этим Списком сектор аудиовизуальных услуг является частью более широкой категории «услуг связи».

Список неоднократно подвергался критике за содержащиеся ошибки, недоработки и неточности. Кроме того, многие виды цифровых услуг ранее не существовали, в связи с чем не были классифицированы в документе ООН и, как результат, не обозначены и в Списке. Вместе с тем альтернативного Списку документа в ВТО не существует, а все попытки уточнить классификацию услуг в рабочих органах, занимающихся вопросами торговли услугами, в последние годы были заморожены. Это обусловлено тем, что классификация услуг является очень чувствительным и технически сложным вопросом для стран, поскольку непосредственно связана с интерпретацией принятых обязательств и толкованием новых видов услуг, к тому же речь зачастую идет о высокодоходных технологичных секторах.

Аудиовизуальные услуги определены Списком в группу «2.D». Примечательно, что для двух подгрупп аудиовизуальных услуг отсутствует «переключатель» на Классификатор ООН. Важно и то, что услуги, которые могут быть отнесены к аудиовизуальным, могут быть «найжены» не только в разделе «2.D», но и в других разделах Списка, то есть фактически их охват значительно шире. Так, например, к аудиовизуальным услугам можно отнести исполнение концертов, прокат видеозаписей, оптовую и розничную торговлю товарами (если речь идет, например, об оптовой продаже кинематографических фильмов) [WTO, 2010].

Разработанный более 25 лет назад Список не отражает должным образом технологических изменений, произошедших в отрасли, то есть тот факт, что аудиовизуальный контент теперь может передаваться с помощью гораздо более широкого спектра средств. Например, в зависимости от того, как выделять основные технические характеристики, услуги интернет-телевидения (OTT Video Streaming Services) могут рассматриваться и как видеослужбы, и как интернет-услуги, и как услуги электронного поиска данных. Соответственно, их можно отнести к трем разным категориям в перечнях специфических обязательств членов ВТО: аудиовизуальным, компьютерным или телекоммуникационным услугам [Kwak, Kim, 2020]. Таким образом, юридическая категоризация услуг интернет-телевидения в рамках ГАТС будет автоматически определять обязательный уровень доступа на рынок члена ВТО и его обязательства по национальному режиму для иностранных компаний.

Развитие технологий и бизнес-моделей привело к тому, что многие услуги, которые появились сравнительно недавно, прямо не упоминаются в Списке. К таковым относятся, например, облачное хранение данных, веб-хостинг, социальные сети, поисковые системы, кол-центры, мобильные приложения, онлайн-видео или онлайн-игры. В ГАТС отсутствует определение «новых» услуг [Zhang, 2015]. За все время существования ВТО члены организации так и не смогли прийти к общему пониманию, как разграничить «новую» услугу с существующей, но предоставляемой с использованием новых технологий. Этот вопрос имеет принципиальное значение для интерпретации принятых членами обязательств по доступу на рынок и национальному режиму в торговле услугами, то есть для установления того, есть ли у страны обязательства по торговле определенными видами услуг или же это «новая» услуга, и тогда у члена ВТО есть пространство для маневра в отношении регулирования.

В условиях цифровых преобразований в качестве одного из вариантов подхода к применению международных соглашений часто рассматривается принцип технологической нейтральности, который позволяет применять существующие правила регулирования к новым технологиям [Shadikhodjaev, 2021]. Однако в соглашениях ВТО отношение к этому принципу неоднозначное. Так, ст. 27 Соглашения ТРИПС содержит обязательство о технологической нейтральности, в Соглашении по техническим барьерам в торговле используются рекомендательные формулировки, а в ГАТС статус этого принципа вообще не ясен [Gagliani, 2020].

Понятие «технологическая нейтральность» было использовано применительно к ГАТС в Докладе о проделанной работе от 19 июля 1999 г., принятом Советом по торговле услугами в рамках Рабочей программы по электронной коммерции [WTO, 1999]. В этом докладе указывалось, что ГАТС является технологически нейтральным, то есть это соглашение не содержит положений, устанавливающих дифференциацию между различными технологиями, посредством которых может быть осуществлена поставка услуг. Применительно к новым технологиям это означает, что действие ГАТС должно распространяться и на те услуги, которые появились после принятия этого соглашения.

Технологическая нейтральность ГАТС в определенной мере затрагивалась в спорах в рамках ВТО. В докладе по спору «США — Азартные игры» Третьей группа (ТГ) указала, что обязательство государства по доступу на рынок для первого способа поставки подразумевает право поставщиков других членов ВТО предоставлять услугу всеми средствами: по почте, телефону, интернету и т.д., если иное не указано в перечне специфических обязательств. Согласно позиции ТГ, данный подход соответствует «принципу технологической нейтральности», разделяемому большинством членов ВТО [WTO, 2004, para. 6.285].

В споре «Китай — Публикации и аудиовизуальная продукция» США прямо ссылались на принцип технологической нейтральности, обосновывая свой тезис о том, что ГАТС не ограничивает технологические способы поставки услуг [WTO, 2009, para. 4.476]. Китай, в свою очередь, указывал, что принцип технологической нейтральности на момент спора находился на рассмотрении членов ВТО, а указания ТГ на этот принцип в споре «США — Азартные игры» не были подтверждены (рассмотрены) Апелляционным органом. Более того, согласно позиции Китая, применение принципа технологической нейтральности противоречит тому, что добавление так называемых «новых» услуг в перечни обязательств по услугам возможно только посредством переговоров [WTO, 2009, para. 4.477].

Китай также сослался на тот факт, что рассматриваемый принцип не имеет отношения к рассматриваемому спору [WTO, 2009, para. 4.478]. ТГ не оценивала в данном

случае принцип технологической нейтральности. В то же время представляет интерес формулировка, примененная к принципу: «каким бы ни был его статус в рамках ВТО» [WTO, 2009, para. 7.1264]. То есть ТГ оставила вопрос о статусе принципа открытым. Наряду с этим она отметила, что при определенных обстоятельствах принцип мог бы быть принят во внимание.

Таким образом, применение технологической нейтральности в тех или иных сферах регулирования ВТО зависит от контекста, а право организации не дает четкого ответа, является ли он руководящим принципом, обязательным правилом или просто одним из нескольких вариантов рассмотрения ситуации.

Переговорные позиции ЕС и США в отношении либерализации аудиовизуальных услуг в ВТО

Переговорная история отражает наличие полярных взглядов в отношении либерализации аудиовизуальных услуг среди ведущих членов ВТО.

США, руководствуясь своими значительными экспортными интересами в аудиовизуальной индустрии, в течение последних десятилетий решительно выступали за либерализацию и настаивали на том, чтобы эта сфера была предметом переговоров в ВТО. По их мнению, то, что аудиовизуальные услуги могут иметь особое культурное значение, не означает, что сектор не должен регулироваться торговыми правилами, действующими в отношении других услуг, которые также могут иметь специфические характеристики. ГАТС содержит довольно гибкие правила торговли, которые учитывают особенности отдельных секторов. Так, в 2000 г. американцы указывали, что Решение по финансовым услугам, являющееся Приложением к ГАТС, предоставляет регулирующим органам исключительные полномочия по принятию пруденциальных мер для обеспечения, среди прочего, целостности финансовых систем членов ВТО [WTO, 2000].

В ходе Дохийского раунда США предложили существенно изменить классификацию в секторе аудиовизуальных услуг, чтобы обеспечить либерализацию. Одно из наиболее примечательных предложений заключалось в том, чтобы разбить подкатегорию «Услуги по производству и распространению кинофильмов и видеокассет» в Списке на четыре подсектора: «Услуги по продвижению или рекламе»; «Услуги по производству кинофильмов или видеокассет»; «Услуги по распространению кинофильмов или видеокассет»; «Другие услуги в связи с производством и распространением кинофильмов и видеокассет» [WTO, 2005b].

Кроме того, США предлагали ввести новую категорию «Другие услуги связи», которая отсутствует в Списке. В измененную классификацию предлагалось включить: кабельные услуги, предоставляемые по кабельным системам; одностороннюю спутниковую передачу телевизионных услуг прямого телевидения (Direct-to-Home) и непосредственного спутникового вещания (Direct Broadcast Satellite) и цифровые аудиослужбы; услуги по трансляции программ, телевизионного вещания; радиовещания; объединенные радио- и телевизионные услуги по созданию программ и вещанию. Предлагаемый подход к классификации отделял элемент «вещание» от элемента «контент» в аудиовизуальных услугах.

Что касается позиции европейских стран (Великобритании, Франции), то они с момента заключения ГАТТ в 1947 г. решительно настаивали на исключениях, связанных со сферой культуры. Впоследствии ЕС последовательно выступал за сохранение и развитие европейской медиаиндустрии [Garrett, 1994] и, как результат, поощрение

«культурного разнообразия» [EU, 2002]. Следуя этой логике, Брюссель никогда не принимал обязательств в отношении аудиовизуальных услуг, чтобы сохранять максимальную свободу действий во внутренней политике в сфере культуры. Кроме того, он запланировал ряд исключений по предоставлению РНБ. Такой подход сохраняется и в ходе переговоров в ВТО в рамках совместной инициативы по электронной коммерции [EU, 2019]. ЕС, выступая за либерализацию компьютерных и телекоммуникационных услуг [Birjukova 2022], полностью игнорирует аудиовизуальные услуги, несмотря на технологическую конвергенцию этих секторов, содействующих развитию цифровой торговли. В целом осторожная стратегия ЕС не соответствует имиджу ведущего разработчика «продвинутых» правил в области электронной коммерции. В то же время Вашингтон, для которого важной задачей является обеспечение свободы перемещения данных, готов идти дальше и выступает за открытие более широкого набора секторов услуг.

Сопряженность вопросов культуры и торговли

Противостояние членов ВТО в отношении регулирования аудиовизуальных услуг получило развитие на площадке другой организации – ЮНЕСКО [Voon, 2006]. Ввиду потенциальных противоречий между торговлей и культурой в рамках ВТО важнейшее значение для толкования ситуации имеет Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (UNESCO Convention 2005), принятая 20 октября 2005 г. на 33-й Генеральной конференции ЮНЕСКО (далее – Конвенция). Из 156 стран, проголосовавших по ней, 148 проголосовали «за», только Израиль и США проголосовали «против», Австралия, Гондурас, Либерия и Нигерия воздержались.

США с самого начала выступали против нового документа. Главная причина противодействия США заключалась в нежелании, чтобы ЮНЕСКО была вовлечена в торговую политику. Вашингтон настаивал на том, что регулирование торговли относится исключительно к юрисдикции ВТО. Помимо критики Конвенции как инструмента, призванного замаскировать протекционизм, США утверждали, что подписавшие Конвенцию нарушили права своих граждан на свободу слова и информации [U.S.Mission to UNESCO, 2005].

Основными целями Конвенции являются признание двойственной природы форм культурного самовыражения как предметов торговли и как артефактов, представляющих культурную ценность, и признание суверенного права правительств формулировать и проводить культурную политику, а также вводить меры по защите и поощрению культурного разнообразия. Фактически Конвенция, восполняя существующий пробел в регулировании культурных аспектов в международном публичном праве, была призвана создать противовес площадке ВТО в будущих конфликтах между мерами торговли и защиты культуры.

Конвенция имеет широкий охват и применяется в отношении «политики и мер, принимаемых участниками в связи с охраной и поощрением разнообразия форм культурного самовыражения» (ст. 3).

Ряд положений Конвенции могут идти вразрез с обязательствами членов ВТО. В качестве примера потенциального несоответствия принципу национального режима можно привести ст. 6 Конвенции, в которой говорится, что стороны «могут принимать меры, направленные на защиту и поощрение разнообразия форм культурного самовыражения на своей территории», такие как «государственная финансовая помощь» и «возможности для создания, производства, распространения, распределения

и использования национальной культурной деятельности, культурных товаров и услуг». Другой яркой иллюстрацией является ст. 8, которая позволяет применять меры «культурной защиты». В ней говорится, что сторона может определить наличие особых ситуаций, когда формы культурного самовыражения на ее территории находятся под угрозой исчезновения, серьезной угрозой или иным образом нуждаются в срочной защите. В такой ситуации стороны «могут принять все необходимые меры для защиты и сохранения форм культурного самовыражения».

Другие положения Конвенции могут противоречить обязательствам членов ВТО по РНБ. Так, ст. 12 Конвенции призывает стороны укреплять «двустороннее, региональное и международное сотрудничество для создания условий, способствующих развитию разнообразия форм культурного самовыражения <...> особенно для того, чтобы <...> поощрять заключение соглашений о совместном производстве и совместном распространении».

В ст. 20.2 Конвенции указывается, что она не изменяет прав и обязательств сторон по любым другим договорам, участниками которых они являются. Иными словами, Конвенция в ее нынешнем виде не может обеспечить защиту от явного нарушения ВТО, даже несмотря на то, что в ст. 20.1 Конвенции говорится о ее неподчинении никакому другому договору.

С одной стороны, Конвенция может помочь в разъяснении различных исключений из основных правил и норм ВТО, таких как национальный режим и РНБ при регулировании продуктов культуры. Например, ст. XX(f) ГАТТ 1994 г. предусматривает исключение из основных правил ВТО, таких как национальный режим, мер для защиты национальных сокровищ художественной, исторической или археологической ценности при условии соблюдения вводной части. Кроме того, Конвенция может быть использована в качестве дополнительного аргумента в пользу того, что культурные товары и услуги могут иметь отношение к «общественной морали» (ст. XIV(a) ГАТС и ст. XX(a) ГАТТ). Однако в любом случае такие доказательства будут рассматриваться на индивидуальной основе. Но, с другой стороны, обращение к Конвенции за толкованием может расшатывать понимание некоторыми отдельными членами ВТО объема прав и обязательств в чувствительной сфере аудиовизуальных услуг.

В целом Конвенция вряд ли будет защитным инструментом для оправдания нарушений соглашений ВТО. Тем не менее в контексте потенциальной напряженности между торговлей и культурой Конвенция может быть использована для защиты страны в вопросах культурного самовыражения.

Международная торговля и внутреннее регулирование аудиовизуальных услуг

Статистика международной торговли аудиовизуальными услугами имеет ограничения, но все же позволяет выделить определенные ключевые тенденции. Глобальный экспорт аудиовизуальных услуг характеризуется высокой географической концентрацией. Лидером является ЕС, его доля составляет более трети от общего объема. За ЕС следуют США, Канада и Великобритания. Доли других стран составляют менее 3%. США и ЕС также лидируют в мировом импорте (табл. 1). Аудиовизуальные услуги сильно сконцентрированы и предоставляются небольшой группой крупных конкурирующих компаний. Во многих случаях в этой борьбе политические, культурные и образовательные процессы остаются далеко позади их коммерческих интересов.

Таблица 1. Основные экспортеры и импортеры аудиовизуальных и связанных с ними услуг, млн долл. США и %

Экспортеры	2020 г.	2021 г.	Доля в десятке в 2020 г.	Импортеры	2020 г.	2021 г.	Доля в десятке в 2020 г.
ЕС	17071	19516	40,4	США	21692	25370	46,7
Экспорт из ЕС	9203	10471	21,8	ЕС	16942	18124	36,4
США	15254	16695	36,1	Импорт в ЕС	7717	7623	16,6
Канада	3688	4402	8,7	Канада	2965	3430	6,4
Великобритания	2119	1821	5	Австралия	886	1139	1,9
Япония	1041	1293	2,5	Великобритания	787	953	1,7
Южная Корея	810	1152	1,9	Россия	768	1010	1,7
Индия	774	1132	1,8	Норвегия	662	1063	1,4
Сингапур	691	720	1,6	Япония	627	1317	1,3
Австралия	410	467	1	Южная Корея	607	421	1,3
ОАЭ	408	490	1	Аргентина	556	566	1,2
Десятка, всего	42265	47690	100	Десятка, всего	46492	53395	100

Источник: WTO (2022), World Trade Statistical Review 2022.

Рынок кинофильмов и телевизионных передач – важнейший сегмент рынка аудиовизуальных услуг. Высокой конкурентоспособностью обладают крупнейшие американские компании, имеющие значительные финансовые и технические возможности по сравнению со многими европейскими конкурентами, не говоря уже о компаниях из развивающихся стран. Американские интересы в мире сталкиваются с коллективной европейской телекиноиндустрией. Европейская модель опирается на систему субсидирования деятельности общественных телевизионных компаний и компаний, производящих фильмы.

Многонациональные платформы видео по запросу, такие как Netflix или Disney+, связанные с развитием «цифрового капитализма» [Vlassis, 2021], меняют динамику транснационального распространения видео. Хотя наличие абонентов и офисов, а также ввод в эксплуатацию контента из многих стран являются очевидными показателями многонационального статуса этих услуг, то, насколько эти услуги уменьшают цены со стороны национальных компаний, через которые осуществляется вся остальная международная телевизионная торговля, может быть наиболее важным показателем [Lotz, 2020].

Европейская аудиовизуальная индустрия является важной частью экономики США. К концу 2021 г. доля США в топ-100 европейских аудиовизуальных компаний увеличилась до 30%. Это произошло главным образом благодаря росту числа игроков, опирающихся исключительно на SVOD, а также услуг SVOD, поддерживаемых со стороны США вещательных компаний, таких как Sky, Paramount+ и Disney+. Американские игроки, как правило, начинают отдавать приоритет расширению за счет прямых инвестиций, запуская платформы SVOD, приобретая европейские активы и производя местный контент [Ене, 2023].

В торговле аудиовизуальными услугами действуют многочисленные барьеры, характерные для этого сектора.

Важным инструментом являются *квоты на контент*, при которых определенная доля эфирного времени теле- или радиовещания, экранного времени в кинотеатрах зарезервирована для внутреннего контента, будь то музыка, телепрограммы, кино или реклама.

Например, Франция продолжает ограничительно применять Директиву об аудиовизуальных медиауслугах (ДАВМУ) и другие законы о контенте, чтобы продвигать местную индустрию. Французское законодательство требует, чтобы 60% телевизионных программ были произведены в ЕС. Это превышает размер квоты, установленной в ДАВМУ (30%). Кроме того, 40% программ, произведенных в ЕС, должны включать оригинальный контент на французском языке. Эти квоты применяются как к обычным, так и к программным слотам в прайм-тайм, при этом определение прайм-тайма различается от сети к сети [USTR, 2022].

Другим активно используемым инструментом для продвижения национальных производителей аудиовизуальных услуг являются *субсидии* (в том числе в виде налоговых льгот, грантов или кредитов на льготных условиях). Обычно субсидии относятся к киноиндустрии, но также используются в других сегментах сектора, особенно в производстве телепрограмм. Субсидии часто предоставляются на дискриминационной основе. Так, почти все европейские фонды, в том числе есовские и британские, включают критерий национальной принадлежности заявителя для предоставления гранта на производство фильма [European Audiovisual Observatory, 2019a].

Статистические данные о субсидиях, сопоставимые на международном уровне, отсутствуют. Доступная информация предполагает, что субсидии являются ключевой особенностью киноиндустрии как в развитых, так и в развивающихся странах, хотя в первых их объем намного выше. Например, в ЕС доля государственного финансирования составляет 28% от общего объема затрат на производство кинофильмов, и только затем следуют инвестиции производителей и вещательных компаний (оба вида — по 18%) [European Audiovisual Observatory, 2019b].

Среди широко используемых торговых барьеров в секторе следует выделить *ограничения на иностранный капитал*, особенно в сферах теле- и радиовещания.

К другим инструментам, которые используются в качестве торговых барьеров, можно отнести лимиты на количество операторов, пропускную способность зарубежных каналов, ограничения для осуществления таргетированной рекламы на местном рынке, а также ограничения на перемещение персонала, например требование, чтобы иностранный инвестор нанимал определенную долю местных кадров в штат компании.

Сектор аудиовизуальных услуг претерпевает значительные изменения в результате ИКТ-революции, которая, со своей стороны, также стимулирует трансграничную передачу большого объема контента, сокращение финансовых и временных издержек. ИКТ также сделали возможным распространение контента по различным платформам и осуществление контроля над пользователями [Warren, Hanson, Yuan, 2021]. Очевидно, что такие технологические изменения создают определенный вызов не только для экономических операторов, но и для регуляторов. Ряд стран также оказывают финансовую поддержку производству аудиовизуального контента, доступного для цифрового распространения, и продвижению цифровой инфраструктуры [Biryukova, Matiukhina, 2019].

Регулирование сектора аудиовизуальных услуг: опыт ЕС

В странах — членах ЕС аудиовизуальные услуги из-за их высокого социального, культурного и экономического значения регулируются широким спектром государственных нормативно-правовых актов. Регулятивные правила могут относиться, например,

к защите интеллектуальной собственности, конкуренции, защите от незаконного или оскорбительного контента, рекламе, языковым требованиям в отношении субтитров и дублирования.

Государственные компании также играют важную роль на телевидении и радио и, как правило, регулируются особыми правилами. Операторам, работающим в этих сферах, часто дают мандат на предоставление государственных услуг с целью, например, содействия национальной сплоченности. Правительства иногда предлагают или предписывают тип контента, который государственные операторы должны предоставлять общественности.

Сфера аудиовизуальных услуг находится под пристальным вниманием не только отдельных стран ЕС, но и Европейской комиссии, а регулирование этой сферы, вслед за технологическим развитием, также претерпевает изменения.

Квоты ЕС на вещание были основаны главным образом на Телевизионной директиве «Без границ» 1989 г. Документ стал своеобразной реакцией на слабость производства в Европе и господство США на рынке вещания [Karpe, 1995]. Статья 4 содержала формулировку о «культурной» квоте — требование, чтобы европейские вещательные компании предоставляли большую часть эфирного времени так называемым «произведениям ЕС».

ДАВМУ 2007 г. также устанавливала минимальные квоты контента для вещания, которые должны были соблюдаться всеми государствами-членами. Эту квоту можно было превышать для контента из других стран ЕС.

В 2018 г. были приняты поправки к данной Директиве [EU, 2018], направленные на защиту внутреннего рынка от иностранного присутствия. Поправки 2018 г. включают положения, которые предписывают интернет-провайдерам видео по запросу обеспечивать минимальный 30%-й порог для контента из ЕС в их каталогах и требуют, чтобы они уделяли особое внимание контенту из ЕС в своих предложениях. Директива 2018 г. также предоставляет государствам-членам возможность требовать, чтобы поставщики так называемых «услуг по запросу», не базирующиеся на их территории, но чья целевая аудитория находится на их территории, вносили финансовый вклад в «произведения ЕС» на основе доходов, полученных в этом государстве-члене. Кроме того, новые правила расширяют сферу действия Директивы на платформы обмена видео, которые систематизируют контент, что может оказывать влияние на деятельность платформ социальных сетей.

Директива 2018 г. преподносилась авторами и лоббировавшими ее вещательными компаниями как основа есовского регулирования аудиовизуальных услуг и средство распространения и продвижения европейских произведений, которая обеспечивает «отличную возможность для продвижения европейского культурного контента во всем мире» [Society of Audiovisual Services, 2020].

Для развития аудиовизуальной индустрии важную роль играет программа «Креативная Европа» на 2021–2027 гг. Ее бюджет составляет около 2,5 млрд евро, что на 80% больше по сравнению с предыдущим периодом (2014–2020 гг.) [European Commission, 2021]. Как ожидается, программа должна способствовать европейскому сотрудничеству в области культурного разнообразия и повышению конкурентоспособности культурного и творческого секторов.

23 апреля 2022 г. Совет Европейского союза достиг политического соглашения с Европейским парламентом в отношении Закона о цифровых услугах (Digital Services Act, DSA), который будет применяться ко всем онлайн-посредникам, предоставляющим услуги в ЕС [EU, 2022b]. DSA включает особые требования по защите несовершеннолетних пользователей, а также онлайн-рынков, онлайн-платформ и поисковых

систем, причем более строгие требования будут пропорционально применяться в отношении «очень крупных онлайн-платформ» и «очень крупных онлайн-поисковых систем». DSA также включает правила использования вводящих в заблуждение интерфейсов, в том числе Dark Patterns, а также правила прозрачности использования рекомендательных систем. Акт представляет собой шаг вперед в отношении пакета цифровых услуг, представленного Европейской комиссией в декабре 2020 г., который также включает Закон о цифровых рынках (Digital Markets Act, DMA) [EU, 2022a]. Пакет направлен на определение рамок для решения проблем, возникающих у крупных цифровых организаций и защиты их пользователей.

Указанные выше нормативно-правовые акты, как представляется, окажут существенное воздействие на среду цифрового бизнеса в Европе и за ее пределами. Они будут иметь серьезные последствия для поставщиков аудиовизуальных услуг, которые должны будут соблюдать нормативные требования. Так, DMA и DSA могут оказать серьезное негативное воздействие на поставщиков цифровых услуг США, поскольку регулирование приведет к новым требованиям и операционным расходам, а также вынудит их отказаться от важнейших возможностей для бизнеса. Эти непосредственные потери могут быть усугублены динамическими эффектами, возникающими в результате более высоких затрат на цифровые услуги, которые понесут европейские компании [Suominen, 2022].

Лицам, принимающим решения, и ведущим переговорщикам необходимо серьезно подумать и поразмыслить над практической реализацией «цифрового пакета», чтобы убедиться в том, что его поспешное воплощение в жизнь непреднамеренно не подорвет те самые права, защищать которые он предназначен.

Выводы

Регулирование аудиовизуальных услуг всегда находилось в центре внимания стран — членов ВТО. Некоторые ведущие члены организации стремятся защитить свою национальную культуру и рассматривают меры в этой области как не имеющие торговой направленности. Вместе с тем инструменты, целью которых является защита коммерческих интересов национальных аудиовизуальных компаний, очень трудно отделить от мер, направленных на защиту национального культурного и образовательного наследия. Аудиовизуальные услуги всегда были чувствительной сферой на переговорах в ВТО, при этом их основные участники — ЕС и США — придерживаются диаметрально противоположных подходов.

Технологический прогресс оказывает значительное влияние на способы потребления, распространения и торговли аудиовизуальными услугами. Существующая классификация сферы услуг, принятая в ВТО, не отражает современную структуру цифровой передачи услуг и поставку цифрового контента. Помимо некоторых несовершенств, допущенных еще в момент ее создания, система классификации ГАТС со временем все в меньшей степени отражает новые рыночные реалии, по крайней мере в некоторых важных секторах услуг, поскольку за последние два десятилетия произошли резкие технологические и коммерческие изменения.

Технологическая конвергенция ставит перед правительствами задачу согласования ранее различных нормативных рамок. В прошлом у каждого типа контента была выделенная сеть. Телевизионный контент доставлялся по одной технологии, но теперь, помимо традиционных вещательных компаний, один и тот же контент может передаваться кабельными, мобильными, телефонными компаниями или провайдерами доступа в интернет.

Текущие обязательства членов ВТО в области аудиовизуальных услуг сильно отличаются и не универсализированы, что предполагает рассмотрение конфликтных ситуаций в Органе по разрешению споров, причем выводы арбитров могут различаться в каждом конкретном случае.

Конвенция ЮНЕСКО стала попыткой восполнения пробела в международном публичном праве в сопряжении регулирования культурных ценностей и экономической либерализации. Ратифицируя эту Конвенцию, стороны демонстрируют свою убежденность в том, что защита культурного разнообразия должна быть принята во внимание при обеспечении достижения экономических целей.

Основные проponentы совместной инициативы по электронной коммерции (ЕС, США) отстаивают необходимость открытия ряда секторов услуг, чтобы обеспечить эффективную реализацию правил электронной коммерции в будущем. Вместе с тем эти же члены ВТО из-за разных приоритетов не урегулировали между собой список секторов услуг, которые предполагается открыть. Как представляется, перспективы либерализации торговли аудиовизуальными услугами при разработке договоренностей по электронной коммерции крайне невысоки.

В ЕС расширяется региональная интеграционная деятельность, направленная на создание Европейского аудиовизуального пространства. Страны ЕС почти не брали на себя обязательств по аудиовизуальным услугам в ВТО, но продолжают развивать наднациональное регулирование в этой сфере с прицелом на ужесточение условий входа для иностранных компаний и повышение требований к отчетности иностранных инвесторов, в основном крупных технологических компаний.

Фрагментация регулирования, а не многосторонняя либерализация, находится в авангарде торговой политики в области цифровых услуг, позволяющих предоставлять контент. Формирование регулирующих блоков в торговой политике ставит новые задачи перед участниками многосторонней торговой системы. ВТО все чаще терпит неудачу в качестве механизма разрядки, который помог бы выровнять условия для доступа на рынки и внутреннего регулирования аудиовизуальных услуг. С одной стороны, будет справедливым отметить, что еще слишком рано придавать многосторонний характер технически сложным вопросам, в отношении которых разработка внутренней политики регулирования все еще находится в активной фазе. С другой стороны, усиление регионализации со специфическим регулированием по таким важным вопросам, как трансграничная торговля аудиовизуальными услугами в контексте цифровизации, затруднит разработку универсальных правил в многостороннем формате в будущем.

Очевидно одно — членам ВТО следует значительно больше инвестировать в обсуждение этого злободневного вопроса, если они хотят разработать прозрачные, предсказуемые и недискриминационные торговые правила в этой области. С одним допущением — если они действительно хотят их получить.

Список источников

Biryukova O.V. (2022) "Shaken Not Stirred:" WTO as a Ground for Plurilateral Initiatives // *Global Trade and Customs Journal*. Vol. 17. Issue 3. P. 121–130. Режим доступа: <https://doi.org/10.54648/gtcj2022016>.

Biryukova O.V., Matiukhina A. (2019) ICT Services Trade in the BRICS Countries: Special and Common Features // *Journal of the Knowledge Economy*. Vol. 10. Issue 3. P. 1080–1097. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s13132-017-0517-6>.

Ene L. (2023) Top Players in the European AV Industry. European Audiovisual Observatory. Режим доступа: <https://rm.coe.int/top-players-in-the-european-av-industry-2022-edition-l-ene/1680a9cb32> (дата обращения: 25.02.2023).

European Audiovisual Observatory (2019a) Mapping of Film and Audiovisual Public Funding Criteria in the EU. Режим доступа: <https://rm.coe.int/mapping-of-film-and-audiovisual-public-funding-criteria-in-the-eu/1680947b6c> (дата обращения: 25.02.2023).

European Audiovisual Observatory (2019b) Fiction Film Financing in Europe: A Sample Analysis of Films Released in 2019. Режим доступа: https://www.obs.coe.int/en/web/observatoire/home/-/asset_publisher/wy5m8bRgOygg/content/average-budget-of-european-fiction-films-in-2019-was-eur-2-07-million?inheritEdirect=false (дата обращения: 25.02.2023).

European Commission (EC) (2021) Culture and Creativity. Режим доступа: <https://culture.ec.europa.eu/news/creative-europe-2021-2027-programme-launch> (дата обращения: 25.02.2023).

European Union (EU) (2002) Council Resolution of 21 January 2002 on the Development of the Audiovisual Services Sector. 2002/C32/04 // Official Journal of the European Communities, C 32/3. Режим доступа: [https://eurlex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32002G0205\(04\)&from=EN](https://eurlex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32002G0205(04)&from=EN) (дата обращения: 25.02.2023).

European Union (EU) (2019) Joint Statement on Electronic Commerce: EU Proposal for WTO Disciplines and Commitments Relating to Electronic Commerce. Communication From the European Union, 26 April. INF/ECOM/22. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=253794,253801,253802,253751,253696,253697,253698,253699,253560,252791&CurrentCatalogueIdIndex=6&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True#:~:text=To%20this%20end%2C%20the%20EU,schedules%20of%20the%20individual%20Members (дата обращения: 25.02.2023).

European Union (EU) (2022a) Digital Markets Act: rules for digital gatekeepers to ensure open markets enter into force. European Commission Press Release. 31 October 2022. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_6423 (accessed 2 March 2023).

European Union (EU) (2022b) Digital Services Act: Council and European Parliament Provisional Agreement for Making the Internet a Safer Space for European Citizens. Council of the EU Press Release No 386/22, 23 April. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/04/23/digital-services-act-council-and-european-parliament-reach-deal-on-a-safer-online-space/pdf> (дата обращения: 02.03.2023).

Gagliani G. (2020) Cybersecurity, Technological Neutrality, and International Trade Law // Journal of International Economic Law. Vol. 23. Issue 3. P. 723–745. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/jiel/jgaa006>.

Garrett L. (1994) Commerce Versus Culture: The Battle Between the United States and the European Union Over Audiovisual Trade Policies // North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation. Vol. 19. No 3. P. 553–578. Режим доступа: <https://scholarship.law.unc.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1539&context=ncilj> (дата обращения: 02.03.2023).

Graber C. (2006) The New UNESCO Convention on Cultural Diversity: A Counterbalance to the WTO? // Journal of International Economic Law. Vol. 9. Issue 3. P. 553–574. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/jiel/jgl018>.

Karpe C.R. (1995) European Cultural Protectionism and the Socioeconomic Forces That Will Defeat It // Indiana International and Comparative Law Review. Vol. 5. No 2. P. 425–460. Режим доступа: <https://doi.org/10.18060/17576>.

Kwak D., Kim M. (2020) Trade Negotiations in the Digital Era: The Case of OTT Video Streaming Services // Global Policy. Vol. 11. Issue S2. P. 1–22. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12819>.

Lotz A.D. (2020) In Between the Global and the Local: Mapping the Geographies of Netflix as a Multinational Service // International Journal of Cultural Studies. Vol. 24. Issue 2. P. 195–215. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1367877920953166>.

Mansell R. (2015) Platforms of Power // Intermedia. Vol. 43. Issue 1. P. 20–24. Режим доступа: <https://www.iiicom.org/intermedia/vol-43-issue-1/platforms-of-power/> (дата обращения: 02.03.2023).

Nieborg D., Poell T. (2018) The Platformization of Cultural Production: Theorizing the Contingent Cultural Commodity // New Media & Society. Vol. 20. Issue 11. P. 4275–4292. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1461444818769694>.

Shadikhodjaev S. (2021) Technological Neutrality and Regulation of Digital Trade: How Far Can We Go? // *European Journal of International Law*. Vol. 32. Issue 4. P. 1221–1247. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/ejil/chab054>.

Society of Audiovisual Services (SAA) (2020) Member States Fail to Meet the Audiovisual Media Services Directive Deadline. 17 September. Режим доступа: <https://www.saa-authors.eu/en/blog/667-member-states-fail-to-meet-the-audiovisual-media-services-directive-deadline#.YlMYjJHP02w> (дата обращения: 25.02.2023).

Suominen K. (2022) Implications of the European Union's Digital Regulations on U.S. and EU Economic and Strategic Interests. Center for Strategic & International Studies (CSIS) Report. Режим доступа: <https://www.csis.org/analysis/implications-european-unions-digital-regulations-us-and-eu-economic-and-strategic> (дата обращения: 02.03.2023).

United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) (2005) Convention for the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions. Режим доступа: <https://en.unesco.org/creativity/convention/texts> (дата обращения: 25.02.2023).

United States (U.S.) Mission to UNESCO. Explanation of Vote of the United States on the Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions: Statement delivered by Louise V Oliver, US Ambassador to UNESCO. Paris, 20 October 2005. Режим доступа: http://diversidadaudiovisual.org/wp-content/uploads/2013/04/US_Opposes_Cultural-Diversity-Convention.pdf (дата обращения: 02.03.2023).

United States Trade Representative (USTR) (2022) 2022 National Trade Estimate Report on Foreign Trade Barriers. Режим доступа: <https://ustr.gov/sites/default/files/2022%20National%20Trade%20Estimate%20Report%20on%20Foreign%20Trade%20Barriers.pdf> (дата обращения: 25.02.2023).

Vlassis A. (2021) Platform Governance and the Politics of Media Regulation: The Review of the European Audiovisual Media Services Directive // *Journal of Digital Media & Policy*, online first. Режим доступа: https://doi.org/10.1386/jdmp_00084_1.

Voon T. (2006) UNESCO and the WTO: A Clash of Cultures? // *The International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 55. Issue 3, pp 635–651. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/iclq/lei108>.

Warren N., Hanson S., Yuan H. (2021) Feeling Manipulated: How Tip Request Sequence Impacts Customers and Service Providers // *Journal of Service Research*. Vol. 24. Issue 1. P. 66–83. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1094670519900553>.

World Trade Organization (WTO) (1991) Services Sectoral Classification List. MTN.GNS/W/120. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=179576&CurrentCatalogueIdIndex=0&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (дата обращения: 02.03.2023).

World Trade Organization (WTO) (1999) Work Programme on Electronic Commerce: Progress Report to the General Council. S/L/74. Режим доступа: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/S/L/74.pdf&Open=True> (дата обращения: 02.03.2023).

World Trade Organization (WTO) (2000) Audiovisual and Related Services. Communication From the United States. S/CSS/W/21. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=1776&CurrentCatalogueIdIndex=0&FullTextHash=371857150&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (дата обращения: 02.03.2023).

World Trade Organization (WTO) (2004) United States: Measures Affecting the Cross-Border Supply of Gambling and Betting Services. Report of the Panel. WT/DS285/R. Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/285r_e.pdf (дата обращения: 02.03.2023).

World Trade Organization (WTO) (2005a) United States: Measures Affecting the Cross-Border Supply of Gambling and Betting Services. Report of the Appellate Body. WT/DS285/AB/R. Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/285abr_e.pdf (дата обращения: 02.03.2023).

World Trade Organization (WTO) (2005b) United States: Revised Services Offer. TN/S/O/USA/Rev.1. Режим доступа: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/TN/S/OUSAR1.pdf&Open=True> (дата обращения: 02.03.2023).

World Trade Organization (WTO) (2009) China: Measures Affecting Trading Rights and Distribution Services for Certain Publications and Audiovisual Entertainment Products. Report of the Panel. WT/DS363/E. Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/363r_e.pdf (дата обращения: 02.03.2023).

World Trade Organization (WTO) (2010) Audiovisual Services. Background Note by the Secretariat. S/C/W/310. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=38673,25427,68941,101492,58821,61260,12526,179492&CurrentCatalogueIdIndex=3&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (дата обращения: 02.03.2023).

World Trade Organization (WTO) (2022) World Statistical Review. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtsr_2022_e.pdf (дата обращения: 25.02.2023).

World Trade Organization (WTO) (2023) DDG Ellard: Technology Presents Challenges and Opportunities for Future of Trade. News and Events, 14 February. Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/news23_e/ddgae_16feb23_e.htm (дата обращения: 23.02.2023).

Zampetti A.B. (2003) WTO Rules in the Audio-Visual Sector. Report Series No 26051, Hamburg Institute of International Economics. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10419/32896> (дата обращения: 23.02.2023).

Zhang R. (2015) Covered or Not Covered: That Is the Question: Services Classification and Its Implications for Specific Commitments Under the GATS. WTO Staff Working Paper No ERSD-2015-11, World Trade Organization. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.30875/a9bb5d91-en>.

Why Is Multilateralism Losing Ground in Audiovisual Services in the WTO?¹

O. Biryukova

Olga Biryukova – PhD in International Economics, Associate Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, Senior Research Fellow Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), National Research University Higher School of Economics (HSE University); 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, 101000, Russia; Olga.Biryukova@mail.ru
ORCID iD – <https://orcid.org/0000-0002-4845-6897>

Abstract

Trade in audiovisual services achieves economic goals and has an impact on the social values of host countries. That is why this area, in which the opposing approaches of the U.S. and the European Union (EU) collide, has traditionally been one of the most difficult issues in the negotiations of the World Trade Organization (WTO). The author shows that measures related to cultural policy can form protectionist trade barriers to support national companies. The rapid development of technology has expanded the possibilities for the transmission and distribution of audio and video content. At the same time, existing multilateral trade rules, as well as the applicable classification of audiovisual services, are becoming increasingly irrelevant. The article concludes that, on the one hand, the growing market for audiovisual services requires clearer rules for cross-border trade; however, on the other hand, the trend toward the formation of regional blocs with specific rules complicates negotiations (or even a general understanding) on the rules of trade in audiovisual services within the WTO.

Keywords: audiovisual services, liberalization, GATS, technological neutrality, trade barriers

Acknowledgments: support from the Research Program of the Faculty of World Economy and International Affairs at HSE University is gratefully acknowledged.

The author thanks Ms Ruozhi Zhang, counsellor of Trade in Services and Investment Division of the WTO Secretariat, for the inspiring discussions of services classification issues.

For citation: Biryukova O. (2023) Why Is Multilateralism Losing Ground in Audiovisual Services in the WTO? *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 1, pp. 107–126 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-04

References

- Biryukova O.V. (2022) “Shaken Not Stirred:” WTO as a Ground for Plurilateral Initiatives. *Global Trade and Customs Journal*, vol. 17, issue 3, pp. 121–30. Available at: <https://doi.org/10.54648/gtcj2022016>.
- Biryukova O.V., Matiukhina A. (2019) ICT Services Trade in the BRICS Countries: Special and Common Features. *Journal of the Knowledge Economy*, vol. 10, issue 3, pp. 1080–97. Available at: <https://doi.org/10.1007/s13132-017-0517-6>.
- Ene L. (2023) Top Players in the European AV Industry. European Audiovisual Observatory. Available at: <https://rm.coe.int/top-players-in-the-european-av-industry-2022-edition-l-ene/1680a9cb32> (accessed 25 February 2023).

---

¹ This article was submitted 02.12.2022.

About the author: Olga Biryukova is the author of many works on international trade issues, including regulation in services. She participates in fundamental research and expertise on trade policy issues for the Government of Russia and the Eurasian Economic Commission. 2018–2022 – Russian lead negotiator of e-commerce, services trade and investment at the WTO, Geneva, Switzerland.

European Audiovisual Observatory (2019a) Mapping of Film and Audiovisual Public Funding Criteria in the EU. Available at: <https://rm.coe.int/mapping-of-film-and-audiovisual-public-funding-criteria-in-the-eu/1680947b6c> (accessed 25 February 2023).

European Audiovisual Observatory (2019b) Fiction Film Financing in Europe: A Sample Analysis of Films Released in 2019. Available at: https://www.obs.coe.int/en/web/observatoire/home/-/asset_publisher/wy5m-8bRgOygg/content/average-budget-of-european-fiction-films-in-2019-was-eur-2-07-million?inheritRedirect=false (accessed 25 February 2023).

European Commission (EC) (2021) Culture and Creativity. Available at: <https://culture.ec.europa.eu/news/creative-europe-2021-2027-programme-launch> (accessed 25 February 2023).

European Union (EU) (2002) Council Resolution of 21 January 2002 on the Development of the Audiovisual Services Sector. 2002/C32/04. *Official Journal of the European Communities*, C 32/3. Available at: [https://eurlex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32002G0205\(04\)&from=EN](https://eurlex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32002G0205(04)&from=EN) (accessed 25 February 2023).

European Union (EU) (2019) Joint Statement on Electronic Commerce: EU Proposal for WTO Disciplines and Commitments Relating to Electronic Commerce. Communication From the European Union, 26 April. INF/ECOM/22. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=253794,253801,253802,253751,253696,253697,253698,253699,253560,252791&CurrentCatalogueIdIndex=6&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True#:~:text=To%20this%20end%2C%20the%20EU,schedules%20of%20the%20individual%20Members (accessed 25 February 2023).

European Union (EU) (2022a) Digital Markets Act: rules for digital gatekeepers to ensure open markets enter into force. European Commission Press Release. 31 October 2022. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_6423 (accessed 2 March 2023).

European Union (EU) (2022b) Digital Services Act: Council and European Parliament Provisional Agreement for Making the Internet a Safer Space for European Citizens. Council of the EU Press Release No 386/22, 23 April. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/04/23/digital-services-act-council-and-european-parliament-reach-deal-on-a-safer-online-space/pdf> (accessed 2 March 2023).

Gagliani G. (2020) Cybersecurity, Technological Neutrality, and International Trade Law. *Journal of International Economic Law*, vol. 23, issue 3, pp. 723–45. Available at: <https://doi.org/10.1093/jiel/jgaa006>.

Garrett L. (1994) Commerce Versus Culture: The Battle Between the United States and the European Union Over Audiovisual Trade Policies. *North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation*, vol. 19, no 3, pp. 553–78. Available at: <https://scholarship.law.unc.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1539&context=ncilj> (accessed 2 March 2023).

Graber C. (2006) The New UNESCO Convention on Cultural Diversity: A Counterbalance to the WTO? *Journal of International Economic Law*, vol. 9, issue 3, pp. 553–74. Available at: <https://doi.org/10.1093/jiel/jgl018>.

Karpe C.R. (1995) European Cultural Protectionism and the Socioeconomic Forces That Will Defeat It. *Indiana International and Comparative Law Review*, vol. 5, no 2, pp. 425–60. Available at: <https://doi.org/10.18060/17576>.

Kwak D., Kim M. (2020) Trade Negotiations in the Digital Era: The Case of OTT Video Streaming Services. *Global Policy*, vol. 11, issue S2, pp. 1–22. Available at: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12819>.

Lotz A.D. (2020) In Between the Global and the Local: Mapping the Geographies of Netflix as a Multinational Service. *International Journal of Cultural Studies*, vol. 24, issue 2, pp. 195–215. Available at: <https://doi.org/10.1177/1367877920953166>.

Mansell R. (2015) Platforms of Power. *Intermedia*, vol. 43, issue 1, pp. 20–4. Available at: <https://www.iicom.org/intermedia/vol-43-issue-1/platforms-of-power/> (accessed 2 March 2023).

Nieborg D., Poell T. (2018) The Platformization of Cultural Production: Theorizing the Contingent Cultural Commodity. *New Media & Society*, vol. 20, issue 11, pp. 4275–92. Available at: <https://doi.org/10.1177/1461444818769694>.

Shadikhodjaev S. (2021) Technological Neutrality and Regulation of Digital Trade: How Far Can We Go? *European Journal of International Law*, vol. 32, issue 4, pp. 1221–47. Available at: <https://doi.org/10.1093/ejil/chab054>.

Society of Audiovisual Services (SAA) (2020) Member States Fail to Meet the Audiovisual Media Services Directive Deadline. 17 September. Available at: <https://www.saa-authors.eu/en/blog/667-member-states-fail-to-meet-the-audiovisual-media-services-directive-deadline#.YIMYjJHP02w> (accessed 25 February 2023).

Suominen K. (2022) Implications of the European Union's Digital Regulations on U.S. and EU Economic and Strategic Interests. Center for Strategic & International Studies (CSIS) Report. Available at: <https://www.csis.org/analysis/implications-european-unions-digital-regulations-us-and-eu-economic-and-strategic> (accessed 2 March 2023).

United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) (2005) Convention for the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions. Available at: <https://en.unesco.org/creativity/convention/texts> (accessed 25 February 2023).

United States (U.S.) Mission to UNESCO. Explanation of Vote of the United States on the Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions: Statement delivered by Louise V Oliver, US Ambassador to UNESCO. Paris, 20 October 2005. Available at: http://diversidadaudiovisual.org/wp-content/uploads/2013/04/US_Opposes_Cultural-Diversity-Convention.pdf (accessed 2 March 2023).

United States Trade Representative (USTR) (2022) 2022 National Trade Estimate Report on Foreign Trade Barriers. Available at: <https://ustr.gov/sites/default/files/2022%20National%20Trade%20Estimate%20Report%20on%20Foreign%20Trade%20Barriers.pdf> (accessed 25 February 2023).

Vlassis A. (2021) Platform Governance and the Politics of Media Regulation: The Review of the European Audiovisual Media Services Directive. *Journal of Digital Media & Policy*, online first. Available at: https://doi.org/10.1386/jdmp_00084_1.

Voon T. (2006) UNESCO and the WTO: A Clash of Cultures? *The International and Comparative Law Quarterly*, vol. 55, issue 3, pp 635–51. Available at: <https://doi.org/10.1093/iclq/lei108>.

Warren N., Hanson S., Yuan H. (2021) Feeling Manipulated: How Tip Request Sequence Impacts Customers and Service Providers. *Journal of Service Research*, vol. 24, issue 1, pp. 66–83. Available at: <https://doi.org/10.1177/1094670519900553>.

World Trade Organization (WTO) (1991) Services Sectoral Classification List. MTN.GNS/W/120. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=179576&CurrentCatalogueIdInd%20ex=0&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (accessed 2 March 2023).

World Trade Organization (WTO) (1999) Work Programme on Electronic Commerce: Progress Report to the General Council. S/L/74. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/S/L/74.pdf&Open=True> (accessed 2 March 2023).

World Trade Organization (WTO) (2000) Audiovisual and Related Services. Communication From the United States. S/CSS/W/21. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=1776&CurrentCatalogueIdIndex=0&FullTextHash=371857150&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (accessed 2 March 2023).

World Trade Organization (WTO) (2004) United States: Measures Affecting the Cross-Border Supply of Gambling and Betting Services. Report of the Panel. WT/DS285/R. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/285r_e.pdf (accessed 2 March 2023).

World Trade Organization (WTO) (2005a) United States: Measures Affecting the Cross-Border Supply of Gambling and Betting Services. Report of the Appellate Body. WT/DS285/AB/R. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/285abr_e.pdf (accessed 2 March 2023).

World Trade Organization (WTO) (2005b) United States: Revised Services Offer. TN/S/O/USA/Rev.1. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/TN/S/OUSAR1.pdf&Open=True> (accessed 2 March 2023).

World Trade Organization (WTO) (2009) China: Measures Affecting Trading Rights and Distribution Services for Certain Publications and Audiovisual Entertainment Products. Report of the Panel. WT/DS363/E. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/363r_e.pdf (accessed 2 March 2023).

World Trade Organization (WTO) (2010) Audiovisual Services. Background Note by the Secretariat. S/C/W/310. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=38673,25427,68941,101492,58821,61260,12526,179492&CurrentCatalogueIdIndex=3&

FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (accessed 2 March 2023).

World Trade Organization (WTO) (2022) World Statistical Review. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtsr_2022_e.pdf (accessed 25 February 2023).

World Trade Organization (WTO) (2023) DDG Ellard: Technology Presents Challenges and Opportunities for Future of Trade. News and Events, 14 February. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/news23_e/ddgae_16feb23_e.htm (accessed 23 February 2023).

Zampetti A.B. (2003) WTO Rules in the Audio-Visual Sector. Report Series No 26051, Hamburg Institute of International Economics. Available at: <http://hdl.handle.net/10419/32896> (accessed 23 February 2023).

Zhang R. (2015) Covered or Not Covered: That Is the Question: Services Classification and Its Implications for Specific Commitments Under the GATS. WTO Staff Working Paper No ERSD-2015-11, World Trade Organization. Available at: <http://dx.doi.org/10.30875/a9bb5d91-en>.

Интеграционные стратегии стран постсоветского пространства – опыт анализа с применением методики социального графа¹

Т.М. Алиев, Е.В. Стоянова, Е.С. Чимирис

Алиев Тимур Мамедович — к.э.н., с.н.с. Института международной экономики и финансов (ИМЭФ) Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ); Россия, 119285, Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А; t.aliev@vavt.ru

Стоянова Елена Владимировна — аналитик 1-й категории Центра экономической интеграции Института развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли (ИРИП ВАВТ); Россия, 119285, Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А; stoyanovaev@inbox.ru

Чимирис Екатерина Сергеевна — к.полит.н., руководитель Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли (ИРИП ВАВТ), доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; Россия, 119285, Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А; e.chimiris@vavt.ru

Аннотация

Вследствие происходящего переформатирования глобального мирового порядка на передний план вышла задача создания региональных зон доверия, в том числе в формате интеграционных торговых объединений между государствами, что имеет большое значение для внешней политики стран, в том числе и России. В связи с этим авторы статьи предприняли попытку провести анализ стратегий государств постсоветского пространства в отношении региональной экономической интеграции.

В статье применен метод построения социального графа. В качестве источника использовались данные о заключенных региональных торговых соглашениях государств постсоветского блока с торговыми партнерами. Модель также прошла проверку и сравнение на основе данных о цепочках добавленной стоимости и инвестиционных потоках. В результате анализа была разработана модель распределения стратегий стран в отношении региональной экономической интеграции по двум параметрам: активная/пассивная и центробежная/центростремительная переменные. Таким образом, были выявлены четыре варианта стратегий: активная центробежная, активная центростремительная, пассивная центробежная и пассивная центростремительная.

Представлены результаты проверки полученной модели, а также сделаны выводы относительно перспектив развития региональной экономической интеграции на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: постсоветское пространство; зона свободной торговли (ЗСТ); экономическая интеграция; социальный граф; внешнеэкономическая стратегия

Для цитирования: Алиев Т.М., Стоянова Е.В., Чимирис Е.С. Интеграционные стратегии стран постсоветского пространства — опыт анализа с применением методики социального графа // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 1. С. 127–150 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-05

---

¹ Статья поступила в редакцию 13.10.2022.

Введение

В современных геополитических условиях, когда мы наблюдаем кардинальную перестройку системы международных отношений, возникает запрос на формирование оснований для экономической интеграции на евразийском пространстве. После 2020 г. наблюдается общий спад международной экономической активности (снижение динамики мирового ВВП, падение интенсивности прямых иностранных инвестиций, усиление торгово-экономического протекционизма и торговых войн и т.п.) [Спартак, Кравченко, 2021, с. 7].

Серьезным вызовом для развития евразийской интеграции также стала пандемия коронавируса [Кнобель, Пыжиков, Кутюкова, 2020]. Вслед за ней получил развитие вызов, связанный с кризисной ситуацией на Украине и угрозой расширения НАТО на Восток. При этом в научном сообществе сформировалось мнение, что потенциал евразийской интеграции далеко не полностью исчерпан [Гринберг, Пылин, 2020].

С учетом текущего санкционного давления со стороны Запада перспективы развития экономической интеграции внутри региона становятся все более актуальными [Махмутова, 2019]. Однако евразийская интеграция — не единственный вариант осуществления внешнеэкономической стратегии стран региона. Возникают новые лидеры, которые претендуют на влияние на постсоветском пространстве, — Китай, Турция, Иран, не говоря об активном вмешательстве со стороны ЕС и США [Безруков, Иванов, Чимириш, 2021]. Наблюдается также конкуренция интеграционных объединений на постсоветском пространстве, что дополнительно усиливает борьбу между крупными региональными игроками за страны, которые пока недостаточно вовлечены в региональные интеграционные процессы [Вардомский, 2021, с. 5]. Намечился тренд на внешнеполитическое многообразие стратегий и подходов к реализации внешнеполитических целей и задач, что снижает эффективность и скорость интеграционных процессов внутри региона [Винокуров, Либман, 2012, с. 6]. До 2000-х годов одним из актуальных вопросов развития региона бывшего СССР был процесс интеграции в рамках СНГ [Зиядуллаев, 2002]. В дальнейшем на первый план вышла интеграция в рамках Таможенного союза и впоследствии ЕАЭС.

Региональная экономическая интеграция — один из трендов, который остается актуальным на постсоветском пространстве как в научном [Osadchej, 2018; Kuzmina, 2017], так и в публичном дискурсе [Путин, 2011]. Способность прогнозировать готовность тех или иных стран к развитию экономической интеграции — важный инструмент, который может оказать влияние не только на экономическую мировую повестку, но и спровоцировать конфликтную ситуацию в политической сфере. Как показал опыт Украины и России в 2014 г., именно экономический договор об интеграции с ЕС (и его противоречия с договорной правовой базой СНГ) стал одним из ключевых поводов для развертывания масштабного политического противостояния, которое продолжается до сих пор.

В текущих условиях способность оценить и спрогнозировать интеграционные стратегии стран постсоветского пространства дает преимущество при стратегическом планировании. В этой связи мы поставили перед собой *цель* — разработать модель для анализа и прогнозирования стратегий государств постсоветского пространства. Насколько они ориентированы на сотрудничество внутри региона? До какой степени важным становится для них развитие сотрудничества вне региона? Какие показатели и индикаторы могут дать нам комплексную картину?

На первом этапе мы предприняли исследовательскую попытку систематизировать данные о соглашениях о зонах свободной торговли стран постсоветского пространства (кроме стран Прибалтики). Поэтому нам важно было найти аналитический инструмент, который хотя бы в первом приближении смог бы помочь прогнозировать формирование конфигурации интеграционных проектов. В данном исследовании мы применили метод Social Network Analysis (анализ социальных сетей), или анализ социальных графов, для типологизации стратегий стран постсоветского пространства в отношении региональной экономической интеграции.

Гипотеза, с которой мы подошли к анализу данных, заключалась в том, что *политическая стратегия государств постсоветского пространства, выраженная в стремлении заключать соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ), в основном носит политический характер. При этом данные по инвестициям и цепочкам добавленной стоимости формируют иную картину, которая отличается от актуальных внешнеэкономических стратегий государств региона.*

Изученность проблемы

В последнее время исследователи часто обращаются к проблеме снижения влияния России на постсоветском пространстве. В этой связи интенсификация усилий по развитию экономической интеграции в регионе может стать альтернативой снижающемуся политическому и стратегическому влиянию [Петрович-Белкин, Еремин, Бокерия, 2019]. Торговые соглашения стран постсоветского пространства, а также иные договоренности формируют настолько сложную многомерную структуру, что она получила название «миска спагетти» [Schüle, Kleisinger, 2016]. Эта метафора описывает ситуацию многочисленных сложных пересечений различных соглашений по поводу свободной торговли между двумя или несколькими игроками региона [Baldwin, 2018].

Таким образом, мы пришли к выводу о необходимости подобрать аналитический инструмент, который позволит систематизировать имеющуюся информацию и построить модель, доступную для анализа. Использование метода построения и анализа социального графа для исследования международных экономических отношений — уже апробированный инструмент. Попытка использовать сетевые метрики была предпринята в отношении торговли стран Латинской Америки и Азии [Zaclicever, 2019]. Успешная попытка применить сочетание качественных и количественных методов для анализа внешнеполитических стратегий стран СНГ уже предпринята российскими учеными [Курылев и др., 2018]. Авторы этого исследования взяли за основу данные о членстве стран СНГ в международных организациях и голосовании в ООН.

Исследования интеграционных процессов на постсоветском пространстве с применением количественных методов и моделированием при помощи социального графа пока не проводились, поэтому мы предлагаем для рассмотрения наше исследование.

Источники данных. Основой для построения модели стали договоры о торговле и экономическом сотрудничестве стран постсоветского пространства, данные о цепочках добавленной стоимости и инвестиционных потоках. Если говорить о комплексном анализе экономической интеграции, то следует отметить, что существуют два подхода: 1) подход в рамках экономической науки учитывает соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ) и таможенных союзах; 2) подход в рамках международной политической экономии обращает внимание на межгосударственные организации, даже с зачаточной институциональной структурой.

В рамках экономического подхода источником данных об экономической интеграции может служить база данных региональных торговых соглашений ВТО [RTA Tracker, n.d.]. Она включает соглашения, о которых была проинформирована организация. Типы соглашений: таможенный союз, зона свободной торговли, соглашения ограниченного формата (Partial Scope), соглашения о свободной торговле (либерализация торговли услугами). Недостатки базы данных: в ней не указаны договоры стран, которые не входят в ВТО; точность данных зависит от точности информации, предоставленной государствами.

«Нередко интеграционные проекты связаны не столько с соглашениями, определяющими режим торговли товарами и услугами, сколько, например, с созданием совместной инфраструктуры, финансированием общих проектов, защитой прав инвесторов или же с “мягкими” формами гармонизации стандартов и правил. Все эти организации в базе ВТО отсутствуют» [База данных региональной интеграции, 2014, с. 10]. Также нужно учитывать важную характеристику данной базы, для которой «региональными» являются все договоры, кроме тех, которые имеют всеохватывающий глобальный характер.

База региональных торговых соглашений ВТО, к сожалению, не охватывает все существующие договоры. Поэтому для нашего исследования мы уточнили данные по дополнительным источникам [BAVT, 2019]. Если страны повторялись в нескольких договорах, мы оставляли только одну связь. ЕС мы обозначаем в качестве единого актора, поскольку в этом интеграционном объединении высока степень как экономической, так и политической интеграции.

Данные по цепочкам добавленной стоимости представлены в систематизированном виде в базе UNIDO [IAP, n.d.]. Мы выделили для каждой страны постсоветского пространства топ-5 партнеров по входящим и исходящим цепочкам добавленной стоимости. Данные по инвестициям были взяты с сайтов центральных банков стран постсоветского пространства, а также ЕЭК [ЕЕС, n.d.].

Описание методологии

Метод анализа социальных сетей (в виде социальных графов) открывает новые возможности для системного анализа торговых и экономических отношений между странами. В рамках данного исследования мы предприняли попытку применить метод Social Network Analysis (SNA) для моделирования и анализа отношений в рамках региона постсоветского пространства. Перед нами стояла задача опробовать различные критерии для построения социального графа. Среди таких критериев мы выделяем:

1. Наличие соглашения о ЗСТ.
2. Показатели развития промышленной кооперации между странами, в данном случае мы берем данные по цепочкам добавленной стоимости, потому что они в первую очередь определяют необходимость и перспективность экономической интеграции между странами.
3. Показатели по потокам прямых иностранных инвестиций.

В данной статье мы предложим несколько моделей на основе социальных графов, как в статике, так и в динамическом срезе. В частности, показать динамику развития нам позволяют данные о формировании цепочек добавленной стоимости. Также перед нами стоит задача выявления основных стратегий стран в отношении интеграции в период после распада СССР на основе анализа структуры созданной модели. Мы обратим внимание на два показателя: активность в заключении соглашений о ЗСТ и на-

правленность интеграции — внутри региона или вовне. Текущий срез по заключенным соглашениям о ЗСТ в регионе позволит нам приблизиться к выявлению паттернов интеграционных стратегий стран на современном этапе.

Сетевой подход к анализу ЗСТ позволяет иным образом подойти к анализу структуры, в отличие от табличной формы подачи информации. Он дает возможность не только посчитать количественные показатели — у какой страны больше торговых соглашений, но и выявить структуру этих взаимосвязей. Таким образом, отношения между странами в области ЗСТ мы анализируем не по парам стран, а в рамках комплексной структуры. Аналогичные возможности открывает анализ графов и при построении моделей на основе данных цепочек добавленной стоимости и инвестиционных потоков. Мы имеем возможность не только оценить динамику двусторонних контактов, но и выявить общую структуру существующих цепочек в регионе.

Построение и анализ моделей

Показатель центральности – степень интеграции в сети ЗСТ региона

Отношения стран в рамках Соглашения о ЗСТ отражены в модели в виде ненаправленной невзвешенной связи. Выборка стран включает 12 государств постсоветского пространства (а также несколько внешних для региона стран, с которыми заключены соглашения о ЗСТ).

Степень центральности вершины свидетельствует об активности государства в процессе формирования торговых соглашений. Степень кластеризации сети показывает потенциал формирования новых интеграционных объединений в регионе. Промежуточная центральность указывает на то, является ли страна потенциальным «брокером» в отношениях с другими странами.

Показатель центральности для каждой вершины говорит о степени вовлеченности страны в сеть соглашений о ЗСТ внутри региона. В данной модели мы получаем связанный граф (рис. 1). Отметим, что на рис. 1 страны обозначены цифрами (расшифровку см. под рис. 1). Следует обратить внимание на высокую степень торговой интеграции внутри пространства СНГ и пока менее развитые отношения с внешними игроками. Помимо известных соглашений ЕАЭС с Вьетнамом и Ираном, а также нового соглашения о ЗСТ с Сербией, отдельные страны СНГ также имеют договоры с Европейской ассоциацией свободной торговли (Грузия и Украина), Турцией (Грузия, Молдова), Китаем и Гонконгом (Грузия). Достаточно плотно развиваются договорные отношения с Балканским регионом. Россия (в составе ЕАЭС) имеет ЗСТ с Сербией, Украина — с Черногорией, Северной Македонией. Также, в связи с плотными связями и многочисленной диаспорой, Украина имеет соглашение о свободной торговле с Канадой.

По показателю центральности вершин в модели выделяется шесть классов: самый высокий показатель у Украины — 11, далее следует Россия — 10, Армения и Молдова имеют центральность 9 (табл. 1). Следующий по значению класс включает Грузию, Казахстан, Кыргызстан (центральность — 8). Беларусь и Таджикистан входят в один класс с центральностью 7. Последний класс с центральностью 6 включает Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан. Данные модели показывают, что Украина до недавнего времени формировала наибольшее количество соглашений о зонах свободной торговли в регионе постсоветского пространства. Также достаточно интенсивно развивали контакты Россия, Молдова и Армения.

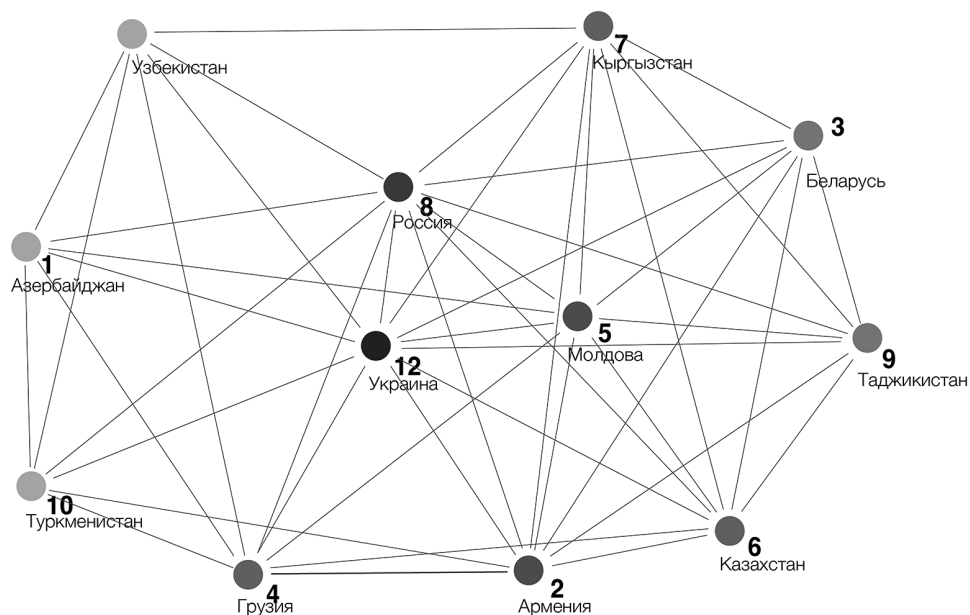

Рис. 1. Сеть ЗСТ в регионе постсоветского пространства (показатель центральности)

Источник: [WTO, n.d.].

Таблица 1. Показатели центральности для стран региона постсоветского пространства

Node	Label	DC
12	Украина	11.000000
8	Россия	10.000000
2	Армения	9.000000
5	Молдова	9.000000
4	Грузия	8.000000
6	Казахстан	8.000000
7	Кыргызстан	8.000000
3	Беларусь	7.000000
9	Таджикистан	7.000000
1	Азербайджан	6.000000
10	Туркменистан	6.000000
11	Узбекистан	6.000000

Источник: Все таблицы данной статьи составлены авторами.

Анализ структуры графа (табл. 1), содержащего данные по ЗСТ внутри региона, показывает степень вовлеченности той или иной страны в сеть ЗСТ на постсоветском пространстве. Мы можем при помощи анализа этих данных определить степень активности страны в регионе, однако не имеем возможности определить направление стра-

тегии интеграции – внутри региона или вовне. Поэтому нам необходимо расширить модель за счет добавления данных по ЗСТ стран региона с внешними игроками.

Показатель центральности – ЗСТ региона вместе с внешними ЗСТ

На втором этапе анализа мы дополнили матрицу данными по ЗСТ вне региона и посмотрели на изменение центральности. Оговоримся, что в этой модели мы не учитываем ЗСТ, которые существуют у внешних по отношению к постсоветскому региону стран. Нас интересуют только их связи со странами постсоветского пространства, которые задают нам дополнительные параметры для оценки позиции стран в рамках модели (рис. 2).

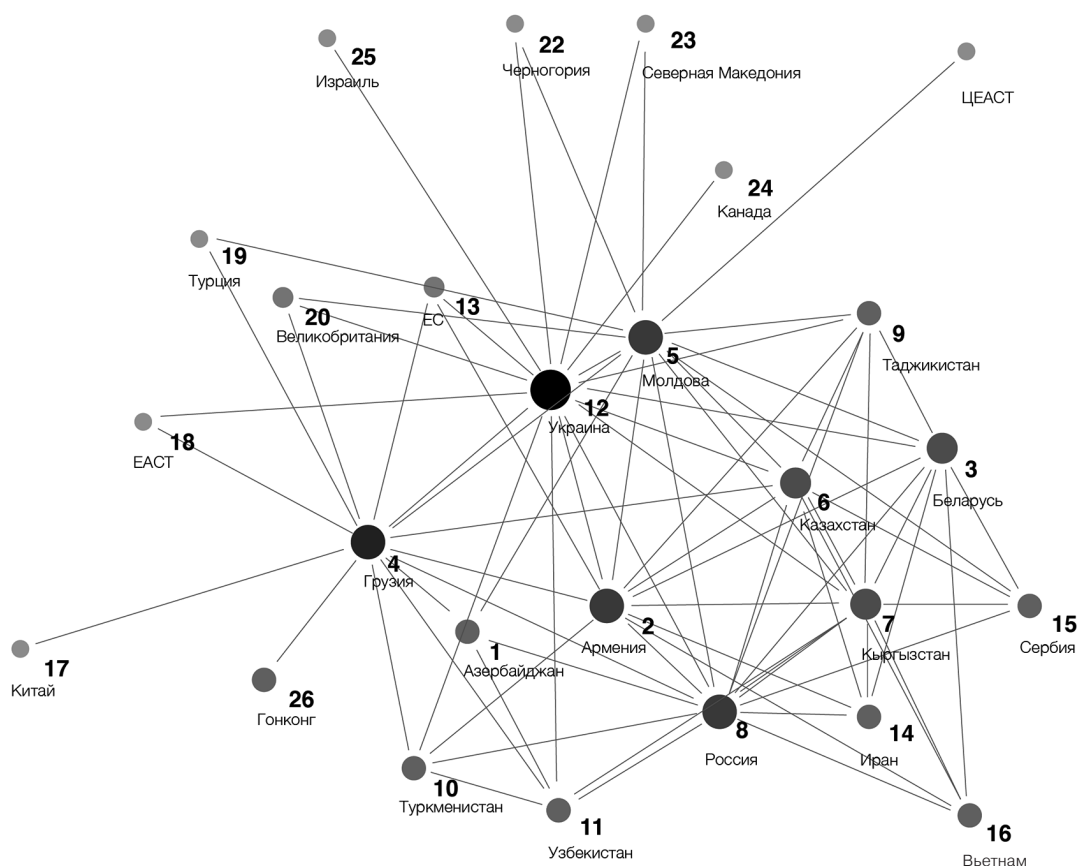

Рис. 2. Модель сети ЗСТ региона постсоветского пространства и внешних партнеров (показатель центральности)

Источник: [WTO, n.d.].

Показатели центральности стран региона изменились, и в рамках этой модели мы получили 12 классов (табл. 2). Самым высоким показателем центральности обладает Украина, значит, она имеет не только активные внутрирегиональные, но и внерегио-

нальные контакты. Второй класс формируют Россия, Молдова, Армения. Четвертый – Грузия. Пятый – Казахстан, Кыргызстан и Беларусь. Туркменистан, Азербайджан и Узбекистан – шестой класс. Остальные классы включают внешние для региона страны и для данной аналитической задачи имеют второстепенное значение.

Таблица 2. Показатели центральности стран региона и внешних игроков (разбивка по классам)

Node	Label	DC
12	Украина	18.000000
4	Грузия	14.000000
2	Армения	13.000000
5	Молдова	13.000000
8	Россия	13.000000
6	Казахстан	11.000000
7	Кыргызстан	11.000000
3	Беларусь	10.000000
9	Таджикистан	7.000000
1	Азербайджан	6.000000
10	Туркменистан	6.000000
11	Узбекистан	6.000000
15	Сербия	6.000000
14	Иран	5.000000
16	Вьетнам	5.000000
13	ЕС	4.000000
20	Великобритания	3.000000
18	ЕАСТ ²	2.000000
19	Турция	2.000000
22	Черногория	2.000000
23	Северная Македония	2.000000
17	Китай	1.000000
21	ЦЕАСТ ³	1.000000
24	Канада	1.000000
25	Израиль	1.000000
26	Гонконг	1.000000

В качестве одного из результатов исследования мы предлагаем вариант типологии интеграционных стратегий стран региона постсоветского пространства. Для построения типологии нам необходимо сопоставить несколько полученных параметров: степень центральности страны в рамках социального графа (полного графа с учетом всех ЗСТ), количество ЗСТ страны внутри и вне региона.

² ЕАСТ – Европейская ассоциация свободной торговли.

³ ЦЕАСТ – Центрально-европейская ассоциация свободной торговли.

Таблица 3. Сопоставление внешних и внутренних ЗСТ для стран региона
(количественные показатели)

Страна	Показатель центральности	ЗСТ внутри региона	ЗСТ вне региона
Украина	18	11	7
Грузия	14	8	6
Молдова	13	9	4
Армения	13	9	4
Россия	13	10	3
Казахстан	11	8	3
Кыргызстан	11	8	3
Беларусь	10	7	3
Таджикистан	7	7	0
Азербайджан	6	6	0
Туркменистан	6	6	0
Узбекистан	6	6	0

На основе выполненного сравнения (табл. 3) мы можем представить модель по двум шкалам: активность/пассивность и центробежность/центростремительность (рис. 3). Граница между активными и пассивными акторами проходит по линии 10: выше 10 — активная позиция, ниже 10 — пассивная. Беларусь, например, оказывается на грани активной и пассивной внешнеполитической позиции в отношении формирования ЗСТ. В отношении центростремительности Армения находится в пограничном состоянии. В данной модели мы относим ее все же больше к центростремительным акторам, поскольку страна является членом ЕАЭС (см. рис. 3). Однако любое соглашение с внешними игроками может перевесить чашу весов в сторону центробежных тенденций.

У каждой страны своя интеграционная стратегия:

1. Активные и центробежные (Украина, Грузия, Молдова).
2. Активные и центростремительные (Россия, Казахстан, Беларусь, Кыргызстан, Армения).
3. Пассивные и центростремительные (Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан).
4. Пассивные и центробежные (—).

Тип пассивных центробежных государств в данной модели оказался пуст. Иными словами, государства региона пока не стремятся развивать торговую интеграцию за пределами региона, прежде чем смогут развить сотрудничество внутри. Этот тезис также подтверждает тот факт, что страны с активной внешней позицией имеют много соглашений внутри региона. Мы видим, что Украина была достаточно активна внутри региона (до начала кризиса), однако в последнее время активизировалась в направлении сотрудничества с внешними игроками. Аналогичная ситуация сложилась с Арменией и Грузией.

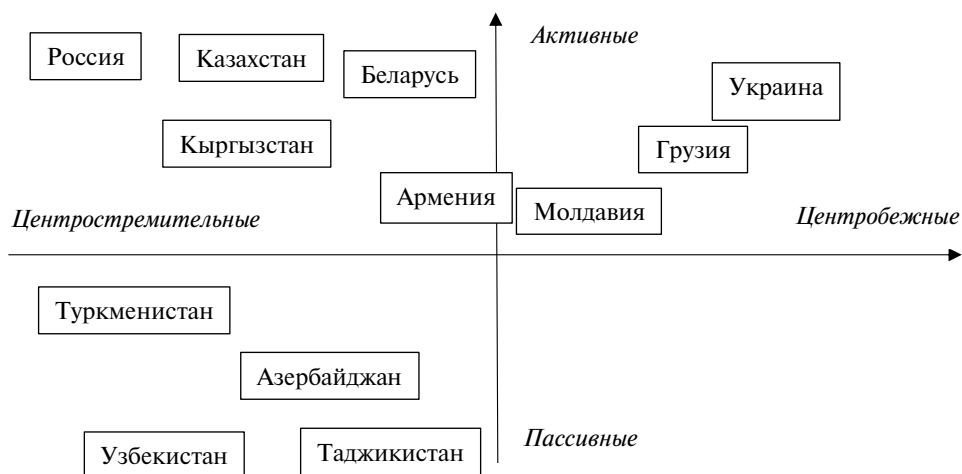

Рис. 3. Модель стратегий государств постсоветского пространства в отношении экономической интеграции

Источник: Составлено авторами.

Модель ЗСТ фактически описывает ситуацию, возникшую после распада Советского Союза. Подавляющее большинство проанализированных ЗСТ так или иначе представляют собой двусторонние соглашения между республиками бывшего СССР о свободной торговле, заключенные на начальном этапе создания СНГ. Несмотря на то что 15 апреля 1994 г. президенты Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Узбекистана и Украины подписали Соглашение о зоне свободной торговли, направленное на отмену тарифных и нетарифных ограничений во взаимной торговле, многосторонний режим свободной торговли так и не удалось сформировать. Между партнерами по СНГ продолжал действовать режим, зафиксированный в двусторонних соглашениях. По данным Исполкома СНГ [Исполнительный комитет СНГ, н.д.], всего было заключено порядка 110 соглашений о взаимной торговле между странами СНГ, что препятствовало полноценной интеграции ввиду разного объема договоренностей и обязательств.

18 октября 2011 г. главы правительств восьми государств – членов СНГ (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан и Украина) подписали Договор о зоне свободной торговли. 31 мая 2013 г. к Договору присоединился Узбекистан, подписав Протокол о применении Договора о зоне свободной торговли СНГ от 18 октября 2011 г. Продолжаются консультации о присоединении к Договору Азербайджана и Туркменистана. До принятия ими решений применяется сеть двусторонних соглашений. Для формирования более тесной интеграции с 2001 по 2014 г. существовало Евразийское экономическое сообщество, на основе которого, в соответствии с Договором от 29 мая 2014 г., был образован Евразийский экономический союз.

Однако с начала 2000-х годов у некоторых государств – членов СНГ наметилась тенденция заключения внеблоковых договоренностей о свободной торговле. Так, Грузия, покинув СНГ в 2009 г., но сохранив действие двусторонних соглашений о свободной торговле с некоторыми странами СНГ, к настоящему времени имеет самую большую сеть соглашений о свободной торговле и интеграции с такими блоками и странами, как ЕС, ЕАСТ, Турция, Китай, Гонконг, а также выступила, наряду с Украиной и Узбекистаном, в качестве одного из основателей регионального блока ГУАМ.

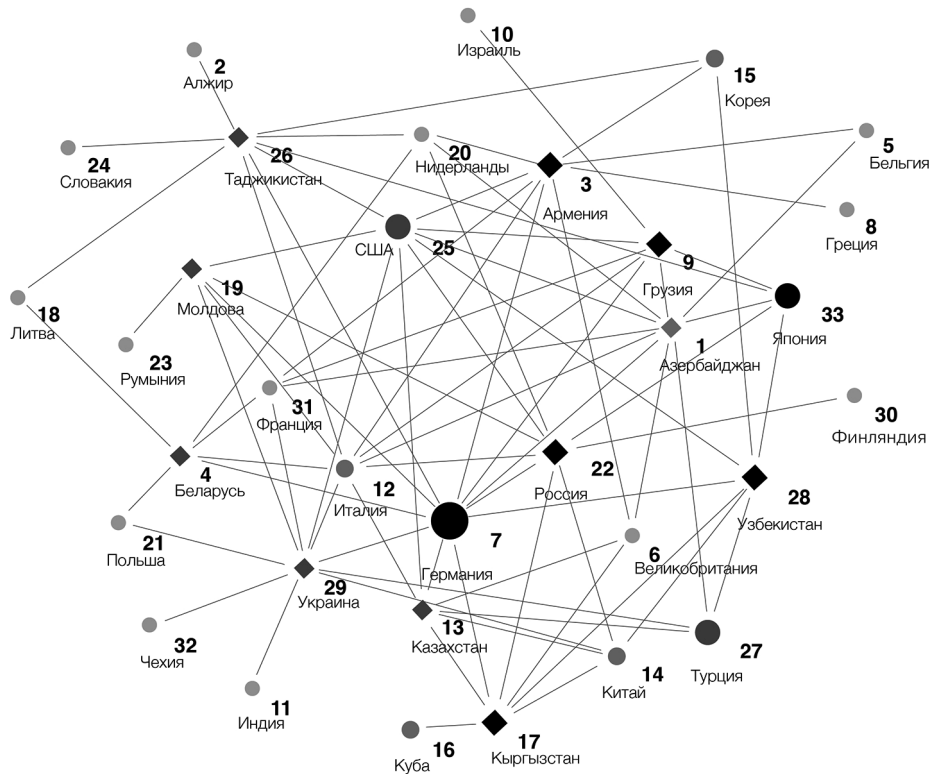

Рис. 4. Модель связей в регионе постсоветского пространства на основе цепочек добавленной стоимости, 1995 г.

Источник: [IAP, n.d.].

Украина также с начала 2000-х годов имеет насыщенную повестку либерализации торговли со странами вне СНГ: подписаны соглашения о свободной торговле товарами с Черногорией, Северной Македонией, Израилем, ЕС, ЕАСТ, Канадой и Турцией, продолжаются консультации о либерализации торговли с Сербией и Сингапуром. Молдова ведет переговоры об образовании зоны свободной торговли с Китаем и уже подписала соглашения о свободной торговле со странами ЕАЭС, Турцией и Великобританией. Вместе с тем Молдова заинтересована в экономической интеграции и гармонизации своих норм и правил с законодательством ЕС, в связи с чем подписала в 2014 г. соглашение об экономической интеграции с данным блоком. Аналогичное соглашение с ЕС, подписанное до присоединения к ЕАЭС в 2015 г., имеет и Армения.

При этом ряд государств — членов СНГ/ЕАЭС активно взаимодействуют с новыми региональными объединениями, например с Организацией тюркских государств, Форумом Китай — Центральная Азия, продолжают взаимодействие в рамках Восточного партнерства с ЕС, в основе которых не лежит режим свободной торговли, но на их площадках реализуются инфраструктурные и экономические проекты, которые в конечном итоге могут привести к образованию новых региональных зон. Особенно это касается тех стран, которые по каким-то причинам пока не вошли в Евразийский экономический союз, ведь в нем одним из ключевых правил является согласованная внешнеторговая политика с третьими странами. Таким образом, описанная модель не

учитывает быстро меняющуюся ситуацию и требует проверки с использованием дополнительных данных. Для уточнения выводов на основе ЗСТ мы использовали цепочки добавленной стоимости (ТОП-5 партнеров стран постсоветского пространства в разные периоды – 1995, 2013 и 2020), а также данные по инвестициям.

Показатели центральности для стран региона на основе данных по цепочкам добавленной стоимости

Для построения моделей на основе цепочек добавленной стоимости мы взяли данные за три контрольных года (1995, 2013 и 2020), построили на основе этих данных модели по единому принципу и сравнили динамику показателей центральности для государств постсоветского пространства. Отметим, что в данном случае мы построили взвешенный граф, то есть связи между вершинами (странами) имеют разную интенсивность, что оказывает влияние на показатели центральности. Параметры веса связи заданы процентным показателем – какую долю в общем потоке цепочек добавленной стоимости занимает та или иная страна. Также граф является направленным – мы учитывали фактор движения товаров из одной страны в другую. Соответственно, если между странами формируется двусторонняя связь (цепочки добавленной стоимости идут в обе стороны), мы классифицировали ее как сильную и анализировали дополнительно.

В 1995 г. наиболее сильной в построении цепочек добавленной стоимости со странами региона постсоветского пространства оказалась позиция Германии. Россия и Китай занимали намного менее значимое место. Также высокий показатель центральности в рамках данной модели был у США. Россию же по показателю центральности обошли такие страны, как Армения, Грузия и Узбекистан (табл. 4).

Таблица 4. Показатели центральности в социальном графе – модели цепочек добавленной стоимости государств постсоветского пространства по состоянию на 1995 г.

Node	Label	DC
7	Германия	171.000000
25	США	99.000000
28	Узбекистан	97.000000
3	Армения	96.000000
9	Грузия	87.000000
22	Россия	87.000000
17	Кыргызстан	83.000000
27	Турция	75.000000
29	Украина	66.000000
13	Казахстан	64.000000
26	Таджикистан	64.000000
19	Молдова	62.000000
4	Беларусь	60.000000
1	Азербайджан	45.000000
12	Италия	45.000000

В начале раздела мы отметили, что важно обращать внимание на конфигурацию сильных (двусторонних связей), поэтому мы оставили только сильные связи, чтобы посмотреть на конфигурацию таких связей в 1995 г. (рис. 5).

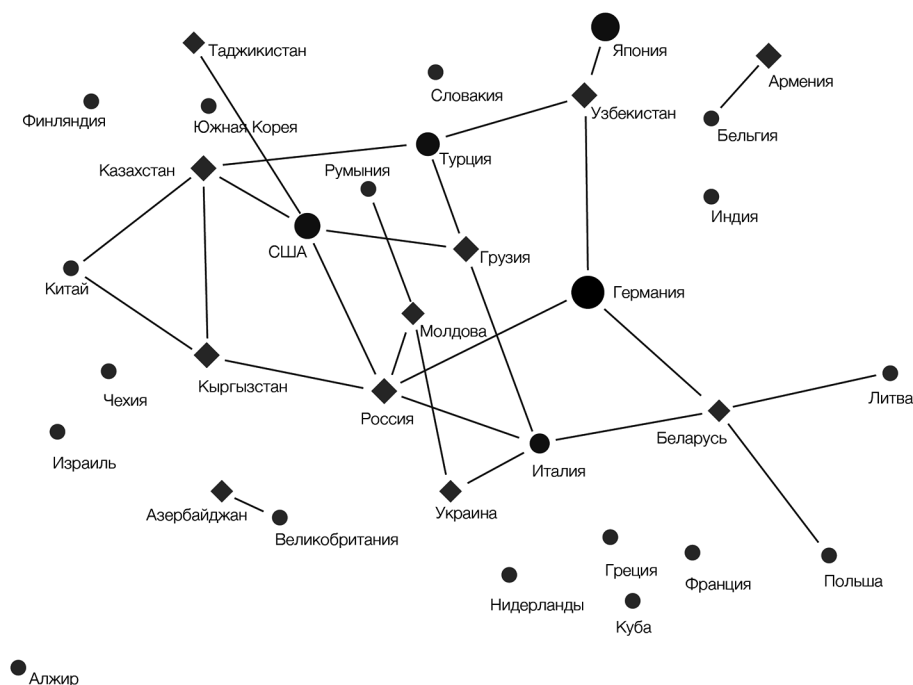

Рис. 5. Модель связей в регионе постсоветского пространства на основе цепочек добавленной стоимости (1995 г.) Сильные двусторонние связи

Источник: [IAP, n.d.].

В 1995 г. регион не формирует единую сеть на основе сильных (взаимных) связей. Из связанной сети выпадают Азербайджан и Армения, при этом значимыми связующими звеньями становятся Германия, Турция, Италия, США. У России сильные двусторонние связи в 1995 г. формируются с Молдовой и Кыргызстаном.

В 2013 г. Россия начинает играть более значимую роль в цепочках добавленной стоимости в регионе (рис. 6).

Также важное место занимает Китай, при этом Германия отходит на второй план. Из стран региона высокие показатели центральности (то есть большое количество партнеров по цепочкам добавленной стоимости) показывают Украина, Казахстан, Таджикистан (табл. 5).

Если мы рассмотрим модель 2013 г. только с сильными связями (рис. 7), то увидим, что картина изменилась по сравнению с 1995 г.

С точки зрения сильных связей регион постсоветского пространства становится более связанным, выпадает только Армения. Россия же становится важным источником и центром притяжения торговых цепочек. Также значимую роль начинает играть Китай, сохраняет свои позиции Турция, а Германия и Италия уже не формируют сильных двусторонних связей со странами региона.

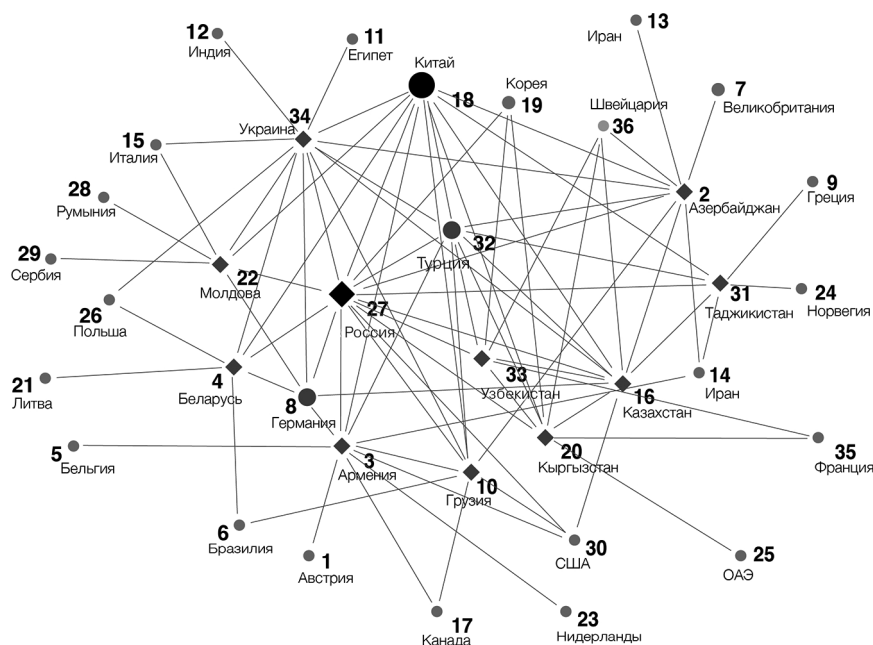

Рис. 6. Модель связей в регионе постсоветского пространства на основе цепочек добавленной стоимости, 2013 г.

Источник: [IAP, n.d.]

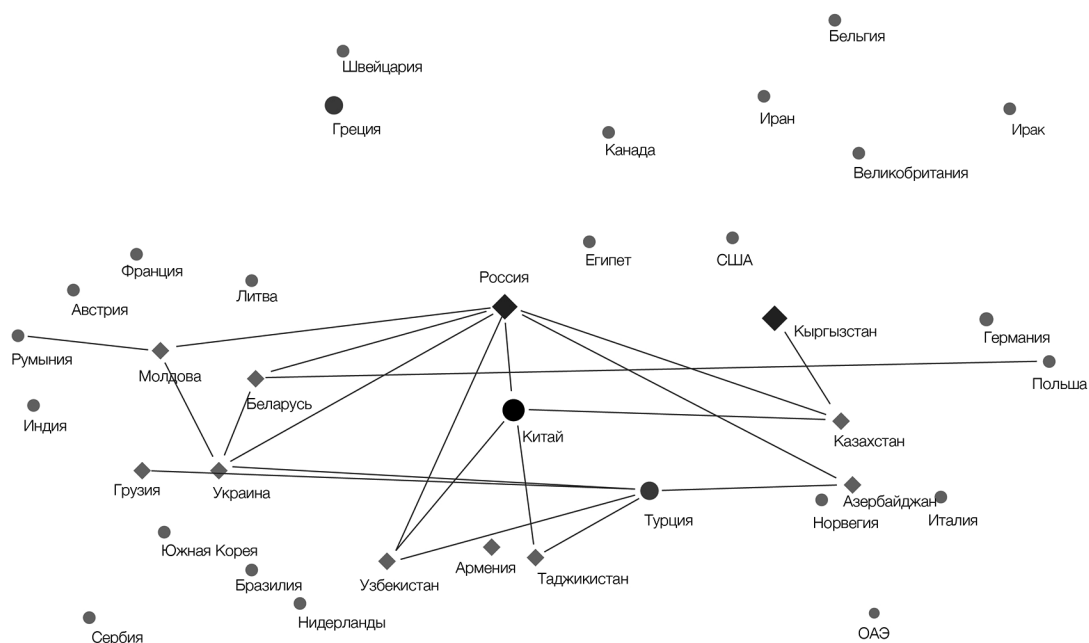

Рис. 7. Модель связей в регионе постсоветского пространства на основе цепочек добавленной стоимости (2013 г.). Сильные двусторонние связи

Источник: [IAP, n.d.].

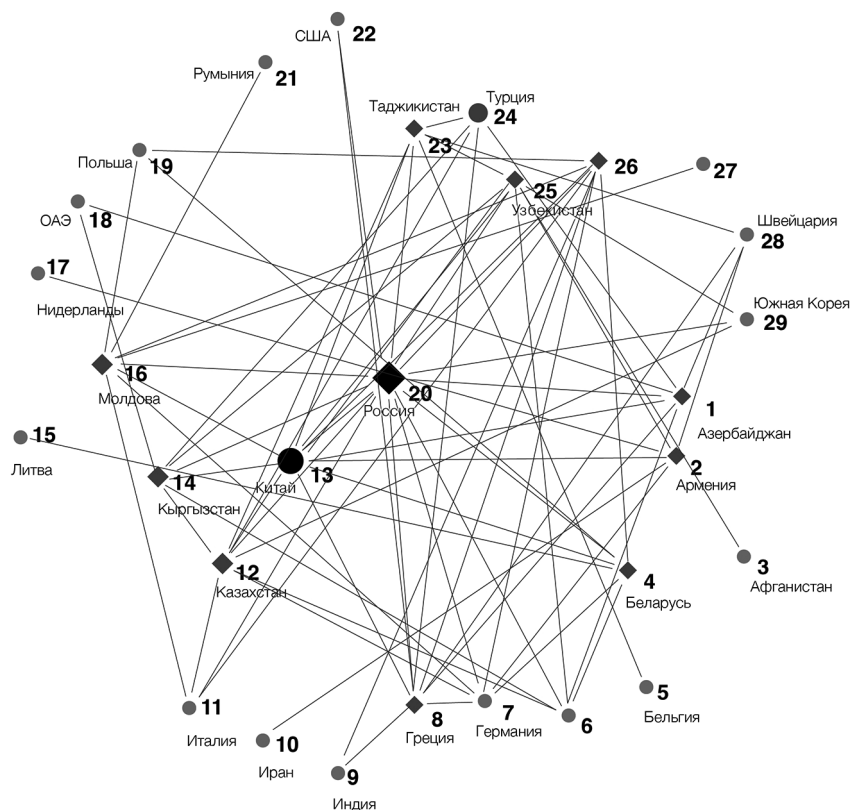

Рис. 8. Модель связей в регионе постсоветского пространства на основе цепочек добавленной стоимости, 2020 г.

Источник: [IAP, n.d.].

Таблица 5. Показатели центральности в социальном графе – модели цепочек добавленной стоимости государств постсоветского пространства по состоянию на 2013 г.

Node	Label	DC
27	Россия	233.000000
18	Китай	208.000000
34	Украина	98.000000
16	Казахстан	92.000000
31	Таджикистан	91.000000
20	Кыргызстан	84.000000
33	Узбекистан	79.000000
22	Молдова	76.000000
3	Армения	75.000000
2	Азербайджан	74.000000

Node	Label	DC
32	Турция	72.000000
4	Беларусь	70.000000
10	Грузия	59.000000
8	Германия	49.000000
19	Южная Корея	28.000000
26	Польша	17.000000
7	Великобритания	16.000000
14	Иран	16.000000
28	Румыния	13.000000
1	Австрия	8.000000
6	Бразилия	6.000000
30	США	3.000000

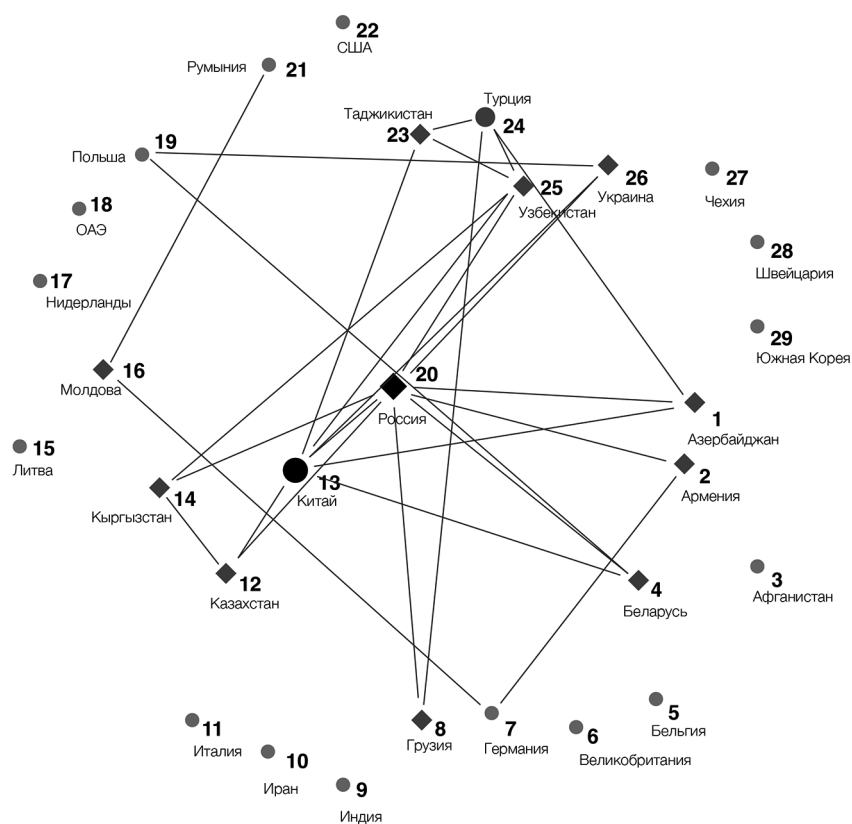

Рис. 9. Модель связей в регионе постсоветского пространства на основе цепочек добавленной стоимости (2020 г.). Сильные двусторонние связи

Источник: [IAP, n.d.].

Таблица 6. Показатели центральности в социальном графе — модели цепочек добавленной стоимости государств постсоветского пространства по состоянию на 2020 г.

Node	Label	DC
20	Россия	280.000000
13	Китай	199.000000
12	Казахстан	107.000000
25	Узбекистан	105.000000
14	Кыргызстан	97.000000
23	Таджикистан	89.000000
1	Азербайджан	77.000000
2	Армения	77.000000
4	Беларусь	73.000000
24	Турция	69.000000
16	Молдова	65.000000
26	Украина	57.000000
8	Грузия	56.000000
7	Германия	50.000000
29	Южная Корея	20.000000
19	Польша	18.000000

К 2020 г. мы наблюдаем, как Россия и Китай плотно занимают свои центральные позиции в рамках модели цепочек добавленной стоимости на постсоветском пространстве. Европейские страны и США все еще сохраняют свои позиции, но уже не настолько значимые, как в 1995 г. (табл. 6).

Модель сильных двусторонних связей в 2020 г. показывает, что регион окончательно приобретает связанность — все страны региона напрямую или через посредников связаны сильными двусторонними связями. И здесь важную роль играют Китай, Турция и Германия.

Таким образом, три временных среза — 1995, 2013 и 2020 гг. — показали нам эволюцию экономических отношений стран региона внутри и вовне. В 1995 г. регион был достаточно разрознен с точки зрения формирования цепочек добавленной стоимости. Основную роль в нем играли связи с Германией и Италией, роль России и Китая была незначительной. С 2013 г. ситуация начинает меняться. Россия и Китай постепенно наращивали свои позиции и смогли удержать центральность до 2020 г.

Показатели центральности для стран региона на основе данных по ПИИ

Цепочки инвестиций также дают нам возможность проверить созданную модель на предмет ее корреляции с реальными экономическими контактами, которые выстраиваются в регионе постсоветского пространства.

Россия является и активным донором инвестиций (рис. 10), причем в основном в страны постсоветского пространства, и принимает инвестиции из третьих стран (Ве-

ликобритания, Нидерланды, Кипр, Бермудские острова). По показателям центральности Россия в 2021 г. была лидером по инвестициям в регионе (табл. 7).

Таблица 7. Показатели центральности в социальном графе — модели потоков инвестиций государств постсоветского пространства по состоянию на 2021 г.

Node	Label	DC
17	Россия	89.000000
12	Кипр	75.000000
7	Великобритания	73.000000
13	Китай	70.000000
16	Нидерланды	63.000000
11	Канада	43.000000
20	Турция	41.000000
18	США	33.000000
2	Азербайджан	20.000000
5	Бермудские остро	16.000000
15	Малайзия	9.000000
21	Франция	8.000000
9	Ирландия	6.000000
3	Аргентина	5.000000
1	Австрия	4.000000
22	Швейцария	4.000000

Показательно, что Кипр и Великобритания также выступают в роли значимых источников инвестиций для стран постсоветского пространства, что, по всей вероятности, связано с тем, как распределяются российские крупные капиталы (однако данный кейс не является предметом нашего рассмотрения в данной статье).

***

В данной статье на основе анализа торговых связей между странами по принципу наличия ЗСТ была описана разработанная статическая модель распределения стратегий государств постсоветского пространства относительно региональной экономической интеграции. Модель была построена на основе анализа взаимосвязей в рамках системы соглашений о ЗСТ. В дальнейшем она была проверена на материале данных о цепочках добавленной стоимости и прямых иностранных инвестиций. Распределение стратегий выглядит следующим образом: активные и центробежные (Украина, Грузия, Молдова); активные и центростремительные (Россия, Казахстан, Беларусь, Кыргызстан, Армения); пассивные и центростремительные (Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан); пассивные и центробежные.

В результате выявления четырех базовых стратегий наблюдается несколько трендов. Во-первых, стратегия наращивания внешнеэкономических контактов для стран постсоветского пространства сконцентрирована на Евразии. При этом на современ-

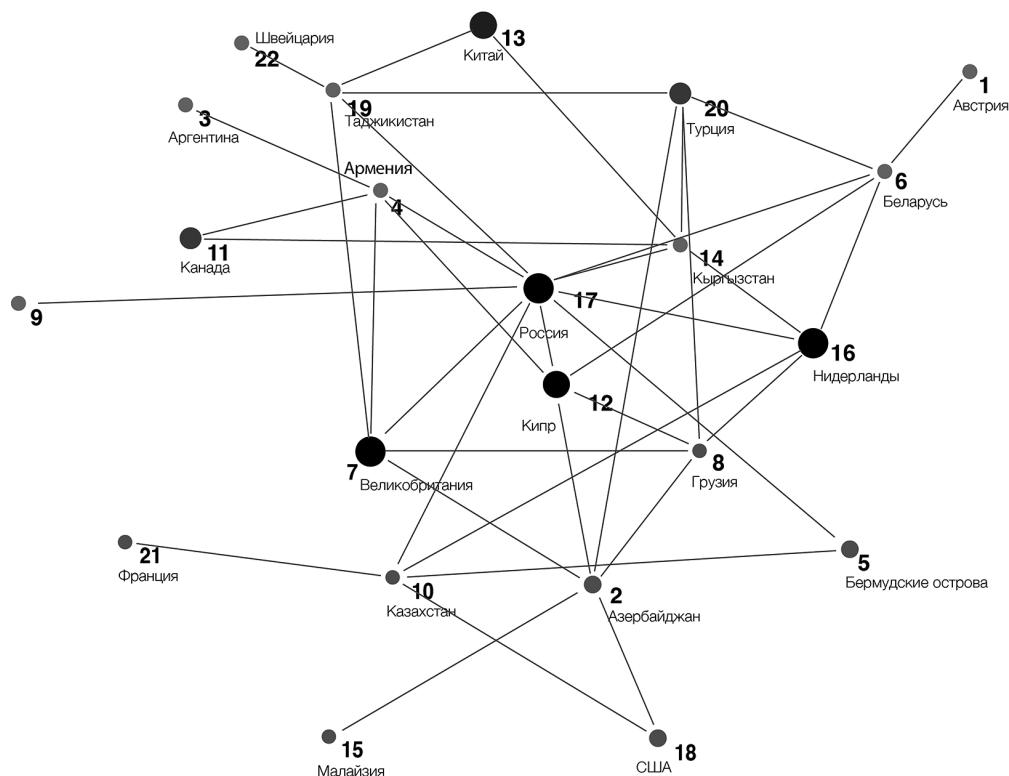

Рис. 10. Модель связей в регионе постсоветского пространства на основе данных о потоках инвестиций, 2021 г.

Источник: [ЕЕС, n.d.].

ном этапе нельзя констатировать четкого разделения стран на западную и восточную ориентацию.

К странам с активной стратегией можно отнести Украину и Россию. Однако если Россия ориентирована на более тесную внутриблочную интеграцию, то Украина — на внеблочную интеграцию с понижением значимости внутриблочных экономических связей. Центробежная активная позиция Украины постепенно отдаляла страну от региона и была нацелена на формирование альтернативных экономических связей. Похожую стратегию (активную и центробежную) выбрали также Грузия и Молдова. Активная и центростремительная позиция характерна для Армении и Казахстана, Кыргызстана и Беларуси (государств — членов ЕАЭС). Наиболее интересными с точки зрения перспектив региональной интеграции являются Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Внешнеэкономическая стратегия этих стран находится на стадии формирования и в настоящий момент важно развивать с ними максимально тесное сотрудничество.

Во-вторых, к наиболее активным внешним центрам, заинтересованным в интеграции со странами постсоветского региона, можно отнести ЕС, Китай и Турцию. При этом ЕС наряду с режимом «регулируемой» свободной торговли продвигает экономическую интеграцию путем имплементации такими странами своих норм и

правил государственного регулирования. Китай нацелен на продвижение своих инфраструктурных проектов и создание благоприятного торгового режима для их развития. Роль Турции в либерализации условий торговли со странами постсоветского пространства пока не раскрылась в полной мере: эта страна весьма сдержанно участвует как в производственной кооперации, так и в инвестиционном развитии стран бывшего СССР. Возможно, изменению ситуации будет способствовать реализация соглашений о свободной торговле, заключенных Турцией с Грузией и Украиной в начале 2020-х годов.

И наконец, основными игроками в области цепочек добавленной стоимости и инвестиций в развитие экономики стран с 2013 г. становятся Россия и Китай. Россия по-прежнему остается ключевым партнером по производственной кооперации и центром инвестиций для стран постсоветского региона. Это свидетельствует о том, что большинство соглашений о свободной торговле со странами за пределами СНГ так и не принесли эффекта углубления кооперационных цепочек со странами вне постсоветского пространства. В этой связи напрашивается вывод о том, что внешнеэкономические интеграционные стратегии носят в основном политический характер и не соотносятся с экономическими реалиями, отраженными в инвестиционных потоках и цепочках добавленной стоимости.

Если оценивать некую отдаленную перспективу и делать прогноз на 2025–2030 гг., можно предположить, что самая активная конкуренция развернется за внимание государств, которые демонстрируют пассивную центростремительную стратегию (Азербайджан, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан). В частности, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан привлекательны для Турции, тем более что последняя активно вовлечена в цепочки добавленной стоимости и инвестиционные потоки в регионе постсоветского пространства. Не менее активен в регионе Центральной Азии и Китай, который также имеет шансы усилить свое влияние через цепочки и инвестиции.

Список источников

База данных региональной интеграции: состав и показатели. ЦИИ ЕАБР (2014).

Безруков А.Э., Иванов К.А., Чимириш Е.С. (2021) Интеграционные процессы в Центральной Азии: столкновение интересов внешних акторов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 11(3). С. 62–70. Режим доступа: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-3-62-70>.

Винокуров Е.Ю., Либман А.М. (2012) Евразийская континентальная интеграция. СПб.: Центр интеграционных исследований. Режим доступа: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/evraziyskaya-kontinentalnaya-integratsiya/> (дата обращения: 16.03.2023).

Гринберг Р.С., Пылин А.Г. (2020) Евразийский экономический союз: основные тренды развития на фоне глобальной неопределенности // Экономика региона. Т. 16. № 2. С. 340–351. Режим доступа: <https://doi.org/10.17059/2020-2-1>.

Евразийская экономическая комиссия (ЕАЭС) (n.d.) Департамент статистики. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_stat/ (дата обращения: 16.03.2023).

Зиядуллаев Н.С. (2002) СНГ: Дорога в третье тысячелетие. Проблемы развития и укрепления Содружества. М.: ИСПИ РАН.

Исполнительный комитет СНГ. (н.д.) Режим доступа: cis.minsk.by (дата обращения: 14.02.2023).

Кнобель А.Ю., Пыжиков Н.С., Кутюва А.Н. (2020) Влияние пандемии коронавируса на глобальные интеграционные процессы // Экономическое развитие России. Т. 27. № 8. С. 25–31. Режим доступа: http://www.vedi.ru/red_r/2020/red_0820_Knobel_Pyzhikov_Kutovaya.pdf (дата обращения: 16.03.2023).

Кравченко Ю.Б., Спартак А.Н. (2021) Ключевые мирохозяйственные тренды в текущем десятилетии // Российский внешнеэкономический вестник. № 12. С. 7–26. Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4020471 (дата обращения: 16.03.2023).

Курылев К.П., Дегтерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В. (2018) Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций. Т. 13. № 1. С. 134–156. Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-08>.

Махмутова Е.В. (2019) Влияние антироссийских санкций на Евразийский экономический союз // Вестник международных организаций. Т. 14. № 3. С. 99–116 (на русском и английском языках). Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-05>.

Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ) (2019) Мониторинг актуальных событий в области международной торговли. № 40. 4 декабря. Режим доступа: https://www.vavt-imef.ru/wp-content/uploads/2019/12/Monitoring_40.pdf (дата обращения: 16.03.2023).

Петрович-Белкин О.К., Еремин А.А., Бокерия С.А. (2019) Проблема снижения влияния России на постсоветском пространстве: чем вызван дрейф государств СНГ в сторону многовекторности? // Вестник международных организаций. Т. 14. № 1. С. 94–112. Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-06>.

Путин В.В. (2011) Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 3 октября. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyyu-integratsionnyy-proekt-dlya-evrazii-budushee-kotoroe-rozhdaetsya-segodnya> (дата обращения: 16.03.2023).

Baldwin R. (2013) Lessons From the European Spaghetti Bowl. ADBI Working Paper Series No 418, Asian Development Bank Institute. Режим доступа: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156273/adbi-wp418.pdf> (дата обращения: 14.02.2023).

Industrial Analytics Platform (IAP) (n.d.) United Nations Industrial Development Organization (UNIDO). Режим доступа: <https://iap.unido.org/> (дата обращения: 14.02.2023).

Schüle U., Kleisinger T. (2016) The “Spaghetti Bowl”: A Case Study on Processing Rules of Origin and Rules of Cumulation. UASM Discussion Paper Series 2, University of Applied Sciences Mainz. Режим доступа: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/181886/1/uasm-dp-002.pdf> (дата обращения: 14.02.2023).

World Trade Organization (WTO) (n.d.) Regional Trade Agreements. Database. Режим доступа: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения: 16.03.2023).

Zaclicever D. (2019) A Network Analysis Approach to Vertical Trade Linkages: The Case of Latin America and Asia. International Trade Series No 147, Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC). Режим доступа: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/45060/1/S1901067_en.pdf (дата обращения: 14.02.2023).

Integration Strategies of the Post-Soviet Countries: Analysis Using the Social Graph Approach¹

T. Alyev, E. Stoyanova, E. Chimiris

Timur Alyev — Senior Research Fellow, Institute of International Emonimy and Finance, VAVT; 6A Vorob'evskoe shosse, Moscow, 119285, Russia; t.aliev@vavt.ru

Elena Stoyanova — Analyst of the 1st category, Center for Economic Integration Institute for Regional Integration Studies, VAVT; 6A Vorob'evskoe shosse, Moscow, 119285, Russia; stoyanovaev@inbox.ru

Ekaterina Chimiris — Head of the Center for Socio-Political Research Institute for Regional Integration Studies, VAVT, Associate Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation PhD in Political Science; 6A Vorob'evskoe shosse, Moscow, 119285, Russia; e.chimiris@vavt.ru

Abstract

In connection with the current trends restructuring the global world order, the task of creating regional zones of trust, including in the format of integration trade associations between states, is coming to the fore. These trends play an important role in the foreign policy of states, including Russia. In this regard, this article analyzes the strategies of the states of the post-Soviet space in relation to regional economic integration.

The article uses the method of constructing a social graph. Data on the concluded regional trade agreements between the states of the post-Soviet bloc with trading partners was analyzed. The model was also tested and compared against data on value chains and investment flows. Based on this analysis, a model for the distribution of countries' strategies for regional economic integration was created along two parameters: active/passive and centrifugal/centripetal. Four variants of strategies were identified: active centrifugal, active centripetal, passive centrifugal, and passive centripetal. The article presents the results of checking the obtained model and draws conclusions regarding the prospects for the development of regional economic integration in the post-Soviet space.

Keywords: post-Soviet space; FTA; economic integration; social graph; foreign economic strategy

For citation: Alyev T., Stoyanova E., Chimiris E. (2023) Integration Strategies of the Post-Soviet Countries: Analysis Using the Social Graph Approach. *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 1, pp. 127–150 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-05

References

Baldwin R. (2013) Lessons From the European Spaghetti Bowl. ADBI Working Paper Series No 418, Asian Development Bank Institute. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156273/adbi-wp418.pdf> (accessed 14 February 2023).

Baza dannyh regional'noj integracii: sostav i pokazateli [Database of Regional Integration: Composition and Indicators] (2014). Eurasian Development Bank. Available at: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/baza-dannykh-regionalnoy-integratsii/> (accessed 14 February 2023) (in Russian).

Bezrukov A.E., Ivanov K.A., Chimiris E.S. (2021) Integracionnye processy v Central'noj Azii: stolknovenie interesov vneshnih aktorov [Integration Processes in Central Asia: Clash of Interests of External Actors]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, vol. 11, no 3, pp. 62–70. Available at: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-3-62-70> (in Russian).

---

¹ This article was submitted 13.10.2022.

CIS Executive Committee (n.d.) Available at: cis.minsk.by (accessed 14 February 2023) (in Russian).

Eurasian Economic Commission (EEC) (n.d.) Department of Statistics. Available at: https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_stat/ (accessed 14 February 2023).

Grinberg R.S., Pylin A.G. (2020) Evrazijskij jekonomicheskij sojuz: osnovnye trendy razvitiya na fone global'noj neopredelennosti [Eurasian Economic Union: Main Development Trends Amid Global Uncertainty]. *Jekonomika regiona*, vol. 16, no 2, pp. 340–51. Available at: <http://doi.org/10.17059/2020-2-1> (in Russian).

Industrial Analytics Platform (IAP) (n.d.) United Nations Industrial Development Organization (UNIDO). Available at: <https://iap.unido.org/> (accessed 14 February 2023).

Knobel' A.Ju., Pyzhikov A.N., Kutovaja N.S. (2020) Vliyanie pandemii koronavirusa na global'nye integracionnye process [Impact of the Coronavirus Pandemic on Global Integration Processes]. *Jekonomicheskoe razvitie Rossii*, vol. 27, no 8, pp. 25–31. Available at: http://www.vedi.ru/red_r/2020/red_0820_Knobel_Pyzhikov_Kutovaya.pdf (accessed 14 February 2023) (in Russian).

Kravchenko Ju.B., Spartak A.N. (2021) Kljuchevyje mirohozjajstvennye trendy v tekushhem desjatiletii [Key Global Economic Trends in the Current Decade]. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik*, no 12, pp. 7–26. Available at: <http://doi.org/10.24412/2072-8042-2021-12-7-26> (in Russian).

Kurylev K.P., Degterev D.A., Smolik N.G., Stanis D.V. (2018) A Quantitative Analysis of Geopolitical Pluralism in the Post-Soviet Space. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 1, pp. 134–56. Available at: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-08>.

Kuzmina E.M. (2017) Ekonomicheskoe razvitie stran EAES i perspektivy ekonomicheskoy integracii do 2025 g. (2017) [Economic Development of the EAEU Countries and Prospects for Economic Integration Until 2025]. RAIC Policy Paper. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/EAEU2025-Policybrief-ru.pdf> (accessed 14 February 2023) (in Russian).

Makhmutova E. (2019) Sanctions Against Russia and Their Impact on the Eurasian Economic Union. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 3, pp. 99–116. Available at: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-05>.

Osadchey G.I. (ed.) (2018) Processy evrazijskoj integracii: social'no-politicheskoe izmerenie [*Eurasian Integration Processes: Socio-Political Dimension*]. Moscow: BIBLIO-GLOBUS (in Russian).

Petrovich-Belkin O., Bokeriya S., Eremin A. (2019) The Problem of Russia's Declining Influence in the Former Soviet Union: Why Are the CIS Countries Drifting Toward Multilateralism? *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 1, pp. 94–112. Available at: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-06>.

Putin V.V. (2011) Novyj integracionnyj proekt dlya Evrazii – budushchee, kotoroe rozhdaetsya segodnya [A New Integration Project for Eurasia: The Future That Is Born Today]. *Izvestiya*, 3 October. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-integratsionnyj-proekt-dlya-evrazii-budushchee-kotoroe-rozhdaetsya-segodnya> (accessed 16 March 2023) (in Russian).

RTA Tracker (n.d.) Regional Trade Agreements Database, World Trade Organization (WTO). Available at: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (accessed 14 February 2023).

Schüle U., Kleisinger T. (2016) The “Spaghetti Bowl”: A Case Study on Processing Rules of Origin and Rules of Cumulation. UASM Discussion Paper Series 2, University of Applied Sciences Mainz. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/181886/1/uasm-dp-002.pdf> (accessed 14 February 2023).

Vardomskogo L.B. (ed.) (2021) Postsovetskie strany v processah mezhdunarodnoj regionalizacii v 2010–2020: ozhidanija, itogi, novye tendencii: Collective Scientific Report [*Post-Soviet Countries in the Processes of International Regionalization in 2010–2020: Expectations, Results, New Trends*]. Moscow: Institut Jekonomiki RAN (in Russian).

VAVT (2019) Monitoring aktual'nyh sobytij v oblasti mezhdunarodnoj trgovli [Monitoring of Current Events in the Field of International Trade], No 40, 4 December. Available at: https://www.vavt-imf.ru/wp-content/uploads/2019/12/Monitoring_40.pdf (accessed 14 February 2023) (in Russian).

Vinokurov E.Ju., Libman A.M. (2012) Evrazijskaja kontinental'naja integracija [Eurasian Continental Integration]. EDB Centre for Integration Studies, Eurasian Development Bank. Available at: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/evraziyskaya-kontinentalnaya-integratsiya/> (accessed 14 February 2023) (in Russian).

Zaclicever D. (2019) A Network Analysis Approach to Vertical Trade Linkages: The Case of Latin America and Asia. International Trade Series No 147, Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC). Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/45060/1/S1901067_en.pdf (accessed 14 February 2023).

Zijadullaev N.S. (2002) SNG: Doroga v tret'e tysjacheletie. Problemy razvitija i ukreplenija Sodruzhestva [*CIS: Road to the Third Millennium: Problems of Development and Strengthening of the Commonwealth*]. Moscow: ISPI RAN (in Russian).

Реализация концепции многовекторности во внешней политике Республики Казахстан на примере голосования по резолюциям ГА ООН¹

Р.А. Юнеман

Юнеман Роман Александрович — аспирант Аспирантской школы по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; roman@yuneman.ru; ORCID: 0000-0003-4006-2233; ResearcherID: P-9338-2015

Аннотация

Многовекторность — ключевая черта внешнеполитической стратегии Республики Казахстан. Политика Казахстана внутри международных организаций и интеграционных объединений также проводится в рамках концепции многовекторности. На сегодняшний день реализация данной концепции во внешней политике Казахстана в рамках Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ГА ООН) до сих пор не изучена. Для исследования концепции многовекторности автор анализирует совпадение позиций Казахстана и других государств — России, Китая, США, Турции и Германии — при голосовании в ГА ООН в 2007–2022 гг. Кроме того, в статье анализируется совпадение голосов Казахстана и других рассматриваемых стран по отдельным темам (разоружение, деколонизация, права человека, вопросы развития, вооруженные конфликты и др.), а также голосование по ключевым резолюциям, касающимся вооруженных конфликтов с участием Российской Федерации. В результате количественного и качественного анализа голосований по более чем 1300 резолюций автор приходит к выводу о том, что главным «вектором» внешней политики Казахстана является КНР, а не Российская Федерация, которая формально считается ключевым союзником Казахстана. Именно с Китаем обнаруживается максимальное совпадение внешнеполитических позиций (меньшее с Россией, Турцией и Германией, а с США — минимальное). Более того, при противоположном голосовании Китая и других трех рассматриваемых стран голоса Казахстана чаще совпадали с китайскими. Автор утверждает, что Казахстан также избегает эксплицитной поддержки Российской Федерации в голосованиях по резолюциям, связанным с вооруженными конфликтами с участием России. Это также проявляется и в голосовании Республики Казахстан по резолюциям, связанным с проведением СВО на Украине. Природа максимального совпадения позиций Китая и Казахстана при голосовании по резолюциям ГА ООН требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Казахстан, Россия, США, Китай, Германия, Турция, ГА ООН, голосование, многовекторность

Для цитирования: Юнеман Р.А. Реализация концепции многовекторности во внешней политике Республики Казахстан на примере голосования по резолюциям ГА ООН // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 1. С. 151–169 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-06

Основы внешней политики Республики Казахстан были определены Нурсултаном Назарбаевым в мае 1992 г. в программной статье «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства». Главной целью внешней политики была объявлена безопасность нового Казахстана, которую должно обеспечить в том числе стра-

¹ Статья поступила в редакцию 12.11.2022.

тегическое партнерство с соседями — Россией и Китаем, а также тесное сотрудничество с государствами Средней Азии, Турцией, Пакистаном и Индией [Nazarbaev, 1992]. Этот внешнеполитический императив, подразумевающий ориентацию на несколько центров силы, в дальнейшем получил название «многовекторность».

Недавнее обращение Казахстана в ОДКБ за помощью в урегулировании внутреннего кризиса и начало СВО России на Украине заставляют задуматься о будущем казахстанской внешнеполитической концепции многовекторности. Тем более представляется важным понять, как эта концепция реализовывалась на практике до настоящего времени.

Несмотря на де-факто следование политике многовекторности все время существования Республики Казахстан, впервые официально многовекторность была обозначена как концепт в 2007 г. в Послании президента Республики Казахстан [President of the Republic of Kazakhstan, 2007]. В дальнейшем многовекторность обозначена как основной принцип внешней политики в Концепциях внешней политики Республики Казахстан от 2014 и 2020 гг. [President of the Republic of Kazakhstan, 2014; 2020]. В официальных доктринах внешняя политика Казахстана описывается как «дипломатическая стратегия, основанная на выстраивании отношений с международным сообществом вообще и с сопредельными государствами в частности на прагматической и сбалансированной основе» [Ibid., 2020]. В своей программной статье от 2021 г. К.-Ж. Токаев также подтверждает приверженность Казахстана многовекторности во внешней политике как необходимое условие для сохранения страной независимости [Kazhstanskaya Pravda, 2021]. В целом можно говорить о сохранении курса на многовекторность (как минимум декларативно) даже после смены руководства страны.

В той или иной степени политика многовекторности характерна для многих постсоветских государств. Например, в Армении такая политика получила название «комплиментаризм», в Узбекистане при Исламе Каримове также декларировалась приверженность многовекторной внешней политике [Minasyan, 2012, p. 268; Nomerovchenko, Kim, Kang, 2018, p. 401]. Многовекторность может также пониматься как готовность государства сотрудничать «со всеми», то есть с несколькими, зачастую конфликтующими, центрами силы в данном регионе — такой трактовки многовекторности, к примеру, придерживается официальный Минск [Shadurski, 2010, p. 50].

По определению М. Хэнкса, многовекторная внешняя политика — это политика, в рамках которой отношения с другими странами выстраиваются на прагматической и неидеологической основе [Hanks, 2009, p. 259]. Такая трактовка политики многовекторности делает ее синонимичной внешней политике государства в целом (в нео-реалистском контексте). В то же время исследователь Е. Гнедина утверждает, что суть политики многовекторности — это «и не балансирование, и не примыкание», а особый способ постсоветских элит максимизировать собственную выгоду в краткосрочном периоде за счет противоречий крупных держав [Gnedina, 2015]. Данный подход поднимает вопрос о сходстве многовекторности и политики хеджирования, которая, по определению Ч. Куика, использует стратегии, расположенные «на спектре» между примыканием и балансированием, для сохранения безопасности государства и максимизации выгоды его правящих элит [Kuik, 2008, p. 163].

Несмотря на то что политическое маневрирование малых и средних государств между крупными игроками распространено в разных регионах, термин «многовекторность» преимущественно используется для стран постсоветского пространства. При этом конкретные причины использования государством многовекторной политики могут быть различными. Так, к примеру, одной из причин перехода Казахстана к многовекторной внешней политике может быть необходимость легитимизировать

государственность как в глазах русских, так и казахов [Cummings, 2003, p. 150]. Тем не менее для всех постсоветских государств многовекторная политика — это способ тем или иным образом утвердить собственный суверенитет в отношении России.

Концепция многовекторности во внешней политике Казахстана на данный момент относительно неплохо изучена. С момента введения этой концепции в дискурс исследовались причины ее появления и эволюция [Kassen, 2018; Bastas, 2013], практическое применение в сфере балансирования между Китаем и Россией [Diyarbakirlioğlu, Yiğit, 2014], а также реализация политики многовекторности в экономической и энергетической сфере [Nurgaliyeva, 2016]. Отдельно стоит выделить работы Ч. Салливана и М. Кларка, которые определяют политику многовекторности как политику защиты независимого Казахстана от доминирования Российской Федерации и указывают на ее туманное будущее, учитывая сохраняющееся противостояние России и Запада [Sullivan, 2019; Clarke, 2015]. В таком контексте политика многовекторности по своей сути является политикой балансирования относительно России.

Тем не менее остается пока неизученной политика многовекторности Казахстана в отношении основных международных вопросов. Поэтому представляется важным установить степень согласованности внешней политики Казахстана с ключевыми великими державами. В первую очередь необходимо определить, насколько совпадают позиции Казахстана и США, России, Китая, Турции и ЕС как основных внешних игроков в Центральной Азии.

Для определения степени совпадения может быть использован анализ голосования по резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН). Один из современных исследователей паттернов голосования стран в ГА ООН Э. Вутен отмечает, что результаты такого анализа могут показать, «в какой степени страны обладают общими внешнеполитическими интересами или предпочтениями» [Voeten, 2013, p. 13]. В свою очередь, на основании количественного анализа голосования в ГА ООН российский исследователь Д. Хачатурян делает вывод о соответствии типа отношений («союзнических» и «привилегированных») и согласованности голосования в ГА ООН между Арменией и Россией/Францией [Khachatryan, 2017].

Исследуются паттерны голосования стран и как суверенных акторов, и как участников союзов с целью показать действительное наличие или отсутствие согласованной внешней политики [Lijphart, 1963, p. 902–917]. Более того, на основании голосования по резолюциям ГА ООН определяется внешнеполитическая близость стран одного блока по отношению к крупным международным акторам. В частности, на основе анализа голосования стран АСЕАН и Японии, Китая, США делается вывод о большей близости внешней политики стран блока к Китаю, нежели к Японии и США [Burmester, Jankowski, 2014].

Большинство работ, посвященных анализу голосования Казахстана в ГА ООН, рассматривают Казахстан в контексте Центральной Азии или СНГ как региона. Например, рассматривается внешнеполитическая близость Казахстана и других государств СНГ на основании совпадения позиций при голосовании по резолюциям в ГА ООН [Kurylev et al., 2018; Degterev et al., 2018; Hansen, 2015]. В своей работе “May we have a say? Central Asian states in the UN General Assembly” Ф. Коста-Буранелли также исследует результаты голосований Казахстана только в контексте согласованности внешней политики с другими странами Центральной Азии и Россией и приходит к выводу о большей согласованности позиций центральноазиатских стран между собой, чем с Российской Федерацией [Costa-Buranelli, 2014].

Отдельно отметим исследование Г. Козлова, посвященное анализу голосований Казахстана и США по резолюциям ГА ООН, как одну из немногих работ, освещающих

совпадение позиций Казахстана и крупного международного актора [Kozlov, 2020]. Автор на основании количественного анализа результатов голосований Казахстана и США по резолюциям ГА ООН приходит к выводу о значительном несовпадении позиций двух государств (и о большем совпадении позиций Казахстана и России) [Kozlov, 2020, p. 584].

Тем не менее до сих пор не было исследовано совпадение голосования Казахстана и Китая, Казахстана и Турции, Казахстана и Германии (как одной из стран ЕС, проявляющих наибольшую активность на центральноазиатском направлении). Лишь в общих чертах были исследованы паттерны голосования Казахстана и России. Более того, для понимания политики многовекторности необходимо комплексное исследование голосования в ГА ООН Казахстана и других ключевых игроков региона: России, ЕС, США, Китая и Турции.

Исследование совпадения голосов в ГА ООН представляется также важным в контексте того, что Казахстан и Россия формально проводят «согласованную внешнюю политику», как указано в ст. 4 «Договора между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о добрососедстве и союзничестве в XXI в.» [Dogovor, 2013], притом что с другими рассматриваемыми странами договоров о такой «согласованной внешней политике» нет. Поэтому важно понимать, какую позицию занимал Казахстан в случае противоположного голосования России и трех остальных рассматриваемых акторов.

Далее будет исследовано совпадение голосов при голосовании по резолюциям ГА ООН Казахстана и пяти стран: России, США, КНР, Турции и Германии. Для анализа были выбраны только те резолюции, по которым проводилось голосование в рамках сессий ГА с 2007 по 2022 г., с 63-й по 77-ю сессии (всего 1320 резолюций). Выбранная нижняя хронологическая граница обусловлена вводом в официальный дискурс термина «многовекторность», а также вторым запуском евразийской интеграции и подписанием договора о создании Таможенного союза. Верхняя граница позволит рассмотреть голосования в ГА ООН, связанные с проведением Россией СВО на Украине. Внутри выбранных временных рамок отдельно будут рассмотрены периоды 2007–2013 и 2014–2022 гг., для того чтобы отследить эволюцию голосования Казахстана до и после начала активной фазы конфронтации России и Запада. Представляется интересным установить, произошли ли изменения в паттернах голосования Казахстана после присоединения Крыма Российской Федерацией. Возросшая антагонистичность отношений России и США/Германии могла привести к снижению поддержки России при голосовании в ГА ООН.

Все исходные данные для анализа результата голосований взяты из Цифровой библиотеки ООН [UN, n. d.]. При анализе резолюций в работе применен строгий подход для подсчета совпадений при голосовании: будут посчитаны только случаи полного совпадения позиций (всего их возможно четыре: «да», «нет», «воздержался», «не участвовал в голосовании»), затем поделены на количество резолюций за период и умножены на 100%. Результатом расчетов является процент совпадения голосования двух стран. Кроме того, при противоположном голосовании будут учтены только те случаи, когда две страны проголосовали антагонистично (учитываются только позиции «да» и «нет»).

Анализ голосования по резолюциям ГА ООН

Результаты анализа голосований Казахстана, России, США, Китая, Турции и Германии в ГА ООН на предмет совпадения позиций в 2007–2013 гг. с указанием количества резолюций, по которым проводилось голосование, а также основных тем резолюций приведены в табл. 1.

Таблица 1. Коэффициент согласованности голосования Казахстана с Россией, США, Китаем, Германией и Турцией при голосовании по резолюциям ГА ООН с 2007 по 2013 г., %

Год	Кол-во резолюций	Россия, %	США, %	КНР, %	ФРГ, %	Турция, %	Основные темы резолюций
2007	79	82	9	84	68	72	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Торговля вооружениями. Санкции
2008	78	78	12	82	65	71	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Торговля вооружениями. Права человека в Сирии
2009	68	78	16	87	59	65	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Торговля вооружениями. Права человека в КНДР. Беженцы из Абхазии и Осетии
2010	72	75	17	83	60	72%	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Торговля вооружениями. Права человека в КНДР. Беженцы из Абхазии и Осетии. Международная торговля
2011	69	74	25	86	62	71	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Торговля вооружениями. Права человека в Мьянме
2012	74	69	16	76	57	69	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Беженцы из Абхазии и Осетии
2013	64	64	17	83	55	64	Палестинский вопрос. Снятие эмбарго с Кубы. Распространение ядерного оружия и средств его доставки

Источник: Расчеты автора на основе данных Цифровой библиотеки ООН.

На основании табл. 1 можно сделать несколько выводов.

1. Доля совпадений голосов Казахстана и России довольно высока и колеблется в диапазоне от 64 до 82%, тем не менее в течение всего рассматриваемого периода она значительно снижается.

2. Несмотря на декларируемую роль России как ключевого внешнеполитического партнера Казахстана и наличие официальной «согласованной внешней политики», голоса Казахстана чаще совпадают с позицией Китая (от 76 до 89%), при этом доля таких голосов не снижается в течение рассматриваемого периода.

3. Казахстан чаще голосует так же, как и Германия (от 55 до 68%), и в подавляющем большинстве случаев голосует отлично от США — доля совпадающих голосов составляет от 9 до 25%.

4. На протяжении всего рассматриваемого периода мы видим стабильно высокий уровень совпадения голосов Казахстана и Турции, ближе к концу периода этот уровень примерно равен российскому.

В целом такое совпадение голосов соответствует большей роли России и Китая во внешней политике Казахстана, чем США и Германии. Отдельным феноменом является Турция, которая также стремится углублять отношения с Казахстаном и совпадение голосов с которой находится на том же уровне, что и с декларируемым ключевым союзником — Россией. Тем не менее большая согласованность позиции Казахстана с китайской, а не с российской вызывает удивление. Казахстан действительно балансирует относительно России с помощью Китая, однако это балансирование происходит в первую очередь в экономической сфере [Nurgaliyeva, 2016, p. 93]. При этом Казахстан и Россия состоят в типичном асимметричном военно-политическом союзе (ОДКБ), в рамках которого важны символические жесты со стороны меньшей державы по поддержке внешней политики большей державы [Istomin, Baykov, 2019, p. 39].

Теперь рассмотрим только те голосования, в которых голоса России и одной из четырех других держав были прямо противоположными (допустим, «за» и «против» определенной резолюции) (табл. 2).

Таблица 2. Случаи противоположного голосования России и другой державы, в которых Казахстан поддерживал Россию, 2007–2013 гг., %

	Поддержка России, %	Всего случаев
Россия – США	91	293
Россия – Китай	31	13
Россия – Германия	67	88
Россия – Турция	67	86

Источник: Расчеты автора на основе данных Цифровой библиотеки ООН.

Как видно из табл. 2, в подавляющем большинстве голосований, в которых Россия и США голосовали противоположно, Казахстан поддержал Россию. В аналогичных ситуациях с Германией и Турцией — это 2/3 всех случаев. Тем не менее в связке Россия – Китай Казахстан поддерживал Россию только в 31% случаев (однако их число недостаточно велико, чтобы делать однозначные выводы).

Если говорить о конкретных резолюциях, следует рассмотреть те случаи, в которых Казахстан поддерживал или не поддерживал тактику голосования России при отличающихся результатах КНР, США, Турции или Германии.

Итак, несмотря на то, что Казахстан в подавляющем большинстве случаев голосовал совместно с Россией в ситуациях отличающегося голосования со стороны США, Казахстан поддержал США и Турцию в голосовании по резолюции Сирии в 2012 г. (резолюция 67/183), тогда как Россия голосовала «против». Кроме того, на протяжении 2007–2013 гг. Казахстан голосовал «за» в отношении резолюций, касающихся прав человека в КНДР и Мьянме (например, резолюции 64/238 и 65/225).

Кроме того, в части случаев противоположного голосования со стороны России и США Казахстан воздерживался от голосования. Так происходило с инициированными западными странами резолюциями по ситуации с беженцами из Абхазии и Южной Осетии (64/296, 66/283 и др.) и с 2013 г. по резолюциям, связанным с сирийским

конфликтом. Здесь следует отметить, что как только вопрос Сирии стал важным и для России, и для США, Казахстан сменил тактику голосования с «за», на «воздержался». Эта смена является отражением политики многовекторности, когда по вопросам, разделяющим внешние центры силы, Казахстан старается сохранять нейтралитет.

В ситуации противоположного голосования Германии и России Казахстан в одной трети случаев не поддерживал Россию. Помимо уже рассмотренных выше резолюций по конфликтам в Грузии и Сирии (в которых Германия и США голосовали зачастую одинаково), это также выражалось в поддержке резолюций по нераспространению ядерных вооружений (67/55, 68/39 и др.).

При расхождении позиций при голосовании между КНР и Россией Казахстан чаще присоединялся к Китаю (всего 13 случаев). Голоса Казахстана совпадали с голосами КНР по вопросам ядерного разоружения (67/46 и др.), а с Россией — в вопросах отмены смертной казни (65/206 и др.). С Турцией Казахстан голосовал одинаково по резолюциям, касающимся КНДР, Мьянмы и ядерного разоружения.

Отметим также, что в период с 2007 по 2013 г. Казахстан более 20 раз голосовал отлично и от России, и от Китая, США, Турции и Германии — в основном по вопросу ядерной безопасности. Казахстан поддержал резолюции, направленные на ограничение распространения и использования ядерных вооружений, такие как 65/60, 66/48, 67/45 и другие. Это согласуется с тем, что Казахстан с момента своей независимости позиционирует себя как государство, выступающее за всеобщее ядерное разоружение [Kazinform, 2020]. Такое позиционирование необходимо в том числе для того, чтобы символически подтвердить свой суверенитет, будучи относительно молодым государством.

В целом можно сделать следующий вывод: в указанный период степень совпадения голосов Казахстана была выше с Китаем, нежели с остальными четырьмя странами. При этом значительно снизился процент совпадающих голосов с Россией и Германией — на 18 и 13% соответственно, при одинаково низком уровне совпадения при голосовании с США. С Турцией процент совпадения голосов продолжал оставаться стабильно высоким и к концу периода сравнивался с российским. Кроме того, по ключевым для России вопросам конфликта в Абхазии и Южной Осетии Казахстан воздержался от голосования, а по вопросам разоружения, прав человека в КНДР и Мьянме — занял прямо противоположную России позицию.

Таблица 3. Совпадение голосов Казахстана с Россией, США, Китаем, Германией и Турцией при голосовании по резолюциям ГА ООН с 2014 по 2022 г., %

Год	Кол-во резолюций	Россия, %	США, %	КНР, %	ФРГ, %	Турция, %	Основные темы резолюций
2014	80	64	21	81	59	66	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Украинский конфликт. Права человека в Сирии
2015	78	62	19	78	47	56	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Санкции в отношении Кубы. Права человека в Иране
2016	81	64	23	74	57	62	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Права человека в Сирии. Беженцы из Абхазии и Осетии

Год	Кол-во резолюций	Россия, %	США, %	КНР, %	ФРГ, %	Турция, %	Основные темы резолюций
2017	94	69	15	82	56	60	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Права человека в Сирии. Права человека в Иране. Международная торговля
2018	107	65	13	78	61	64	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Украинский конфликт. Права человека в Сирии
2019	100	65	14	79	50	60	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Сотрудничество государств в космосе и киберсфере. Международная финансовая система
2020	100	68	15	78	57	67	Пандемия коронавируса. Конфликт на Украине. Конфликт в Сирии
2021	86	62	21	76	52	55	Вопросы экологии и устойчивого развития. Конфликт на Украине. Конфликт в Сирии
2022	90	52	22	69	42	53	СВО на Украине. Вопросы экологии и устойчивого развития. Разоружение

Источник: Расчеты автора на основе данных Цифровой библиотеки ООН.

Анализ голосований по резолюциям ГА ООН с 2014 по 2022 г. позволяет утверждать, что на протяжении всего рассматриваемого периода (помимо 2022 г.) позиция Казахстана примерно в 62–69% случаев совпадала с позицией России. В 2022 г. мы наблюдаем сокращение до 52%, при этом падение прослеживается и для Германии и Китая, что объясняется более частым воздержанием Казахстана от голосования, чем в предыдущие годы. При этом процент совпадающих голосов Казахстана и Китая продолжал оставаться выше, чем в аналогичной ситуации с Россией – на уровне 69–82%. В остальном можно отметить стабильную долю совпадающих голосов с Турцией в диапазоне от 53 до 67%, а также стабильно низкую с США – от 14 до 23%.

В тех голосованиях, в которых позиция России была прямо противоположна позиции США, Китая, Турции или Германии, необходимо отметить следующее:

- в подавляющем большинстве противоположных голосований с США позиция Казахстана совпадала с позицией России;
- в почти половине спорных голосований между Россией и Германией или Россией и Турцией позиция Казахстана совпадала с позицией России;
- в 2014–2022 гг. Казахстан голосовал с Россией против позиции Китая только в 15% случаев;
- в сравнении с предыдущим периодом доля поддержки России Казахстаном в спорных голосованиях значительно снизилась в случаях со всеми четырьмя дру-

Таблица 4. Случаи противоположного голосования России и другой державы, в которых Казахстан поддерживал Россию, 2014–2022 гг., %

	Вместе с Россией, %	Всего случаев
Россия – США	82	474
Россия – Китай	15	53
Россия – Германия	56	198
Россия – Турция	50	149

Источник: Расчеты автора на основе данных Цифровой библиотеки ООН.

гими странами: –7% для США, –11% для Германии, –16% для Китая и –17% для Турции. Общее количество противоположных случаев голосования увеличилось для всех стран.

В голосованиях по резолюциям ГА ООН, в которых позиции США и России были противоположными, в 16% случаев позиция Казахстана не совпадала с позицией России. В частности, как и в предыдущем периоде, по резолюциям относительно прав человека в КНДР и Мьянме (69/188, 73/264 и др.), а также по резолюциям, касающимся нераспространения химического и ядерного оружия (72/43, 74/50 и др.). Более чем по 30 резолюциям за указанный период в случае противостояния США и России Казахстан воздерживался: по ситуации в Южной Осетии и Абхазии, по милитаризации Крыма (74/17) и по выводу вооруженных сил из Молдавии (72/282). Кроме того, Казахстан воздержался от голосования и по резолюции 68/262 «О территориальной целостности Украины».

Отметим, что позицию России по резолюции 68/262 поддерживали союзники России по ОДКБ – Армения и Белоруссия, а по резолюции 74/17 и 72/282 поддержал также и Китай (но во всех этих случаях Казахстан воздержался). Интересно, что Казахстан за 2007–2022 гг. менее 30 раз голосовал «против» каких бы то ни было резолюций. Однако в 2019 г. Казахстан проголосовал против резолюций 74/167 и 74/168 относительно прав человека в Иране и в Крыму. Это не позволяет говорить о позиции Казахстана «воздержался» при голосовании как о выражении политической позиции «против» в предыдущих голосованиях по всем волнующим Россию резолюциям относительно военных конфликтов.

Отдельно следует упомянуть, что Казахстан с 2013 г. воздерживался от голосования по всем резолюциям ООН, касающимся конфликта в Сирии (например, 73/182, 71/130 и 68/182). При этом по всем этим резолюциям Китай и Россия голосовали «против», а США и Германия «за». Приведенные примеры еще раз указывают на то, что Казахстан прибегает к политике хеджирования при противостоянии нескольких центров силы и занимает нейтральную позицию (в частности, по сирийскому вопросу).

После начала СВО Казахстан воздержался при голосовании по ключевым резолюциям ГА ООН, следуя сложившейся тактике голосования по спорным резолюциям (ES-11/1, ES-11/2). Тем не менее по резолюции ГА ООН об исключении России из Совета по правам человека Казахстан проголосовал «против», полностью поддержав Россию (ES-11/3). Возможно, это было вызвано необходимостью компенсировать резкие заявления главы администрации президента Казахстана о нежелании помогать России в обходе западных санкций.

В ситуации противоположного голосования Германии и России (помимо уже рассмотренных в случае с США) голоса Казахстана совпадали с немецкими в следующих случаях: противодействие распространению кассетных боеприпасов (74/62 и др.), нераспространение ядерного оружия (71/51 и др.) и защита окружающей среды (72/277). Голоса Казахстана и Турции в такой же ситуации совпадали по резолюциям, связанным в основном с ядерным и обычным разоружением (76/54, 73/264 и др.).

В период 2014–2021 гг. количество случаев противоположного голосования Китая и России выросло до 46, и Казахстан продолжил чаще поддерживать Китай. Так, на стороне России Казахстан выступил в голосованиях по смертной казни (71/187 и др.) и деколонизации (70/231). На стороне же КНР Казахстан выступил в вопросах нераспространения ядерного оружия (73/60, 74/45 и др.) и защиты окружающей среды (72/277).

На данную согласованность могли повлиять следующие факторы. Во-первых, повестка ядерного разоружения является ключевой для Казахстана, он ежегодно и последовательно голосует за все резолюции, посвященные данной теме. Во-вторых, у России и Китая за рассматриваемый период не было случаев прямого конфликта в рамках ГА ООН, которые могли бы поставить Казахстан в положение выбора между позициями России и Китая. Кроме того, вопросы окружающей среды и нераспространения ядерного оружия не являются ключевыми для внешней политики России, что оставляет Казахстану заметную свободу маневра.

В данном контексте интересна не только позиция Казахстана в ситуации противоположного голосования России и КНР, но, скорее, сама ситуация, в которой голоса Казахстана в целом более совпадают с китайскими, а не с российскими. Учитывая наличие между Казахстаном и Россией договоров о союзничестве и о коллективной безопасности (при отсутствии таковых у Казахстана с Китаем), такое совпадение выглядит необычно. Трудно сказать, с чем именно связана такая согласованность — с совпадением внешнеполитической повестки двух стран или с желанием Казахстана хотя бы таким образом балансировать относительно России. Прояснить ситуацию можно было бы в случае серьезного конфликта между Россией и Китаем, который был бы отражен в голосовании в ГА ООН и поставил бы Казахстан в положение выбора.

В 2014–2022 гг. голоса Казахстана не совпадали с голосами ни одной из рассматриваемых в данной работе стран более 80 раз. При этом более 40 резолюций касались темы нераспространения ядерного оружия и ядерного разоружения (например, 74/41, 73/57, 72/41 и др.). Казахстан голосовал «за» эти резолюции, тогда как КНР, Германия, США, Турция и Россия либо воздерживались от голосования, либо голосовали «против». Таким образом, в сравнении с периодом 2007–2013 гг. Казахстан не изменил своей позиции и продолжил отстаивать повестку ядерного разоружения, несмотря на возможные противоречия с крупными игроками в Центральной Азии.

В целом Казахстан продолжил курс 2007–2013 гг.: отказ от прямой поддержки России в резолюциях по конфликтам в Грузии и на Украине, а также голосование «за» по всем резолюциям, связанным с разоружением и нераспространением ядерного оружия. Несмотря на то что общий паттерн голосования Казахстана в ГА ООН не изменился после 2014 г., стоит отметить продолжение тренда на снижение совпадения голосования с Россией, особенно в случае противоположного голосования с КНР, Турцией, Германией и США. При этом в 2022 г. произошло снижение совпадения голосов со всеми странами, кроме США, что объясняется более частым воздержанием Казахстана от голосований по вопросам международных конфликтов (в первую очередь — СВО на Украине).

Как видно из рис. 1, совпадение голосов в ГА ООН выше именно с Китаем — вторым после России ключевым партнером Казахстана в регионе. Более того, совпадение голосов с Россией с 2010 г. находится примерно на одном уровне с Турцией, которая,

все более наращивая присутствие в Центральной Азии, играет менее значимую роль в региональной безопасности и экономике. На рис. 1 также можно увидеть, что голоса Казахстана все реже совпадают с голосами всех других четырех держав, кроме США. В целом значительно изменилась позиция России: если в начале периода по уровню совпадения голосов она делила первое место с Китаем, то в конце стала близка к соперничеству с Германией и Турцией уже за второе и третье места.

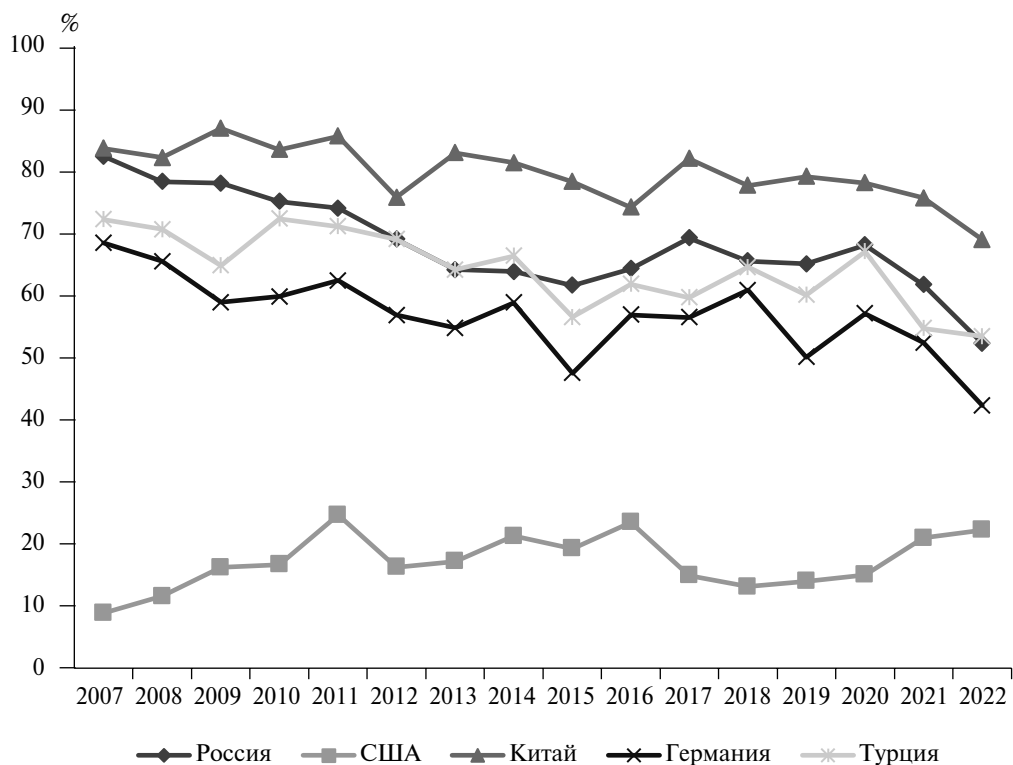

Рис. 1. Динамика процентного совпадения позиций Казахстана с Россией, США, Китаем, Германией и Турцией при голосовании по резолюциям ГА ООН, 2007–2022 гг.

Источник: Расчеты автора на основе данных Цифровой библиотеки ООН.

Совпадение голосов Казахстана и других держав было разным также в зависимости от предмета резолюции. Так, голоса Казахстана в ГА ООН совпадали с российскими на 80% и более по резолюциям, связанным с правами человека, вопросами развития, палестинским конфликтом и вопросами деколонизации — достигая 89% совпадения в последнем случае (рис. 2). При этом по резолюциям относительно вооруженных конфликтов и разоружения позиции России и Казахстана совпадали примерно в половине случаев, а по вопросам ядерного разоружения — лишь в одной трети.

Позиции Казахстана и Китая совпадали практически полностью по вопросу палестинского конфликта (97% резолюций), вопросам развития и разоружения (более 80%). По всем остальным вопросам позиции Казахстана и Китая совпадали не менее чем в 60% случаев. Примечательно, что совпадение позиций Казахстана и Китая по резолюциям, посвященным вооруженным конфликтам и ядерному разоружению, значительно выше, чем совпадение позиций с Россией, Турцией и Германией.

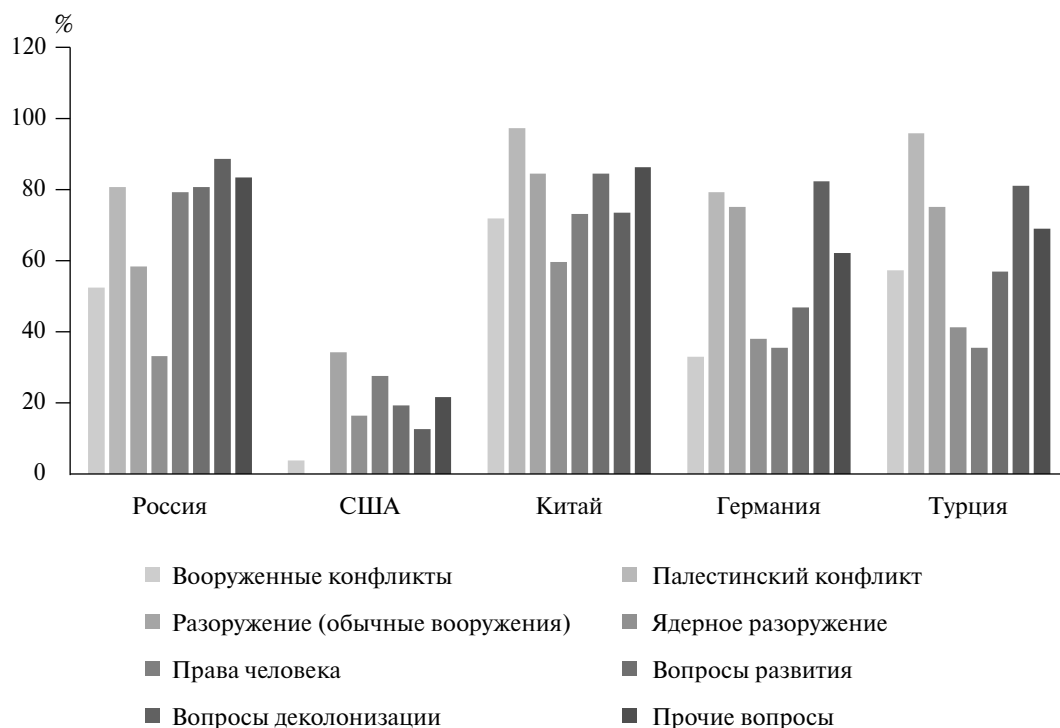

Рис. 2. Совпадение голосов Казахстана с Россией, США, Китаем, Турцией и Германией при голосовании по резолюциям ГА ООН с 2007 по 2022 г. по отдельным вопросам, %

Источник: Расчеты автора на основе данных Цифровой библиотеки ООН.

Совпадение позиций Казахстана и Германии можно определить как высокое (более 75%) по резолюциям, связанным с палестинским конфликтом, разоружением и вопросами деколонизации. А по резолюциям, связанным с вооруженными конфликтами, ядерным разоружением и правами человека, совпадение позиций наблюдается по одной трети резолюций.

Позиции Казахстана и Турции практически полностью совпадают по резолюциям, связанным с палестинским конфликтом (96% голосов) и значительно совпадают по вопросам деколонизации и разоружения. При этом остается низким уровень совпадения позиций по вопросам ядерного разоружения и прав человека (41 и 36% соответственно). Совпадение позиций Казахстана и США по всем вопросам остается низким: от 0% по палестинскому вопросу до 34% по вопросам разоружения.

В рамках отдельных групп резолюций позиция Казахстана чаще всего совпадает с позициями Китая (резолюции, связанные с вооруженными конфликтами, в том числе палестинским, и разоружением, в том числе ядерным, а также с вопросами развития) и России (резолюции, посвященные вопросам деколонизации и прав человека). В целом при рассмотрении резолюций ГА ООН по группам тем сохраняется максимальное совпадение позиций с Китаем и отчасти с Россией.

***

Многовекторность во внешней политике Казахстана реализуется при голосовании по резолюциям ГА ООН. Во-первых, можно говорить о многовекторности непосредственно при голосовании в ГА ООН — Казахстан воздерживался по резолюциям

относительно Украины и Сирии, которые были важны и для России, и для США и Германии. Во-вторых, многовекторность политики Казахстана проявляется в большей степени совпадения его позиций с Китаем при голосовании в ГА ООН, несмотря на то, что ключевым союзником Казахстана в регионе остается Россия.

Относительно ключевых внерегиональных игроков прослеживается четкая иерархия «векторов» как минимум по основным международным вопросам. Ключевым «вектором» в этом отношении оказывается не партнер по ОДКБ Российская Федерация, а Китайская Народная Республика. Позиции Казахстана и Китая при голосовании в ГА ООН совпадают значительно чаще, чем с позициями России, Турции, Германии и тем более США, с которыми у Казахстана наименьшее количество совпадений при голосовании. При этом такая картина сохраняется и при голосовании по отдельным группам международных вопросов. По большинству тем чаще всего совпадают позиции Казахстана и Китая — это резолюции, посвященные вооруженным конфликтам, разоружению и вопросам развития. При этом наблюдается наибольшее совпадение позиций с Россией по вопросам прав человека и деколонизации.

Несмотря на заявленную «согласованность внешней политики» Казахстана и России, степень совпадения голосования двух стран в ГА ООН снизилась за рассматриваемый период, оставаясь постоянно ниже наблюдаемой между Казахстаном и КНР. Более того, в ситуациях, когда Россия и Китай голосовали противоположно, Казахстан в подавляющем большинстве случаев голосовал так же, как и Китай. И несмотря на то что при антагонистичном голосовании России и США Казахстан чаще занимал позицию России, при аналогичном голосовании с Германией и Турцией он только в чуть более чем половине случаев был на стороне России (в период с 2014 по 2022 г.). Все это позволяет говорить о фактическом отсутствии «согласованной внешней политики» России и Казахстана в сфере голосования по резолюциям ГА ООН. При этом не наблюдается такой согласованности (кроме резолюций, касающихся палестинского вопроса) и с Турцией, которая претендует на роль лидера тюркского мира.

Установление точных причин такой степени совпадения голосования именно с Китаем выходит за рамки данной статьи. Скорее всего, такое совпадение может быть вызвано как близостью внешнеполитической повестки Казахстана с китайской, так и отсутствием прямого конфликта между КНР и Россией, который бы поставил Казахстан в положение трудного выбора. Кроме того, следует учитывать и внутривнутриполитические факторы: на протяжении 2000–2020 гг. руководство Казахстана видело независимость страны (прежде всего — политическую) как основание нациестроительства и ключевую ценность [Kazhastanskaya Pravda, 2021]. При этом любые высказывания относительно истории и суверенитета Казахстана со стороны российских официальных лиц (даже не имеющих отношения к внешней политике) воспринимались казахстанским обществом крайне негативно [Savostyanov, 2020]. Все это может быть причиной политического дистанцирования от России и, возможно, влияет на результаты голосования Казахстана в ГА ООН. Так или иначе, такой паттерн голосования Казахстана, находящегося в одном военно-политическом союзе с Россией, создает необходимость дальнейшего исследования специфики союза между Россией и Казахстаном.

Анализ политики многовекторности в рамках голосования в ГА ООН позволил заметить, что ее реализация ближе к политике хеджирования, нежели к официальному определению. С одной стороны, Казахстан состоит в оборонительном союзе с Россией, который в последнее время показал свою жизнеспособность во время внутривнутриполитических кризисов. С другой стороны, Казахстан воздержался по большинству ключевых для России резолюций, затрагивающих вооруженные конфликты (Сирия, Абхазия и Южная Осетия, Крым, Украина). Казахстан воздерживался при голосовании даже

в случае совместного голосования «против» и Россией, и Китаем. Это говорит о том, что отношения Казахстана и крупных держав более сложные, нежели простое балансирование по линии Россия — Китай. Казахстан одновременно использует и стратегию примыкания к России с точки зрения безопасности, и балансирования по политическим вопросам, занимая нейтральную позицию.

Отдельно стоит отметить последовательность Казахстана в отстаивании повестки ядерного разоружения на голосованиях в ГА ООН, что является необходимым условием для утверждения себя в качестве независимого международного игрока.

Вышеуказанные закономерности характерны для всего рассмотренного периода. Усиление конфронтации между Западом и Россией после присоединения Крыма, судя по всему, не оказало влияния на паттерн голосования Казахстана в ГА ООН. Лишь при выходе конфронтации России и Запада на новый уровень, после начала СВО, снизился уровень совпадения голосования со всеми рассматриваемыми странами, кроме США. Необходимы дальнейшие наблюдения для понимания того, изменило ли это паттерн голосования Казахстана в ГА ООН.

Анализ голосования по резолюциям ГА ООН не может дать полной картины отношений Казахстана и ключевых внерегиональных игроков, но он точно может подтолкнуть исследователей постсоветского пространства к переоценке российско-казахстанских и казахстано-китайских отношений. Отдельной работы заслуживает анализ причин такого голосования Казахстана в ГА ООН, как внутренних, так и внешних.

В условиях политических изменений в Центральной Азии, роста влияния Китая и снижения военного присутствия США политика многовекторности может претерпеть значительные изменения. Она может меняться со временем, приближая Казахстан к одному из центров силы или, наоборот, провоцируя конфликт между двумя и более акторами в регионе. Так или иначе, учитывая изменение положения России в мире после начала СВО, казахстанская политика многовекторности может измениться уже в ближайшие годы.

Список источников

Дегтерев Д., Василюк И., Баум В. (2018) Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 1. С. 63–75. Режим доступа: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75>.

Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о добрососедстве и союзничестве в XXI веке (2013) Екатеринбург. 11 ноября. Режим доступа: kremlin.ru/supplement/1560 (дата обращения: 05.12.2020).

Истомин И., Байков А. (2019) Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 1. С. 34–48. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48>.

Казахстанская правда (2021) Полный текст статьи Токаева «Независимость превыше всего». 6 января. Режим доступа: <https://kazpravda.kz/n/polnyy-tekst-stati-tokaeva-nezavisimost-prevyshe-vsego/> (дата обращения: 15.09.2022).

Казинформ (2020) Путь к безъядерному миру: инициативы Елбасы — беседа с директором КИСИ. 27 августа. Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/put-k-bez-yadernomu-miru-iniciativy-elbasy-beseda-s-direktorom-kisi_a3688180 (дата обращения: 02.12.2020).

Курылев К.П., Дегтерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В. (2018) Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // *Вестник международных организаций*. Т. 13. № 1. Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-08>.

Назарбаев Н.А. (1992) Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства. Алматы. 16 мая. Режим доступа: online.zakon.kz/Document/?doc_id=30006969 (дата обращения: 02.12.2020).

Президент Республики Казахстан (2007) Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 28 февраля. Режим доступа: www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-28-fevralya-2007-g (дата обращения: 02.12.2020).

Президент Республики Казахстан (2014) Концепция внешней политики на 2014–2020 гг. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. Режим доступа: <http://www.adilet.zan.kz/rus/docs/U140000741/links> (дата обращения: 02.12.2020).

Президент Республики Казахстан (2020) О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. 9 марта. Режим доступа: www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 02.12.2020).

Савостьянов С. (2022) МИД Казахстана передал ноту России в связи с высказываниями депутата Госдумы Никонова // ТАСС. 12 декабря. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10241035> (дата обращения: 15.09.2022).

Хачатурян Д.А. (2017) Франция, РФ и США во внешней политике Армении: количественный анализ голосования в ГА ООН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 19. № 1. С. 91–100. Режим доступа: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-1-91-100>.

Шадурский В.Г. (2010) Реализация принципа многовекторности в белорусской внешней политике // БГУ. Труды факультета международных отношений 2010: научный сборник. Т. 1. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/5210> (дата обращения: 17.02.2023).

Bastas Y.N. (2013) The Foreign Policy of Kazakhstan: An Analysis of Kazakhstan's Multi-Vector Policy. Master's Thesis in Political Science Faculty of Social Sciences. Reprosentralen, Universitetet i Oslo Department of Political Science. Режим доступа: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/36938/1/BastasxMasterxoppgxStatsvitenskap.pdf> (дата обращения: 17.02.2023).

Burmester N., Jankowski M. (2014) The Unsolved Puzzle: Pacific Asia's Voting Cohesion in the United Nations General Assembly: A Response to Peter Ferdinand // The British Journal of Politics and International Relations. Vol. 16. Issue 4. P. 680–689. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/1467-856X.12028>.

Clarke M. (2015) Kazakhstan's Multi-Vector Foreign Policy: Diminishing Returns in an Era of Great Power “Pivots”? The Asian Forum, 9 April. Режим доступа: theasianforum.org/kazakhstans-multi-vector-foreign-policy-diminishing-returns-in-an-era-of-great-power-pivots/ (дата обращения: 05.12.2020).

Costa-Buranelli F. (2014) May We Have a Say? Central Asian States in the UN General Assembly // Journal of Eurasian Studies. Vol. 5. Issue 2. P. 131–144. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2014.05.002>.

Cummings S.N. (2003) Eurasian Bridge or Murky Waters Between East and West? Ideas, Identity and Output in Kazakhstan's Foreign Policy // Journal of Communist Studies and Transition Politics. Vol. 19. Issue 3. P. 139–55. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/13523270300660021>

Diýarbakirlioğlu K., Yiğit S. (2014) Kazakh Multi Vector Foreign Policy in Action // Alternatives: Turkish Journal of International Relations. Vol. 13. No. 4. P. 70–82. Режим доступа: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/19351> (дата обращения: 17.02.2023).

Gnedina E. (2015) “Multi-Vector” Foreign Policies in Europe: Balancing, Bandwagoning or Bargaining? // Europe-Asia Studies. Vol. 67. Issue 7. P. 1007–1029. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/09668136.2015.1066313>.

Hanks R.R. (2009) “Multi-Vector Politics” and Kazakhstan's Emerging Role as a Geo-Strategic Player in Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. Vol. 11. Issue 3. P. 257–267. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/19448950903152110>.

Hansen F.S. (2015) Do the CIS Member States Share Foreign Policy Preferences? // Journal of Eurasian Studies. Vol. 6. Issue 1. P. 69–78. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2014.10.002>.

- Kassen M. (2018) Understanding Foreign Policy Strategies of Kazakhstan: A Case Study of the Landlocked and Transcontinental Country // *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 31. Issue 3–4. P. 314–343. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/09557571.2018.1520809>.
- Kuik C. (2008) The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore's Response to a Rising China // *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*. Vol. 30. Issue 2. P. 159–185. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/41220503> (дата обращения: 17.02.2023).
- Lijphart A. (1963) The Analysis of Bloc Voting in the General Assembly: A Critique and a Proposal // *American Political Science Review*. Vol. 57. Issue 4. P. 902–917. Режим доступа: <https://doi.org/10.2307/1952608>.
- Minasyan S. (2012) Multi-Vectorism in the Foreign Policy of Post-Soviet Eurasian States // *Demokratizatsiya*. Vol. 20. No. 3. P. 268–273. Режим доступа: https://demokratizatsiya.pub/archives/20_3_T138484W69202353.pdf (дата обращения: 17.02.2023).
- Nomerovchenko A., Kim J., Kang W. (2018) Foreign Policy Orientation of Independent Central Asian States: Looking Through the Prism of Ideas and Identities // *The Korean Journal of International Studies*. Vol. 16. No. 3. P. 389–410. Режим доступа: <https://doi.org/10.14731/kjis.2018.12.16.3.389>
- Nurgaliyeva L. (2016) Kazakhstan's Economic Soft Balancing Policy vis-à-vis Russia: From the Eurasian Union to the Economic Cooperation With Turkey // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 7. No. 1. P. 92–105. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.10.008>.
- Sullivan C.J. (2019) End of an Era? Kazakhstan and the Fate of Multivectorism // *Kazakhstan and the Soviet Legacy* / J.-F. Caron (ed.). Singapore: Palgrave Macmillan.
- United Nations (UN) (n.d.) Voting Data. United Nations Digital Library System. Режим доступа: digital-library.un.org/search?ln=en&cc=Voting+Data (дата обращения: 05.12.2020).
- Voeten E. (2013) Data and Analyses of Voting in the United Nations General Assembly // *Routledge Handbook of International Organization* / B. Reinalda (ed.). Abingdon-on-Thames: Routledge.

How Kazakhstani Multivector Foreign Policy Works: Analysis of Its Voting in UNGA¹

R. Yuneman

Roman Yuneman – Postgraduate Student, Doctoral School of International Relations and Regional Studies HSE University; 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russia, 101000; roman@yuneman.ru;
ORCID: 0000-0003-4006-2233; ResearcherID: P-9338-2015

Abstract

The concept of multivectorism underlies the foreign policy strategy of the Republic of Kazakhstan. Kazakhstani foreign policy within international organizations and integrational institutions is also carried out within the framework of multivectorism. However, the implementation of that foreign policy within the United Nations General Assembly (UNGA) has not yet been studied. To study the concept of multivectorism, the author analyzes the voting cohesion in the UNGA of Kazakhstan, Russia, China, the U.S., Turkey, and Germany from 2007–22. For this purpose, the author also studies the behaviour of Kazakhstan in cases of opposite voting of these countries. Among other things, this article analyzes the voting cohesion of Kazakhstan and other countries under study on certain topics (disarmament, decolonization, human rights, development issues, armed conflicts, and so on), as well as voting on key resolutions relating to armed conflicts involving the Russian Federation. As a result of quantitative and qualitative analysis of more than 1,300 resolutions, the author concludes that the main vector of Kazakhstani foreign policy is China, not Russia, which is formally a key ally of Kazakhstan. The greatest coincidence of Kazakhstan's foreign policy positions is found with China (the lesser is found with Russia, Turkey, and Germany, and minimally with the United States). Moreover, in the case of the opposite voting of China and the other three countries under consideration, the votes of Kazakhstan coincided more often with the Chinese. The author argues that Kazakhstan avoids explicit support for the Russian Federation in voting on resolutions related to armed conflicts involving Russia. This is also manifested in the voting of the Republic of Kazakhstan on resolutions related to the war in Ukraine. However, the reasons behind the high level of voting cohesion between China and Kazakhstan in the UNGA require further research.

Keywords: Kazakhstan, Russia, USA, China, Germany, Turkey, UNGA, voting, multi-vector foreign policy

For citation: Yuneman R. (2023) How Kazakhstani Multivector Foreign Policy Works: Analysis of Its Voting in UNGA, *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 1, pp. 151–169 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-06

References

- Bastas Y.N. (2013) The Foreign Policy of Kazakhstan: An Analysis of Kazakhstan's Multi-Vector Policy. Master's Thesis in Political Science Faculty of Social Sciences. Representralen, Universitetet i Oslo Department of Political Science. Available at: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/36938/1/Bastasx-MasterxoppgxStatsvitenskap.pdf> (accessed 17 February 2023).
- Burmester N., Jankowski M. (2014) The Unsolved Puzzle: Pacific Asia's Voting Cohesion in the United Nations General Assembly: A Response to Peter Ferdinand. *The British Journal of Politics and International Relations*, vol. 16, issue 4, pp. 680–9. Available at: <https://doi.org/10.1111/1467-856X.12028>.
- Clarke M. (2015) Kazakhstan's Multi-Vector Foreign Policy: Diminishing Returns in an Era of Great Power "Pivots"? The Asian Forum, 9 April. Available at: theasianforum.org/kazakhstans-multi-vector-foreign-policy-diminishing-returns-in-an-era-of-great-power-pivots/ (accessed 5 December 2020).

---

¹ This article was submitted 12.11.2022.

- Costa-Buranelli F. (2014) May We Have a Say? Central Asian States in the UN General Assembly. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 5, issue 2, pp. 131–44. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2014.05.002>.
- Cummings S.N. (2003) Eurasian Bridge or Murky Waters Between East and West? Ideas, Identity and Output in Kazakhstan's Foreign Policy. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 19, issue 3, pp. 139–55. Available at: <https://doi.org/10.1080/13523270300660021>
- Degterev D.A., Vasilyuk I.P., Baum V.V. (2018) Parametry mnogovektornosti vneshnei politiki stran SNG: prikladnoi analiz [Multiplexity Parameters of the CIS Foreign Policy: Applied Analysis]. *Mirovaya jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 62, no 1, pp. 63–75. Available at: <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75> (in Russian).
- Diyarbakirlioğlu K., Yiğit S. (2014) Kazakh Multi Vector Foreign Policy in Action. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*, vol. 13, no 4, pp. 70–82. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/19351> (accessed 17 February 2023).
- Dogovor mezhdu Rossiiskoi Federaciei i Respublikoi Kazahstan o dobrososedstve i soyuznichestve v XXI veke [Treaty Between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on Good Neighborliness and Alliance in the XXI Century (Treaty)] (2013) Yekaterinburg, 11 November. Available at: kremlin.ru/supplement/1560 (accessed 5 December 2020) (in Russian).
- Gnedina E. (2015) “Multi-Vector” Foreign Policies in Europe: Balancing, Bandwagoning or Bargaining? *Europe-Asia Studies*, vol. 67, issue 7, pp. 1007–29. Available at: <https://doi.org/10.1080/09668136.2015.1066313>.
- Hanks R.R. (2009) “Multi-Vector Politics” and Kazakhstan's Emerging Role as a Geo-Strategic Player in Central Asia. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, vol. 11, issue 3, pp. 257–67. Available at: <https://doi.org/10.1080/19448950903152110>.
- Hansen F.S. (2015) Do the CIS Member States Share Foreign Policy Preferences? *Journal of Eurasian Studies*, vol. 6, issue 1, pp. 69–78. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2014.10.002>.
- Istomin I.A., Baykov A.A. (2019) Dinamika mezhdunarodnykh al'yansov v neravnovesnoj mirovoj sisteme [Dynamics of International Alliances in an Unbalanced World Structure]. *Mirovaya jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 63, no 1, pp. 34–48. Available at: <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48> (in Russian).
- Kassen M. (2018) Understanding Foreign Policy Strategies of Kazakhstan: A Case Study of the Landlocked and Transcontinental Country. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 31, issue 3-4, pp. 314–43. Available at: <https://doi.org/10.1080/09557571.2018.1520809>.
- Kazhastanskaya Pravda (2021) Polnyj tekst stat'i Tokaeva “Nezavisimost' prevyshe vsego” [Full Text of Tokayev's Article “Independence Is Above All”]. 6 January. Available at: <https://kazpravda.kz/n/polnyj-tekst-stat-i-tokaeva-nezavisimost-prevyshe-vsego/> (accessed 15 September 2022) (in Russian).
- Kazinform (2020) Put' k bez'yadernomu miru. Iniciativy Elbasy – beseda s direktorom KISI [The Way to the Nuclear-Free World: The Elbasy Initiative – conversation with the KISS director]. 27 August. Available at: https://www.inform.kz/ru/put-k-bez-yadernomu-miru-iniciativy-elbasy-beseda-s-direktorom-kisi_a3688180 (accessed 2 December 2020) (in Russian).
- Khachatryan D.A. (2017) Franciya, RF i SSHA vo vneshnej politike Armenii: kolichestvennyj analiz golosovaniya v GA OON [France, Russia and the USA in the Foreign Policy of Armenia: Quantitative Analysis of Voting in the UN General Assembly]. *RUDN Journal of Political Science*, vol 19, no 1, pp. 91–100. Available at: <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-1-91-100> (in Russian).
- Kozlov G.V. (2020) Prikladnoj analiz golosovaniya Respubliki Kazahstan i SSHA v general'noj assamblee OON (1992–2019 gg.) [Applied Analysis of the Voting of the Republic of Kazakhstan and the United States in the UN General Assembly]. *Postsovetskie issledovaniya*, vol. 3, no 7, pp. 576–85. Available at: <https://repository.rudn.ru/en/records/article/record/87938> (accessed 17 February 2023) (in Russian).
- Kuik C. (2008) The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore's Response to a Rising China. *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*, vol. 30, issue 2, pp. 159–85. Available at: <https://www.jstor.org/stable/41220503> (accessed 17 February 2023).
- Kurylev K., Degterev D., Smolik N., Stanis D. (2018) A Quantitative Analysis of Geopolitical Pluralism in the Post-Soviet Space. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 1, pp. 134–56. Available at: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-08>.

Lijphart A. (1963) The Analysis of Bloc Voting in the General Assembly: A Critique and a Proposal. *American Political Science Review*, vol. 57, issue 4, pp. 902–17. Available at: <https://doi.org/10.2307/1952608>.

Minasyan S. (2012) Multi-Vectorism in the Foreign Policy of Post-Soviet Eurasian States. *Demokratizatsiya*, vol. 20, no 3, pp. 268–73. Available at: https://demokratizatsiya.pub/archives/20_3_T138484W69202353.pdf (accessed 17 February 2023).

Nazarbaev N.A. (1992) Strategiya stanovleniya i razvitiya Kazakhstana kak suverennogo gosudarstva [Strategy of Formation and Development of Kazakhstan as a Sovereign State]. Almaty, 16 May. Available at: online.zakon.kz/Document/?doc_id=30006969 (accessed 2 December 2020) (in Russian).

Nomerovchenko A., Kim J., Kang W. (2018) Foreign Policy Orientation of Independent Central Asian States: Looking Through the Prism of Ideas and Identities. *The Korean Journal of International Studies*, vol. 16, no 3, pp. 389–410. Available at: <https://doi.org/10.14731/kjis.2018.12.16.3.389>.

Nurgaliyeva L. (2016) Kazakhstan's Economic Soft Balancing Policy vis-à-vis Russia: From the Eurasian Union to the Economic Cooperation With Turkey. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 7, no 1, pp. 92–105. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.10.008>.

President of the Republic of Kazakhstan (2007) Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan N. Nazarbaeva narodu Kazakhstana [Address of the President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev to the People of Kazakhstan]. 28 February. Available at: www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazakhstana-28-fevralya-2007-g (accessed 2 December 2020).

President of the Republic of Kazakhstan (2014) Kontseptsiya vneshnej politiki na 2014–2020 [Foreign Policy Concept for 2014–2020]. *Informatsionno-pravovaya sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazahstan*. Available at: <http://www.adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741/links> (accessed 2 December 2020) (in Russian).

President of the Republic of Kazakhstan (2020) O Kontseptsii vneshnei politiki Respubliki Kazahstan na 2020–2030 gody [On the Concept of Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan for 2020–2030]. 9 March. Available at: www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (accessed 2 December 2020) (in Russian).

Savostyanov S. (2022) MID Kazakhstana peredal notu Rossii v svyazi s vyskazyvaniyami deputata Gosdumy Nikonova [The Ministry of Foreign Affairs of Kazakhstan Handed Over a Note to Russia in Connection With the Statements of State Duma Deputy Nikonov]. *TASS*, 12 December. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10241035> (accessed 15 September 2022) (in Russian).

Shadurski V.G. (2010) Realizatsiya printsipa mnogovektornosti v belorusskoi vneshnei politike [Realization of the Multi-Vector Principle in Belarusian Foreign Policy]. *BGU, Trudy fakul'teta mezhdunarodnykh otnoshenij 2010: nauchnyj sbornik*, vol. 1. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/5210> (accessed 17 February 2023) (in Russian).

Sullivan C.J. (2019) End of an Era? Kazakhstan and the Fate of Multivectorism. *Kazakhstan and the Soviet Legacy* / J.-F. Caron (ed.). Singapore: Palgrave Macmillan.

United Nations (UN) (n.d.) Voting Data. United Nations Digital Library System. Available at: digitallibrary.un.org/search?ln=en&cc=Voting+Data (accessed 5 December 2020).

Voeten E. (2013) Data and Analyses of Voting in the United Nations General Assembly. *Routledge Handbook of International Organization* (B. Reinalda (ed.)). Abingdon-on-Thames: Routledge.

Конфликт между ЭКОВАС и Мали: международно-правовые и политические аспекты¹

Я.Н. Аду, А.Б. Мезяев

Аду Яо Никэз — к.ю.н., доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов (РУДН), доцент кафедры теории государства и права и конституционного права Оренбургского государственного университета, почетный профессор Уральского государственного экономического университета; 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; adu-ya@rudn.ru

Мезяев Александр Борисович — д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Университета управления «ТИСБИ», главный редактор «Казанского журнала международного права и международных отношений»; Россия, 420012, Казань, ул. Муштары, д. 13; alexmezyaev@gmail.com

Аннотация

Последние десятилетия Республика Мали переживает беспрецедентный политический и экономический кризис, связанный с сепаратизмом и терроризмом, рядом государственных переворотов, введением санкций со стороны международных организаций. Значительную роль в урегулировании конфликта в Мали играет Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС). В то же время некоторые действия Администрации ЭКОВАС по урегулированию данного (и некоторых других) кризиса нанесли серьезный урон авторитету Сообщества. В статье рассматриваются правовые и политические аспекты кризиса в Республике Мали с 2020 г., а также действия его основных участников на межгосударственном уровне (ЭКОВАС, Республики Мали и ряда других государств, в частности Франции). На основе структурных, качественных и количественных методов оценки и сравнительного анализа решений Администрации ЭКОВАС, их правового и политического значения, политической ситуации на местах, истории урегулирования конфликтов в других западноафриканских странах (Республика Кот-д'Ивуар и др.) со стороны ЭКОВАС, АС и ООН авторы приходят к выводу о том, что Администрация ЭКОВАС действовала за пределами своих полномочий, то есть ultra vires. Предлагаются возможные варианты действий по преодолению сложившейся ситуации.

Ключевые слова: ЭКОВАС, Мали, санкции, военные перевороты, урегулирование кризисов, переходные правительства, ultra vires

Для цитирования: Аду Я.Н., Мезяев А.Б. Конфликт между ЭКОВАС и Мали: международно-правовые и политические аспекты // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 1. С. 170–189 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-07

---

¹ Статья поступила в редакцию 02.11.2022.

Введение

В последние десятилетия Республика Мали переживает серьезный политический кризис, связанный с целым рядом конфликтов как внутреннего, так и международного характера. Настоящая статья посвящена анализу политических и правовых аспектов взаимодействия руководства ЭКОВАС и переходного правительства Мали, приведшего к беспрецедентным санкциям в отношении Мали как государства — члена ЭКОВАС.

Методология исследования. В основу статьи положены аналитические, юридические, исторические и дедуктивно-дескриптивные методы. Аналитический метод предполагает анализ всех специальных решений администрации ЭКОВАС по малийскому кризису в период с 2020 по 2022 г., а также отношений правительства Мали и Администрации, включая анализ деклараций различных акторов. Юридический метод заключается в оценке решений Администрации ЭКОВАС на предмет их соответствия положениям договоров ЭКОВАС. Исторический аспект методологии основан на изучении развития кризиса в сравнении с другой идентичной ситуацией в регионе, в частности на примере ситуации в Гвинее и Кот-д'Ивуаре.

Участниками конфликта в Республике Мали являются члены сепаратистских движений на севере страны. В них принимают участие различные этнические группы, прежде всего туареги [Филиппов, 2012], цель которых — создание государства Азавад. Кроме того, в конфликте участвуют различные террористические группировки, такие как «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (АКИМ) (организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации), «Ансар ад-Дин» (организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации), «Движение за единство и джихад в Западной Африке», чьи нападения наносят серьезный ущерб гражданской и государственной инфраструктуре и угрожают существованию малийского государства [Филиппов, 2021]. Ситуация в северной части Мали еще более обострилась после убийства лидера ливийской революции Муаммара Каддафи в 2011 г. в результате агрессии НАТО. Ликвидация Каддафи привела к бесконтрольному распространению оружия и боеприпасов в регионе среди террористических группировок. Более того, многие этнические туареги, дезертировавшие из армии Каддафи, нашли убежище на севере Мали, в том числе примкнув к террористическим группировкам.

В начале 2013 г., во время наступления повстанцев-туарегов и террористических групп на столицу страны Бамако, правительство Мали обратилось за помощью к Франции. 11 января 2013 г. Франция начала операцию «Серваль», в результате которой движение террористических групп и сепаратистов на Бамако было остановлено. В связи с этими событиями 25 апреля 2013 г. Совет Безопасности ООН (СБ ООН) принял Резолюцию № 2100 [ООН, 2013], в соответствии с которой была создана Многопрофильная миссия ООН в Мали (МИСМА). В состав МИСМА входили французские войска и войска Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС), в том числе другие африканские страны, названные в честь возглавляемой африканцами Международной миссии поддержки в Мали (АФИМСА). 1 июля 2013 г. с целью стабилизации ситуации в стране МИСМА была преобразована в Многопрофильную комплексную миссию ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА).

Несмотря на усилия, предпринятые обеими сторонами, с момента своего развертывания в Мали до 2020 г. французские войска и МИНУСМА не могли одержать решающей победы над террористическими группами и обеспечить выполнение соглашения о национальном примирении между сепаратистами и центральным правительством. Отношения между новым Переходным военным правительством Мали и Францией

осложнились после того, как последняя в одностороннем порядке приняла решение о выводе своих вооруженных сил из северной части Мали.

Массовые протесты после всеобщих выборов в законодательные органы Мали в апреле 2020 г. привели к народным восстаниям, в результате которых погибли десятки и были ранены сотни людей. В стране начался политический кризис. 18 августа 2020 г. в Мали произошел очередной государственный переворот, который возглавил полковник Ассими Гойта. Президент Ибрагим Бубакар Кейта (в стране его называют по первым буквам имени — ИБК) и ряд других высших должностных лиц были арестованы. Данные события вызвали резкую реакцию Администрации (Authority) ЭКОВАС — высшего органа Сообщества. Уже на следующий день, 19 августа 2020 г., Администрация ЭКОВАС ввела персональные санкции в отношении членов военного правительства Мали, потребовав немедленного освобождения президента Кейты и других высших должностных лиц, а также восстановления конституционного порядка и возвращения к гражданскому управлению путем проведения всеобщих выборов в течение 18 месяцев. 9 января 2022 г., на саммите ЭКОВАС в Аккре, Администрация Сообщества приняла решение ввести санкции в отношении Мали из-за нежелания военных властей соблюдать график всеобщих выборов, установленный ЭКОВАС. В отношении Мали как государства — члена ЭКОВАС были введены следующие санкции:

1. Вызов государствами — членами ЭКОВАС для консультаций своих послов, аккредитованных в Республике Мали.
2. Закрытие сухопутных и воздушных границ между странами ЭКОВАС и Республикой Мали.
3. Приостановление всех торговых и финансовых операций между странами ЭКОВАС и Республикой Мали, за исключением продуктов питания, фармацевтических препаратов, предметов медицинского назначения и оборудования, включая материалы для борьбы с COVID-19, нефтепродуктов и электроэнергии.
4. Замораживание активов Республики Мали в центральных банках стран ЭКОВАС.
5. Замораживание активов Республики Мали и государственных предприятий и полугосударственных предприятий в коммерческих банках.
6. Приостановление любой финансовой помощи Республике Мали, а также операций со всеми финансовыми учреждениями, в частности EBID и BOAD [ECOWAS, 2020d].

Отметим, что ведущую роль в принятии решения о введении санкций сыграла Франция. Перед саммитом ЭКОВАС официальные лица Франции, включая президента Эммануэля Макрона [Bendhaou, 2022], министра иностранных дел Жан-Ив Ле Дриана [Le Point, 2022] и министра обороны Флоренс Парли [Perelman, Alexandre, 2021], заявили, что Франция совместно с ЭКОВАС примет все необходимые меры для противодействия военной власти.

Военные власти Мали потребовали от Франции покинуть страну после одностороннего решения президента Макрона уйти из северной части страны. Переходное правительство Мали подозревало французские вооруженные силы в сотрудничестве с террористическими группировками — это стало одной из основных причин кризиса между двумя странами. Действительно, французские войска в Мали неоднократно препятствовали успешным операциям малийских войск против повстанцев и террористов, а в ряде случаев даже не позволяли малийской военной авиации подняться в воздух [Batako, 2022]. Малийские власти прямо обвинили французские войска в обучении и усилении террористических групп [IRIS, 2021]. Ситуация обострилась еще больше, когда малийское переходное правительство решило обратиться за помощью в

обеспечении безопасности в стране к другим государствам. Франция, бывшая колониальная держава, сочла решение правительства Мали обратиться к России неприемлемым. Используя свое влияние на Администрацию ЭКОВАС, Франция стала одним из основных акторов в противостоянии ЭКОВАС и Мали.

Международно-правовые и политические аспекты кризиса в Мали

Для уяснения юридических и политических оснований конфликта между ЭКОВАС и Мали прежде всего необходимо обратиться к хронологии событий, которые привели к критическому развитию ситуации.

5 июня 2020 г., в результате спорного постановления Конституционного суда Мали по 30 оспариваемым мандатам в пользу правящей партии, возник общественно-политический кризис. В этот же день было создано Объединение движения патриотических сил (М5-РФП), в состав которого вошли различные оппозиционные силы, религиозные организации и представители гражданского общества [Government of the Republic of Mali, 2021b]. 20 июня 2020 г. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш, выразив обеспокоенность ситуацией, призвал вовлеченные стороны к умиротворению [UN, 2020]. Массовые акции протеста в Бамако против результатов выборов в законодательные органы 10, 11 и 12 июля 2020 г. привели к гибели десятков людей. 15–19 июля 2020 г. Администрация ЭКОВАС поручила своим посредникам Г. Джонатану (бывшему президенту Федеративной Республики Нигерия) и Ж.-К. Касси Бру (президенту Комиссии ЭКОВАС) восстановить диалог между политическими деятелями Мали [ECOWAS, 2020c]. Посредники встретились с президентом Мали Кейтой, членами его кабинета и другими политическими деятелями, призвали стороны к диалогу и подтвердили готовность ЭКОВАС оказать помощь Мали [ECOWAS, 2020c].

В ходе встречи представители оппозиции высказали свое мнение относительно общественно-политической ситуации и сделали следующие предложения:

1. Отставка президента Кейты.
2. Роспуск Конституционного суда.
3. Установление переходного режима в Мали.
4. Создание независимой следственной комиссии для выяснения причин гибели участников акций протеста 10, 11 и 12 июля 2020 г.
5. Освобождение лидера оппозиции Сумаилы Сиссе, арестованного во время выборов в законодательные органы [ECOWAS, 2020b].

23 июля 2020 г. Бамако посетила Высшая группа глав государств и правительств ЭКОВАС (в группу входили: президент Нигера М. Иссуфу – в качестве страны – председателя ЭКОВАС, президент Ганы Н. Аддо Акуффо, президент Кот-д’Ивуара А. Уаттара, президент Нигерии М. Бухари и президент Сенегала М. Салл). Во время визита Группа провела несколько встреч с президентом Мали Кейтой и членами его кабинета, а также с представителями оппозиции и гражданского общества. Из-за срочности, необходимой для разрешения ситуации, Группа решила принять решение о рассмотрении наиболее важных вопросов, касающихся предмета, на следующем заседании [ECOWAS, 2020b]. В ответ на предложения, выдвинутые оппозицией, Администрация ЭКОВАС приняла следующие решения:

1. Рекомендовала исключить избранных парламентариев, чьи мандаты оспариваются политическими деятелями.

2. В отношении роспуска Конституционного суда: рекомендовала только изменение его состава.

3. В отношении отставки президента Кейты: призвала создать новое открытое правительство для всех участников (50% мест для правящей партии, 30% — для оппозиционных партий и 20% — для гражданского общества).

4. В отношении создания независимой следственной комиссии по выяснению причин гибели протестующих 10, 11 и 12 июля 2020 г.: провести немедленное расследование для установления причин и определения ответственности сторон. Президент Кейта должен принять все необходимые меры для оказания помощи пострадавшим, включая финансовую компенсацию и поддержку.

Администрация ЭКОВАС настоятельно призвала правительство Мали принять все необходимые меры для освобождения лидера оппозиции Сумайлы Сиссе. Кроме того, Администрация потребовала, чтобы все стороны выполнили рекомендации в течение десяти дней; в противном случае они столкнутся с санкциями со стороны Комиссии ЭКОВАС [ECOWAS, 2020b].

18 августа 2020 г., на фоне ухудшения общественно-политической обстановки, в Мали произошел военный переворот, в ходе которого были арестованы и задержаны президент Кейта и ряд других должностных лиц. Администрация ЭКОВАС осудила переворот и предложила военным вернуться в казармы. Политических акторов призвали сохранить приверженность условиям диалога, чтобы найти оптимальное решение для выхода из кризиса. Администрация ЭКОВАС заявила о своем непризнании неконституционной смены власти [ECOWAS, 2020d].

20 августа 2020 г. Администрация ЭКОВАС приняла ряд мер, в том числе общие и специальные санкции, в отношении членов военного правительства, а также Республики Мали:

1. Отстранила Республику Мали от процесса принятия любых решений в ЭКОВАС.
2. Закрыла сухопутные и воздушные границы стран — членов ЭКОВАС с Республикой Мали.
3. Остановила все финансовые и экономические транзакции между государствами — членами ЭКОВАС и Республикой Мали, за исключением продуктов первой необходимости, и призвала к целенаправленным санкциям против военного правительства [ECOWAS, 2020e].

28 августа 2020 г. Администрация ЭКОВАС провела еще одну внеочередную сессию, посвященную ситуации в Мали. На сессии было принято решение направить миссию по установлению фактов во главе с посредником ЭКОВАС с 22 по 24 августа 2020 г. В отчете посредника отмечалось, что решение уйти в отставку, принятое президентом Республики Мали Кейтой, является неуместным, однако приветствовалось его освобождение военными властями. Посредник призвал к переходу к гражданскому управлению с президентом и премьер-министром и быстрому созданию переходного правительства, которое должно действовать в течение 12 месяцев для организации президентских и парламентских выборов. Администрация ЭКОВАС отметила, что после выполнения этих требований введенные санкции должны быть постепенно сняты [ECOWAS, 2020f].

7 сентября 2020 г. в ходе 57-й внеочередной сессии ЭКОВАС в Ниамее (Республика Нигер) Администрация выразила обеспокоенность развитием ситуации в Мали, хотя и поддержала переходные власти в их стремлении найти выход из кризисной ситуации. Власти призвали Национальный совет общественного спасения (НКОС) выпол-

нить принятое 28 августа 2020 г. Общее решение о переходе к гражданскому правлению [ECOWAS, 2021c].

8 сентября 2020 г. состоялось внеочередное заседание Администрации ЭКОВАС относительно ситуации в Гвинейской Республике, где 5 сентября 2020 г. произошел военный переворот, во время которого был свергнут президент Альфа Конде. С этой целью Администрация предложила принять в отношении Гвинеи следующие меры:

1. Немедленно отстранить Гвинею от участия во всех руководящих органах ЭКОВАС.
2. Немедленно направить в Гвинею миссию ЭКОВАС высокого уровня для оценки ситуации.
3. Поручить Администрации проанализировать положение в Гвинейской Республике и отчет миссии по оценке ситуации [ECOWAS, 2021c].

Санкции, введенные Администрацией, были признаны справедливыми по сравнению с санкциями, введенными в отношении Мали. В этот период вопрос о санкциях против Мали был рассмотрен вновь. Администрация выразила удовлетворение в связи с отменой военным правительством ограничений, наложенных на бывшего президента и премьер-министра [ECOWAS, 2020a].

21 сентября 2020 г. главой переходной власти был назначен Ба Н'Дау, а премьер-министром Моктар Уан. Оба вступили в должность 25 сентября 2020 г. С 23 по 25 сентября 2020 г. специальные посредники по урегулированию конфликта в Мали встречались с различными представителями властей переходного периода для оценки прогресса и решений, принятых 20 и 28 августа 2020 г. Посредник ЭКОВАС заявил, что санкции должны быть сняты после приведения к присяге гражданского переходного президента [ECOWAS, 2020g]. При этом посредник приветствовал принятие Переходной хартии 1 октября 2020 г. [Government of the Republic of Mali, 2020].

11 октября 2020 г. в рамках посредничества ЭКОВАС глава Администрации ЭКОВАС президент Ганы Н. Акуфо-Аддо и официальные лица Сообщества встретились с переходными властями в Мали, чтобы выразить поддержку политическому процессу в стране. В ходе визита посредники встретились с президентом переходного периода Ба Н'Дау, вице-президентом Ассими Гоитой и премьер-министром Моктаром Уаном. Глава Администрации оценил прогресс, достигнутый переходной властью путем освобождения политических заключенных, создания гражданской переходной власти и принятия Переходной хартии, как положительный. Он также отметил создание Национального переходного совета и поддержал этот процесс [ECOWAS, 2021d].

23 января 2021 г. Администрация ЭКОВАС на своем внеочередном заседании выразила озабоченность по поводу ситуации в Мали, осудила аресты людей, подозреваемых в нарушении национальной безопасности, призвала к мирному переходу власти в Мали и соблюдению графика проведения выборов. Администрация также выразила обеспокоенность по поводу того, что НКОС не был распущен [ECOWAS, 2021b]. **25 мая 2021 г.** военные власти арестовали президента Ба Н'Дау и премьер-министра М. Уана в связи с подозрением в выводе военного персонала из нового переходного правительства, что привело к отставке переходного правительства в этот же день [Government of the Republic of Mali, 2021b]. **30 мая 2021 г.** в Аккре (Гана) состоялся внеочередной саммит Администрации ЭКОВАС в связи с арестом гражданского переходного президента, премьер-министра и других официальных лиц. Администрация призвала к немедленному освобождению арестованных, заявив, что эти действия противоречат положениям Переходной хартии Мали и международным обязательствам страны. Администрация вновь призвала все стороны сохранять статус-кво и уважать избиратель-

ную систему [Абашидзе и др., 2023], как было предложено до отстранения Мали от участия в ЭКОВАС [ECOWAS, 2021c].

7 июня 2021 г. лидер военного переворота полковник А. Гоита был официально назначен Конституционным судом переходным президентом, а Чогель Кокалла Маига — премьер-министром [Government of the Republic of Mali, 2021a]. С 8 по 9 июня 2021 г., в соответствии с рекомендацией Администрации ЭКОВАС во время саммита 30 мая 2021 г., посредник посетил Мали для ознакомления со стратегией, используемой новым местным правительством, и ходом реализации достигнутых ранее договоренностей. Посредник встретился с различными заинтересованными сторонами и призвал их к совместной работе по восстановлению демократии в соответствии с принципами ЭКОВАС [ECOWAS, 2021d]. 19 июня 2021 г. по итогам ознакомления с докладом посредника на 59-й внеочередной сессии Администрации ЭКОВАС в Аккре было принято к сведению назначение гражданского премьер-министра Маиги, формирование нового правительства и обязательство соблюдать график выборов в феврале 2022 г. Администрация ЭКОВАС рекомендовала Комиссии Сообщества создать избирательный механизм, который был бы свободен от злоупотреблений на выборах [ECOWAS, 2021a], а также рекомендовала всем сторонам соблюдать положения Алжирского соглашения [Algiers Treaty, 2015].

С 5 по 7 сентября 2021 г. посредник ЭКОВАС посетил Мали, чтобы убедиться в прогрессе и подтвердить участие ЭКОВАС в поддержке местных властей. Посредники также посетили президента и премьер-министра переходного периода, одобрили освобождение бывшего временного президента Ба Н'Дау и премьер-министра Уана. Кроме того, они выразили обеспокоенность по поводу задержки выработки конкретных мер и графика предполагаемых выборов. Тем не менее посредники положительно оценили принятие переходными властями решений Администрации ЭКОВАС [ECOWAS, 2021d]. 8 сентября 2021 г., после получения отчета посредника о его поездке с 5 по 7 сентября, Администрация выразила удовлетворение относительным спокойствием и стабильностью в стране, и особенно освобождением некоторых задержанных политических деятелей. Однако она была обеспокоена в связи с отсутствием планирования и подготовки к выполнению графика президентских выборов 22 февраля 2022 г. Поэтому Администрация настоятельно призвала переходные власти задействовать все механизмы для обеспечения мирных, свободных и честных президентских выборов [ECOWAS, 2021e]. 16 сентября 2021 г. на внеочередном заседании Администрация ЭКОВАС рассмотрела два важных вопроса, касающихся общественно-политической ситуации, сложившейся в Гвинее и Мали. В отношении Мали Администрация выразила обеспокоенность медленными темпами избирательного процесса и настоятельно призвала переходные власти представить график предстоящих президентских выборов. Было принято решение ввести целенаправленные санкции в отношении лиц, тем или иным образом препятствующих проведению выборов в соответствии с графиком. Администрация также осудила продолжающиеся аресты и задержания политических деятелей переходной властью и призвала вовлеченные стороны соблюдать международное право и права человека. Администрацию ЭКОВАС обеспокоило решение Мали пригласить в страну российскую ЧВК «Вагнер», поскольку якобы это может негативно сказаться на безопасности в регионе [ECOWAS, 2022]. 20 октября 2021 г. официально была создана Национальная комиссия по возрождению в Мали (НКВМ) для разрешения кризиса в Мали на переходный период [Government of the Republic of Mali, 2021b]. 30 декабря 2021 г. НКВМ рекомендовал переходный период в стране от 6 месяцев до 5 лет [Government of the Republic of Mali, 2021b].

9 января 2022 г. Администрация ЭКОВАС провела внеочередное заседание по ситуации в Мали в связи с предложением переходного правительства назначить президентские выборы на декабрь 2025 г. и сочла новый срок выборов неприемлемым. Администрация приняла решение сохранить санкции, наложенные на членов переходного правительства, и, кроме того, ввела новые экономические и финансовые санкции в отношении государства, которые вступили в силу немедленно:

1. Вызов для консультаций государствами — членами ЭКОВАС своих послов, аккредитованных в Мали.
2. Закрытие сухопутных и воздушных границ между странами — членами ЭКОВАС и Мали.
3. Приостановление всех коммерческих и финансовых операций между государствами — членами ЭКОВАС и Мали, за исключением продуктов питания, фармацевтических препаратов, предметов медицинского назначения и оборудования, включая материалы для борьбы с COVID-19, нефтепродукты и электроэнергию.
4. Замораживание активов Республики Мали в центральных банках ЭКОВАС.
5. Замораживание активов Республики Мали, государственных и полугосударственных предприятий в коммерческих банках.
6. Приостановление любой финансовой помощи и операций со всеми финансовыми учреждениями, в частности EBID и BOAD [ECOWAS, 2020e].

Международно-правовые аспекты кризиса в отношениях между Мали и ЭКОВАС

Главная правовая проблема кризиса во взаимоотношениях между Республикой Мали и ЭКОВАС состоит в характере тех санкций, которые были наложены на Мали Администрацией ЭКОВАС. В этой связи возникают три главных вопроса:

1. Обладает ли ЭКОВАС, его Администрация или какие-либо иные органы данной организации полномочиями вводить санкции в отношении государств-членов?
2. Какие санкции могут быть применены к странам-членам за нарушение положений договоров ЭКОВАС?
3. Действовал ли орган ЭКОВАС *ultra vires*, вводя такие санкции в отношении Республики Мали?

Обладает ли ЭКОВАС, его Администрация или какие-либо иные органы данной организации полномочиями вводить санкции против Мали?

Администрация ЭКОВАС является высшим органом организации в соответствии с договором об образовании Экономического сообщества государств Западной Африки [ECOWAS, 1993]. Согласно положениям данного договора, Администрация (*The Authority*) несет ответственность за общее руководство и контроль над Сообществом и принимает все меры для обеспечения его прогрессивного развития и реализации его целей.

В соответствии со ст. 7 (2) Договора ЭКОВАС, Администрация наделена преимущественными полномочиями действовать в качестве высшего органа, если так решит большинство членов: «Если иное не предусмотрено настоящим Договором или Протоколом, решения Администрации принимаются в зависимости от рассматриваемого вопроса единогласно или большинством в две трети голосов государств-членов».

Статья 77 Договора ЭКОВАС также гласит: «Если государство-член не выполняет свои обязательства перед Сообществом, Администрация может принять решение о наложении санкций на это государство-член».

В соответствии со ст. 45 (2) Протокола о демократии и надлежащем управлении, решение о санкциях принимается Администрацией, если государство не соблюдает положения Протокола. Таким образом, ответ на первый вопрос, поставленный нами, будет положительным: Администрация ЭКОВАС обладает полномочиями вводить санкции в отношении государств — членов Сообщества.

Какие санкции могут быть применены к странам-членам за нарушение положений договоров ЭКОВАС?

Республика Мали ратифицировала Пересмотренный договор ЭКОВАС от 1993 г. [ECOWAS, 1993]. Согласно ст. 77 Пересмотренного договора, в случае невыполнения Договора Администрация может налагать санкции, в том числе предусмотрены:

- а) приостановка новых займов или помощи Сообщества;
- б) приостановка выплат по текущим проектам или помощи по программам Сообщества;
- с) исключение кандидатур на штатные и профессиональные должности;
- г) приостановление права голоса;
- д) отстранение от участия в деятельности Сообщества.

Статья 45 гл. II Протокола ЭКОВАС о демократии и надлежащем управлении (Протокол) 2001 г. [ECOWAS, 1993] предусматривает возможность применения санкций, которые могут принимать следующие формы в порядке возрастания их строгости:

- а) отказ поддержать кандидатов, представленных заинтересованным государством-членом на выборные должности в международных организациях;
- б) отказ от организации совещаний ЭКОВАС в соответствующем государстве-члене;
- в) отстранение соответствующего государства-члена от участия во всех директивных органах ЭКОВАС.

Именно этот протокол был упомянут в качестве правового обоснования применения Администрацией ЭКОВАС санкций в отношении Мали. Договор и Протокол составляют единый документ, однако ни одна из его частей не предусматривает тех санкций, которые были применены в отношении Республики Мали.

Действовал ли орган ЭКОВАС *ultra vires*, вводя такие санкции в отношении Республики Мали?

Ни одна из составных частей договоров ЭКОВАС не предусматривает полномочий Администрации Сообщества по введению тех мер, которые были приняты в отношении Республики Мали.

а) *Вызов для консультаций государствами — членами ЭКОВАС своих послов, аккредитованных в Республике Мали.* Ни одно положение договоров ЭКОВАС не предусматривает такой возможности. Вызов для консультаций послов государств — членов международных организаций является прерогативой каждого государства.

б) *Закрытие сухопутных и воздушных границ между странами ЭКОВАС и Республикой Мали.* Ни одно из положений договоров ЭКОВАС не наделяет Администрацию правом применять такого рода меры. Следует отметить, что подобные санкции приме-

нялись ООН и Африканским союзом, которые несут особые обязательства в отношении международного мира и безопасности [Asaala, Tladi, 2022]. Во время гражданских войн [Лазутин, Лихачев, 2020] в Кот-д'Ивуаре, Гамбии, Гвинее-Бисау, Либерии, Сьерра-Леоне и других странах ООН и Африканский союз применяли в отношении этих государств соответствующие санкции [Толстых, 2021].

в) *Приостановление всех коммерческих и финансовых операций между государствами-членами ЭКОВАС и Мали*, за исключением продуктов питания, фармацевтических препаратов, предметов медицинского назначения и оборудования, включая материалы для борьбы с COVID-19, нефтепродукты и электроэнергию. Договор ЭКОВАС упоминает вопросы займов и финансовой помощи, но не запрещает коммерческие сделки. Таким образом, данная мера противоречит положениям Договора ЭКОВАС.

г) *Замораживание активов Республики Мали в центральных банках ЭКОВАС*. Активы Республики Мали в центральных банках государств — членов ЭКОВАС не представляют собой ни займы, ни финансовую помощь. Эти активы — суверенная собственность Мали. То есть их нельзя заморозить, поскольку инструменты ЭКОВАС этого не предусматривают. То же относится к замораживанию активов Республики Мали, государственных и полугосударственных предприятий в коммерческих банках.

д) *Приостановление Мали любой финансовой помощи и операций со всеми финансовыми учреждениями, особенно EBID и BOAD*. Договоры ЭКОВАС предусматривают отстранение страны-нарушителя от любой помощи и кредитов в финансовых учреждениях ЭКОВАС, но не во всех финансовых учреждениях. В мире множество финансовых учреждений, независимых от ЭКОВАС. В данном случае эта санкция не соответствует договорам ЭКОВАС.

Совершенно очевидно, что в отношении Республики Мали были приняты меры, которые не соответствуют договорам ЭКОВАС. Таким образом, действия Администрации ЭКОВАС представляют собой действия *ultra vires* [Абашидзе и др., 2022]. Санкции Администрации ЭКОВАС не получили подтверждения со стороны СБ ООН [Аду, 2016] в соответствии со ст. 53 Устава ООН: «...никакие принудительные действия не предпринимаются в силу этих региональных соглашений или региональными органами без полномочий от Совета Безопасности...».

Какие действия могут быть предприняты Республикой Мали, столкнувшейся со столь серьезной проблемой?

Во-первых, Республика Мали может обратиться в Суд ЭКОВАС или другой международный судебный или арбитражный орган, для того чтобы оспорить неправомерность наложенных на нее санкций и потребовать возмещения ущерба. Требование о возмещении ущерба, причиненного Мали, возможно даже после того, как Администрация ЭКОВАС отменила санкции [ECOWAS, 2022].

Во-вторых, Республика Мали имеет право прекратить свое участие в договорах ЭКОВАС. В то же время такое решение следует принимать с осторожностью, учитывая возможные выгоды участия Мали в ЭКОВАС в экономической сфере и возможные более разрушительные для малийской экономики последствия в случае прекращения участия в деятельности Сообщества.

Политические аспекты кризиса между ЭКОВАС и Мали

Политический анализ кризисной ситуации в Мали позволяет сделать вывод о том, что Администрация ЭКОВАС могла бы справиться с ней более разумно. В первую очередь следовало попытаться разрешить конфликт дипломатическими усилиями, а затем уже — в случае неуспеха — вводить санкции.

Администрация ЭКОВАС потребовала от переходного правительства скорейшего проведения выборов и возвращения к гражданскому управлению. Это полностью соответствует договорам ЭКОВАС и другим международным обязательствам Мали. Однако вызывает вопросы навязывание властям Мали строгого графика организации президентских выборов в течение 12 месяцев.

НКП рекомендовал максимальный переходный период в пять лет. Это означает, что выборы должны быть проведены до конца декабря 2025 г. Администрация ЭКОВАС сочла пятилетний срок неприемлемым.

По мнению переходных властей Мали, ситуация в стране не позволит организовать свободные и честные выборы в короткие сроки, предписанные Администрацией ЭКОВАС. Напомним, что более 80% территории Мали находятся вне контроля малийского правительства. Малийские власти обоснованно исходили из того, что сначала необходимо обеспечить условия для проведения выборов на всей территории страны, поэтому предложили срок от 6 месяцев до 5 лет [Bamako, 2022].

Позиция переходных властей Мали выглядит вполне оправданной, поскольку предыдущие президентские выборы в Мали, организованные в 2013 г. в тех же условиях терактов и сепаратистских боевых действий, не принесли стране мира. Президентские выборы 2018 г. также не привели к решению проблем безопасности в стране.

Следует иметь в виду, что аналогичное решение ЭКОВАС уже нанесло значительный ущерб ситуации в Республике Кот-д'Ивуар после президентских выборов из-за навязанного ЭКОВАС Угадугского соглашения [Ougadougou Agreement, 2007] под эгидой Африканского союза и ООН. Соглашение предусматривало проведение президентских выборов в ситуации, когда страна разделена на две части между воюющими сторонами. Север страны находился под контролем повстанческих группировок, поддерживающих Аlassана Уаттару, а юг — под контролем регулярных национальных сил, поддерживающих президента Лорана Гбагбо. Президент Гбагбо заявил, что в этих условиях организовать президентские выборы невозможно. Он призвал руководство ЭКОВАС разоружить повстанцев и воссоединить страну до любых выборов. Однако под давлением ряда международных организаций, особенно ЭКОВАС, президент Гбагбо был вынужден пойти на проведение выборов. После второго тура президентских выборов, в котором Гбагбо противостоял Уаттаре, действующий президент оспорил результаты выборов в северных провинциях, находившихся под руководством повстанцев, выступающих за Уаттару. Он утверждал, что количество избирателей в северной части, поддерживающих Уаттару, больше, чем количество людей, зарегистрированных в избирательном списке. К сожалению, он не смог этого доказать, так как север все еще контролировался повстанцами. Более того, международное сообщество и особенно ООН были против такого подхода, несмотря на то, что такая международная практика существовала. По этой причине президент Гбагбо отказался признать итоги выборов и настаивал на пересчете голосов. Однако сторонники Уаттары при поддержке ЭКОВАС отказались это сделать. В итоге в Кот-д'Ивуаре начался так называемый постизбирательный кризис [Букуру, 2021], который привел к гибели тысяч людей (по официальным данным, в ходе кризиса было убито более 3 тыс. человек).

Таким образом, следует признать, что требование ЭКОВАС установить годичный срок для проведения выборов выглядит произвольным, нереалистичным, а в условиях активизации терроризма еще и представляющим угрозу для малийского общества.

Роль Франции в политическом кризисе между ЭКОВАС и Мали

В заключение следует отметить роль Франции в кризисе отношений между ЭКОВАС и Мали. Эта роль представляется нам значительной и чрезвычайно деструктивной. В свое время власти Мали пригласили Францию для оказания помощи в борьбе с терроризмом и сепаратизмом, которые поставили под угрозу национальную безопасность страны. Однако приоритетом Франции, бывшей колониальной державы, всегда были собственные геополитические интересы в регионе, а не интересы Мали [Lachica, 2021; Магадеев, 2022]. Республика Мали утратила контроль над более чем 80% своей территории именно во время присутствия французских вооруженных сил на ее территории. Эта ситуация требует критической оценки подходов Франции к контртеррористическим операциям как в Мали, так и в других странах Западной Африки.

Нынешние малийские власти выразили желание, чтобы французская армия покинула территорию Мали. Как уже отмечалось выше, подозрения в сотрудничестве с террористическими группами в Мали и их обучении вполне обоснованны [Магадеев, 2022]. Имеются факты воспрепятствования французскими войсками малийским вооруженным силам в борьбе с повстанцами и террористическими группами. Все это следует оценивать в контексте роли Франции в руандийском кризисе [Мезяев, 2005; Ancel, 2018; Lachica, 2021], а также в других кризисах в Африке (Кот-д'Ивуар и др.). Обстановка ухудшилась, когда малийские власти решили сотрудничать с другими государствами, особенно с Россией, чтобы справиться с ситуацией. Франция сочла неприемлемым обращение Мали к российской ЧВК «Вагнер» [Магадеев, 2022]. При этом Франция пытается проводить свою неоколониальную политику, вовлекая ООН, Европейский союз, Африканский союз и особенно ЭКОВАС. Так, Европейский союз под давлением Франции принял ряд санкций против Мали и российской ЧВК «Вагнер» [EU, 2021]. Есть основания полагать, что санкции Администрации ЭКОВАС против Мали были введены под давлением Франции. Министр обороны Франции Флоранс Парли объявила об этих санкциях еще до того, как Администрация ЭКОВАС приняла такое решение [Perelman, Alexandre, 2021]. Франция также использует свой статус со составителя проектов резолюций в СБ ООН для продвижения собственных интересов в Мали [Strakes, 2016; Бокерия, 2022].

Премьер-министр Мали Ч.К. Майга свидетельствует, что представители страны не допускаются к участию в разработке проектов резолюций СБ ООН по Мали. Фактически Франция заменила собой малийское правительство, используя свое положение постоянного члена СБ ООН [Bamako, 2022]. Отношения между Мали и Францией находятся на самой низкой точке за всю историю. Послы обеих стран объявлены «персонами нон грата», Франция вывела свои вооруженные силы из Мали.

Можно предположить, что данный конфликт будет длительным, поскольку Франция находится в полной зависимости от ресурсов своих бывших колониальных владений. Франция не готова отказаться от притязаний на Мали, да и на всю Африку, так как примеру Мали могут последовать и другие бывшие колонии страны. Ситуация напоминает кризис отношений между Францией и Гвинеей в 1958 г., случившийся после того, как президент Гвинеи А. Секу Туре отверг предложение генерала де Голля о создании Французского сообщества Африки [Migani, 2012].

Заключение

В процессе разрешения кризиса 2020 г. в Мали Администрация ЭКОВАС обладала определенными полномочиями, предоставленными договорами Сообщества [Абашидзе и др., 2017]. Однако решение о введении конкретных санкций в отношении Республики Мали за нарушение ею международных обязательств должно приниматься в строгом соответствии с нормами международного права и конкретными договорами ЭКОВАС, а также *в интересах малийского народа* [Абашидзе и др., 2021] и без какого-либо внешнего воздействия. Причинами современного кризиса в Мали являются не только терроризм и сепаратизм, но и неокOLONиальная политика Франции в Африке [Glaser, 2016]. Франция использует все средства, включая международные организации и особенно ЭКОВАС, в качестве инструмента для укрепления своих позиций в регионе [Филиппов, 2013].

Список источников

- Абашидзе А.Х., Абдуллин А.И., Адамова Э.Р. [и др.] (2021) Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник. М.: Проспект.
- Абашидзе А.Х., Абдуллин А.И., Адамова Э.Р. [и др.] (2023) Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект».
- Абашидзе А.Х., Банис П.А., Бисултанов А.К. [и др.] (2022) Международное право: учебник для аспирантов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН).
- Аду Я.Н. (2016) Международная правовая обоснованность «межгосударственных санкций» // Евразийский юридический журнал. 2016. № 7 (98). С. 104–105.
- Бокерия С.А. (2022) Партнерство ООН и АС в области миротворчества: тенденции и проблемы // Вестник международных организаций. Т. 17. № 2. С. 189–207 (на русском и английском языках). Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-08>.
- Букуру Ж.-Б. (2021) Международный уголовный суд, международный суд ООН и Демократическая Республика Конго: вопросы мира и правосудия // Казанский журнал международного права и международных отношений. № 12. С. 33–46.
- Лазутин Л.А., Лихачев М.А. (2020) Международное гуманитарное право. Война, память, справедливость (юридические и исторические аспекты). М.: Юрайт.
- Магадеев И.Э. (2022) Многосторонность как вынужденная необходимость? Эволюция французской политики в Субсахарской Африке: преемственность и новизна // Вестник международных организаций. Т. 17. № 1. С. 114–128 (на русском и английском языках). Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-01-05>.
- Мезяев А. (2005) «Международные суды» и Африка // Азия и Африка сегодня. № 11 (580). С. 14–18.
- Толстых В.Л. (2021) Практикум по международному праву: учебное пособие. М.: Международные отношения.
- Филиппов В.Р. (2012) Туареги Мали: долгий путь к миру // Азия и Африка сегодня. № 7 (660). С. 42–48.
- Филиппов В.Р. (2013) Война в Мали: тень Елисейского дворца // Международная жизнь. № 4. С. 35–56. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/848> (дата обращения: 16.03.2023).
- Филиппов В.Р. (2021) Политический кризис 2020–2021 годов в Мали // Ученые записки Института Африки РАН. № 3(56). С. 42–55. Режим доступа: <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2021-56-3-42-55>.
- Accord politique de Ouagadougou [Ougadougou Political Agreement] (Ougadougou Agreement) (2007) Режим доступа: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/D38234472FEA8CD1492572C6000DA4F9-Rapport_complet.pdf (дата обращения: 05.07.2022) (in French).

Accord pour la paix et la reconciliation au Mali issu du processus d'Alger [Agreement for Peace and Reconciliation in Mali Resulting From the Algiers Process] (Algiers Treaty) (2015) Режим доступа: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/Accord%20pour%20la%20Paix%20et%20la%20R%C3%A9conciliation%20au%20Mali%20-%20Issu%20du%20Processus%20d%27Alger_0.pdf (дата обращения: 05.07.2022) (in French).

Ancel G. (2018) Rwanda, la fin du silence: témoignage d'un officier français [Rwanda, the End of Silence: Testimony of a French Officer]. Paris: Les Belles Lettres (in French).

Asaala E., Tladi D. (2022) Assessing the Respective Mandates of the UN and AU in the Maintenance of International Peace and Security: Partnership and Cooperative Division of Labour or Competition? // Казанский журнал международного права и международных отношений [Kazan Journal of International Law & International Relations]. No. 13. P. 17–37. Режим доступа: http://kznjil.ru/files/kjil_13.pdf (дата обращения: 16.02.2023).

Bamako (2022) Discours de Docteur Choguel Kokalla Maiga à l'occasion de sa deuxième réunion d'échanges avec le corps diplomatique [Speech by Dr. Choguel Kokalla Maiga on the Occasion of His Second Exchange Meeting With the Diplomatic Corps]. 7 February. Режим доступа: <http://news.abamako.com/h/265863.html> (дата обращения: 21.08.2022) (in French).

Bendhaou F. (2022) La France et l'UE soutiennent les sanctions de la CEDEAO à l'encontre des dirigeants maliens // Monde. 11 January. Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/fr/monde/la-france-et-lue-soutiennent-les-sanctions-de-la-cedeao-a-lencontre-des-dirigeants-maliens/2471300> (дата обращения: 21.02.2022) (in French)

Economic Community of West African States (ECOWAS) (1993) ECOWAS Revised Treaty. 24 July. Abuja, Nigeria. Режим доступа: <https://ecowas.int/wp-content/uploads/2022/08/Revised-treaty-1.pdf> (дата обращения: 21.03.2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2001) Protocol on Democracy and Good Governance (A/SP1/12/01) Supplementary to the Protocol relating to the mechanism for conflict prevention management, resolution, peacekeeping and security Executive Secretary Dakar, December 2001. Режим доступа: <https://www.eisa.org/pdf/ecowas2001protocol.pdf> (дата обращения: 21.03.2023)

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2020a) Communiqué Mission De La Mediation de la Cedeao Sur Le Mali [Communiqué ECOWAS Mediation Mission on Mali]. 25 September. Режим доступа: https://lefaso.net/IMG/pdf/fr.communique_final_mediation_au_mali_25_septembre_2020.pdf (дата обращения: 21.03.2023) (in French).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2020b) Communiqué de la Cedeao Sur la Situation au Mali [Ecowas Communiqué on the Situation in Mali]. 18 August. Режим доступа: <https://www.guinee7.com/wp-content/uploads/2020/08/COMMUNIQUE-SUR-LA-SITUATION-AU-MALI-18-AOUT-2020.pdf> (дата обращения: 21.03.2023) (in French).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2020c) Communiqué of ECOWAS extraordinary Summit on Mali, via virtual conference. 27 July. Режим доступа: <https://globalupfront.com/2020/07/27/communiqué-of-ecowas-extraordinary-summit-on-mali-via-virtual-conference-on-july-27th-2020/> (дата обращения: 21.03.2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2020d) Declaration of Ecowas Heads of States and Government on Mali. 6 October. Режим доступа: <https://ecowas.int/declaration-of-ecowas-heads-of-state-and-government-on-mali/> (дата обращения: 16.02.2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2020e) Declaration by ECOWASHOSG on Mali. 28 August. Режим доступа: <https://ecoroadsgroup.com/declaration-by-ecowashosg-on-mali-28082020/> (дата обращения: 14.03.2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2020f) Fifty-Seventh Ordinary Session of the ECOWAS Authority of Heads of State and Government. 7 September, Niamey, Republic of Niger. Final Communiqué. Режим доступа: https://araa.org/sites/default/files/news/pdf/ENG_Final%20Communiqué_57th%20Summit_07092020.pdf (дата обращения: 21.03.2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2020g) Communiqué: Mission du Président de la Conférence des Chefs d'Etats et des Gouvernements de la CEDEAO au Mali [Communiqué: Mission of

the President of the Authority of Heads of State and Government of ECOWAS to Mali]. 12 October. Available at: <https://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2020/10/Fr-Communique-Visite-Chair-in-Mali-Oct-11-CEDEAO.pdf> (дата обращения: 01.09.2022).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2021a) Communique of the ECOWAS Mediation Mission to Mali. 7 September. Режим доступа: <https://reliefweb.int/report/mali/communique-ecowas-mediation-mission-mali> (дата обращения: 14.03.2023)

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2021b) Communique Extraordinary Summit on the Political Situation in Mali, ACCRA. 30 May. Режим доступа: <https://www.ecowas.int/communique-extraordinary-summit-on-the-political-situation-in-mali/> (дата обращения: 21.03.2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2021c) ECOWAS: Final Communique of September 9, Heads of State Video Conference Meeting on Guinea. Режим доступа: <https://www.africanstar.org/ecowas-final-communique-of-september-9-2021-heads-of-state-video-conference-meeting-on-guinea/> (дата обращения: 21.03.2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2021d) Fifty – Ninth Ordinary Session of the Authority of Heads of State and Government. Final Communique. 19 June, Accra, Republic of Ghana. Режим доступа: https://www.afdb.org/sites/default/files/documents/2021-06-20-uk_final_communique-venglish.pdf (дата обращения: 21.03.2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2021e) Fifty-Eighth Ordinary Session of the Authority of Heads of State and Government. Final communique. 23 January: https://unowas.unmissions.org/sites/default/files/communique_final_58th_ahsg_vf_0.pdf (дата обращения: 14.03.2023)

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2022) Final Communique: 4th Extraordinary Summit of the ECOWAS Authority of Heads of State and Government on the Political Situation in Mali, Accra, Republic of Ghana. 9 January. Режим доступа: <https://reliefweb.int/report/mali/final-communique-4th-extraordinary-summit-ecowas-authority-heads-state-and-government> (дата обращения: 21.03.2023).

European Union (2021) EU Imposes Restrictive Measures Against the Wagner Group. Council of the EU Press Release 929/21. 13 December. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/12/13/eu-imposes-restrictive-measures-against-the-wagner-group/pdf> (дата обращения: 03.07.2022).

Glaser A. (2016) *Arrogant comme un français en Afrique [Arrogant like a Frenchman in Africa]*. Paris: Fayard, 2016 (in French).

Government of the Republic of Mali (2020) Décret No 2020-0072/PT-RM du 1er Octobre 2020 portant promulgation de la charte de la transition [Decree No 2020.0072/PT.RM of 1 October 2020 Promulgating the Transition Charter]. Journal Officiel de la République du Mali, Special No. 17. Режим доступа: <https://sgg-mali.ml/JO/2020/mali-jo-2020-17-sp.pdf> (дата обращения: 16.02.2023) (in French).

Government of the Republic of Mali (2021a) Plan d'action du gouvernement de transition, 2021–2022 [Plan of Action of the Transitional Government, 2021–2022]. Primature, Cabinet of the Prime Minister. Режим доступа: https://primature.ml/wp-content/uploads/2021/09/PAG-21-22-TRANSITION-V2-2021-07-26-Bon_Compressed.pdf (дата обращения: 03.07.2022) (in French).

Government of the Republic of Mali (2021b) Termes de reference des assises nationales de la refondation (A.N.R.) [Terms of Reference for the National Conferences for Refoundation (A.N.R.)] // Ministry of State Refoundation, 20 October. Режим доступа: <https://ambamali.ca/wp-content/uploads/2021/12/Tdrs-ANRs-Version-valid%C2%AE%EF%B8%8Fe-au-Conseil-des-Ministres-du-20-October-2021-1.pdf> (дата обращения: 23 June 2022) (in French).

IRIS (2021) Le Mali et le repositionnement militaire français [Mali and the French Military Repositioning] // Analyses (Institut de Relations Internationales et Stratégiques, IRIS). 21 October. Режим доступа: <https://www.iris-france.org/161974-le-mali-et-le-repositionnement-militaire-francais/> (дата обращения: 03.07.2022) (in French).

Lachica A. (2021) Revisiting the Rwandan Genocide: Reflections on the France-Led Humanitarian Intervention // *Geopolitics Quarterly*. Vol. 16. No. 4. P. 101–15. Режим доступа: <https://dorl.net/dor/20.1001.1.1735.4331.1399.16.60.5.7>.

Le Point (2022) L'Europe prépare des sanctions contre la junte malienne (Le Drian) [Europe Is Preparing Sanctions Against the Malian Junta (Le Drian)]. 12 January. Режим доступа: https://www.lepoint.fr/societe/l-europe-prepare-des-sanctions-contre-la-junte-malienne-le-drian-12-01-2022-2460278_23.php#11 (дата обращения: 16.02.2023) (in French).

Migani G. (2012) Sékou Touré et la contestation de l'ordre colonial en Afrique sub-saharienne, 1958–1963 [Sékou Touré and the Contestation of the Colonial Order in Sub-Saharan Africa, 1958–1963] // *Monde(s)*. No. 2. P. 257–273. Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-mondes1-2012-2-page-257.htm> (дата обращения: 19.09.2022) (in French).

Perelman M., Alexandre F. (2021) Florence Parly: la présence du groupe Wagner au Mali serait “inacceptable” [Florence Parly: The Presence of the Wagner Group in Mali Would Be “Unacceptable”] // *L'Entretien*. 6 December. Режим доступа: <https://www.france24.com/fr/%C3%A9missions/l-entretien/20211206-florence-parly-la-pr%C3%A9sence-du-groupe-wagner-au-mali-serait-inacceptable> (дата обращения: 03.07.2022) (in French).

Strakes E.J. (2016) A Political Geographic Analysis of Developing State Systems // *Geopolitics Quarterly*. Vol. 11. Issue 40. P. 61–84. Режим доступа: <https://dorl.net/dor/20.1001.1.17354331.1394.11.40.3.0>.

United Nations (UN) (2013) Security Council Security Council Establishes Peacekeeping Force for Mali Effective 1 July, Unanimously Adopting Resolution 2100 (2013). Security Council Meetings Coverage SC/10987. 25 April. Режим доступа: <https://www.un.org/press/en/2013/sc10987.doc.htm> (дата обращения: 03.07.2022).

United Nations (UN) (2020) The UN Secretary-General Has Appealed for Calm in Mali, Following Protests in the Capital, Bamako, on Friday // *UN News*. 20 June. Режим доступа: <https://news.un.org/en/story/2020/06/1066762> (дата обращения: 22.08.2022).

The Conflict Between ECOWAS and Mali: International Legal and Political Aspects¹

Y.N. Adu, A. Mezyaev

Yao Nikez Adu — PhD, Dr. of Law, Associate Professor, RUDN University, Orenburg State University, Honorary Professor of Ural State University of Economy; 6 Miklukho-Maklaya Ulitsa, Moscow, 117198, Russia; adu-ya@rudn.ru

Alexander Mezyaev — Doctor of Legal Science, Professor, Head of Department of Constitutional and International Law, University of Management “TISBI”, Kazan, Russia; Editor-in-Chief of the Kazan Journal of International Law and International Relations; 13 Mushtari Ulitsa, Kazan, 420012, Russia; alexmezyaev@gmail.com

Abstract

In recent decades, Mali has faced an unprecedented political and economic crisis due to coups, terrorist and separatist threats, and international sanctions. The role of the Economic Community of West African States (ECOWAS) as a sub-regional organization involved in the management of the Malian conflict is paramount. However, the influence of France in decision-making in the context of sanctions imposed on Mali by ECOWAS affected the authority of the West African organization. The role of France as a former colonial power in this crisis is indisputable in the context of its geopolitical engagement with its former colonies in Africa and particularly in West Africa.

This article analyzes the course of the crisis, the role of the actors involved (ECOWAS, Mali, and France), and the political and legal scopes of the crisis. On the basis of structural, qualitative, and quantitative methods of assessment and comparative analyses of the ECOWAS Authority's decisions, their legal and political meanings, the political situation on the ground, the history of conflict management in neighbouring countries such as Côte d'Ivoire and other West African states by ECOWAS, the African Union (AU), and the United Nations (UN), and the role of France in the crisis, the authors conclude that the ECOWAS Authority has played an important role in restoring political order in Mali. However, the authors note the failure of the Authority to reach a political agreement. Moreover, the authors agree that the ECOWAS Authority has reacted ultra vires to the Malian crisis vis-à-vis the power that is conferred by the ECOWAS instruments. And, the Authority's blunder was not without French interference.

Keywords: ECOWAS, Mali, sanctions, crisis management, military coup, transitional governments, ultra vires

For citation: Adu Y.N., Mezyaev A. (2023) The Conflict Between ECOWAS and Mali: International Legal and Political Aspects. *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 1, pp. 170–189 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-07

References

- Abashidze A.Kh., Abdullin A.I., Adamova E.R. et al. (2023) *Mezhdunarodnaya i vnutrigosudarstvennaya zashchita prav cheloveka [International and Intrastate Protection of Human Rights: Textbook]*. Moscow: Limited Liability Company “Prospekt” (in Russian).
- Abashidze A.Kh., Abdullin A.I., Adamova E.R., Akkhamova I.L., Aliyev Z.G., Amirov K.F., Amirova R.R., Antonov I.O., Arslanov K.M., Bakulina L.V., Bakulina L.T., Bukhmin S.V., Valeev R.M., Gavrilov V.V., Gadelshina Z.I., Garanina I.G., Garipov R.Sh., Glushkova S.I., Gorshunov D.N., Huseynov T.I. et al. (2021) *Mezhdunarodnaya i vnutrigosudarstvennaya zashchita prav cheloveka [International and Domestic Protection of Human Rights]*. Moscow (in Russian).

---

¹ This article was submitted 02.11.2022.

Abashidze A.Kh., Banis P.A., Bisultanov A.K. et al. (2022) *Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlya aspirantov* [International Law: A Textbook for Postgraduate Students]. 2nd ed. Moscow: Peoples' University of Russia (RUDN University) (in Russian).

Abashidze A.Kh., Golovanov A.S., Keburiya K.O., Kiseleva E.V., Koneva A.E., Solntsev A.M., Adu Ya.N., Alisieyevich E.S., Vorobyov D.V., Zavgorodniy V.S. (2017) *Afrikanskaya sistema zashchity prav cheloveka i narodov* [African System for the Protection of Human and Peoples' Rights]. Moscow (in Russian).

Accord politique de Ouagadougou [Ougadougou Political Agreement] (Ougadougou Agreement) (2007) Available at: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/D38234472FEA8CD1492572C6000DA4F9-Rapport_complet.pdf (accessed 5 July 2022) (in French).

Accord pour la paix et la reconciliation au Mali issu du processus d'Alger [Agreement for Peace and Reconciliation in Mali Resulting From the Algiers Process] (Algiers Treaty) (2015) Available at: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/Accord%20pour%20la%20Paix%20et%20la%20R%C3%A9conciliation%20au%20Mali%20-%20Issu%20du%20Processus%20d%27Alger_0.pdf (accessed 5 July 2022) (in French).

Adu Y.N. (2016) Mezhdunarodnaya pravovaya obosnovannost' "mezhsudarstvennykh sankcij" [International Legal Validity of "Interstate Sanctions"]. *Evrasijskij yuridicheskij zhurnal*, no 7 (98), pp. 104–5. Available at: http://crimscience.ru/wp-content/uploads/2016/04/07_-2016.pdf (accessed 16 February 2023) (in Russian).

Ancel G. (2018) Rwanda, la fin du silence: témoignage d'un officier français [Rwanda, the End of Silence: Testimony of a French Officer]. Paris: Les Belles Lettres (in French).

Asaala E., Tladi D. (2022) Assessing the Respective Mandates of the UN and AU in the Maintenance of International Peace and Security: Partnership and Cooperative Division of Labour or Competition? *Kazanskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij*, no 13, pp. 17–37. Available at: http://kznjil.ru/files/kjil_13.pdf (accessed 16 February 2023).

Bamako (2022) Discours de Docteur Choguel Kokalla Maiga à l'occasion de sa deuxième réunion d'échanges avec le corps diplomatique [Speech by Dr. Choguel Kokalla Maiga on the Occasion of His Second Exchange Meeting With the Diplomatic Corps]. 7 February. Available at: <http://news.abamako.com/h/265863.html> (accessed 21 August 2022) (in French).

Bendhaou F. (2022) La France et l'UE soutiennent les sanctions de la CEDEAO à l'encontre des dirigeants maliens. *Monde*, 11 January. Available at: <https://www.aa.com.tr/fr/monde/la-france-et-lue-soutiennent-les-sanctions-de-la-cedeao-a-lencontre-des-dirigeants-maliens/2471300> (accessed 21 February 2022) (in French).

Bokeriya S. (2022) The UN-AU Partnership in Peacekeeping: Tendencies and Problems. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 2, pp. 189–207. Available at: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-08>.

Bukuru J.-B. (2021) Mezhdunarodnyj ugovornyj sud, mezhdunarodnyj sud OON i Demokraticeskaya Respublika Kongo: voprosy mira i pravosudiya [The International Criminal Court, the International Court of Justice and the Democratic Republic of the Congo: Issues of Peace and Justice]. *Kazanskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij*, no 12, pp. 33–46. Available at: http://kznjil.ru/files/kjil_12.pdf (accessed 16 February 2023) (in Russian).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (1993) ECOWAS Revised Treaty, 24 July. Abuja, Nigeria. Available at: <https://ecowas.int/wp-content/uploads/2022/08/Revised-treaty-1.pdf> (accessed 21 March 2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2001) Protocol on Democracy and Good Governance (A/SP1/12/01) Supplementary to the Protocol relating to the mechanism for conflict prevention management, resolution, peacekeeping and security Executive Secretary Dakar, December 2001. Available at: <https://www.eisa.org/pdf/ecowas2001protocol.pdf> (accessed 21 March 2023)

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2020a) Communiqué Mission De La Mediation de la Cedeao Sur Le Mali [Communiqué ECOWAS Mediation Mission on Mali], 25 September. Available at: https://lefaso.net/IMG/pdf/fr.communique_final_mediation_au_mali_25_septembre_2020.pdf (accessed 21 March 2023) (in French).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2020b) Communiqué de la Cedeao Sur la Situation au Mali [Ecowas Communiqué on the Situation in Mali], 18 August. Available at: <https://www.guinee7.com/wp-content/uploads/2020/08/COMMUNIQUE-SUR-LA-SITUATION-AU-MALI-18-AOUT-2020.pdf> (accessed 21 March 2023) (in French).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2020c) Communiqué of ECOWAS extraordinary Summit on Mali, via virtual conference, 27 July. Available at: <https://globalupfront.com/2020/07/27/communique-of-ecowas-extraordinary-summit-on-mali-via-virtual-conference-on-july-27th-2020/> (accessed 21 March 2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2020d) Declaration of Ecowas Heads of States and Government on Mali, 6 October. Available at: <https://ecowas.int/declaration-of-ecowas-heads-of-state-and-government-on-mali/> (accessed 16 February 2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2020e) Declaration by ECOWASHOSG on Mali, 28 August. Available at: <https://ecoroadsgroup.com/declaration-by-ecowashosg-on-mali-28082020/> (accessed 14 March 2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2020f) Fifty-Seventh Ordinary Session of the ECOWAS Authority of Heads of State and Government, 7 September, Niamey, Republic of Niger. Final Communiqué. Available at: https://araa.org/sites/default/files/news/pdf/ENG_Final%20Communiqué_57th%20Summit_07092020.pdf (accessed 21 March 2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2020g) Communiqué: Mission du Président de la Conférence des Chefs d'Etats et des Gouvernements de la CEDEAO au Mali [Communiqué: Mission of the President of the Authority of Heads of State and Government of ECOWAS to Mali], 12 October. Available at: <https://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2020/10/Fr-Communiqué-Visite-Chair-in-Mali-Oct-11-CEDEAO.pdf> (accessed 01 September 2022).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2021a) Communiqué of the ECOWAS Mediation Mission to Mali. 7 September. Available at: <https://reliefweb.int/report/mali/communique-ecowas-mediation-mission-mali> (accessed 14 March 2023)

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2021b) Communiqué Extraordinary Summit on the Political Situation in Mali, ACCRA, 30 May. Available at: <https://www.ecowas.int/communique-extraordinary-summit-on-the-political-situation-in-mali/> (accessed 21 March 2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2021c) ECOWAS: Final Communiqué of September 9, Heads of State Video Conference Meeting on Guinea. Available at: <https://www.africanstar.org/ecowas-final-communique-of-september-9-2021-heads-of-state-video-conference-meeting-on-guinea/> (accessed 21 March 2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2021d) Fifty - Ninth Ordinary Session of the Authority of Heads of State and Government. Final Communiqué. 19 June, Accra, Republic of Ghana. Available at: https://www.afdb.org/sites/default/files/documents/2021-06-20-uk_final_communique-venglish.pdf (accessed 21 March 2023).

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2021e) Fifty-Eighth Ordinary Session of the Authority of Heads of State and Government. Final communiqué, 23 January: https://unowas.unmissions.org/sites/default/files/communique_final_58th_ahsg_vf_0.pdf (accessed 14 March 2023)

Economic Community of West African States (ECOWAS) (2022) Final Communiqué: 4th Extraordinary Summit of the ECOWAS Authority of Heads of State and Government on the Political Situation in Mali, Accra, Republic of Ghana, 9 January. Available at: <https://reliefweb.int/report/mali/final-communique-4th-extraordinary-summit-ecowas-authority-heads-state-and-government> (accessed 21 March 2023).

European Union (2021) EU Imposes Restrictive Measures Against the Wagner Group. Council of the EU Press Release 929/21, 13 December. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/12/13/eu-imposes-restrictive-measures-against-the-wagner-group/pdf> (accessed 3 July 2022)

Filippov V.R. (2012) Tuaregi Mali: dolgij put' k miru [Tuareg Mali: A Long Way to Peace]. *Aziya i Afrika segodnya*, no 7 (660), pp. 42–8 (in Russian).

Filippov V.R. (2013) Vojna v Mali: ten' Elisejskogo dvorca [War in Mali: Shadow of the Elysee Palace]. *Mezhdunarodnaya zhizn*, no 4, pp. 35–56. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/848> (accessed 16 February 2023) (in Russian).

Filippov V.R. (2021) Politicheskij krizis 2020–2021 godov v Mali [Political Crisis of 2020–2021 in Mali]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki*, no 3(56), pp. 42–55. Available at: <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2021-56-3-42-55> (in Russian).

Glaser A. (2016) Arrogant comme un français en Afrique [Arrogant Like a Frenchman in Africa]. Fayard (in French).

Government of the Republic of Mali (2020) Décret N°2020-0072/PT-RM du 1er Octobre 2020 portant promulgation de la charte de la transition [Decree No 2020.0072/PT.RM of 1 October 2020 Promulgating the Transition Charter]. Journal Officiel de la République du Mali, special no 17. Available at: <https://sgg-mali.ml/JO/2020/mali-jo-2020-17-sp.pdf> (accessed 16 February 2023) (in French).

Government of the Republic of Mali (2021a) Plan d'action du gouvernement de transition, 2021–2022 [Plan of Action of the Transitional Government, 2021–2022]. Primature, Cabinet of the Prime Minister. Available at: https://primature.ml/wp-content/uploads/2021/09/PAG-21-22-TRANSITION-V2-2021-07-26-Bon_Compressed.pdf (accessed 3 July 2022) (in French).

Government of the Republic of Mali (2021b) Termes de reference des assises nationales de la refondation (A.N.R.) [Terms of Reference for the National Conferences for Refoundation (A.N.R.)]. Ministry of State Refoundation, 20 October. Available at: <https://ambamali.ca/wp-content/uploads/2021/12/Tdrs-ANRs-Version-valid%C2%AE%EF%B8%8Fe-au-Conseil-des-Ministres-du-20-Octobre-2021-1.pdf> (accessed 23 June 2022) (in French).

IRIS (2021) Le Mali et le repositionnement militaire français [Mali and the French Military Repositioning] // Analyses (Institut de Relations Internationales et Stratégiques, IRIS). 21 October. Available at: <https://www.iris-france.org/161974-le-mali-et-le-repositionnement-militaire-francais/> (accessed 3 July 2022) (in French).

Lachica A. (2021) Revisiting the Rwandan Genocide: Reflections on the France-Led Humanitarian Intervention. *Geopolitics Quarterly*, vol. 16, no 4, pp. 101–15. Available at: <https://dorl.net/dor/20.1001.1.17354331.1399.16.60.5.7>.

Lazutin L.A., Likhachev M.A. (2020) Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo. Vojna, pamyat', spravedlivost' (yuridicheskie i istoricheskie aspekty) [*International Humanitarian Law: War, Memory, Justice (Legal and Historical Aspects)*]. Moscow: Yurayt (in Russian).

Le Point (2022) L'Europe prépare des sanctions contre la junte malienne (Le Drian) [Europe Is Preparing Sanctions Against the Malian Junta (Le Drian)]. 12 January. Available at: https://www.lepoint.fr/societe/l-europe-prepare-des-sanctions-contre-la-junte-malienne-le-drian-12-01-2022-2460278_23.php#11 (accessed 16 February 2023) (in French).

Magadeev I. (2022) Multilateralism as Forced Necessity? Evolution of the French Policy in Sub-Saharan Africa: Continuity and Change. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 1, pp. 114–28. Available at: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-01-05>.

Mezyaev A. (2005) “Mezhdunarodnye sudy” i Afrika [“International Courts” and Africa]. *Aziya i Afrika segodnya*, no 11(580), pp. 14–8 (in Russian).

Migani G. (2012) Sékou Touré et la contestation de l'ordre colonial en Afrique sub-saharienne, 1958–1963 [Sékou Touré and the Contestation of the Colonial Order in Sub-Saharan Africa, 1958–1963]. *Monde(s)*, no 2, pp. 257–73. Available at: <https://www.cairn.info/revue-mondes1-2012-2-page-257.htm> (accessed 19 September 2022) (in French).

Perelman M., Alexandre F. (2021) Florence Parly: la présence du groupe Wagner au Mali serait “inacceptable” [Florence Parly: The Presence of the Wagner Group in Mali Would Be “Unacceptable”]. *L'Entretien*, 6 December. Available at: <https://www.france24.com/fr/%C3%A9missions/l-entretien/20211206-florence-parly-la-pr%C3%A9sence-du-groupe-wagner-au-mali-serait-inacceptable> (accessed 3 July 2022) (in French).

Strakes E.J. (2016) A Political Geographic Analysis of Developing State Systems. *Geopolitics Quarterly*, vol. 11, issue 40, pp. 61–84. Available at: <https://dorl.net/dor/20.1001.1.17354331.1394.11.40.3.0>.

Tolstykh V.L. (2021) Praktikum po mezhdunarodnomu pravu [*Workshop on International Law*]. Moscow: International Relations (in Russian).

United Nations (UN) (2013) Security Council Security Council Establishes Peacekeeping Force for Mali Effective 1 July, Unanimously Adopting Resolution 2100 (2013). Security Council Meetings Coverage SC/10987, 25 April. Available at: <https://www.un.org/press/en/2013/sc10987.doc.htm> (accessed 3 July 2022).

United Nations (UN) (2020) The UN Secretary-General Has Appealed for Calm in Mali, Following Protests in the Capital, Bamako, on Friday. UN News, 20 June. Available at: <https://news.un.org/en/story/2020/06/1066762> (accessed 22 August 2022).

Развитие концепции климатического клуба: от теории к практике (аналитический обзор)¹

И.М. Попова

Попова Ирина Максимовна — н.с. Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Россия, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; popova-im@ranepa.ru

Аннотация

Концепция «климатического клуба» была представлена исследователями как попытка обеспечить прогресс в достижении Парижских целей через принятие более амбициозных целей и ограничительных мер, включая ценообразование на углерод, группой стран, желательных отвечающих за большую долю мировых выбросов парниковых газов. Теоретические модели практически нереализуемы, поэтому предпринимались попытки разработать конфигурации клубов, которые учитывали бы политические, экономические и институциональные реалии. В том числе на основании этого пласта работ были на официальном уровне представлены первые концепции клубов. Они отличаются по условиям членства, уровням гармонизации политики, амбициозности целей, способам наказания неприсоединившихся. Попытки учесть интересы стран с разным уровнем развития и проработанности климатической политики, а также готовность вводить новые ограничительные меры приводят к ослаблению институциональной структуры, снижению эффективности. Однако в некоторых аспектах сотрудничество все-таки может развиваться для обеспечения снижения выбросов. Главным таким аспектом, по-видимому, станет гармонизация стандартов.

Ключевые слова: климатический клуб, борьба с изменением климата, «Группа семи», «Группа двадцати», теория клубных благ, углеродное регулирование, ценообразование на углерод

Благодарности: обзор подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Попова И.М. Развитие концепции климатического клуба: от теории к практике (аналитический обзор) // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 1. С. 190–203 (на русском языке). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-08

Введение

В отсутствие осязаемого прогресса в достижении целей Парижского соглашения по климату идея о необходимости создания клуба стран с более амбициозной климатической политикой, изначально разрабатывавшаяся исключительно в экспертно-акаде-

---

¹ Обзор поступил в редакцию 31.01.2023.

мическом сообществе, постепенно начала получать реальное политическое и институциональное наполнение. Впервые на официальном уровне с предложением создать климатический клуб выступила Германия как председатель «Группы семи» в 2022 г. На данный момент концепция клуба переместилась в аутрич-форматы и продолжает прорабатываться и продвигаться в рамках экспертного взаимодействия как в «семерке», так и в «двадцатке». Видение того, какой должна быть конфигурация клуба, было представлено европейским экспертно-аналитическим сообществом при участии коллег из других стран — членов «Группы семи». От лица развивающихся стран группой исследователей для «Экспертной двадцатки» под председательством Индии в 2023 г. был подготовлен доклад о создании Глобального климатического альянса за ускорение действий в области климата. Следует отметить, что финансирование обоих докладов осуществлялось из немецких фондов.

Концепция климатического клуба в теоретических исследованиях

Самая известная теоретическая модель климатического клуба была представлена Уильямом Нордхаусом в 2015 г. в его статье «Климатические клубы: преодоление проблемы безбилетника в международной климатической политике». Модель Нордхауса основана на изучаемой в институциональной экономике теории клубных благ [Buchanan, 1965]. Основными характеристиками эффективного клуба являются: наличие общественного блага, которое становится доступным членам; выгоды участия с учетом издержек от вступительного взноса; возможность исключения или наказания нечленов при относительно небольших издержках для членов; и стабильность членства в клубе, обеспечиваемая потерей выгоды после выхода. Сам Нордхаус подчеркивает, что его модель теоретическая, поэтому на практике в чистом виде реализована быть не может. Клуб — это соглашение стран-участниц о совместном скоординированном сокращении выбросов. Главный инструмент сокращения выбросов — установленный уровень цены на углерод. Например, в расчетах Нордхауса, на момент публикации работы, страны могли договориться о том, что каждая из них будет проводить политику, обеспечивающую минимальную внутреннюю цену на углерод в размере 25 долл. за тонну. Члены клуба могут сами выбрать подходящий им инструмент ценообразования. Главная часть клубного механизма заключается в том, что неприсоединившиеся наказываются и тем самым стимулируются к вступлению. Штраф, по Нордхаусу, представляет единые процентные тарифы на импорт неучастников в члены клуба (фактически трансграничные углеродные корректировки). Его расчеты показали, что относительно низкая тарифная ставка будет стимулировать высокий уровень участия до тех пор, пока международная целевая цена на углерод не достигнет 50 долл. за тонну.

После этого появилось большое количество предложений по созданию клубов, однако нет согласия относительно их характера и цели, а также того, что их отличает. Фактически различия касаются необходимого числа участников клуба, основной цели, принципов работы, юридической силы и отношения к климатическому режиму ООН. На менее амбициозном конце спектра находятся те концепции, которые включают любой международный форум с неуниверсальным членством, направленный просто на развитие диалога и сотрудничества (например, [Novi et al., 2019]). Более требовательные модели предусматривают, что страны ведут переговоры о юридически обязательных мерах по смягчению последствий изменения климата и обеспечивают их выполнение с помощью механизмов санкций (например, [Nordhaus, 2015; Paroussos et al., 2019;

van den Bergh et al., 2020)). В то же время другие модели фокусируются на секторальных подходах, направленных на определенные отрасли [Banks, Fitzgerald, 2020; Kulovesi, 2012], или многоуровневых клубах с участием субнациональных субъектов [Martin, van den Bergh, 2019].

Фолкнер и его коллеги суммируют существующие модели и предлагают три идеальных типа климатических клубов [Falkner, Nasiritousi, Reischl, 2021]:

- 1) нормативные клубы, состоящие из стран, которые принимают на себя нормативные обязательства по достижению определенных целей климатической политики;
- 2) переговорные клубы, которые способствуют более эффективным переговорам о целях, мерах и правилах смягчения последствий изменения климата между значительными державами;
- 3) трансформационные клубы, с юридически обязательными правилами членства, ощутимыми преимуществами клуба и механизмами санкций, которые стремятся изменить структуру стимулов избранной группы членов.

Таким образом, исследователи стараются представить новые концепции клубов, приближенные к реальности и практической реализации, отойти от теории и разработать реалистичную модель. На основании их работы были осуществлены первые попытки представить проекты клубов, имеющие конкретные институциональные и политические рамки.

В целом три рассматриваемых предложения можно соотнести с представленной Фолкнером и его коллегами классификацией. Конфигурация, представленная Германией в 2022 г. как председателем «семерки», несмотря на размытость и отсутствие конкретных институциональных очертаний, по типу целеполагания, безусловно, относится к трансформационному типу клубов. Предложение Лондонской школы экономики можно отнести к переговорному типу клуба, а проект, представленный для «Экспертной двадцатки», находится на стыке нормативного и переговорного типов.

Концепция климатического клуба, представленная немецким председательством в «Группе семи»

Стремление «Группы семи» усилить климатическое регулирование через фискальные и другие ограничительные меры и обеспечить согласованность для недопущения проблемы безбилетника формализовалось в идее создания климатического клуба. Германия как председатель «Группы семи» в 2022 г. включила создание такого клуба с ядром из членов «семерки» и приглашением членов «двадцатки» в повестку института. Цель климатического клуба — ускорить реализацию Парижского соглашения по климату через общие стандарты выбросов, согласованные механизмы ценообразования и методы борьбы с утечкой, а также поддержку стран, готовых реализовывать более амбициозную климатическую политику.

28 июня 2022 г. в Эльмау лидеры «семерки» приняли специальное заявление о создании климатического клуба. Оно не обозначило четко конфигурацию клуба, его участников, условия вступления или планируемые для регулирования сферы. Однако некоторые параметры стали более очевидными, чем раньше.

Во-первых, согласно заявлению, конкретное предложение по клубу должно было быть представлено до конца 2022 г. Предполагалось провести обсуждение проекта в более формализованном виде на саммите «Группы двадцати» в Индонезии осенью того

же года [G7, 2022]. Однако до конца немецкого председательства никакие, даже предварительные, решения по клубу приняты не были.

Кроме того, предполагалось, что задача по проработке окончательных очертаний клуба будет делегирована МВФ, ВТО, МЭА, Всемирному банку, а также ОЭСР. Заявление приветствует запуск Инклюзивного форума ОЭСР по подходам к снижению выбросов углекислого газа. Эта инициатива была принята в июне 2022 г. и заработала к концу года. Форум опирается на успех процесса в рамках ОЭСР и «Группы двадцати», который привел к заключению исторического международного налогового соглашения. Он должен оценить и представить отчет о сравнительных усилиях, затратах и воздействии различных политических подходов, охватывающих широкий спектр мер по явному и неявному ценообразованию на углерод. Форум призван помочь в принятии более взвешенных решений и со временем должен обеспечить надлежащий амбициозный, согласованный на многосторонней основе и более согласованный на глобальном уровне подход к действиям в области климата [Cormann, 2022].

Анализ других документов саммита в Эльмау (текста декларации лидеров, заявления «Объединение усилий для ускорения чистого и справедливого перехода к климатической нейтральности», а также принятого в мае коммюнике министров энергетики) показал, что основными направлениями для сотрудничества в климатическом клубе должны были стать углеродные рынки и ценообразование на углерод, связанные с ними утечки и способы борьбы с ними, а также партнерства по справедливому энергетическому переходу, в рамках которых развивающиеся страны получают зеленое финансирование, трансфер технологий и общее содействие в декарбонизации в обмен на принятие более жестких ограничительных мер. В таких партнерствах изъявили желание участвовать Аргентина, Индонезия, Сенегал, а также партнеры России по БРИКС – Индия и ЮАР.

Доклад экспертного сообщества представителей членов «Группы семи»

В октябре 2022 г. состоялась презентация доклада «Сотрудничество и реализация климатических действий через Климатический клуб», подготовленного экспертным сообществом во главе с Лондонской школой экономики для «Группы семи» [Stern, Lankes, 2022]. Авторы подчеркивают, что исследование является независимым, однако в процессе его проведения осуществлялись консультации с официальными представителями членов «семерки». В докладе рассматриваются основные характеристики возможного клуба, его необходимые структурные элементы, потенциальные принципы, трудности и преимущества создания. Авторы сразу отмечают, что саму концепцию клуба нельзя признать удачной: клуб предполагает ограниченное по числу участников и эксклюзивное членство, а также четко определенные выгоды от участия, гарантируемые конкретными строгими ограничениями для неучастников. Климатическое сотрудничество должно быть инклюзивным и доступным для всех желающих для достижения всеобщего блага. Поэтому предлагается заменить «клуб» на другое понятие, например, «альянс».

Сотрудничество в клубе (авторы продолжают использовать этот термин, так как именно им пользуется «семерка») должно строиться вокруг трех главных опор.

1. *Создание партнерств для реализации совместных амбиций.* Этот компонент взаимодействия предполагает наращивание потенциала, трансфер и обмен технологиями, вопросы финансирования, актуальные и важные для развивающихся стран.

Кроме того, ключевой рабочей программой в рамках этого компонента будет оценка прогресса и возникающих проблем при разработке и реализации долгосрочных стратегий и дорожных карт. Клуб должен стремиться повысить амбициозность целей и ускорить реализацию, избегая при этом дублирования или прерыва других процессов, особенно в РКК ООН.

2. *Решение проблем, связанных с различиями в проводимой политике.* Каждый член клуба будет иметь свой собственный набор мер декарбонизации экономики, невозможно ожидать серьезной гармонизации в этой сфере. Поэтому вторая опора клуба включает решение проблем и разногласий, которые могут возникать из-за различий в проводимой политике. Сотрудничество по вопросам углеродных корректировок и соответствия различных мер нормам ВТО станет главным приоритетом для второй опоры клуба. Этот аспект взаимодействия особенно важен для ЕС, а также тех стран, которые готовы усиливать климатическое регулирование, но будут стремиться решить проблему безбилетника в целом и утечек в частности.

3. *Обеспечение гармонизации на уровне отдельных секторов.* Наконец, третья опора клуба предполагает разработку единых стандартов для конкретных отраслей, предпочтительно наиболее углеродоемких и одновременно подверженных рискам утечки. Единые стандарты могут упростить международную торговлю между членами. Развитым странам, особенно ЕС с его глубоко проработанной и разветвленной системой требований для продукции на рынке вне зависимости от происхождения, стандарты могут гарантировать использование именно их технологий как наиболее развитых. Развивающиеся страны могут увеличить приток инвестиций в свои предприятия для производства технологий на их территории также за счет введения стандартов.

Членство в клубе должно определяться готовностью принимать конкретные количественные амбициозные цели по декарбонизации экономики. Помимо членов «семерки» в состав участников важно включить основных эмитентов, в том числе КНР и Индию. Но, в соответствии с принципом инклюзивности, авторы доклада не отказывались от возможности включения всех желающих и готовых к сотрудничеству, без оценки их вклада в общие выбросы.

Таким образом, идея создания климатического клуба только членами «семерки» изначально не имела смысла. Им не удалось за один год пройти путь от идеи до создания клуба, прийти к консенсусу внутри себя и убедить других партнеров. Но от идеи не отказались, а перевели ее разработку и продвижение в аутрич-форматы, преимущественно на уровне экспертного сообщества, включая Т7 и Т20. С учетом последовательности председательств развивающихся стран в «двадцатке», их роль и влияние на повестку и конфигурацию клуба могут оказаться определяющими, если его будут развивать на базе объединения.

Доклад, отражающий позицию развивающихся стран

Основной приоритет развивающихся стран заключается в получении финансирования на осуществление энергетического перехода и реализацию политики декарбонизации. На вводной конференции «Экспертной двадцатки» был представлен доклад «Глобальный климатический альянс за ускорение действий в области климата», который описывает возможную конфигурацию клуба, отвечающую интересам развивающихся экономик [Konrad-Adenauer-Stiftung, 2023]. Большинство авторов доклада представляют страну — председателя в «Группе двадцати» в 2023 г. — Индию, но среди авторов есть также члены европейского экспертно-академического сообщества. Некоторые из них

принимали участие в работе над докладом для «семерки». Авторы отмечают, что инициатива опирается на предложение «семерки».

Главным принципом, который лежит в основе предложенного альянса, является общая, но дифференцированная ответственность. То есть предполагается, что страны глобального Севера должны обеспечить финансирование климатического перехода для стран глобального Юга. Соответствующие двум группам стран обязательства также будут различаться по уровню амбициозности. Члены альянса будут разделены на две группы: *A* и *B*. Члены группы *A* (преимущественно развивающиеся страны, или, как они названы в докладе, «страны глобального Юга») обязуются принять долгосрочную цель по чистым нулевым выбросам, начать проводить политику значительного сокращения выбросов ПГ с 2030 г. и достичь углеродной нейтральности к 2060–2070 гг. Члены группы *B* (страны глобального Севера) обязуются уже с 2025 г. проводить активную политику декарбонизации и достижения углеродной нейтральности к 2050 г., которая приведет к преобразующим результатам в ключевых секторах, выраженных в количественных показателях. Они могут включать долю возобновляемых источников энергии, долю общественного транспорта и транспорта без использования ископаемого топлива, число энергоэффективных зданий с низкими выбросами, показатели эффективности использования материалов и долю вторичной переработки, а также производство материалов с почти нулевыми выбросами. Все члены клуба в рамках обеспечения исполнения принятых обязательств должны будут принять соответствующие национальные нормативно-правовые акты, закрепляющие конкретные количественные цели по декарбонизации секторов экономики, с разбивкой по десятилетиям.

Страны глобального Севера обязуются вносить средства в пул климатического финансирования, который будет управляться существующим глобальным институтом (в том числе Всемирным банком или МВФ). Средства могут быть получены с помощью различных объективных и четко определенных инструментов, таких как программы налогообложения выбросов углерода, перенаправление СДР или помощи по линии ОПР. Страны глобального Юга будут получателями различных видов финансирования и технологических потоков в зависимости от амбициозности их обязательств по трансформации. Страны глобального Юга, взявшие на себя обязательства по достижению более амбициозных целей трансформации, получают значительный грантовый капитал для достижения этих целей. Страны могут присоединиться к любой из двух групп — они должны сами решить, по какому пути преобразований хотят следовать.

Для решения проблем адаптации к изменению климата альянс предлагает усилить значительные ежегодные финансовые потоки для стран глобального Юга в рамках многочисленных инициатив, таких как:

- программы перехода к справедливой энергетике, чтобы помочь странам глобального Юга, входящим в Группу *B*, быстро перейти к нулевому уровню энергопотребления к 2050 г.;
- Фонд климатических инноваций — для проведения климатических исследований и финансирования исследовательских стипендий;
- Фонд устойчивости к изменению климата — для оказания помощи в ликвидации последствий климатических бедствий и повышения устойчивости.

Для удовлетворения потребностей в смягчении последствий изменения климата альянс предлагает внедрение в странах глобального Юга финансовых стандартов и инструментов, направленных на привлечение климатических инвестиций со стороны институциональных инвесторов. В качестве возможных инструментов обозначены:

- стандартизированная зеленая таксономия и стандарты отчетности для обеспечения глобальной последовательности и прозрачности климатических инвестиций;

Таблица 1. Основные характеристики трех инициатив по созданию климатического клуба/альянса

Характеристика	Предложение немецкого председательства в «Группе семи»	Сотрудничество и реализация климатических действий через Климатический клуб	Глобальный климатический альянс за ускорение действий в области климата
Главная цель	Борьба с углеродными утечками и сохранение конкурентоспособности промышленности	Ускорить реализацию Парижского соглашения через общие стандарты, устранение трений между национальными политиками, а также финансирование развивающихся стран, готовых принять более амбициозные цели	Повысить амбициозность климатических целей основных эмитентов и обеспечить финансирование декарбонизации в развивающихся странах
Условия членства	Принятие амбициозных климатических целей, готовность к сотрудничеству и принятию ограничительных мер	Принятие амбициозных климатических целей и готовность к сотрудничеству	Принятие амбициозных климатических целей, фиксация их в национальном законодательстве
Охват	Основные эмитенты	Желаательно — главные эмитенты, но могут быть все желающие	Все желающие, с ядром из основных членов «двадцатки»
Внутренняя организация	—	Три опоры: — финансирование, трансфер технологий, согласование политики; — устранение разногласий из-за различий во внутренней политике; — отраслевое сотрудничество и разработка стандартов для углеродоемких отраслей	Две группы стран: <i>А</i> и <i>В</i> . Страны группы <i>А</i> начинают снижение выбросов с 2030 г. и выходят на углеродную нейтральность к 2060—2070 гг. Страны группы <i>В</i> сокращают выбросы с 2025 г., добиваются углеродной нейтральности к 2050 г. или раньше, принимают конкретные трансформационные целевые показатели. Страны глобального Севера финансируют декарбонизацию стран юга. Чем выше амбициозность страны глобального Юга, тем больше финансирования она получает
Приоритетность ценообразования	Высокая	Низкая	Отсутствует
Инструменты для борьбы с безбилетниками	Принятие корректировок для нечленов	Будут разработаны в процессе сотрудничества по второй опоре	Не прописаны
Что обеспечивает исполнение обязательств	Необходимость реализации согласованных мер внутри, трансграничные корректировки	Необходимость исполнения обязательств для получения финансирования и технологий	Внесение климатических целей в национальное законодательство

Характеристика	Предложение немецкого председательства в «Группе семи»	Сотрудничество и реализация климатических действий через Климатический клуб	Глобальный климатический альянс за ускорение действий в области климата
Институциональная организация	–	Сопредседатели, один от развитой, другой от развивающейся страны. Постоянные и специальные рабочие группы, которые фокусируются на конкретных вопросах. Институциональные партнеры, опирающиеся на партнерские отношения, установленные «двадцаткой» и CoFM, но также распространяющиеся на академические институты и научные организации. Секретариат, набранный из представителей соответствующих международных институтов, но организационно независимый от них. Собственность стран в целом, а не отдельных департаментов в национальных администрациях, со спонсорством на высшем уровне	Секретариат. Рабочие группы для сотрудничества в конкретных отраслях. Агентство по реализации для обеспечения мониторинга, отчетности и соответствия. Комитет для содействия предоставлению финансовой помощи
Добавленная стоимость	Повышение амбиций основных эмитентов, принятие ими более жестких ограничительных мер	Регулирование различий в амбициях климатической политики в краткосрочной перспективе, одновременное стремление к выравниванию жесткости политики членов, что делает ненужными меры по борьбе с утечками в долгосрочной перспективе	При условии эффективного функционирования – увеличение финансовых потоков в декарбонизацию развивающихся стран, повышение эффективности существующих финансовых инструментов
Преимущества для развитых стран	Предотвращение утечек	Снижение риска утечек, преимущество для компаний в случае принятия новых стандартов	Фактически не прописаны
Преимущества для развивающихся стран	Получение финансирования и технологий, но только в обмен на серьезные изменения в политике декарбонизации	Получение финансирования и технологий, стандартизация делает инвестирование в их энергопереход более привлекательным	Получение финансирования для декарбонизации
Потенциальный эффект	Высокий для достижения Парижских целей, если удастся договориться с главными эмитентами: высокий для стран с развитым регулированием; неопределенный для развивающихся стран из-за обусловленности получения финансирования	Ограниченный для достижения Парижских целей и всех участников	Потенциально высокий для достижения Парижских целей и развивающихся стран, низкий для развитых

- долгосрочные своп-линии валютного хеджирования, доступные по мере необходимости для обмена валют стран глобального Юга на валюты стран глобального Севера по фиксированным ставкам амортизации;
- кредитные гарантии для защиты от потерь капитала и рисков платежей;
- климатический страховой пул для покрытия катастрофических климатических событий;
- климатический фонд для ежегодного размещения средств в фонды прямых инвестиций и венчурного капитала стран глобального Юга.

Авторы также подчеркивают, что альянс не должен выступать в качестве платформы для подписания какого-либо глобального договора. Скорее, он должен способствовать заключению странами долгосрочных двусторонних соглашений.

Управление и соблюдение условий функционирования альянса должны обеспечиваться постоянным секретариатом. Деятельность альянса также будет осуществляться по нескольким направлениям, в том числе партнерствам по ключевым секторам, агентства по реализации для обеспечения мониторинга, отчетности и соответствия. Предлагается создать специальный комитет для содействия предоставлению финансовой помощи. Доклад предполагает, что альянс должен быть немедленно инициирован основной группой членов «двадцатки», при этом членство в нем останется открытым для всех стран.

Как и в инициативе, представленной для «семерки», в альянсе важную роль будут играть секторальное сотрудничество и гармонизация стандартов для определенных отраслей, но только «в областях, где это взаимовыгодно, причем с минимальными дополнительными затратами». В основном речь идет (так же, как и в предыдущем докладе) об углеродоемких отраслях, подверженных утечкам (металлургия, цемент, удобрения, транспорт). Необходимость гармонизации обусловлена тем, что устранение различий в нормативно-правовом регулировании между странами снижает транзакционные издержки, связанные с ведением бизнеса через границы. Согласование стандартов обеспечивает «политическую определенность» для рынков, позволяя им исключить этот риск из своих расчетов затрат.

В Резюме доклада отмечается, что «структура альянса должна обеспечить сильные финансовые стимулы для стран глобального Юга и Севера для сотрудничества на взаимовыгодной основе, одновременно предотвращая утечку углерода странами-нечленами». Однако в самом тексте доклада не приводятся возможные меры воздействия на страны, не являющиеся членами альянса. Также в нем отмечается, что «существующие институты должны быть реструктурированы и укреплены, чтобы обеспечить огромные финансовые и технологические потоки, которые потребуются для ускорения действий по борьбе с изменением климата», но конкретные предложения по реформе институтов также не представлены.

Ограничения представленных конфигураций клуба

Предложение немецкого председательства в «семерке» не ушло дальше концепции. Его идеи максимально близки к теоретическим моделям клуба, которые предполагают ценообразование, его координацию и проработанные меры для ограничения проблемы безбилетника через углеродные корректировки. Такая конфигурация максимально эффективна с точки зрения достижения Парижских целей, но вряд ли реализуема на практике.

Работы экспертного сообщества, которому фактически было поручено представить более реалистичную модель, далеки от трансформационных клубов, зато пытаются

ся предложить реальные условия для вступления и достижения положительных эффектов клубного блага. С точки зрения теоретической науки ни одно из двух предложений экспертного сообщества, по сути, уже не является клубом в строгом определении, поэтому логичным было смещение акцентов и представление инициативы под брендом альянса. Обе инициативы не прописывают подробно, какими будут инструменты защиты членов альянса от действий тех, кто к нему не присоединится, слишком размыто формулируют условия членства, а также практически не останавливаются на вопросах обеспечения исполнения принятых обязательств, от которого, по идее, должны зависеть получаемые выгоды, то есть не создают желаемые клубные блага. Анализ европейских авторов можно охарактеризовать как более взвешенный. Они пытаются предложить выгоды как развитым, так и развивающимся странам. Инициатива по созданию альянса практически не касается преимуществ для развитых стран, которые при этом обязуются предоставлять значительные объемы финансирования. Доклад активно продвигает идею “net zero = net positive” для развивающихся стран, однако не демонстрирует экономические выгоды для развитых стран от предоставления таких объемов финансовых ресурсов. Кроме того, альянс в качестве гарантий реальной декарбонизации предполагает только законодательную часть процесса реализации политики. Контроль над фактической имплементацией принятых норм не предусматривается, и сложно представить его в каком-то другом виде, кроме самоотчетности членов. Это будет обострять проблему доверия к предоставляемым данным.

Также обе инициативы подчеркивают, что клуб/альянс не должен становиться альтернативой процессу, который идет в рамках РКИК ООН, не призван обеспечить принятие каких-то юридически обязывающих международных договоров для всех членов, желательно должен быть вписан в уже существующие форматы взаимодействия с созданием секретариата. Поэтому возникает вопрос о добавленной ценности, которую мог бы дать клуб. В условиях неясных механизмов комплаенса, без прописанных инструментов ограничений для нечленов основными функциями станут координация и экспертное сопровождение. Неочевидно, зачем создавать новый институт, когда другие могут выполнять эти функции.

Единственным направлением сотрудничества, которое более четко и очень схоже прописывают обе инициативы, стало сотрудничество в конкретных секторах и потенциальная разработка единых стандартов для ряда отраслей. Если членам альянса удастся согласовать такие единые стандарты, это приблизит его к созданию механизмов ограничения проблемы безбилетника со стороны неприсоединившихся. То есть, по всей видимости, готовность сближения стандартов является компромиссным пунктом для развитых и развивающихся стран.

Также оба доклада упоминают еще одну функцию альянса — просветительскую: новый институт должен закрепить представление о том, что декарбонизация и зеленый переход не являются синонимами замедления роста, а наоборот, могут обеспечить рост благосостояния и занятости при условии грамотной реализации политики.

Важно отметить, что больше всего заинтересованы в создании клуба ЕС и его члены, именно они продвигают эту идею, в то время как даже партнерам по «семерке» (Японии и США) пока не удалось продать эту идею. ЕС ужесточает климатическое регулирование, вводит новые стандарты и требования доступа на рынок, а также активно сотрудничает с развивающимися странами, в том числе предоставляя технологии и финансирование. Поэтому для него клуб будет сопряжен с наибольшими выгодами и меньшими издержками. Остальные крупные эмитенты пока не демонстрируют готовность внедрять ограничительные инструменты и предоставлять большие объемы финансирования другим странам. Индия, в свою очередь, заинтересована в привлече-

нии технологий, финансирования и развитии финансового рынка (инструментов зеленого финансирования).

Представляется, что конфигурация клуба в условиях постоянных уступок и стремления учесть интересы главных эмитентов будет становиться все более размытой, что снижает его потенциальную эффективность в достижении Парижских целей, одновременно снижаются и риски от неприсоединения или неисполнения обязательств.

Климатический клуб/альянс и интересы России

Обе конфигурации клуба/альянса отошли от изначального предложения немецкого председательства в «семерке», которое концентрировалось на введении ценообразования и механизмах борьбы с проблемой безбилетника. Инициативы значительно снижают как риски неприсоединения к клубу, так и издержки вступления. Главные преимущества в обеих инициативах для стран, которые пока не ввели ограничительные механизмы, включая ценообразование на углерод, заключаются в получении финансирования и технологий. На данный момент общая санкционная политика в отношении России делает невозможной извлечение этой выгоды от участия. Соответственно, вариант, представленный европейскими экспертами, сопряжен с большими издержками: членство требует принятия амбициозных целей и внедрения ограничительных мер в обмен на финансирование, которое получить невозможно.

Если в «двадцатке» развивающиеся страны примут как основной вариант альянса в представленной конфигурации, Россия может рассмотреть вариант вступления, так как он будет сопряжен с меньшими издержками. Если брать показатели Стратегии социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов (не принимать более амбициозных целей), то Россия может выбрать присоединение к группе А, принадлежность к которой означает начало сокращения выбросов с 2030 г. (что совпадает со сроками, указанными в Стратегии). Однако все равно придется принимать количественные цели с разбивкой по десятилетиям и конкретным секторам. Получить финансирование вряд ли удастся до изменения геополитической ситуации, однако имиджево вступление в альянс, инициированный развивающимися странами, может принести ряд преимуществ, так как будет означать солидарность и готовность России быть ответственным актором в сфере борьбы с изменением климата.

Главным риском для интересов России в обеих конфигурациях клуба/альянса является стремление согласовывать единые стандарты для углеродоемких отраслей, подверженных риску утечки. Металлы (сталь, алюминий), удобрения, цемент являются важными продуктами для экспорта России. Согласование стандартов для этих секторов и введение не только европейскими странами, но и другими важными партнерами (Индия, Китай, Турция) сделает обязательным соответствие требованиям вне зависимости от членства в клубе. Поэтому для России в случае неизбежности образования клуба/альянса предпочтительным был бы вариант, представленный для «Экспертной двадцатки» в Индии. Ведущие представители соответствующих отраслей могли бы принимать участие в разработке стандартов.

Список источников

Banks G.D., Fitzgerald T. (2020) A Sectoral Approach Allows an Artful Merger of Climate and Trade Policy // *Climatic Change*. Vol. 162. P. 165–173. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s10584-020-02822-2>.

Buchanan J.M. (1965) An Economic Theory of Clubs // *Economica*. New Series. Vol. 32. No. 125. P. 1–14. Режим доступа: <https://doi.org/10.2307/2552442>.

Cormann M. (2022) 2022 IMF and World Bank Spring Meetings: Written Statement to the International Monetary Fund Committee. Режим доступа: <https://www.pftac.org/content/dam/imf/Spring-Annual%20Meetings/SM22/IMFCStatePub/IMFC-S-45-22-14%20-%20Stmt.%20-%20Mr.%20%20Cormann%20-%20OECD.pdf> (дата обращения: 31.01.2023).

Falkner R., Nasiritousi N., Reischl G. (2021) Climate Clubs: Politically Feasible and Desirable? // *Climate Policy*. Vol. 22. Issue 4. P. 480–487. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/14693062.2021.1967717>.

Group of 7 (G7) (2022) Statement on Climate Club. Elmau, 28 June. Режим доступа: <https://www.g7germany.de/resource/blob/974430/2057926/2a7cd9f10213a481924492942dd660a1/2022-06-28-g7-climate-club-data.pdf?download=1> (дата обращения: 31.01.2023).

Hovi J., Sprinz D.F., Sælen H., Underdal A. (2019) The Club Approach: A Gateway to Effective Climate Cooperation? // *British Journal of Political Science*. Vol. 49. Issue 3. P. 1071–1096. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/S0007123416000788>.

Konrad-Adenauer-Stiftung (2023) Global Climate Alliance for Accelerated Climate Action. Режим доступа: https://www.kas.de/documents/272317/12679622/GCA+HandBook_Web.pdf/ff05462d-2d85-c91c-4ec3-d5acb4855eba?version=1.0&t=1669195207841 (дата обращения: 31.01.2023).

Kulovesi K. (2012) Addressing Sectoral Emissions Outside the United Nations Framework Convention on Climate Change: What Roles for Multilateralism, Minilateralism and Unilateralism? // *Review of European Community & International Environmental Law*. Vol. 21. Issue 3. P. 193–203. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/reel.12005>.

Martin N., van den Bergh J.C. (2019) A Multi-Level Climate Club With National and Sub-National Members: Theory and Application to US States // *Environmental Research Letters*. Vol. 14. No. 12. P. 1240–1249. Режим доступа: <https://doi.org/10.1088/1748-9326/ab5045>.

Nordhaus W. (2015) Climate Clubs: Overcoming Free-Riding in International Climate Policy // *American Economic Review*. Vol. 105. No. 4. P. 1339–1370. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1257/aer.15000001>.

Paroussos L., Mandel A., Fragkiadakis K., Fragkos P., Hinkel J., Vrontisi Z. (2019) Climate Clubs and the Macro-Economic Benefits of International Cooperation on Climate Policy // *Nature Climate Change*. Vol. 9. P. 542–546. Режим доступа: <https://doi.org/10.1038/s41558-019-0501-1>.

Stern N., Lankes H.P. (2022) Collaborating and Delivering on Climate Action Through a Climate Club. An Independent Report to the G7, London School of Economics and Political Science. Режим доступа: <https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/wp-content/uploads/2022/10/Collaborating-and-delivering-on-climate-action-through-a-Climate-Club.pdf> (дата обращения: 31.01.2023).

van den Bergh J.C.J.M., Angelsen A., Baranzini A., Botzen W.J.W., Carattini S., Drews S., Dunlop T., Galbraith E., Gsottbauer E., Howarth R.B., Padilla E., Roca J., Schmidt R.C. (2020) A Dual-Track Transition to Global Carbon Pricing // *Climate Policy*. Vol. 20. Issue 9. P. 1057–1069. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/14693062.2020.1797618>.

Transformation of the Climate Club Concept: From Theory to Practice (Review)¹

I. Popova

Irina Popova – Researcher at the Center for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistsenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russia; im-popova@ranepa.ru

Abstract

The concept of a “climate club” has been presented by researchers as an attempt to ensure progress in the achievement of the Paris goals through the adoption of more ambitious targets and restrictive measures, including carbon pricing, by a group of countries, preferably those responsible for a larger share of global greenhouse gas emissions. Theoretical models are virtually impossible to implement in practice, so attempts have been made to develop club configurations that take into account political, economic and institutional realities. Based on this body of work, the first concepts of clubs that can be realistically implemented are presented. They differ in terms of membership conditions, levels of policy harmonization, ambitions of goals, and ways to punish free riders. Attempts to take into account the interests of countries with different levels of development and strength of climate policy, as well as willingness to introduce new restrictive measures, lead to weakening of the institutional structure and reduction of efficiency. However, some aspects of cooperation can still be developed to ensure the reduction of emissions, harmonization of standards being one of them.

Keywords: climate club, climate change, G7, G20, theory of club goods, carbon regulation, carbon pricing

Acknowledgments: the article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme.

For citation: Popova I. (2023) Transformation of the Climate Club Concept: From Theory to Practice (Review). *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 1, pp. 190–203 (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-08

References

- Banks G.D., Fitzgerald T. (2020) A Sectoral Approach Allows an Artful Merger of Climate and Trade Policy. *Climatic Change*, vol. 162, pp. 165–73. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10584-020-02822-2>.
- Buchanan J.M. (1965) An Economic Theory of Clubs. *Economica. New Series*, vol. 32, no 125, pp. 1–14. Available at: <https://doi.org/10.2307/2552442>.
- Cormann M. (2022) 2022 IMF and World Bank Spring Meetings: Written Statement to the International Monetary Fund Committee. Available at: <https://www.pftac.org/content/dam/imf/Spring-Annual%20Meetings/SM22/IMFCStatePub/IMFC-S-45-22-14%20-%20Stmt.%20-%20Mr.%20%20Cormann%20-%20OECD.pdf> (accessed 31 January 2023).
- Falkner R., Nasiritousi N., Reischl G. (2021) Climate Clubs: Politically Feasible and Desirable? *Climate Policy*, vol. 22, issue 4, pp. 480–7. Available at: <https://doi.org/10.1080/14693062.2021.1967717>.
- Group of 7 (G7) (2022) Statement on Climate Club. Elmau, 28 June. Available at: <https://www.g7germany.de/resource/blob/974430/2057926/2a7cd9f10213a481924492942dd660a1/2022-06-28-g7-climate-club-data.pdf?download=1> (accessed 31 January 2023).

---

¹ This review was submitted 31.01.2023.

Hovi J., Sprinz D.F., Sælen H., Underdal A. (2019) The Club Approach: A Gateway to Effective Climate Co-operation? *British Journal of Political Science*, vol. 49, issue 3, pp. 1071–96. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0007123416000788>.

Konrad-Adenauer-Stiftung (2023) Global Climate Alliance for Accelerated Climate Action. Available at: https://www.kas.de/documents/272317/12679622/GCA+HandBook_Web.pdf/ff05462d-2d85-c91c-4ec3-d5acb4855eba?version=1.0&t=1669195207841 (accessed 31 January 2023).

Kulovesi K. (2012) Addressing Sectoral Emissions Outside the United Nations Framework Convention on Climate Change: What Roles for Multilateralism, Minilateralism and Unilateralism? *Review of European Community & International Environmental Law*, vol. 21, issue 3, pp. 193–203. Available at: <https://doi.org/10.1111/reel.12005>.

Martin N., van den Bergh J.C. (2019) A Multi-Level Climate Club With National and Sub-National Members: Theory and Application to US States. *Environmental Research Letters*, vol. 14, no 12, pp. 1240–9. Available at: <https://doi.org/10.1088/1748-9326/ab5045>.

Nordhaus W. (2015) Climate Clubs: Overcoming Free-Riding in International Climate Policy. *American Economic Review*, vol. 105, no 4, pp. 1339–70. Available at: <http://dx.doi.org/10.1257/aer.15000001>.

Paroussos L., Mandel A., Fragkiadakis K., Fragkos P., Hinkel J., Vrontisi Z. (2019) Climate Clubs and the Macro-Economic Benefits of International Cooperation on Climate Policy. *Nature Climate Change*, vol. 9, pp. 542–6. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41558-019-0501-1>.

Stern N., Lankes H.P. (2022) Collaborating and Delivering on Climate Action Through a Climate Club. An Independent Report to the G7, London School of Economics and Political Science. Available at: <https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/wp-content/uploads/2022/10/Collaborating-and-delivering-on-climate-action-through-a-Climite-Club.pdf> (accessed 31 January 2023).

van den Bergh J.C.J.M., Angelsen A., Baranzini A., Botzen W.J.W., Carattini S., Drews S., Dunlop T., Galbraith E., Gsottbauer E., Howarth R.B., Padilla E., Roca J., Schmidt R.C. (2020) A Dual-Track Transition to Global Carbon Pricing. *Climate Policy*, vol. 20, issue 9, pp. 1057–69. Available at: <https://doi.org/10.1080/14693062.2020.1797618>.

Климатические риски и финансовая стабильность: роль центральных банков и выводы для России¹

П.А. Леваков, В.А. Баринаова, А.В. Полбин

Леваков Павел Александрович — н.с. Лаборатории исследования проблем устойчивого развития Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Россия, 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82; levakov-pa@ranepa.ru

Баринаова Вера Александровна — к.э.н., заведующая Лабораторией исследования проблем устойчивого развития Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Россия, 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82; barinova-va@ranepa.ru

Полбин Андрей Владимирович — к.э.н., директор Центра математического моделирования экономических процессов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Россия, 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82; заведующий Международной лабораторией математического моделирования Института Гайдара; Россия, 125009, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1; apolbin@ier.ru

Аннотация

Одной из ключевых проблем современности является изменение климата, происходящее беспрецедентными темпами. Этот процесс затрагивает в том числе финансовую систему. В ответ на возрастающие финансовые риски центральные банки по всему миру начинают активнее участвовать в климатической политике.

Авторы статьи на основе анализа современной научной литературы исследуют участие центральных банков в предотвращении изменения климата и стабилизации финансовой системы, а также оценивают эффективность проводимой ими политики. Также в статье определяются потенциальные каналы воздействия глобального потепления на финансовую систему, а затем при помощи анализа эмпирических свидетельств и математических моделей эта взаимосвязь подтверждается. Анализируется роль центральных банков в привлечении зеленых инвестиций. Рассматривается реакция центральных банков на изменение климата и дестабилизацию финансовой системы в развитых и развивающихся странах, проанализирована разница в используемых инструментах. Отмечается, что в настоящее время более активная климатическая политика проводится центральными банками развивающихся стран.

Наконец, с учетом международного опыта формируются рекомендации для Центрального банка Российской Федерации, так как Россия подвержена значительным переходным климатическим рискам. К ключевым рекомендациям можно отнести необходимость дифференциации стоимости залоговых активов и регуляторных требований по структуре портфелей активов финансовых организаций, в зависимости от риска снижения их стоимости из-за борьбы мирового сообщества с глобальным потеплением и климатических изменений.

---

¹ Обзор поступил в редакцию 10.10.2022.

Ключевые слова: центральный банк, изменение климата, финансовые риски, зеленые инвестиции, климатическая политика

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00126, <https://rscf.ru/project/21-18-00126/>.

Для цитирования: Леваков П.А., Барина В.А., Полбин А.В. Климатические риски и финансовая стабильность: роль центральных банков и выводы для России // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 1. С. 204–231 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-09

Введение

В настоящее время вопрос проведения эффективной климатической политики становится актуальным в связи с ускоряющимися темпами глобального потепления². Повышение температуры может привести к негативным экономическим последствиям, в частности вызвать сокращение реального ВВП. Изменение климата также затрагивает финансовый сектор, однако стоит отметить, что методология оценки характера данной взаимосвязи в настоящее время только начинает развиваться [Battiston et al., 2021]. Согласно [WEF, 2023], в перспективе десяти лет наиболее значимыми будут риски, связанные с изменением климата.

После финансового кризиса 2008 г. центральные банки в различных странах включили в свою зону ответственности поддержание стабильности финансового сектора с помощью ряда инструментов, среди которых надзор за платежной системой, публикация отчетов о финансовой стабильности, проведение стресс-тестов финансовой системы и контроль за финансовой стабильностью отдельных агентов [Smaga, 2013].

В области политики, направленной на предотвращение глобального потепления, центральные банки могут вводить дополнительные требования для финансовых организаций, подверженных климатическим рискам [Campiglio et al., 2018], осуществлять зеленое количественное и кредитное смягчение, заключающееся в предоставлении зеленым проектам необходимого объема кредитования по выгодным условиям и покупке центральным банком частных активов, сопряженных с зелеными проектами [McConnell et al., 2020]. Однако в научном сообществе нет единого мнения об эффективности конкретных инструментов проведения данной политики: они выбираются ситуативно с учетом установленных законодательных рамок и правил рыночной нейтральности.

Следует отметить, что климатическая политика в первую очередь связана с воздействием на изменение климата, но содержательно часто трактуется более широко – как воздействие на окружающую среду, что соответствует трактовке, используемой в рамках данной статьи. Такой же трактовки придерживаются многие центральные банки. Так, в рамках проведения климатической политики они могут предоставлять более выгодные условия для всех зеленых проектов и финансирующих их коммерческих банков, при этом не дифференцируя их содержательно. Это можно объяснить тем, что климат и экология тесно связаны между собой, в связи с чем в рамках настоящего исследования не возникает необходимости разделять их.

---

² В работе [Smith et al., 2015] показано, что климатическая система Земли в последнее время изменяется беспрецедентно высокими за последние 1000 лет темпами.

Цель исследования — оценить необходимость участия центральных банков в климатической политике и возможность использования ими различных инструментов в рамках этой политики. На основе проведенного анализа и с учетом намерения мирового сообщества осуществить переход к углеродно-нейтральной экономике будут сформулированы рекомендации для Центрального банка Российской Федерации (далее — Банка России) в условиях наличия климатических рисков. Основой для рекомендаций станут современные исследования, оценивающие взаимосвязь финансовых рисков с изменением климата и политикой по его предотвращению, а также анализ деятельности центральных банков за рубежом и инструментов, которые уже используются или потенциально могут быть использованы ими в рамках климатической политики.

Каналы влияния климатических рисков на финансовую стабильность

Изменение климата может привести к большому числу потерь в различных секторах экономики. Для мировой экономики годовые потери от изменения климата в долгосрочной перспективе оцениваются в триллионы долларов США [Kompas et al., 2018]. Источниками таких значительных потерь являются снижение производительности рабочей силы, деградация капитала и инфраструктуры вследствие природных катаклизмов, частота которых в последние десятилетия возрастает, а также повышения уровня мирового океана и затопления прибрежных участков суши, засухи и снижения эффективности производства сельскохозяйственных культур, роста заболеваемости и смертности (см., например, [Nordhaus, 2014]). По расчетам ООН [UN, 2021], совокупные издержки от катастроф, связанных с изменением климата, по состоянию на 2017 г. составляют 383 млн долл. США ежедневно. Также стоит отметить, что из десяти природных катаклизмов с наибольшими потерями в денежном эквиваленте семь произошли в последние 20 лет. Говард и Стернер на основе проведенного метаанализа различных оценок ущерба от глобального потепления дают оценку для величины ущерба в 10% от мирового ВВП при росте среднемировой температуры атмосферы на 3°C по сравнению с доиндустриальным уровнем [Howard, Sterner, 2017].

В свою очередь, изменение климата может привести к увеличению финансовых рисков и снижению стабильности финансовой системы. Как правило, в литературе выделяется несколько каналов влияния климатических изменений на финансовую систему (см., например, [Avril, Levieuge, Turcu 2021; Giuzio et al., 2019; Fabris, 2020]). Ключевым каналом воздействия является снижение стоимости активов у компаний или домохозяйств вследствие изменения климата и сопровождающих его природных катаклизмов. Это может происходить как напрямую из-за разрушений коммерческих и жилых зданий, а также инфраструктуры³, что попросту разрушает актив и, соответственно, его стоимость, так и косвенно за счет снижения дисконтированного денежного потока из-за снижения выручки или роста издержек производства. При рассмотрении природных катаклизмов эффект усиливается через разрушение цепочек поставок, важная роль которых показана, например, в работе [Carvalho et al., 2021] на основе количественной оценки последствий землетрясения 2011 г. в Японии. В частности, при

³ Если в качестве инфраструктуры рассматривать общественный капитал, то в рамках моделей с государственным капиталом в производственной функции (см., например, [Вагго, 1990]) при его разрушении будет снижаться производительность частного капитала, а также производительность прочих факторов, что приведет к снижению стоимости фирмы.

остановке производственной деятельности отдельной компании со специфическим технологическим процессом, которую сложно заменить в цепочке создания добавленной стоимости, снижается спрос на товары поставщиков данной компании. Это снижает их стоимость из-за снижения выручки. Также снижается предложение комплектов для вышестоящих фирм в производственной цепочке, что ведет к увеличению издержек производства и снижению стоимости данных фирм.

Если даже речь идет о планомерном воздействии глобального потепления на производительность того или иного фактора, а не о климатической катастрофе, то стоимость актива все равно может упасть достаточно резко. Например, осознание экономическими агентами того, что некоторый участок земли в обозримом будущем станет неплодородным, прямым образом скажется на снижении будущих доходов от использования данного участка и, соответственно, стоимости земли как функции от приведенной стоимости будущих доходов.

В свою очередь, снижение стоимости активов может негативно сказаться на кредитовании экономики из-за эффекта финансового акселератора. В рамках подхода Бернанке и др. [Bernanke, Gertler, Gilchrist, 1996] к описанию финансовых несовершенств при снижении стоимости компаний повышается финансовая премия к заимствованиям по отношению к безрисковой ставке процента, что снижает кредитование в экономике. В подходе Кийотакэ и Мура [Kiyotaki, Moore, 1997] предполагается наличие залогового ограничения на заимствования, и, соответственно, при снижении стоимости активов будет снижаться максимальная величина средств, которую может одолжить компания у банка.

Из-за снижения стоимости активов фирм и домохозяйств может ухудшаться финансовое положение коммерческих банков, пенсионных фондов и других финансовых институтов, портфели которых содержат обесценивающиеся активы. Снижение собственного капитала банка из-за обесценения активов и из-за потерь в связи с интенсификацией дефолтов фирм и домохозяйств приводит к ослаблению возможностей кредитования экономики, в частности из-за наличия требований по соблюдению условий достаточности собственных средств. Природные катаклизмы могут также оказывать негативное влияние на устойчивость бюджетной системы из-за роста расходов бюджета на восстановление инфраструктуры, на лечение потерпевших индивидов и т.д. Это, в свою очередь, может обуславливать рост финансовой премии по суверенному долгу. И если держателями государственных облигаций выступают коммерческие банки, то при падении цен облигаций из-за роста требуемой премии за риск их финансовое положение будет ухудшаться. То, что страны с более высокими климатическими рисками вынуждены платить более высокие ставки по займам, эмпирически подтверждено в работе [Cevik, Jalles, 2020].

Кроме того, для банков возрастают риски ликвидности, потому что в результате природных катаклизмов у пострадавших фирм и домохозяйств возникают стимулы изымать наличность и депозиты из банков (возможны и набеги на банки) [Brei, Mohan, Strobl, 2019]. Авторы показывают, что основным драйвером снижения предложения кредитов банковским сектором в связи с ураганами на Карибах стало изъятие депозитов, а не снижение прибыльности, увеличение дефолтов и снижение собственного капитала коммерческих банков. С целью повышения стабильности банковской системы в [Brei, Mohan, Strobl, 2019] рекомендуется проводить активную политику по регулированию обязательных резервов по депозитам, в рамках которой норма резервирования должна повышаться во время сезонов ураганов.

Также можно отметить сокращение доступности кредита для компаний и отдельных домохозяйств за счет ухудшения условий займов, предоставляемых коммерчески-

ми банками [Klomp, 2014; Buhr et al., 2018]. Низкая доступность кредитов, в свою очередь, препятствует быстрому восстановлению экономики.

При этом сама политика по предотвращению изменения климата может оказывать не меньшее негативное влияние на устойчивость финансовой системы [Fabris, 2020; Campiglio et al., 2018]. Так, быстрый переход к углеродно-нейтральной экономике может привести к значительному падению стоимости многих активов, ухудшению финансового состояния компаний и инвесторов из-за роста издержек производства компаний неэнергетического сектора в связи с удорожанием используемой в производстве энергии (например, из-за ввода налога на выбросы парниковых газов или торговли эмиссионными квотами), хотя известны примеры, когда энергия, полученная из возобновляемых источников, оказывается дешевле, чем традиционная [IRENA, 2021]. Падение стоимости активов может усилиться, если центральные банки будут повышать процентные ставки в ответ на ускорение инфляции из-за роста издержек производства, что ведет к росту ставок дисконтирования и снижению приведенной стоимости будущих прибылей. Для секторов, связанных с добычей и транспортировкой углеводородов, снижение стоимости активов может оказаться радикальным, поскольку меры по предотвращению глобального потепления непосредственно направлены на снижение объемов производимой продукции данных секторов, а также, вероятно, приведут к снижению цен, устанавливаемых после уплаты налогов на энергоресурсы.

Таким образом, как отмечается в [Batten et al., 2020], можно выделить две основные категории финансовых рисков, возникающих в связи с изменением климата: физический риск и риск, связанный с переходом к новой экономической модели. Каждый из этих типов риска можно дополнительно разделить на подкатегории. Изменение климата не создает само по себе новую подкатегорию риска, а оказывает влияние на увеличение традиционно выделяемых подкатегорий риска: рыночного, операционного и кредитного [Fabris, 2020].

Что касается методологии оценки финансовых рисков, возникающих в связи с изменением климата, в настоящее время в данном вопросе можно выделить два основных подхода: анализ отдельных регрессий на исторических данных [Breitenstein, Nguyen, Walther, 2021] и моделирование взаимодействия в экономике [BCBS, 2021]. Каждый из этих подходов будет рассмотрен нами в следующих разделах.

Использование регрессионного анализа для оценки возникающих в связи с изменением климата финансовых рисков

Как было отмечено ранее, одним из ключевых методов оценки финансовых рисков, возникающих в связи с изменением климата, в настоящее время является регрессионный анализ. Его можно использовать на микроданных, которые позволяют отдельно рассматривать более подверженные климатическим рискам компании. С другой стороны, данный метод может не отражать все существующие взаимосвязи в финансовой системе и в случае нарушения необходимых предпосылок приводить к смещенным результатам. Рассмотрим некоторые современные исследования, в основе методологии которых лежит регрессионный анализ.

Первая группа рассматриваемых статей связана с оценкой финансовых рисков компаний, подверженных климатическим рискам. Так, в статье [Muhammad et al., 2015] оценивается взаимосвязь между рыночным риском компании и показателями ее

экологической деятельности, а также эконометрические регрессии с фиксированными эффектами и лагами. В качестве зависимой переменной выступает рыночный риск компании, оцененный различными способами. В качестве объясняющей переменной выступает оценка экологичности деятельности компании, рассчитанная как взвешенный на токсичность объем эмиссий на единицу активов компании, взятый с отрицательными знаком. На основе анализа результатов оценки регрессий авторы приходят к выводу, что более высокая эмиссия вредных веществ увеличивает меру рыночного риска для компаний. Одно из достоинств статьи — рассмотрение нескольких альтернативных мер риска, что подтверждает устойчивость результатов. С другой стороны, можно отметить достаточно низкую объясняющую силу модели, а также тот факт, что в наборе данных учитываются исключительно крупные компании. Многие из них функционируют в отраслях, наиболее подверженных экологическим рискам, что может приводить к смещенным оценкам для других типов компаний.

Схожая методология представлена в работе [Sassen, Hinze, Hardeck, 2016]. В ней также оцениваются регрессии с фиксированными эффектами. Зависимой переменной выступает финансовый риск компании, а объясняющей переменной — коэффициент воздействия компании на окружающую среду (представленный в базе данных Thomson Reuters Asset4 [Reuters, 2009]), варьирующийся от 0 до 1. Авторы приходят к выводу, что данный коэффициент оказывает влияние только на специфический риск активов, а взаимосвязь между совокупным риском и показателем экологичности не выявлена. Исследователи проводят экстенсивную проверку наличия двусторонней причинно-следственной связи, что можно отнести к достоинствам исследования, однако не рассматривают какие-либо экзогенные инструментальные переменные, которые могли быть использованы для окончательного подтверждения отсутствия связи такого вида. Кроме того, исследование ограничено только европейскими компаниями.

С другой стороны, в [Alsaifi et al., 2021] рассматривается взаимосвязь между добровольным раскрытием информации об эмиссии вредных веществ и финансовым риском компании. Используемая в статье методология схожа с рассмотренными ранее. Авторы приходят к выводу, что раскрытие экологических показателей снижает финансовый риск для компаний, причем как системный, так и специфический его компонент, и эта взаимосвязь сильнее для углеродно-интенсивных индустрий.

Можно заключить, что для компаний высокие показатели эмиссий и негативного воздействия на окружающую среду увеличивают финансовые риски, однако, возможно, что ключевое воздействие оказывается исключительно на меру специфического риска. При этом добровольное раскрытие информации, которое может быть сигналом о высокой экологической эффективности компании, наоборот, снижает меру финансового риска, причем как систематического, так и специфического. Теперь рассмотрим, как экологические показатели деятельности компании связаны с другими ее ключевыми финансовыми показателями.

В статье [Ilhan, Sautner, Vilkov, 2021] рассматривается влияние углеродных выбросов на волатильность опционов компаний, находящихся в списке S&P 500. Авторы используют несколько зависимых переменных: крутизну функции, соотносящей волатильность и денежность, коэффициент асимметрии и рисковую премию для компаний. В качестве объясняющей переменной выступает объем эмиссий на единицу рыночной стоимости компании. Авторы приходят к выводу, что более высокий уровень эмиссий приводит к большей волатильности соответствующих опционов, причем диспропорционально в сторону снижения стоимости актива. Данный фактор заложен в стоимость опциона, что приводит к его недооценке, а следовательно, к убытку для компаний. В статье рассматривается большое число различных спецификаций регрессий для

подтверждения устойчивости результатов как на отраслевом уровне, так и на уровне отдельных фирм.

В [Huang, Kerstein, Wang, 2018] авторы выявляют негативную взаимосвязь между размером выручки и климатическими рисками компаний. В качестве зависимой переменной выступает Индекс глобального климатического риска (2014 Global Climate Risk Index (CRI), 2014, составляется Germanwatch [n.d.]), использование которого можно считать ключевым недостатком данной статьи, так как использование агрегированных значений уровня климатического риска для оценки индивидуальных показателей фирм может давать смещенные результаты. В [Addoum, Ng, Ortiz-Bobea, 2020] рассматривается взаимосвязь глобального потепления и динамики объема продаж у местных предпринимателей, однако авторы приходят к выводу, что статистически значимого эффекта для данной взаимосвязи не наблюдается.

Стоимость капитала выше для компаний, характеризующихся более высоким уровнем климатического риска [Jung, Herbohn, Clarkson, 2018; Wu, Tian, 2022]. С методологической точки зрения данные статьи достаточно похожи, в них в качестве зависимой переменной выступает стоимость капитала [Jung, Herbohn, Clarkson, 2018] и спред между требуемой доходностью облигаций компании и безрисковой альтернативой [Wu, Tian, 2022]. Переменная воздействия в обоих случаях — мера климатического риска. В статье [Wu, Tian, 2022] в качестве объясняющей рассматривается бинарная переменная, отражающая тот факт, что фирма принадлежит к одной из индустрий, наиболее подверженных климатическим рискам. В статье [Jung, Herbohn, Clarkson, 2018] в качестве данной переменной рассматривается объем эмиссий на единицу совокупной выручки. Авторы обоих исследований приходят к выводу, что климатические риски увеличивают стоимость капитала для компаний. К недостаткам рассматриваемых публикаций можно отнести использование отраслевых характеристик для индивидуальных фирм [Wu, Tian, 2022] и учет исключительно компаний из Австралии [Jung, Herbohn, Clarkson, 2018].

Стоимость капитала выше для компаний, характеризующихся более высоким уровнем эмиссии парниковых газов [Maaloul, 2018; Palea, Drogo, 2020]. В данных статьях также используются регрессии с фиксированными эффектами, в которых в качестве зависимой переменной выступает стоимость капитала, а объясняющей — общий объем эмиссий [Maaloul, 2018] и отношение издержек к совокупной выручке [Palea, Drogo, 2020]. Исследования дополняют друг друга за счет расширения выборки на большее число компаний.

Таким образом, климатические риски оказывают влияние на многие ключевые показатели финансовой деятельности компаний. Этот факт может препятствовать нормальному функционированию компаний, повышая их риск дефолта в долгосрочной перспективе. В частности, для компаний с низкими показателями экологичности деятельности значительно возрастает стоимость капитала, что может помешать им инвестировать в свое развитие и нормально вести операционную деятельность.

Регрессионный анализ позволяет сделать вывод, что климатические риски оказывают негативное воздействие на величину финансового риска для отдельных компаний. Однако следует отметить, что ключевым методологическим недостатком использования регрессионного анализа для оценки финансовых рисков является невозможность его использования для оценки сложных взаимосвязей в финансовой системе. Также при помощи регрессионного анализа можно оценить только влияние в прошлом, когда изменение климата было умеренным. Для устранения данного недостатка и моделирования финансовой стабильности на макроуровне в настоящее время используется большое число различных математических макромоделей [BCBS, 2021].

Использование математического моделирования для оценки возникающих в связи с изменением климата финансовых рисков

Использование математических моделей для оценки влияния изменения климата на финансовые риски позволяет оценивать тесное взаимодействие различных агентов на современных финансовых рынках и строить прогнозы на будущее в условиях ускорения изменения климата. Однако для получения достоверных результатов необходимо аккуратно вводить ключевые предпосылки и тщательно моделировать потенциальные каналы взаимосвязи в экономике.

В настоящее время использование DSGE-моделей (динамические стохастические модели общего равновесия) для оценки взаимосвязи между финансовыми рисками и изменением климата достаточно распространено⁴ [Chen et al., 2021]. Объектом моделирования могут выступать как физические риски, так и риски, сопряженные с переходом к низкоуглеродной экономике. Рассмотрим некоторые из современных статей. В [Carattini, Heutel, Melkadze, 2021] рассматривается модификация классической DSGE-модели, в которой отдельно моделируются зеленые и «коричневые» фирмы, отличающиеся налогом на эмиссию парниковых газов, выделяемых ими в процессе производственной деятельности, а интересуют авторов в первую очередь переходные риски. Авторы приходят к выводу, что проведение климатической политики, соответствующей целям Парижского соглашения, может привести к рецессии и дополнительным финансовым рискам. Данные негативные последствия могут быть снижены в результате проведения макропруденциальной политики. Влияние природных катаклизмов также оценивается при помощи моделей такого класса, как, например, в [Hashimoto, Sudo, 2022], где рассматриваются финансовые последствия наводнений. Авторы данной статьи отмечают, что предсказуемый характер природных катаклизмов незначительно снижает негативные последствия для финансовой системы, а следовательно, работа по прогнозированию предполагаемых природных катаклизмов недостаточна для достижения долгосрочной устойчивости финансовой системы. В целом в данных публикациях также подтверждается сделанный в предыдущем разделе вывод о взаимосвязи изменения климата и стабильности финансовой системы через призму возрастающих транзитных и физических рисков.

Как альтернативу DSGE-моделям в научной литературе предлагается использовать эволюционные агентно-ориентированные модели [Ciarli, Savona, 2019] и макро-моделирование, учитывающее баланс товарно-материальных потоков (англ. stock-flow consistent) для нужд финансовых рынков [Campiglio et al., 2018] для анализа влияния глобального потепления на устойчивость финансовой системы. Использование макромоделей для оценки воздействия изменения климата на финансовую стабильность представлено в работах [Bovari, Giraud, McIsaac, 2018; Dafermos, Nikolaidi, Galanis, 2018; Vermeulen et al., 2021].

В [Bovari, Giraud, McIsaac, 2018] используется макромодель, учитывающая баланс товарно-материальных потоков, которая представляет собой модификацию интегри-

⁴ Однако некоторые авторы отмечают существенные недостатки моделей такого класса. Сравнительный анализ имеющихся классов математических моделей приводится, например, в [Ciarli, Savona, 2019]. Классические DSGE- и IAM-модели не всегда подходят для моделирования воздействия изменения климата на финансовую систему из-за достаточно сильных предпосылок о рациональности и репрезентативности, лежащих в их основе, и ограниченного числа моделируемых секторов [Campiglio et al., 2018].

рованной модели климата и экономики. Авторы отмечают, что разработанная ими модель является одной из первых, инкорпорирующих одновременно финансовый сектор и климатические факторы. В статье рассматривается несколько сценариев, в которых влияние изменения климата на экономику варьируется от ничтожно малого (рассматривается как базовый сценарий) до высокозначимого. На основе данных сценариев строится несколько прогнозов до 2100 г. В них отмечается, что для большинства рассматриваемых сценариев с увеличением климатического риска отношение частного долга к капиталу значительно возрастает. Это, в свою очередь, делает финансовую систему менее устойчивой. Схожие результаты получены в работе [Dafermos, Nikolaidi, Galanis, 2017]. Недостатком таких моделей является отсутствие ограничений по объему кредитования, эндогенных дефолтов, а также недостаточно подробное моделирование последствий климатических катаклизмов. Статья [Dafermos, Nikolaidi, Galanis, 2018] развивает указанную модель и устраняет перечисленные недостатки посредством изменения структуры модели. В ней учитывается влияние эндогенных дефолтов и ограничения по объему кредитования, в том числе через призму более частых природных катаклизмов, а также стоимость активов. В модели отражены взаимосвязи между изменением климата и ликвидностью фирм, инвестиционным портфелем домохозяйств и экономическим ростом. В рамках симуляций, рассматриваемых авторами, в результате изменения климата возрастает доля дефолтов среди фирм, соотношение частного долга к выпуску для фирм и кредитное плечо для коммерческих банков.

Дополнить оценки негативных последствий изменения климата может моделирование финансовых рисков, связанных с переходом к углеродно-нейтральной экономике. Так, в [Vermeulen et al., 2021] оценивается такой тип рисков при помощи макроэкономических стресс-тестов. В рамках исследования оцениваются различные сценарии, в которых ключевую роль играют технологии и климатическая политика. Используемая модель сочетает в себе многие предыдущие исследования, отражая взаимосвязь между макроэкономическими и отраслевыми показателями, корпоративными облигациями и кредитами, активами, кредитным и рыночным рисками, а также указанными выше сценариями. Авторы приходят к выводу, что в случае быстрого перехода к углеродно-нейтральной экономике потери для финансовых институтов могут быть значительными, но не критическими. Так, на примере Нидерландов они могут составить примерно 11% от общего портфеля финансовых институтов.

Вне зависимости от конкретной модели, используемой в исследовании, многие авторы уделяют особое внимание роли центральных банков как финансового института, поддерживающего организованный переход к низкоуглеродной экономике в изменяющейся под воздействием глобального потепления финансовой системе [Chen et al., 2021; Diluiso et al., 2021; Roncoroni et al., 2021]. Отмечается, что данная проблема может стать релевантной для центральных банков в связи с возрастающей нестабильностью финансовой системы, которая ведет к общей макроэкономической нестабильности, в частности, способна повысить инфляционную волатильность [Diluiso et al., 2021]. В этом смысле проведение центральными банками климатической политики соответствует их ключевым целям [Chen et al., 2021; Diluiso et al., 2021]. Среди возможных инструментов, применяемых центральными банками, выделяется таргетирование инфляции в переходный период в экономике и «зеленое» количественное смягчение [Diluiso et al., 2021], а также проведение монетарной политики по модифицированному правилу Тейлора, в которое включено отклонение фактического уровня эмиссий от уровня эмиссий в устойчивом состоянии [Chen et al., 2021].

В настоящее время математическое моделирование как инструмент оценки влияния климатических рисков на устойчивость финансовой системы активно развивается,

однако в современной научной литературе оно все еще встречается не так часто, как регрессионный анализ. Это может быть связано с тем, что процесс разработки математической модели более трудоемкий, а также более сложен для верификации. Тем не менее для построения адекватных прогнозов о влиянии изменения климата на финансовую систему разработка таких моделей необходима.

Мы рассмотрели современные инструменты анализа взаимосвязи между изменением климата и финансовыми рисками. Роль центральных банков в проведении климатической политики становится объектом большого числа исследований. Рассмотрим, как на практике центральные банки различных стран реагируют на возросшие в связи с изменением климата финансовые риски.

Применение инструментов политики центральных банков для предотвращения глобального потепления с учетом возрастающих финансовых рисков

В последнее время опубликовано достаточно большое число работ, подтверждающих взаимосвязь между изменением климата и стабильностью финансовой системы. Тем не менее многие центральные банки все еще не уделяют данной проблеме достаточного внимания. В данном разделе мы рассмотрим инструменты, которые центральные банки могут использовать для проведения климатической политики, и практику их применения.

Прежде чем перейти непосредственно к инструментам, которые могут применяться центральными банками для проведения климатической политики, следует пояснить, почему их участие в данной политике необходимо. Классическим альтернативным методом предотвращения изменения климата можно считать налог на загрязнение, который, по сути, является пигувианским налогом. Однако в настоящее время отмечается неэффективность исключительного использования данного инструмента [Campiglio, 2016; Rosenbloom et al., 2020]. Так, в [Rosenbloom et al., 2020] отмечается, что данная мера может скорее стимулировать оптимизацию существующих производств, а не инвестиции в новые низкоуглеродные проекты из-за провалов рынка. Более того, в [Campiglio, 2016] подчеркивается важность роли центральных банков в увеличении объема инвестиций в зеленые проекты через создание выгодных для коммерческих банков условий их кредитования. Тем не менее стоит отметить, что некоторые ученые выделяют позитивный эффект от введения налогообложения такого типа, как, например, в [Hájek et al., 2019], где при помощи регрессионного анализа рассчитывается, что повышение данного налога на 1 евро на тонну эмиссий снижает общий объем эмиссий за год на 11,85 кг на человека.

В настоящее время одной из ключевых целей для центральных банков является поддержание стабильности финансовой системы страны [Smaga, 2013]. Как было отмечено ранее, в связи с изменением климата ее устойчивость нарушается. Это вынуждает центральные банки проводить более активную климатическую политику. Также стоит отметить, что именно центральные банки могут значимо стимулировать инвестиции в зеленые проекты, что считается одним из ключевых условий перехода к экономике с нулевыми выбросами [Campiglio, 2016; Rosenbloom et al., 2020]. В первую очередь это может происходить благодаря тому факту, что центральные банки способны регулировать ключевые показатели финансовой системы, оказывающие действие как на отдельных агентов, так и на финансовые институты. Однако их потенциальный инструмента-

рий ограничен прежде всего законодательными нормами [Campiglio et al., 2018; Dikau, Volz, 2021]. Среди традиционных инструментов проведения климатической политики центрального банка для предотвращения глобального потепления через интернализацию финансовых рисков выделяют следующие [Campiglio et al., 2018]:

- Разработка методологии выявления и оценки финансовых рисков, вызванных изменением климата. Наиболее активно этим занимаются центральные банки развитых стран, например, Центральный банк Великобритании [Scott, van Huizen, Jung, 2017].
- Повышение осведомленности различных групп агентов на финансовом рынке о климатических рисках, сопряженных с их активами, которое может быть достигнуто при помощи введения требований для компаний и инвесторов о необходимости раскрытия своих климатических рисков (Financial Stability Board).
- Включение климатических рисков в оценку финансовых рисков активов организаций, которые покупаются центральными банками или принимаются в качестве залога. Данный инструмент применяется в том числе Центральным банком Норвегии [Campiglio et al., 2018].
- Предоставление дополнительной ликвидности для коммерческих банков, инвестирующих в зеленые проекты. Данный инструмент воздействия на изменение климата применяется в том числе Центральным банком Японии [Ibid.].

Однако в настоящее время некоторые исследователи отмечают неэффективность представленных выше методов политики центральных банков, поэтому они предлагают использовать альтернативные инструменты [McConnell, Yanovski, Lessmann, 2020]. Кроме традиционных инструментов монетарной политики, центральные банки также могут применять количественное смягчение для стимулирования перехода к зеленой экономике. В данном случае им лучше избегать покупок активов, связанных с углеродоемкими отраслями, и обратить внимание на компании, фокусирующиеся на экологически чистых проектах. Исследователи спорят об эффективности использования данного инструмента. Так, зеленое количественное смягчение накладывает дополнительную нагрузку на регулятор и снижает качество портфеля за счет более высокого уровня риска зеленых активов [Campiglio et al., 2018]. Как следствие, в настоящее время данный инструмент центральными банками в значительном объеме не используется.

В статье [McConnell, Yanovski, Lessmann, 2020] также рассмотрены перспективы использования альтернативных инструментов центральными банками для предотвращения изменения климата. Относительно прямого количественного и кредитного смягчения авторами отмечается, что необходимость потенциального использования данных инструментов центральными банками достаточно сложно обосновать в рамках их текущих директив, так как в настоящее время рынок «зеленой» энергетики не находится в кризисном состоянии. В таком случае использование этих инструментов может противоречить правилу рыночной нейтральности, заложенному в основу функционирования центральных банков.

С другой стороны, в [Dafermos, Nikolaidi, Galanis, 2018] на основе математического моделирования авторы приходят к выводу, что зеленое количественное смягчение может снизить нагрузку на финансовую систему и замедлить глобальное потепление, однако также отмечается, что этот инструмент должен использоваться в совокупности с другими.

Альтернативой для прямого вмешательства может выступать косвенное кредитное смягчение, заключающееся в предоставлении «зеленым» проектам более выгодных кредитных условий, однако авторы также отмечают, что эффективность данного ин-

струмента является достаточно спорной, так как эффект воздействия зависит от типа финансирования проектов и фактических характеристик кредитного рынка.

В статье [McConnell, Yanovski, Lessmann, 2020] отмечается, что наиболее простым в имплементации инструментом для центральных банков может быть дифференциация стоимости залоговых активов, предоставляемых коммерческими банками, в зависимости от их климатического риска. Для имплементации данной методологии не требуется значительных законодательных изменений для центральных банков, так как это является обычной переоценкой существующих рисков. Иными словами, авторы предлагают оценивать выше активы, связанные с зелеными проектами, и оценивать ниже использующие углеродное топливо. Обе эти стратегии дают при моделировании достаточно схожие результаты, хотя стоит отметить, что при более низкой оценочной стоимости углеродных проектов стоимость углеродного топлива также снижается более значительно. Снижение оценочной стоимости «коричневых» активов в настоящее время кажется более реальным, так как оно не противоречит принципу рыночно-нейтральной стратегии центрального банка.

Методология проведения политики по предотвращению глобального потепления центральными банками представлена в [Fabris, 2020]. В данной статье приводится девятиступенчатая схема оптимального воздействия центрального банка на изменение климата, ключевую позицию в которой занимает донесение до агентов на финансовых рынках информации о климатических рисках, сопряженных с их активами.

Из достаточно консервативных реакций центральных банков, присущих развитым странам, можно выделить проведение исследований, оценивающих подверженность финансовой системы климатическим рискам, что отражено в статье [Campiglio et al., 2018]. Однако, как отмечается в данной научной работе, ключевым недостатком данных исследований является отсутствие возможности учесть динамику взаимодействия агентов на финансовом рынке, возникающую в ответ на значительные структурные сдвиги. Напротив, в развивающихся странах многие центральные банки приняли более активные меры для борьбы с причиной увеличения финансового риска — изменением климата.

Рассмотрим инструменты, которые применяются различными центральными банками на практике. В первую очередь мы будем ориентироваться на развивающиеся страны. В этих странах центральные банки проводят более активную климатическую политику по сравнению с развитыми странами, в которых набор доступных центральным банкам инструментов зачастую сравнительно ограничен. Также стоит отметить, что для развивающихся стран климатические риски и издержки сравнительно выше [Woetzel et al., 2020]. Это стимулирует центральные банки этих стран расширять набор используемых инструментов для получения более значимого результата.

Также многие из представленных ниже стран значительно отличаются от развитых по размеру и структуре своей экономики, что необходимо учитывать в процессе адаптации выводов, полученных на основе анализа их политики. В него стоило бы включить также примеры активной политики центральных банков развитых стран, если бы такая проводилась в настоящий момент. Однако, как было отмечено ранее, из-за более высокой финансовой стабильности и сравнительно низких климатических рисков в развитых странах зачастую в настоящее время в отношении политики применяется принцип минимизации вмешательства.

Банк Бангладеш одним из первых центральных банков в 2011 г. начал проводить активную политику для предотвращения глобального потепления [Bangladesh Bank, 2013], что во многом обусловлено повышенными климатическими рисками для страны [Khairunnessa, Vazquez-Brust, Yakovleva, 2021]. Центральный банк Бангладеш обя-

зывает коммерческие банки и финансовые институты предоставлять как минимум 5% от общего объема кредитования на экологические проекты, а также предоставляет им выгодные условия рефинансирования в зависимости от их участия в данных проектах [Campiglio et al., 2018; Dikau, Volz, 2021; Khairunnessa, Vazquez-Brust, Yakovleva, 2021].

Центральный банк Ливана снижает размер обязательных банковских резервов для коммерческих банков, работающих с зелеными проектами [Campiglio et al., 2018; Dikau, Volz, 2021]. Также он предоставляет субсидированные займы для таких проектов [Dikau, Volz, 2021]. Центральный банк Бразилии обязывает коммерческие банки учитывать в процессе управления экологические риски и приводить методологию их расчета [Campiglio et al., 2018; Dikau, Volz, 2018].

Центральный банк Китая совместно с другими органами государственной власти проводит политику зеленого кредитования [Dikau, Volz, 2021; Xing, Zhang, Tripe, 2021]. В рамках данной политики коммерческие банки при принятии решения о финансировании должны учитывать оказываемое на окружающую среду воздействие и избегать компаний, которые активно используют загрязняющие вещества [Xing, Zhang, Tripe, 2021]. Схожую политику также проводит Центральный банк Вьетнама [Dikau, Volz, 2021]. Кроме того, Центральный банк Китая увеличил диапазон рейтинга зеленых облигаций (до AA), которые могут быть использованы в качестве залога для среднесрочных займов [Dikau, Volz, 2021].

Как отмечается в [Campiglio et al., 2018], использование таких методов может оказать обратное влияние на финансовую систему. Так, необоснованное предоставление более гибких условий для финансовых организаций может потенциально нарушить ее стабильность. Также в [Dikau, Volz, 2021] отмечается возрастающая управленческая и расчетная нагрузка на центральные банки.

Тем не менее многие недавние исследования подтверждают эффективность проводимой в развивающихся странах политики центральных банков. В [Bose, Khan, Monem, 2021] рассматривается влияние зеленой политики на финансовые показатели коммерческих банков в Бангладеш. На основе регрессионного анализа авторы приходят к выводу, что коммерческие банки, характеризующиеся более высокой эффективностью проводимой зеленой политики, в среднем обладают большим значением коэффициента Тобина в следующих периодах. С другой стороны, в [Khairunnessa, Vazquez-Brust, Yakovleva, 2021; Rashid, Uddin, 2018] отмечается, что установленные Центральным банком Бангладеш цели по объему зеленых проектов в портфеле банка пока не достигнуты, но эти показатели характеризуются положительной динамикой. В [Xing, Zhang, Tripe, 2021] отмечается, что в Китае компании с большим числом зеленых инноваций получают больший объем финансирования со стороны коммерческих банков, а [Zhang et al., 2021] отмечают, что политика зеленых финансов центрального банка увеличивает показатели экологичности деятельности коммерческих банков.

С другой стороны, центральные банки в развитых странах более сдержанно подходят к проведению климатической политики. Так, многие из них ограничиваются вступлением в различные организации, работающие на достижение целей устойчивого развития, в том числе в области климата, вместо активного применения каких-либо инструментов воздействия на финансовую систему. Среди них можно выделить Network for Greening the Financial System (Сеть по экологизации финансовой системы), куда входят Австрия, Бельгия, Дания, Франция и др.; Task Force on Climate-Related Financial Disclosures (Группа по раскрытию финансовой информации, связанной с климатом), членами которой являются Бельгия, Нидерланды, Сингапур и др. [Dikau, Volz, 2021]. Схожие организации актуальны и для развивающихся стран, например, Sustainable Banking Network (Сеть по устойчивости банковской системы), в ней участвуют Египет,

Грузия, Гана, Непал и др. [Dikau, Volz, 2021]. Основной целью данных организаций является развитие зеленых финансов, а также разработка рекомендаций и методологических основ для проведения оптимальной климатической политики центральными банками.

С точки зрения раскрытия финансовой информации, связанной с климатическими рисками, в [TCFD, 2021] представлены четыре ключевые рекомендации. В годовом отчете или его аналоге должны быть сведения об экологическом корпоративном управлении, фактической и потенциальной подверженности организации климатическим рискам, методологии выявления, оценки и сокращения климатических рисков, а также целевые показатели, связанные с климатическими рисками. Как отмечается в [Eccles, Krzus, 2019], несмотря на то, что отдельные компании могут прислушиваться к указанным выше рекомендациям, для перехода финансового рынка к новым стандартам раскрытия климатических рисков необходимы действия со стороны регулирующего органа, которым в данном случае является центральный банк.

Подводя итоги данного раздела, отметим, что интерес центральных банков развитых стран к разработке методологических оснований для проведения климатической политики можно объяснить их ограниченностью в своих действиях вследствие более жесткого законодательства.

Несмотря на использование центральными банками различных инструментов климатической политики, до сих пор не выработан единый подход к применению отдельных мер, их правовой уместности и долгосрочным последствиям. Чтобы выбрать подходящий для конкретной страны набор инструментов, необходимо отталкиваться в первую очередь от особенностей ее правовой, институциональной и финансовой систем. В следующем разделе мы проанализируем, какие меры проведения климатической политики могут быть эффективно применены Банком России.

Рекомендации для Банка России

Россия — нетипичная страна с точки зрения потенциального воздействия изменения климата. С одной стороны, из-за географического положения и достаточно низкой частоты возникновения климатических катаклизмов она, вероятнее всего, продолжит обладать большой площадью земли, пригодной для жизнедеятельности и ведения сельского хозяйства. С другой стороны, Россия все еще подвержена значительным общемировым последствиям изменения климата [Sharmina, Anderson, Bows-Larkin, 2013]. По оценкам экспертов «Сколково» [Митрова, 2020], для России ущерб от катастрофических природных явлений составляет 30–60 млрд руб. в год, а от таяния вечной мерзлоты — до 150 млрд руб. в год.

Вероятность материализации физических рисков, связанных с изменением климата, для компаний и отдельных домохозяйств на территории России сравнительно ниже, чем во многих других странах. С другой стороны, Россия является нефтедобывающей страной, большая часть ее бюджетных доходов приходится на углеродную промышленность [ФНС, 2021]. С этой точки зрения высока вероятность переходных рисков, связанных с политикой предотвращения изменения климата. Так, переходный рыночный риск может возникнуть вследствие снижения спроса на углеродное топливо из-за перехода большого числа стран на возобновляемые источники энергии. Уже в настоящее время стоимость многих компаний, задействованных в добыче углеродного топлива, снижается, а их мера рыночного риска возрастает. Помимо этого, негативное влияние на стоимость российских компаний могут оказать те или иные трансгра-

нические механизмы углеродного регулирования, заключающиеся в налогообложении «углеродной» составляющей в импортируемых товарах зарубежными странами (например, СВМ). На сегодняшний день в отечественной литературе достаточно много исследований, посвященных оценке макроэкономических эффектов для российской экономики от вероятных мер экономической политики мирового сообщества по борьбе с глобальным потеплением, а также по моделированию энергоперехода в России (см., например, [Башмаков, 2020; Бердин и др., 2020; Вотинов и др., 2021; Макаров, Chen, Paltsev, 2021]). Однако работ по оценке последствий для финансового сектора, насколько нам известно, нет.

Как отмечалось ранее, в текущей ситуации для России характерна высокая доля углеродного топлива в энергетическом секторе и зависимость от экспорта энергоносителей. Так, в январе — марте 2022 г. 32,3% от общих поступлений в консолидированный бюджет России обеспечивалось за счет налога на добычу полезных ископаемых [ФНС, н.д.]. По данным на 2021 г., в структуре экспорта нефть составляла 22,4% от общего объема, природный газ — 11,3%, а в целом экспорт топливно-энергетических товаров — 54,3% [Росстат, 2021].

С институциональной точки зрения для России можно отметить наличие достаточно слабых институтов и недостаточный уровень общественного участия в государственном управлении [ВТИ, 2022]. Также в настоящее время на фоне усиления санкционного давления уходят многие иностранные компании [Барина и др., 2022].

В конце 2021 г. Банк России опубликовал дорожную карту ключевых тактических целей в области устойчивого развития, включающих меры проведения климатической политики [Банк России, n.d.a]. В документе представлен комплекс мер, направленных на достижение ESG-трансформации бизнеса и адаптации финансового рынка к переходным климатическим рискам. К 2023—2024 гг. предполагается развитие и внедрение зеленых финансовых инструментов, совершенствование механизмов раскрытия информации, связанной с климатическими рисками, а также разработка инициатив и рекомендаций о необходимости их учета. Также планируется регулярно проводить стресс-тестирование финансовой системы на предмет подверженности переходным климатическим рискам.

В настоящее время деятельность Банка России в отношении климатической политики заключается в публикации информационных писем, содержащих рекомендации по устойчивому развитию. За 2020—2021 гг. было опубликовано семь таких писем, содержащих рекомендации относительно реализации принципов ответственного инвестирования, учета климатических рисков, а также раскрытия связанной с ними информации [Банк России, n.d.b]. Также в конце 2022 г. Банк России опубликовал доклад для общественных консультаций, посвященный климатическим рискам [Банк России, 2022]. В докладе отмечается, что Банк России сфокусирован на совершенствовании механизмов раскрытия информации, хотя в настоящее время они носят рекомендательный характер. Предполагается, что в дальнейшем возможны дополнительные надбавки для компаний, ответственно раскрывающих информацию о своей подверженности климатическим рискам. Также рассматривается возможность введения мер, направленных на стимулирование финансирования банками зеленых проектов.

Можно отметить, что текущие планы и действия Банка России в целом соответствуют сложившимся условиям. На данном этапе актуально постепенное внедрение в политику Банка России инструментов регулирования климатической политики. Более того, в условиях повышенного санкционного давления для России возрастают переходные климатические риски. Поэтому для более эффективного достижения целей по снижению климатических рисков необходимо уточнить и дополнить текущую дорож-

ную карту, но в сроки ее реализации, возможно, придется внести существенные изменения. Так, в настоящее время многим организациям предоставлена возможность ограничить раскрытие чувствительной информации до 1 июля 2023 г. [Правительство РФ, 2022], что в краткосрочном периоде препятствует введению новых требований по раскрытию информации, связанной с климатическими рисками. Для повышения эффективности раскрытия информации, возможно, стоит закрепить ее необходимость на нормативном уровне.

Во-первых, для эффективной реализации инициатив и рекомендаций по учету климатических рисков необходимо разработать методологию оценки климатических рисков. На достижение этой цели положительное влияние может оказать членство Банка России в Network for Greening the Financial System (Сеть по экологизации финансовой системы) [Банк России, 2019]. В рамках данной организации многие центральные банки развитых стран в настоящее время занимаются этой проблемой, то есть для России открывается возможность перенимать международный опыт в вопросах разработки методологии оценки климатических рисков. Тем не менее в настоящее время взаимодействие в рамках данной международной организации может быть осложнено в связи с усилением санкционного давления. В сравнении со многими развитыми странами в данном вопросе Банк России несколько отстает. Возможно, именно ему стоит уделить особое внимание, так как разработка подходящей методологии может стать основой проведения дальнейшей климатической политики.

Во-вторых, в дополнение к тем инструментам, которые рассматривает Банк России, наиболее актуальными могут оказаться инструменты макропруденциального регулирования. Они направлены на обеспечение финансовой стабильности и заключаются в дифференциации стоимости залоговых активов и регуляторных требованиях по структуре портфелей активов финансовых организаций в зависимости от риска снижения их стоимости из-за борьбы мирового сообщества с глобальным потеплением и из-за климатических изменений. Например, использование угля в качестве источника энергии, как правило, считается наиболее пагубным для изменения климата, и, скорее всего, международные меры по сокращению выбросов парниковых газов будут нацелены на резкое сокращение использования угля (см., например, [van der Ploeg, Withagen, 2012]). С этой точки зрения активы угольных компаний в России наиболее подвержены риску снижения стоимости. Соответственно, для данных активов целесообразно вводить наиболее жесткие макропруденциальные регуляторные требования, чтобы избежать чрезмерной закредитованности данного сектора, а также наличия значительных объемов угольных активов в портфелях финансовых институтов. Для нефтегазовых компаний регуляторные требования, вероятно, окажутся мягче, чем для угольных компаний. Несмотря на то что схожие меры стимулирования зеленых проектов обсуждаются Банком России, в настоящее время учет климатических рисков носит рекомендательный характер, что препятствует полноценному внедрению данного инструмента.

Поскольку долгосрочной целью России является достижение углеродной нейтральности к 2060 г., а также принимая во внимание успешный опыт Китая, Вьетнама и других стран, логично предположить, что следующим шагом при формировании климатической политики Банка России может стать политика зеленого кредитования, дискриминирующая компании, оказывающие существенное негативное влияние на окружающую среду. Также она может проводиться в формате предоставления дополнительной ликвидности, снижения нормы обязательных резервов и субсидирования займов для коммерческих банков, инвестирующих в зеленые проекты. Введение обязательной нормы участия коммерческих банков в зеленых проектах, скорее всего, не окажет значительного влияния на скорость перехода к низкоуглеродной экономике,

а наоборот, на фоне возможного оппортунистического поведения коммерческих банков может привести к снижению общего объема инвестиций в экономике. В настоящее время некоторые развивающиеся страны уже активно применяют данный инструмент, в связи с чем Банку России рекомендуется оценить его эффективность и начать внедрение на фоне возросших климатических рисков.

Наконец, в соответствии с заявленной в дорожной карте целью развития инструментов финансирования устойчивого развития, запуск зеленых облигаций в России открывает возможности для их использования в качестве залога для среднесрочных займов, как это было сделано в Китае. Однако необходимо адекватно оценивать при-сущие им риски, в противном случае использование данного инструмента окажет не-гативное воздействие на финансовую систему. Отметим, что сейчас рассматриваемый инструмент обсуждается в недостаточном объеме, и это может препятствовать его свое-временному внедрению.

В целом можно заключить, что на данном этапе Банку России необходимо им-плементировать традиционные методы предотвращения изменения климата. Текущая дорожная карта соответствует поставленным задачам, хотя и требует уточнения и до-работки, особенно в контексте изменившейся обстановки и возросших климатических рисков. В процессе планирования проводимой климатической политики необходимо ориентироваться на опыт стран БРИКС, в первую очередь Китая и Бразилии, которые уже начали реализовывать политику предотвращения глобального потепления.

Заключение

В данной статье мы рассмотрели взаимосвязь между изменением климата и финансо-выми рисками, реакцию центральных банков на возрастающие финансовые риски и представили рекомендации для Банка России.

Относительно взаимосвязи между климатическими рисками и финансовой ста-бильностью можно отметить, что текущие исследования в основном выявляют ее при помощи регрессионного анализа на уровне отдельных компаний. Макромодели-рование в качестве метода оценки эффекта глобального потепления на финансовую стабильность стало использоваться относительно недавно, и в настоящее время это направление исследований активно развивается. Анализ публикаций по этой теме позволяет сделать вывод, что увеличивающиеся климатические риски оказывают не-гативное влияние на финансовую стабильность отдельных компаний и экономики в целом. Также высоки риски для финансовой системы в связи с энергопереходом, что может стать причиной значительного снижения стоимости активов, особенно тех ком-паний, которые связаны с добычей углеводородов.

В связи с этим центральные банки должны принимать во внимание проблемы глобального потепления и энергоперехода при выработке эффективных мер эконо-мической политики. Для достижения этой цели они могут использовать большое ко-личество инструментов, как традиционных, например, информирование агентов на финансовых рынках о потенциальных климатических рисках, макропруденциального регулирования, так и зеленого кредитного и количественного смягчения.

В контексте текущей экономической ситуации в Российской Федерации цен-тральному банку в дополнение к текущей дорожной карте необходимо разработать инструменты макропруденциального регулирования, направленные на обеспечение финансовой стабильности, заключающиеся в дифференциации стоимости залоговых активов и регуляторных требованиях по структуре портфелей активов финансовых ор-

ганизаций в зависимости от риска снижения их стоимости из-за борьбы мирового сообщества с глобальным потеплением и из-за климатических изменений.

Список источников

Банк России (2022) Климатические риски в меняющихся экономических условиях: доклад для общественных консультаций. Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/143643/Consultation_Paper_21122022.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

Банк России (n.d.a) Ключевые тактические цели Рабочей группы по финансированию устойчивого развития. Режим доступа: https://cbr.ru/develop/ur/key_tact/ (дата обращения: 07.01.2023).

Банк России (n.d.b) Информационные письма и рекомендации по устойчивому развитию. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/develop/ur/na/> (дата обращения: 18.01.2023).

Барина В., Земцов С., Михайлов А., Царева Ю. (2022) Пересмотр долгосрочных трендов развития малого и среднего предпринимательства в России и регионах в постсоветский период // Экономическое развитие России. Т. 29. № 7. С. 29–44. Режим доступа: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/ruserr/r2260.pdf> (дата обращения: 03.02.2023).

Башмаков И.А. (2020) Стратегия низкоуглеродного развития российской экономики // Вопросы экономики. № 7. С. 51–74. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-51-74>.

Бердин В., Поташников В., Кокорин А., Юлкин Г. (2020) Развитие ВИЭ в России: потенциал и практические шаги // Экономическая политика. Т. 15. № 2. С. 106–135. Режим доступа: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-2-106-135>.

Вотинов А.И., Лазарян С.С., Радионов С.А., Судаков С.С. (2021) Оценка последствий применения механизма трансграничного углеродного регулирования Евросоюза для России // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 25. № 3. С. 452–477. Режим доступа: <https://ej.hse.ru/data/2021/12/28/1762160191/Вотинов.pdf> (дата обращения: 03.02.2023).

Макаров И.А., Чен Х., Пальцев С.В. (2018) Последствия Парижского климатического соглашения для экономики России // Вопросы экономики. № 4. С. 76–94. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-4-76-94>.

Митрова Т., Хохлов А., Мельников Ю., Пердеро А., Мельникова М., Залюбовский Е. (2020) Глобальная климатическая угроза и экономика России: в поисках особого пути // Центр энергетики Московской школы управления СКОЛКОВО. Режим доступа: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Climate_Primer_RU.pdf (дата обращения: 03.02.2023).

Правительство Российской Федерации (РФ) (2022) Постановление Правительства Российской Федерации от 12 марта 2022 г. № 351 «Об особенностях раскрытия и предоставления в 2022 году информации, подлежащей раскрытию и предоставлению в соответствии с требованиями Федерального закона “Об акционерных обществах” и Федерального закона “О рынке ценных бумаг”, и особенностях раскрытия инсайдерской информации в соответствии с требованиями Федерального закона “О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203140028> (дата обращения: 09.01.2023).

Федеральная налоговая служба (ФНС) Российской Федерации (РФ) (2021) Подведены итоги поступлений за 10 месяцев 2021 года. 1 декабря. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn26/news/activities_fts/11660229/ (дата обращения: 20.08.2022).

Федеральная налоговая служба (ФНС) Российской Федерации (РФ) (н.д.) Аналитический портал ФНС России. Режим доступа: <https://analytic.nalog.gov.ru> (дата обращения: 20.08.2022).

Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации (Росстат РФ) (2021) О внешней торговле в 2021 году. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html (дата обращения: 21.08.2022).

Addoum J.M., Ng D.T., Ortiz-Bobea A. (2020) Temperature Shocks and Establishment Sales // Review of Financial Studies. Vol. 33. No. 3. P. 1331–1366. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/rfs/hhz126>.

Alsaifi K., Elnahass M., Al-Awadhi A.M., Salama A. (2022) Carbon Disclosure and Firm Risk: Evidence From the UK Corporate Responses to Climate Change // *Eurasian Business Review*. Vol. 12. No. 3. P. 1–22. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s40821-021-00190-0>.

Avril P., Leveue G., Turcu C. (2021) Natural Disasters and Financial Stress: Can Macroprudential Regulation Tame Green Swans? INFER Working Paper Series No. 13, International Network for Economic Research. Режим доступа: <https://infer-research.eu/wp-content/uploads/2021/12/WP2021.13-1.pdf> (дата обращения: 03.02.2023).

Bangladesh Bank (2013) Green Banking and CSR Department. GBCSRD Circular Letter No 05, 11 September. Режим доступа: <https://www.bb.org.bd/mediaroom/circulars/gbcrd/sep112013gbcrdl05e.pdf> (дата обращения: 18.01.2023).

Bank of Russia (2019) The Bank of Russia Has Joined the Central Banks and Supervisors Network for Greening the Financial System. News, 12 December. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/eng/press/event/?id=5239> (дата обращения: 24.09.2022).

Barro R.J. (1990) Government Spending in a Simple Model of Endogeneous Growth // *Journal of Political Economy*. Vol. 98. No. 5. P. 103–125. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/2937633>.

Basel Committee on Banking Supervision (BCBS). (2021) Climate-related financial risks – measurement methodologies. Режим доступа: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d518.pdf> (дата обращения: 13.09.2022).

Batten S. (2020) Climate Change: Macroeconomic Impact and Implications for Monetary Policy // *Ecological, Societal, and Technological Risks and the Financial Sector*. L.: Springer International Publishing.

Battiston S., Dafermos Y., Monasterolo I. (2021) Climate Risks and Financial Stability // *Journal of Financial Stability*. Vol. 54. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2021.100867>.

Bernanke B., Gertler M., Gilchrist S. (1996) The Financial Accelerator and the Flight to Quality // *Review of Economics and Statistics*. Vol. 78. No. 1. P. 1–15. Режим доступа: <https://doi.org/10.2307/2109844>.

Bertelsmann Stiftung's Transformation Index (BTI) (2022) Russia Report. Режим доступа: <https://bti-project.org/en/reports/country-report/RUS> (дата обращения: 12.08.2022).

Bose S., Khan H.Z., Monem R.M. (2021) Does Green Banking Performance Pay Off? Evidence From a Unique Regulatory Setting in Bangladesh // *Corporate Governance: An International Review*. Vol. 29. No. 2. P. 162–187. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/corg.12349>.

Bovari E., Giraud G., McIsaac F. (2018) Coping With Collapse: A Stock-Flow Consistent Monetary Macrodynamics of Global Warming // *Ecological Economics*. Vol. 147. P. 383–398. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2018.01.034>.

Brei M., Mohan P., Strobl E. (2019) The Impact of Natural Disasters on the Banking Sector: Evidence From Hurricane Strikes in the Caribbean // *Quarterly Review of Economics and Finance*. Vol. 72. P. 232–239. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1016/j.qref.2018.12.004>.

Breitenstein M., Nguyen D.K., Walther T. (2021) Environmental Hazards and Risk Management in the Financial Sector: A Systematic Literature Review // *Journal of Economic Surveys*. Vol. 35. No. 2. P. 512–538. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/joes.12411>.

Buhr B., Volz U., Donovan C., Kling G., Lo Y.C., Murinde V., Pullin N. (2018) Climate Change and the Cost of Capital in Developing Countries: Assessing the Impact of Climate Risks on Sovereign Borrowing Costs. United Nations Environment Programme. Режим доступа: <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/26007> (дата обращения: 03.02.2023).

Campiglio E. (2016) Beyond Carbon Pricing: The Role of Banking and Monetary Policy in Financing the Transition to a Low-Carbon Economy // *Ecological Economics*. Vol. 121. P. 220–230. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2015.03.020>.

Campiglio E., Dafermos Y., Monnin P., Ryan-Collins J., Schotten G., Tanaka M. (2018) Climate Change Challenges for Central Banks and Financial Regulators // *Nature Climate Change*. Vol. 8. No. 6. P. 462–468. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1038/s41558-018-0175-0>.

Carattini S., Heutel G., Melkadze G. (2021) Climate Policy, Financial Frictions, and Transition Risk. NBER Working Paper No. 28525, National Bureau of Economic Research. Режим доступа: <http://www.nber.org/papers/w28525> (дата обращения: 03.02.2023).

- Carvalho V.M., Nirei M., Saito Y.U., Tahbaz-Salehi A. (2021) Supply Chain Disruptions: Evidence From the Great East Japan Earthquake // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 136. No. 2. P. 1255–1321. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/qje/qjaa044>.
- Cevik M.S., Jalles J.T. (2022) This Changes Everything: Climate Shocks and Sovereign Bonds // *Energy Economics*. Vol. 107. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2022.105856>.
- Chen C., Pan D., Huang Z., Bleischwitz R. (2021) Engaging Central Banks in Climate Change? The Mix of Monetary and Climate Policy // *Energy Economics*. Vol. 103. No. 4. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2021.105531>.
- Ciarli T., Savona M. (2019) Modelling the Evolution of Economic Structure and Climate Change: A Review // *Ecological Economics*. Vol. 158. P. 51–64. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2018.12.008>.
- Dafermos Y., Nikolaidi M., Galanis G. (2017) A Stock-Flow-Fund Ecological Macroeconomic Model // *Ecological Economics*. Vol. 131. P. 191–207. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2016.08.013>.
- Dafermos Y., Nikolaidi M., Galanis G. (2018) Climate Change, Financial Stability and Monetary Policy // *Ecological Economics*. Vol. 152. P. 219–234. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2018.05.011>.
- Dikau S., Volz U. (2018) Central Banking, Climate Change and Green Finance. ADBI Working Paper No. 867, Asian Development Bank Institute. Режим доступа: <https://www.adb.org/publications/central-banking-climate-change-and-green-finance> (дата обращения: 03.02.2023).
- Dikau S., Volz U. (2021) Central Bank Mandates, Sustainability Objectives and the Promotion of Green Finance // *Ecological Economics*. Vol. 184. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2021.107022>.
- Diluiso F., Annicchiarico B., Kalkuhl M., Minx J.C. (2021) Climate Actions and Macro-Financial Stability: The Role of Central Banks // *Journal of Environmental Economics and Management*. Vol. 110. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jeem.2021.102548>.
- Eccles R., Krzus M. (2019) Implementing the Task Force on Climate-Related Financial Disclosures Recommendations: An Assessment of Corporate Readiness // *Schmalenbach Business Review*. Vol. 71. No. 2. P. 287–293. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s41464-018-0060-4>.
- Fabris N. (2020) Financial Stability and Climate Change // *Journal of Central Banking Theory and Practice*. Vol. 9. No. 3. P. 27–43. Режим доступа: <http://doi.org/10.2478/jcbtp-2020-0034>.
- Germanwatch (n.d.) Global Climate Risk Index. Режим доступа: <https://www.germanwatch.org/en/cri> (16 July 2022).
- Giuzio M., Krušec D., Levels A., Melo A.S., Mikkonen K., Radulova P. (2019) Climate Change and Financial Stability // *Financial Stability Review*. Vol. 1. Режим доступа: https://www.ecb.europa.eu/pub/financial-stability/fsr/special/html/ecb.fsrart201905_1~47cf778cc1.en.html (дата обращения: 03.02.2023).
- Hájek M., Zimmermannova J., Helman K., Rozensky L. (2019) Analysis of Carbon Tax Efficiency in Energy Industries of Selected EU Countries // *Energy Policy*. Vol. 134. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.110955>.
- Hashimoto R., Sudo N. (2022) Transmission of Flood Damage to the Real Economy and Financial Intermediation: Simulation Analysis Using a DSGE Model. Working Paper No 22-E-5, Bank of Japan. Режим доступа: https://www.boj.or.jp/en/research/wps_rev/wps_2022/data/wp22e05.pdf (accessed 15 September 2022).
- Howard P.H., Sterner T. (2017) Few and Not So Far Between: A Meta-Analysis of Climate Damage Estimates // *Environmental and Resource Economics*. Vol. 68. No. 1. P. 197–225. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s10640-017-0166-z>.
- Huang H.H., Kerstein J., Wang C. (2018) The Impact of Climate Risk on Firm Performance and Financing Choices: An International Comparison // *Journal of International Business Studies*. Vol. 49. No. 5. P. 633–656. Режим доступа: <https://doi.org/10.1057/s41267-017-0125-5>.
- Ilhan E., Sautner Z., Vilkov G. (2021) Carbon Tail Risk // *Review of Financial Studies*. Vol. 34. No. 3. P. 1540–1571. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/rfs/hhaa071>.
- International Renewable Energy Agency (IRENA) (2021) Majority of New Renewables Undercut Cheapest Fossil Fuel on Cost. Press Release, 22 June. Режим доступа: <https://www.irena.org/news/pressreleases/2021/Jun/Majority-of-New-Renewables-Undercut-Cheapest-Fossil-Fuel-on-Cost> (accessed 17 January 2023).

- Jung J., Herbohn K., Clarkson P. (2018) Carbon Risk, Carbon Risk Awareness and the Cost of Debt Financing // *Journal of Business Ethics*. Vol. 150. No. 4. P. 1151–1171. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s10551-016-3207-6>.
- Khairunnessa F., Vazquez-Brust D.A., Yakovleva N. (2021) A Review of the Recent Developments of Green Banking in Bangladesh // *Sustainability*. Vol. 13. No. 4. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.3390/su13041904>.
- Kiyotaki N., Moore G. (1997) Credit Cycles // *Journal of Political Economy*. Vol. 105. No. 2. P. 211–248. Режим доступа: <https://doi.org/10.1086/262072>.
- Klomp J. (2014) Financial Fragility and Natural Disasters: An Empirical Analysis // *Journal of Financial Stability*. Vol. 13. P. 180–192. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2014.06.001>.
- Kompas T., Pham V.H., Che T.N. (2018) The Effects of Climate Change on GDP by Country and the Global Economic Gains From Complying With the Paris Climate Accord // *Earth's Future*. Vol. 6. No. 8. P. 1153–1173. Режим доступа: <https://doi.org/10.1029/2018EF000922>.
- Maaloul A. (2018) The Effect of Greenhouse Gas Emissions on Cost of Debt: Evidence From Canadian Firms // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. Vol. 25. No. 6. P. 1407–1415. Режим доступа: <https://doi.org/10.1002/csr.1662>.
- McConnell A., Yanovski B., Lessmann K. (2022) Central Bank Collateral as an Instrument for Climate Mitigation // *Climate Policy*. Vol. 22. No. 3. P. 339–355. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/14693062.2021.2012112>.
- Muhammad N., Scrimgeour F., Reddy K., Abidin S. (2015) The Impact of Corporate Environmental Performance on Market Risk: The Australian Industry Case // *Journal of Business Ethics*. Vol. 132. P. 347–362. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/14693062.2021.2012112>.
- Nordhaus W. (2014) Estimates of the Social Cost of Carbon: Concepts and Results from the DICE-2013R Model and Alternative Approaches // *Journal of the Association of Environmental and Resource Economists*. Vol. 1. No. 1–2. P. 273–312. Режим доступа: <https://doi.org/10.1086/676035>.
- Palea V., Drogo F. (2020) Carbon Emissions and the Cost of Debt in the Eurozone: The Role of Public Policies, Climate-Related Disclosure and Corporate Governance // *Business Strategy and the Environment*. Vol. 29. No. 8. P. 2953–2972. Режим доступа: <https://doi.org/10.1002/bse.2550>.
- Rashid M.H.U., Uddin M.M. (2018) Green Financing for Sustainability: Analysing the Trends With Challenges and Prospects in the Context of Bangladesh // *International Journal of Green Economics*. Vol. 12. No. 3–4. P. 192–208. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1504/IJGE.2018.097876>.
- Reuters (2009) Thomson Reuters buys Swiss data provider ASSET4, 30 November. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-asset4-idUSTRE5AT0OW20091130> (дата обращения: 15.08.2022).
- Roncoroni A., Battiston S., Escobar-Farfán L., Martinez-Jaramillo S. (2021) Climate Risk and Financial Stability in the Network of Banks and Investment Funds // *Journal of Financial Stability*. Vol. 54. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2021.100870>.
- Rosenbloom D., Markard J., Geels F.W., Fuenfschilling L. (2020) Why Carbon Pricing Is Not Sufficient to Mitigate Climate Change – And How “Sustainability Transition Policy” Can Help // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 117. No. 16. P. 8664–8668. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.2004093117>.
- Sassen R., Hinze A. K., Hardeck I. (2016) Impact of ESG Factors on Firm Risk in Europe // *Journal of Business Economics*. Vol. 86. P. 867–904. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s11573-016-0819-3>.
- Scott M., van Huizen J., Jung C. (2017) The Bank of England's Response to Climate Change // *Bank of England Quarterly Bulletin*. Vol. 57. No. 2. P. 98–109. Режим доступа: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/quarterly-bulletin/2017/the-banks-response-to-climate-change.pdf?la=en&hash=7DF676C781E5FAEE994C2A210A6B9EEE44879387> (дата обращения: 03.02.2023).
- Sharmina M., Anderson K., Bows-Larkin A. (2013) Climate Change Regional Review: Russia // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. Vol. 4. No. 5. P. 373–396. Режим доступа: <https://doi.org/10.1002/wcc.236>.

Smaga P. (2013) Assessing Involvement of Central Banks in Financial Stability. Center for Financial Stability Policy Paper. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2269265> (дата обращения: 03.02.2023).

Smith S.J., Edmonds J., Hartin C.A., Mundra A., Calvin K. (2015) Near-Term Acceleration in the Rate of Temperature Change // *Nature Climate Change*. Vol. 5. P. 333–336. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1038/NCLIMATE2552>.

Task Force on Climate-Related Financial Disclosures (TCFD) (2021) Recommendations of the Task Force on Climate-Related Financial Disclosures. Final Report. Режим доступа: <https://assets.bbhub.io/company/sites/60/2021/10/FINAL-2017-TCFD-Report.pdf> (accessed 8 January 2023).

Thomson Reuters (2009) Social Impact Institute. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-asset4-idUSTRE5AT0OW20091130> (accessed 5 February 2023).

United Nations (UN) (2021) Climate and Weather Related Disasters Surge Five-Fold Over 50 Years, But Early Warnings Save Lives: WMO Report. UN News, 1 September. Режим доступа: <https://news.un.org/en/story/2021/09/1098662> (accessed 20 August 2022).

van der Ploeg F., Withagen C. (2012) Too Much Coal, Too Little Oil // *Journal of Public Economics*. Vol. 96. No. 1–2. P. 62–77. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2011.08.005>.

Vermeulen R., Schets E., Lohuis M., Kölbl B., Jansen D.-J., Heeringa W. (2021) The Heat Is On: A Framework for Measuring Financial Stress Under Disruptive Energy Transition Scenarios. // *Ecological Economics*. Vol. 190. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2021.107205>.

Woetzel J., Pinner D., Samandari H., Engel H., Krishnan M., Boland B., Powis C. (2020) Climate Risk and Response: Physical Hazards and Socioeconomic Impacts. McKinsey Global Institute Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/business%20functions/sustainability/our%20insights/climate%20risk%20and%20response%20physical%20hazards%20and%20socioeconomic%20impacts/mgi-climate-risk-and-response-full-report-vf.pdf> (accessed on 18 January 2023).

World Economic Forum (WEF) (2023) The Global Risk Report 2023. Режим доступа: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2023.pdf (accessed 17 January 2023).

Wu Y., Tian Y. (2022) The Price of Carbon Risk: Evidence From China's Bond Market // *China Journal of Accounting Research*. Vol. 15. No. 2. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.cjar.2022.100245>.

Xing C., Zhang Y., Tripe D. (2021) Green Credit Policy and Corporate Access to Bank Loans in China: The Role of Environmental Disclosure and Green Innovation // *International Review of Financial Analysis*. Vol. 77. Режим доступа: <https://doi.org/10.1002/mde.3556>.

Zhang X., Wang Z., Zhong X., Yang S. (2022) Do Green Banking Activities Improve the Banks' Environmental Performance? The Mediating Effect of Green Financing // *Sustainability*. Vol. 14. No. 2. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.3390/su14020989>.

Climate Risks and Financial Stability: The Role of Central Banks and Implications for Russia¹

P. Levakov, V. Barinova, A. Polbin

Pavel Levakov – Researcher of the Laboratory for Sustainable Development Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Manager of the Sustainable Development Solutions Network (SDSN) in Russia; 82 Prospekt Vernadskogo, bldg. 1, Moscow, 119571, Russia; levakov-pa@ranepa.ru

Vera Barinova – PhD, Director of the Laboratory for Sustainable Development Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Manager of the Sustainable Development Solutions Network (SDSN) in Russia; 82 Prospekt Vernadskogo, bldg. 1, Moscow, 119571, Russia; barinova@ranepa.ru

Andrey Polbin – PhD (Candidate of Science) in Economics, Director of the Center for Mathematical Modeling of Economic Processes (IPEI RANEPA); 82 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia; apolbin@ranepa.ru

Abstract

One of the key challenges of modern times is climate change, which is occurring at an unprecedented pace. This phenomenon also affects the financial system through increased risks. In response to rising financial risks, central banks around the world are becoming more involved in climate policy.

Within the framework of this article an analysis based on modern scientific literature is made to evaluate the participation of central banks in preventing climate change and stabilizing the financial system, as well as to assess the effectiveness of their policies. The article identifies potential connections between global warming on the financial system and evaluates this relationship based on the analysis of empirical evidence and mathematical models. In addition, the role of central banks in attracting green investments is estimated. The reaction of central banks to climate change and the destabilization of the financial system in developed and developing countries is considered within the article; in particular, the difference between the instruments used is analyzed. It is concluded that, currently, a more active climate policy is being pursued by the central banks of the developing countries.

Finally, based on the analysis of international practices, recommendations are made for the Central Bank of the Russian Federation, as it is exposed to significant transitional climate risks. The key recommendations include the need to differentiate the value of collateral assets and regulatory requirements for the structure of financial institutions' asset portfolios, depending on the risk of a decrease in their value due to the global community's fight against global warming and climate change.

Keywords: central bank, climate change, financial risks, green investment, climate policy

Acknowledgments: the study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No 21-18-00126, <https://rscf.ru/en/project/21-18-00126/>.

For citation: Levakov P., Barinova V., Polbin A. (2023) Climate Risks and Financial Stability: The Role of Central Banks and Implications for Russia. *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 1, pp. 204–231 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-09

---

¹ This review was submitted 10.10.2022.

References

- Addoum J.M., Ng D.T., Ortiz-Bobea A. (2020) Temperature Shocks and Establishment Sales. *Review of Financial Studies*, vol. 33, no 3, pp. 1331–66. Available at: <https://doi.org/10.1093/rfs/hhz126>.
- Alsaifi K., Elnahass M., Al-Awadhi A.M., Salama A. (2022) Carbon Disclosure and Firm Risk: Evidence From the UK Corporate Responses to Climate Change. *Eurasian Business Review*, vol. 12, no 3, pp. 1–22. Available at: <https://doi.org/10.1007/s40821-021-00190-0>.
- Avril P., Leveue G., Turcu C. (2021) Natural Disasters and Financial Stress: Can Macroprudential Regulation Tame Green Swans? INFER Working Paper Series No 13, International Network for Economic Research. Available at: <https://infer-research.eu/wp-content/uploads/2021/12/WP2021.13-1.pdf> (accessed 3 February 2023).
- Bangladesh Bank (2013) Green Banking and CSR Department. GBCSRD Circular Letter No 05, 11 September. Available at: <https://www.bb.org.bd/mediaroom/circulars/gbcrd/sep112013gbcrd105e.pdf> (accessed 18 January 2023).
- Bank of Russia (2019) The Bank of Russia Has Joined the Central Banks and Supervisors Network for Greening the Financial System. News, 12 December. Available at: <http://www.cbr.ru/eng/press/event/?id=5239> (accessed 24 September 2022).
- Bank of Russia (2022) Klimaticheskie riski v menyayushchikhsya ekonomicheskikh usloviyakh: doklad dlya obshchestvennykh konsultatsiy [Climate Risks in a Changing Economic Environment: Report for Public Consultation]. Available at: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/143643/Consultation_Paper_21122022.pdf (accessed 18 January 2023) (in Russian).
- Bank of Russia (n.d.a) Klyuchevye takticheskie tseli Rabochey gruppy po finansirovaniyu ustoychivogo razvitiya [Key Tactical Objectives of the Working Group on Sustainable Development Financing]. Available at: https://cbr.ru/develop/ur/key_tact/ (accessed 7 January 2023) (in Russian).
- Bank of Russia (n.d.b) Informatsionnye pis'ma i rekomendatsii po ustoychivomu razvitiyu [Information Letters and Recommendations on Sustainability]. Available at: <http://www.cbr.ru/develop/ur/na/> (accessed 18 January 2023) (in Russian).
- Barinova V., Zemtsov S., Mikhaylov A., Tsareva Yu. (2022) Peresmotr dolgosrochnykh trendov razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossii i regionakh v postsovet'skiy period [Revision of Long-Term Trends in the Development of Small and Medium-Sized Businesses in Russia and Its Regions in the Post-Soviet Period]. *Russian Economic Development*, vol. 29, no 7, pp. 29–44. Available at: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/ruserr/r2260.pdf> (accessed 3 February 2023) (in Russian).
- Barro R.J. (1990) Government Spending in a Simple Model of Endogeneous Growth. *Journal of Political Economy*, vol. 98, no 5, pp. 103–25. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2937633>.
- Basel Committee on Banking Supervision (BCBS). (2021) Climate-related financial risks – measurement methodologies. Available at: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d518.pdf> (accessed 13 September 2022).
- Bashmakov I. (2020) Strategiya nizkouglerodnogo razvitiya rossiyskoy ekonomiki [Strategy for Low-Carbon Development of the Russian Economy]. *Voprosy ekonomiki*, no 7, pp. 51–74. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-51-74> (in Russian).
- Batten S. (2020) Climate Change: Macroeconomic Impact and Implications for Monetary Policy. *Ecological, Societal, and Technological Risks and the Financial Sector*. London: Springer International Publishing.
- Battiston S., Dafermos Y., Monasterolo I. (2021) Climate Risks and Financial Stability. *Journal of Financial Stability*, vol. 54. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2021.100867>.
- Berdin V., Potashnikov V., Kokorin A., Yulkin G. (2020) Razvitie VIE v Rossii: potentsial i prakticheskie shagi [RES Development in Russia: Potential and Practical Steps]. *Ekonomicheskaya politika*, vol. 15, no 2, pp. 106–35 (in Russian). Available at: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-2-106-135>.
- Bernanke B., Gertler M., Gilchrist S. (1996) The Financial Accelerator and the Flight to Quality. *Review of Economics and Statistics*, vol. 78, no 1, pp. 1–15. Available at: <https://doi.org/10.2307/2109844>.
- Bertelsmann Stiftung's Transformation Index (BTI) (2022) Russia Report. Available at: <https://bti-project.org/en/reports/country-report/RUS> (accessed 12 August 2022).

- Bose S., Khan H.Z., Monem R.M. (2021) Does Green Banking Performance Pay Off? Evidence From a Unique Regulatory Setting in Bangladesh. *Corporate Governance: An International Review*, vol. 29, no 2, pp. 162–87. Available at: <https://doi.org/10.1111/corg.12349>.
- Bovari E., Giraud G., McIsaac F. (2018) Coping With Collapse: A Stock-Flow Consistent Monetary Macrodynamics of Global Warming. *Ecological Economics*, vol. 147, pp. 383–98. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2018.01.034>.
- Brei M., Mohan P., Strobl E. (2019) The Impact of Natural Disasters on the Banking Sector: Evidence From Hurricane Strikes in the Caribbean. *Quarterly Review of Economics and Finance*, vol. 72, pp. 232–9. Available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.qref.2018.12.004>.
- Breitenstein M., Nguyen D.K., Walther T. (2021) Environmental Hazards and Risk Management in the Financial Sector: A Systematic Literature Review. *Journal of Economic Surveys*, vol. 35, no 2, pp. 512–38. Available at: <https://doi.org/10.1111/joes.12411>.
- Buhr B., Volz U., Donovan C., Kling G., Lo Y.C., Murinde V., Pullin N. (2018) Climate Change and the Cost of Capital in Developing Countries: Assessing the Impact of Climate Risks on Sovereign Borrowing Costs. United Nations Environment Programme. Available at: <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/26007> (accessed 3 February 2023).
- Campiglio E. (2016) Beyond Carbon Pricing: The Role of Banking and Monetary Policy in Financing the Transition to a Low-Carbon Economy. *Ecological Economics*, vol. 121, pp. 220–30. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2015.03.020>.
- Campiglio E., Dafermos Y., Monnin P., Ryan-Collins J., Schotten G., Tanaka M. (2018) Climate Change Challenges for Central Banks and Financial Regulators. *Nature Climate Change*, vol. 8, no 6, pp. 462–8. Available at: <http://dx.doi.org/10.1038/s41558-018-0175-0>.
- Carattini S., Heutel G., Melkadze G. (2021) Climate Policy, Financial Frictions, and Transition Risk. NBER Working Paper No 28525, National Bureau of Economic Research. Available at: <http://www.nber.org/papers/w28525> (accessed 3 February 2023).
- Carvalho V.M., Nirei M., Saito Y.U., Tahbaz-Salehi A. (2021) Supply Chain Disruptions: Evidence From the Great East Japan Earthquake. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 136, no 2, pp. 1255–321. Available at: <https://doi.org/10.1093/qje/qjaa044>.
- Cevik M.S., Jalles J.T. (2022) This Changes Everything: Climate Shocks and Sovereign Bonds. *Energy Economics*, vol. 107. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2022.105856>.
- Chen C., Pan D., Huang Z., Bleischwitz R. (2021) Engaging Central Banks in Climate Change? The Mix of Monetary and Climate Policy. *Energy Economics*, vol. 103, no 4. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2021.105531>.
- Ciarli T., Savona M. (2019) Modelling the Evolution of Economic Structure and Climate Change: A Review. *Ecological Economics*, vol. 158, pp. 51–64. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2018.12.008>.
- Dafermos Y., Nikolaidi M., Galanis G. (2017) A Stock-Flow-Fund Ecological Macroeconomic Model. *Ecological Economics*, vol. 131, pp. 191–207. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2016.08.013>.
- Dafermos Y., Nikolaidi M., Galanis G. (2018) Climate Change, Financial Stability and Monetary Policy. *Ecological Economics*, vol. 152, pp. 219–34. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2018.05.011>.
- Dikau S., Volz U. (2018) Central Banking, Climate Change and Green Finance. ADBI Working Paper No 867, Asian Development Bank Institute. Available at: <https://www.adb.org/publications/central-banking-climate-change-and-green-finance> (accessed 3 February 2023).
- Dikau S., Volz U. (2021) Central Bank Mandates, Sustainability Objectives and the Promotion of Green Finance. *Ecological Economics*, vol. 184. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2021.107022>.
- Diluiso F., Annicchiarico B., Kalkuhl M., Minx J.C. (2021) Climate Actions and Macro-Financial Stability: The Role of Central Banks. *Journal of Environmental Economics and Management*, vol. 110. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jeem.2021.102548>.
- Eccles R., Krzus M. (2019) Implementing the Task Force on Climate-Related Financial Disclosures Recommendations: An Assessment of Corporate Readiness. *Schmalenbach Business Review*, vol. 71, no 2, pp. 287–93. Available at: <https://doi.org/10.1007/s41464-018-0060-4>.

Fabris N. (2020) Financial Stability and Climate Change. *Journal of Central Banking Theory and Practice*, vol. 9, no 3, pp. 27–43. Available at: <http://doi.org/10.2478/jcbtp-2020-0034>.

Federal Tax Service of Russia (2021) Podvedeny itogi postupleniy za 10 mesyatsev 2021 goda [The Results of Receipts for 10 Months Are Summed Up]. 1 December. Available at: https://www.nalog.gov.ru/rn26/news/activities_fts/11660229/ (accessed 20 August 2022) (in Russian).

Federal Tax Service of Russia (n.d.) Analiticheskiy portal FNS Rossii [Analytical Portal]. Available at: <https://analytic.nalog.gov.ru> (accessed 20 August 2022) (in Russian).

Germanwatch (n.d.) Global Climate Risk Index. Available at: <https://www.germanwatch.org/en/cri> (16 July 2022).

Giuzio M., Krušec D., Levels A., Melo A.S., Mikkonen K., Radulova P. (2019) Climate Change and Financial Stability. *Financial Stability Review*, vol. 1. Available at: https://www.ecb.europa.eu/pub/financial-stability/fsr/special/html/ecb.fsrart201905_1~47cf778cc1.en.html (accessed 3 February 2023).

Government of the Russian Federation (RF) (2022) Decree of the Government of the Russian Federation No 2022, 12 March, “On the Specific of Disclosure and Provision in 2022 in Accordance With the Requirements of the Federal Law “On Joint-Stock Companies” and the Federal Law “On the Securities Market”, and the Specifics of Disclosure of Insider Information in Accordance With the Requirements of the Federal Law “On Counteracting the Misuse of Insider Information and Market Manipulation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203140028> (accessed 9 January 2023) (in Russian).

Hájek M., Zimmermannova J., Helman K., Rozensky L. (2019) Analysis of Carbon Tax Efficiency in Energy Industries of Selected EU Countries. *Energy Policy*, vol. 134. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.110955>.

Hashimoto R., Sudo N. (2022) Transmission of Flood Damage to the Real Economy and Financial Intermediation: Simulation Analysis Using a DSGE Model. Working Paper No 22-E-5, Bank of Japan. Available at: https://www.boj.or.jp/en/research/wps_rev/wps_2022/data/wp22e05.pdf (accessed 15 September 2022).

Howard P.H., Sterner T. (2017) Few and Not So Far Between: A Meta-Analysis of Climate Damage Estimates. *Environmental and Resource Economics*, vol. 68, no 1, pp. 197–225. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10640-017-0166-z>.

Huang H.H., Kerstein J., Wang C. (2018) The Impact of Climate Risk on Firm Performance and Financing Choices: An International Comparison. *Journal of International Business Studies*, vol. 49, no 5, pp. 633–56. Available at: <https://doi.org/10.1057/s41267-017-0125-5>.

Ilhan E., Sautner Z., Vilkov G. (2021) Carbon Tail Risk. *Review of Financial Studies*, vol. 34, no 3, pp. 1540–71. Available at: <https://doi.org/10.1093/rfs/hhaa071>.

International Renewable Energy Agency (IRENA) (2021) Majority of New Renewables Undercut Cheapest Fossil Fuel on Cost. Press Release, 22 June. Available at: <https://www.irena.org/news/pressreleases/2021/Jun/Majority-of-New-Renewables-Undercut-Cheapest-Fossil-Fuel-on-Cost> (accessed 17 January 2023).

Jung J., Herbohn K., Clarkson P. (2018) Carbon Risk, Carbon Risk Awareness and the Cost of Debt Financing. *Journal of Business Ethics*, vol. 150, no 4, pp. 1151–71. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10551-016-3207-6>.

Khairunnessa F., Vazquez-Brust D.A., Yakovleva N. (2021) A Review of the Recent Developments of Green Banking in Bangladesh. *Sustainability*, vol. 13, no 4. Available at: <http://dx.doi.org/10.3390/su13041904>.

Kiyotaki N., Moore G. (1997) Credit Cycles. *Journal of Political Economy*, vol. 105, no 2, pp. 211–48. Available at: <https://doi.org/10.1086/262072>.

Klomp J. (2014) Financial Fragility and Natural Disasters: An Empirical Analysis. *Journal of Financial Stability*, vol. 13, pp. 180–92. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2014.06.001>.

Kompas T., Pham V.H., Che T.N. (2018) The Effects of Climate Change on GDP by Country and the Global Economic Gains From Complying With the Paris Climate Accord. *Earth's Future*, vol. 6, no 8, pp. 1153–73. Available at: <https://doi.org/10.1029/2018EF000922>.

Maaloul A. (2018) The Effect of Greenhouse Gas Emissions on Cost of Debt: Evidence From Canadian Firms. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, vol. 25, no 6, pp. 1407–1415. Available at: <https://doi.org/10.1002/csr.1662>.

- Makarov I., Chen Kh., Paltsev S. (2018) Posledstviya Parizhskogo klimaticheskogo soglasheniya dlya ekonomiki Rossii [Consequences of the Paris Climate Agreement for the Russian Economy]. *Voprosy ekonomiki*, vol. 4, pp. 76–94. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-4-76-94> (in Russian).
- McConnell A., Yanovski B., Lessmann K. (2022) Central Bank Collateral as an Instrument for Climate Mitigation. *Climate Policy*, vol. 22, no 3, pp. 339–55. Available at: <https://doi.org/10.1080/14693062.2021.2012112>.
- Mitrova T., Khokhlov A., Melnikov Yu., Perdero A., Melnikova M., Zalyubovskiy E. (2020) Global'naya klimaticheskaya ugroza i ekonomika Rossii: v poiskakh osobogo puti [The Global Climate Threat and the Russian Economy: In Search of a Special Path]. *Tsentr energetiki Moskovskoy shkoly upravleniya SKOLKOVO*. Available at: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Climate_Primer_RU.pdf (accessed on 20.09.2022) (accessed 3 February 2023) (in Russian).
- Muhammad N., Scrimgeour F., Reddy K., Abidin S. (2015) The Impact of Corporate Environmental Performance on Market Risk: The Australian Industry Case. *Journal of Business Ethics*, vol. 132, pp. 347–62. Available at: <https://doi.org/10.1080/14693062.2021.2012112>.
- Nordhaus W. (2014) Estimates of the Social Cost of Carbon: Concepts and Results from the DICE-2013R Model and Alternative Approaches. *Journal of the Association of Environmental and Resource Economists*, vol. 1, no 1–2, pp. 273–312. Available at: <https://doi.org/10.1086/676035>.
- Palea V., Drogo F. (2020) Carbon Emissions and the Cost of Debt in the Eurozone: The Role of Public Policies, Climate-Related Disclosure and Corporate Governance. *Business Strategy and the Environment*, vol. 29, no 8, pp. 2953–72. Available at: <https://doi.org/10.1002/bse.2550>.
- Rashid M.H.U., Uddin M.M. (2018) Green Financing for Sustainability: Analysing the Trends With Challenges and Prospects in the Context of Bangladesh. *International Journal of Green Economics*, vol. 12, no 3–4, pp. 192–208. Available at: <http://dx.doi.org/10.1504/IJGE.2018.097876>.
- Reuters (2009) Thomson Reuters buys Swiss data provider ASSET4, 30 November. URL: <https://www.reuters.com/article/us-asset4-idUSTRE5AT0OW20091130> (дата обращения: 15.08.2022)
- Roncoroni A., Battiston S., Escobar-Farfán L., Martinez-Jaramillo S. (2021) Climate Risk and Financial Stability in the Network of Banks and Investment Funds. *Journal of Financial Stability*, vol. 54. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2021.100870>.
- Rosenbloom D., Markard J., Geels F.W., Fuenfschilling L. (2020) Why Carbon Pricing Is Not Sufficient to Mitigate Climate Change – And How “Sustainability Transition Policy” Can Help. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 117, no 16, pp. 8664–8. Available at: <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.2004093117>.
- Rosstat (2021) O vneshney torgovle v 2021 godu [About Foreign Trade]. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html (accessed 21 August 2022) (in Russian).
- Sassen R., Hinze A.K., Hardeck I. (2016) Impact of ESG Factors on Firm Risk in Europe. *Journal of Business Economics*, vol. 86, pp. 867–904. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11573-016-0819-3>.
- Scott M., van Huizen J., Jung C. (2017) The Bank of England's Response to Climate Change. *Bank of England Quarterly Bulletin*, vol. 57, no 2, pp. 98–109. Available at: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/quarterly-bulletin/2017/the-banks-response-to-climate-change.pdf?la=en&hash=7DF676C781E5FAEE994C2A210A6B9EEE44879387> (accessed 3 February 2023).
- Sharmina M., Anderson K., Bows-Larkin A. (2013) Climate Change Regional Review: Russia. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*, vol. 4, no 5, pp. 373–96. Available at: <https://doi.org/10.1002/wcc.236>.
- Smaga P. (2013) Assessing Involvement of Central Banks in Financial Stability. Center for Financial Stability Policy Paper. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2269265> (accessed 3 February 2023).
- Smith S.J., Edmonds J., Hartin C.A., Mundra A., Calvin K. (2015) Near-Term Acceleration in the Rate of Temperature Change. *Nature Climate Change*, vol. 5, pp. 333–6. Available at: <http://dx.doi.org/10.1038/NCLIMATE2552>.
- Task Force on Climate-Related Financial Disclosures (TCFD) (2021) Recommendations of the Task Force on Climate-Related Financial Disclosures. Final Report. Available at: <https://assets.bbhub.io/company/sites/60/2021/10/FINAL-2017-TCFD-Report.pdf> (accessed 8 January 2023).
- Thomson Reuters (2009) Social Impact Institute. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-asset4-idUSTRE5AT0OW20091130> (accessed 5 February 2023).

United Nations (UN) (2021) Climate and Weather Related Disasters Surge Five-Fold Over 50 Years, But Early Warnings Save Lives: WMO Report. UN News, 1 September. Available at: <https://news.un.org/en/story/2021/09/1098662> (accessed 20 August 2022).

van der Ploeg F., Withagen C. (2012) Too Much Coal, Too Little Oil. *Journal of Public Economics*, vol. 96, no 1–2, pp. 62–77. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2011.08.005>.

Vermeulen R., Schets E., Lohuis M., Kölbl B., Jansen D.-J., Heeringa W. (2021) The Heat Is On: A Framework for Measuring Financial Stress Under Disruptive Energy Transition Scenarios. *Ecological Economics*, vol. 190. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2021.107205>.

Votinov A., Lazaryan S., Radionov S., Sudakov S. (2021) Otsenka posledstviy primeneniya mekhanizma transgranichnogo uglerodnogo regulirovaniya Evrosoyuza dlya Rossii [Assessment of the Consequences of the Application of the Mechanism of Transboundary Carbon Regulation of the European Union for Russia]. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, vol. 25, no 3, pp. 452–77. Available at: <https://ej.hse.ru/data/2021/12/28/1762160191/Вотиннов.pdf> (accessed 3 February 2023) (in Russian).

Woetzel J., Pinner D., Samandari H., Engel H., Krishnan M., Boland B., Powis C. (2020) Climate Risk and Response: Physical Hazards and Socioeconomic Impacts. McKinsey Global Institute Available at: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/business%20functions/sustainability/our%20insights/climate%20risk%20and%20response%20physical%20hazards%20and%20socioeconomic%20impacts/mgi-climate-risk-and-response-full-report-vf.pdf> (accessed on 18 January 2023).

World Economic Forum (WEF) (2023) The Global Risk Report 2023. Available at: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2023.pdf (accessed 17 January 2023).

Wu Y., Tian Y. (2022) The Price of Carbon Risk: Evidence From China's Bond Market. *China Journal of Accounting Research*, vol. 15, no 2. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.cjar.2022.100245>.

Xing C., Zhang Y., Tripe D. (2021) Green Credit Policy and Corporate Access to Bank Loans in China: The Role of Environmental Disclosure and Green Innovation. *International Review of Financial Analysis*, vol. 77. Available at: <https://doi.org/10.1002/mde.3556>.

Zhang X., Wang Z., Zhong X., Yang S. (2022) Do Green Banking Activities Improve the Banks' Environmental Performance? The Mediating Effect of Green Financing. *Sustainability*, vol. 14. no 2. Available at: <http://dx.doi.org/10.3390/su14020989>.

Шанхайская организация сотрудничества: переоценка приоритетов на фоне старых проблем и новых вызовов

Рецензия на коллективную монографию

“The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons”^{1, 2}

Р.М. Халафян

Халафян Рустам Мартикович — к.ю.н., доцент кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета (УрГЮУ) им. В.Ф. Яковлева, н.с. Лаборатории международных и сравнительно-правовых исследований Тюменского государственного университета; Россия, 620034, Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54; rustam_halafyan@mail.ru

Аннотация

В рецензии представлен обзор результатов уникального международного исследования, посвященного Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Проект реализован по инициативе крупных российских специалистов, охватывает периоды становления ШОС и поиска новых сфер сотрудничества, перспективные области взаимодействия стран-участниц. Оценка текущего состояния регионального объединения и его будущего дана широким кругом авторов (юристами, экономистами и др.), что позволяет составить довольно полное представление о ШОС и складывающихся направлениях ее последующего развития. Публикация монографии в авторитетном зарубежном издательстве — свидетельство внимания к регионализации, особенно заметной в последнее время на фоне замедления процессов правового регулирования на универсальном уровне.

В монографии исследуются причины объединения усилий государств в рамках ШОС для реализации общих интересов, не ограниченных традиционным сотрудничеством в сфере безопасности. Авторы уделяют внимание специфике правовых систем государств-членов, отношениям стран, а также тому, насколько удачно ШОС реагирует на вызовы в сфере труда и миграции, энергетики, защиты окружающей среды, транспортных и логистических связей. Подобный подход отражает условия национально-правовой имплементации международных обязательств членами ШОС. Сформулированы основные черты евразийской концепции прав человека, провозглашаются ее существование и значимость. Исследование снабжено необходимыми схемами, графиками, таблицами.

При написании рецензии использованы общенаучные и специальные методы познания. Она раскрывает структуру монографии, отдельные ее выводы и предложения.

Обзор научной работы позволил прийти к выводу о постепенной эволюции ШОС, росте гуманитарной составляющей ее компетенции и существующих противоречиях между потенциалом данной организации и достигнутыми результатами.

---

¹ Marochkin S., Bezborodov Y. (eds). The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons. L.: Routledge, 2022. <https://doi.org/10.4324/9781003170617>

² Обзор поступил в редакцию 28.11.2022.

Ключевые слова: ШОС, региональное сотрудничество, Китай, права человека, экономика, политика труда, энергетика, логистика, окружающая среда, международные организации

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00874, <https://rscf.ru/project/23-28-00874/>.

Для цитирования: Халафян Р.М. Шанхайская организация сотрудничества: переоценка приоритетов на фоне старых проблем и новых вызовов. Рецензия на коллективную монографию “The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons” // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 1. С. 232–237 (на русском языке). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-10

Чтобы составить правильное представление о специфике современных международных отношений, недостаточно ограничиться исследованием тенденций, складывающихся на универсальном уровне. Развитие международного сотрудничества показывает значимость региональных и субрегиональных связей стран, присущих им исторических, культурных, религиозных, экономических и иных особенностей. Не замечать их — значит, игнорировать явные различия, которые оказывают определяющее влияние на поведение государств во внутренней политике и на международной арене. Новая коллективная монография “*The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons*” из серии “*Routledge Studies on Asia in the World*” представляет собой удачный пример своевременного, комплексного и непредвзятого анализа крупнейшего евроазиатского межгосударственного объединения сегодняшнего дня — Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС, Организация).

Монография подготовлена международным коллективом авторов из большинства стран ШОС (Россия, Индия, Казахстан, Кыргызстан, Китай, Узбекистан) под руководством ведущих российских специалистов: профессор С.Ю. Марочкин более 30 лет занимается изучением взаимодействия международного и национального права, профессор Ю.С. Безбородов традиционно уделяет внимание конвергенции и интеграции национальных правопорядков.

Проект международный по составу и междисциплинарный по содержанию: задействованы представители юриспруденции, политологии, международных отношений, истории, экономики и др. Он реализован в русле современных международных исследований права международных организаций, отражает текущее состояние и потенциал ШОС. Следует поддержать идею редакторов избежать односторонних оценок, исходящих от авторов государств — членов ШОС, оценивать Организацию преимущественно в свете региональной безопасности. Монография содержит ценный материал о перспективах эволюции ШОС, переосмыслении ее сущности как таковой.

Предметом анализа являются не только природа и деятельность ШОС, но и специфика ее стран-членов. В соответствующих частях коллективной монографии раскрыты общие черты и особенности правовых систем государств ШОС, их идеологические ценности. Это особенно важно, так как глобализация способствует не только унификации права, но и поиску государствами национальной идентичности (О. Vinnichenko, E. Gladun, Zh. Busurmanov, р. 69–82). Такой подход позволяет определить причины тех или иных слабых сторон практики ШОС. Отмечается, что у государств-членов есть много общего: декларативный характер правовых норм, эклектичность в праве, авторитаризм, сильное влияние традиций и религии, а также советского права. Права человека и их защита в странах ШОС не имеют первостепенного значения.

Как поясняют авторы, причина заключается в разных правовых ценностях евразийской и западной цивилизаций. Евразийская концепция прав человека призвана сбалансировать традиционные ценности азиатского мира с общепринятыми правовыми нормами. Универсальную концепцию прав человека надлежит модернизировать и дополнить с помощью региональных концепций, в частности евразийской. Ее основные черты — терпимость, миролюбие, сотрудничество, евразийский геополитический баланс и др. Вместе с тем в монографии евразийская концепция прав человека как таковая глубоко не исследуется, скорее, проблема заявлена и очерчена, есть понимание необходимости ее дальнейшего изучения.

Книга состоит из трех частей: «Создание фундамента: корни и основания» (“Building a basis: roots and grounds”), «Движение по уровням сотрудничества» (“Moving through the levels of cooperation”), «Взгляд в будущее: к новым перспективам и горизонтам» (“Looking ahead: to new prospects and horizons”).

Монография начинается с анализа становления региональной международной организации, правовых основ взаимодействия ее членов, основных направлений деятельности ШОС. Обзор этой части исследования показывает, с одной стороны, явно выраженное желание государств построить дружеские и добрососедские отношения для поддержания мира и стабильности. С другой стороны, отсутствие четкого механизма осуществления целей и задач ШОС, международные акты которой часто носят декларативный характер (*M. Sarsembayev, Yu. Bezborodov*, p. 33–35).

В результате ШОС за время своего существования расширилась и углубила форматы и приоритетные направления сотрудничества (*O. Porshneva, M. Rakhimov, S. Razinkov*, p. 10–12; *E. Mikhaylenko, A. Ospanova, M. Lagutina*, p. 41–45). Так, территориальное расширение ШОС за счет Индии и Пакистана привело к исключению традиционных вопросов военной безопасности и появлению оснований для признания ШОС глобальным режимом борьбы с терроризмом. Государства обсуждают стабильность экономики, трудовую миграцию, культуру, образование.

Данная тенденция не противоречит Хартии ШОС, в которой провозглашаются защита суверенитета и борьба с экстремизмом, терроризмом, сепаратизмом наряду с повышением уровня жизни населения и защитой прав человека. Однако наметившаяся бюрократизация при принятии решений, разногласия России и Китая о будущем ШОС и механизмах сотрудничества препятствуют реализации достигнутых инициатив. Кроме того, совершенно очевидна потребность в национально-правовой имплементации международных обязательств, принятых в ШОС, например, о борьбе с экстремизмом (*A. Abashidze, K. Lyabakh*, p. 57–59).

Вторая часть монографии касается гуманитарной составляющей ШОС и текущего состояния законодательства в государствах-членах. Излишне говорить, насколько высока значимость сотрудничества в специальных областях для роста благополучия и сглаживания имеющихся противоречий. Данная деятельность признана одним из наиболее перспективных направлений. Однако главные успехи достигнуты только в культурном обмене и образовании (например, в 2008 г. учрежден сетевой Университет ШОС). По-прежнему недостаточно развита координация между странами. Зачастую практика ограничена политическими заявлениями и работой коллективных органов (групп, комиссий).

В исследовании выявлены препятствия, сдерживающие сотрудничество в гуманитарной сфере: цивилизационное разнообразие, отсутствие общих ценностей и универсального языка для общения. Представляется, что такой объединяющей идеей могла бы стать евразийская концепция прав человека, которая декларируется авторами. Бросается в глаза некоторое противоречие между евразийским подходом к правам человека и

утверждениями об отсутствии общих ценностей. По мнению авторов главы, «странам ШОС не удалось в полной мере использовать свой культурный, исторический и духовный потенциал в их внешней политике, в отличие от западноевропейских стран, которые объединены общими ценностями и успешно используют коллективные ресурсы “мягкой силы” на международной арене» (*O. Bogatyreva, A. Orozobekova*, p. 89, 97).

Особое место в практике государств ШОС занимают усилия, направленные на интеграцию рынка труда. Этому вопросу посвящено два очерка монографии. В первом раскрыто состояние трудового законодательства государств (*L. Zaitseva, K. Ramankulov*, p. 101–115), во втором сформулированы заслуживающие внимания выводы о практике трудовой миграции (*T. Luzina, A. Khamzin*, p. 116–130). Из их содержания следует, что несмотря на общее прошлое и текущие проблемы, трудовое законодательство государств – членов ШОС сильно различается. Остро ощущается потребность в его унификации с помощью стандартов МОТ. Однако степень их влияния зависит от места международного права в национальных правовых системах. Заключению общих трудовых соглашений в ШОС мешают политические разногласия и отсутствие стратегии экономической интеграции. Это происходит на фоне увеличения масштабов трудовой миграции и неблагоприятных условий труда. Тем не менее «вопрос трудовой миграции в пределах границ Организации не является проблемой, которую государства считают возможным решить или урегулировать с помощью юридических документов» (p. 121). Практические обстоятельства не способствуют принятию и выполнению международных правовых обязательств, что едва ли отвечает реальным потребностям.

ШОС стремится к сотрудничеству с другими международными организациями в области торговли, финансов, инвестиций и т.д. Особый интерес представляют ее отношения с Евразийским экономическим союзом, которые исследовали *Zh. Kulzhabayeva* и *A. Oinarova* (p. 131–146).

В заключительной части монографии рассматриваются перспективные направления функционирования ШОС. Организация планирует и осуществляет разные экономические проекты, выходящие за рамки проблематики региональной безопасности. Интенсифицируются торговые отношения между странами, заинтересованными в расширении экономических связей, прежде всего вокруг энергетического сектора в традиционных и новых сферах в соответствии с двусторонними соглашениями (*M. Qihong, G. Nan*, p. 165–179).

Значительным препятствием для сотрудничества является то, что «каждая страна ставит свои национальные экономические интересы выше регионального сотрудничества» (*O. Arkhipova, A. Chukreyev*, p. 151). Основную экономическую повестку Организации формируют Китай, Россия и Казахстан, а объемы торговли в некоторых странах ШОС невелики, не все страны в состоянии расширять взаимную торговлю в рамках ШОС. Правовая база только складывается, преобладают акты мягкого права. Нормативное регулирование основано на внутреннем праве, двусторонних договорах, заключенных государствами вне ШОС, и в рамках других международных организаций.

Активной торгово-экономической деятельностью обусловлено сотрудничество в логистической сфере (*Zh. Iskakova, A. Mukhamedjanov*, p. 180–196). Оно востребовано, неслучайно в Хартии ШОС декларируется поощрение транспортной политики. Тем не менее сотрудничеству в этой сфере препятствует ряд факторов: несогласованное регулирование в странах, неудовлетворительное состояние дорожной инфраструктуры, таможенные барьеры и проч. Вновь мы сталкиваемся с ситуацией, характерной для Организации в ряде областей: необходимы совместные усилия, что-то достигнуто, но реальные результаты пока еще ожидают своего часа. Безусловно, многое здесь будет зависеть от успешных совместных проектов в экономике, на что указывают новые участ-

ники ШОС. Так, Индия предлагает не ограничиваться сотрудничеством в Центральной Азии, развивать передовые инновации, технологию, медицину (*K. Dwivedi, A. Bawa*, р. 197–213).

Не менее перспективно взаимодействие ШОС с международными организациями в сфере защиты окружающей среды, в частности с ЮНЕП и ФАО. *Q. Tianbao* и *A. Solntsev* высказывают мнение о наличии большого потенциала для защиты экологических прав человека, так как конституции всех стран ШОС предусматривают право на благоприятную окружающую среду (р. 216). Отметим выводы о некоторых достижениях: в 2015 г. принята Стратегия развития ШОС до 2025 года, в которой также отражены обязательства в интересах устойчивого развития, предотвращения изменения климата; с 2019 г. проводятся Совещания руководителей министерств и ведомств членов ШОС, ответственных за охрану окружающей среды, на которых одобрена Программа развития экологического благополучия городов ШОС, утверждены соответствующие концепции сотрудничества; в 2020 г. на заседании Совета глав правительств (премьер-министров) государств ШОС выдвинута инициатива о создании Международного фонда защиты ледников и предложено учредить Реестр экологических проблем на пространстве ШОС. Актуальна разработка ШОС документа, отражающего подход Организации к реализации Целей устойчивого развития.

Авторам рецензируемой монографии удалось обстоятельно описать текущее состояние и перспективы ШОС. В целом все авторы признают значительный потенциал этой международной организации. Вместе с тем они отмечают одну важную черту ШОС — противоречие: между ее возможностями, высокими ожиданиями и умеренными результатами; между насущными потребностями и нехваткой политической воли для исправления ситуации; между необходимостью гармонизации правового пространства государств-членов, объединения усилий и проведением отдельными странами собственной политики вопреки общим интересам.

Несмотря на это, ШОС — площадка для взаимодействия крупных государств со схожими взглядами по многим вопросам. За время существования Организации достигнуты некоторые успехи, поэтому есть все основания для продолжения ее работы и дальнейшего укрепления.

Shanghai Cooperation Organisation: Reassessment of the Priorities Against the Background of Old Problems and New Challenges

Book Review: “The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons”^{1, 2}

R. Khalafyan

Rustam Khalafyan – Candidate of Science (Jurisprudence), Associate Professor, International and European Law Department, Ural State Law University (USLU) named after V.F. Yakovlev; Researcher, the Laboratory for International and Comparative Legal Studies at the Tyumen State University; 54 Kolmogorov Ulitsa, Yekaterinburg, 620034, Russia; rustam_khalafyan@mail.ru

Abstract

This review examines the results of the unique international study devoted to the Shanghai Cooperation Organisation (SCO). The project was carried out on the initiative of eminent Russian specialists and covers the period of the SCO's formation, the search for new areas of cooperation, and promising fields of interaction among the participating countries. The authors (including lawyers and economists) assess the current state of this regional organization and its future, which allows us to form a quite complete understanding of the SCO and the emerging directions of its development. The monograph was produced by a reputable foreign publishing house, reflecting an attention to regionalization that is especially noticeable against the background of the slowing processes of legal regulation at the universal level in recent years.

The monograph reveals the reasons for the states within the SCO to unite efforts for realization of their common interests, which are not limited to traditional cooperation in the field of security. The team of authors pays attention to the specifics of the legal systems of the member states and the relations between the countries, as well as the SCO's successful responses to challenges in the field of labour and migration, energy, environmental protection, transport, and logistics links. Such an approach reflects the conditions of the national legal implementation of international obligations by SCO members. The main features of the Eurasian concept of human rights are formulated, the existence and significance of which is proclaimed. The study provides necessary diagrams, graphs, and tables.

General scientific and special methods of cognition were used in this review to show the structure of the monograph, the individual conclusions of the authors, and proposals. The review offers conclusions about the gradual evolution of the SCO, the growth of the humanitarian component of its competence, and the existing contradictions between the potential of the organization and the results achieved.

Keywords: SCO, regional cooperation, China, human rights, economy, labor policy, energy, logistics, environment, international organizations

Acknowledgments: Russian Science Foundation, RSF, The Research was Supported by RSF (Project No. 23-28-00874), <https://rscf.ru/project/23-28-00874/>.

For citation: Khalafyan R. (2023) Shanghai Cooperation Organisation: Reassessment of the Priorities Against the Background of Old Problems and New Challenges. *Book Review: “The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons”*. *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 1, pp. 232–237 (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-10

---

¹ Marochkin S., Bezborodov Y. (eds). *The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons*. London: Routledge, 2022. <https://doi.org/10.4324/9781003170617>

² This review was submitted 28.11.2022.

Завтра были пандемия и специальная военная операция

(О монографии «Мировая экономика
в период больших потрясений»)^{1, 2}

А.Н. Лякин, С.Ф. Сутырин

Лякин Александр Николаевич — д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики Санкт-Петербургского государственного университета; Россия, 191123, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62; a.lyakin@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-0722-2517

Сутырин Сергей Феликсович — д.э.н., профессор кафедры мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета; Россия, 191123, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62; s.sutyurin@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-2429-7123

Аннотация

Настоящий обзор посвящен коллективной монографии «Мировая экономика в период больших потрясений» под редакцией Л.М. Григорьева, А.А. Курдина, И.А. Макарова. В книге исследуются сложные и противоречивые процессы, протекающие в мировой экономике в настоящее время. Выделяемые авторами устойчивые тенденции в развитии мирового хозяйства позволяют им формулировать прогнозы долгосрочного развития. Монография содержит ряд дискуссионных моментов.

Ключевые слова: мировая экономика, цели устойчивого развития, неравенство, демографический переход, кризис пенсионной системы, энергетический переход

Для цитирования: Лякин А.Н., Сутырин С.Ф. Завтра были пандемия и специальная военная операция (О монографии «Мировая экономика в период больших потрясений») // Вестник международных организаций. Т. 18. № 1. С. 238–244 (на русском языке). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-11

Авторами рецензируемой монографии предпринята в целом успешная попытка создать комплексную целостную картину развития современной мировой экономики. Сразу хочется отметить, что подобная масштабность замысла и привлекает, и заслуживает самой высокой оценки. Вместе с тем, как всегда в таких случаях, имеют место и определенные риски. В частности, широта охвата может достигаться в ущерб глубине анализа. Кроме того, существует опасность того, что в ситуации, когда при всем желании, как говорится, «нельзя объять необъятное», за рамками исследования оказываются те или иные действительно важные сюжеты.

---

¹ Мировая экономика в период больших потрясений: монография / под ред. Л.М. Григорьева, А.А. Курдина, И.А. Макарова. М.: ИНФРА-М, 2022. doi:10.12737/1858585

² Обзор поступил в редакцию 29.01.2023.

Временные рамки исследования определены как период между окончанием Великой рецессии и началом пандемии коронавируса. Здесь — неизбежная и в современных условиях вдвойне серьезная проблема, а именно релевантность проведенного исследования на фоне динамично происходящего масштабного и во многом радикального изменения ситуации. Речь идет и об упомянутой только что пандемии, и о вышедшем на новый, беспрецедентный, как минимум в масштабах последних пяти десятилетий, уровень обострения геополитической напряженности. Хотя в названии монографии рассматриваемый период назван периодом больших потрясений, последующие события показали, что настоящие потрясения в мировой экономике только начинаются. Сегодня очень быстро становится вчерашним днем, и сами авторы отмечают это в заключении: «Факторы и тенденции развития мировой экономики порой меняются так быстро, что после завершения книги о них сразу приходит время писать новую» [с. 569]. В этих условиях представленный в рецензируемой книге анализ, безусловно, актуален и интересен прежде всего в том случае, если выявляет некие предпосылки и причины последующих событий³. Это тем более так, поскольку авторы пишут: «Идея, проходящая через все разделы и главы, состоит в установлении характера тенденций, возникших и развившихся, усилившихся или, наоборот, ослабевших в течение последнего десятилетия и сложившихся рамочные условия для развернувшегося в 2020—2021 гг. кризиса» [с. 9] и далее: «Пандемия подтолкнула мир к тому новому равновесию, к которому он и так двигался» [с. 118].

Мировая экономика как объект анализа сама по себе предполагает большой перечень рассматриваемых проблем. Это определяет широкий спектр тем, попадающих в поле рассмотрения коллектива авторов, начиная от экономического роста, возникающих в ходе его структурных проблем и особенностей их решения в различных национальных экономиках, изменений в мировой финансовой системе, направления нарастания социальных противоречий в ходе мирового развития и заканчивая рассмотрением глобальных вызовов, порождаемых исчерпанием экологической емкости планеты. Авторы определяют круг потенциальных читателей как студентов, аспирантов, преподавателей, готовящих соответствующий курс, а также людей, интересующихся глобальными процессами. Тем самым монография носит преимущественно информационный и описательный характер. Это относится прежде всего к разделу, посвященному международной финансовой системе, а также ряду глав первого раздела. С другой стороны, по формату изложения текст отвечает принятым академическим стандартам — главы начинаются с обзора литературы по рассматриваемому вопросу, выделения основных сложившихся в науке подходов к его пониманию, определения проблем, не получивших на сегодняшний день однозначного решения, после чего следует изложение авторской позиции. И хотя не всегда можно согласиться с позицией авторов, но формат монографии не предполагает изложения устоявшихся и общепризнанных решений.

Литература по проблемам мировой экономики может быть интересна в ряде аспектов, все они в разной степени присутствуют в работе. Во-первых, это набор информации о процессах, направлениях и формах развития, характерных для других национальных экономик и регионов, что позволяет оценивать свое место в мире, сравнивать российский опыт с мировым. Во-вторых, когда мировая экономика рассматривается как целостная система, это дает возможность увидеть глобальные тенденции мирового развития, порождаемые им проблемы и противоречия. Наконец, из выделяемых глобальных трендов должны вытекать прогнозы долгосрочного экономического развития.

³ Именно по этой причине мы назвали рецензию по аналогии с пронзительной повестью Бориса Львовича Васильева «Завтра была война».

Книга состоит из четырех разделов, три из них содержат описание определенных тенденций в мировом развитии. На основании этих тенденций формируются долгосрочные прогнозы. Все они отличаются заметным пессимизмом, который контрастирует с оптимистичными ожиданиями конца прошлого века. Обзор, по крайней мере формально, разделяемый всеми участниками международного сообщества целей устойчивого развития ООН показывает, что реальная возможность их реализации пока совсем не очевидна, финансирование программ недостаточно, а прошедшая пандемия в еще большей степени ограничит направляемые на эти цели ресурсы. Последующий анализ служит подтверждением этому выводу.

Первый неблагоприятный долгосрочный прогноз связан с социальным неравенством. Оно рассматривается в монографии в разных аспектах и в разных разделах (межстрановое неравенство, неравенство внутри национальных экономик и в целом в мировой экономике), и общий вывод относится ко всем его формам — экономический рост не ведет к сокращению неравенства. Абсолютный разрыв в уровнях ВВП по ППС на душу населения стран, принадлежащих к разным группам, не сокращается, а возрастает в ходе экономического роста. Ахиллес никогда не догонит черепаху, поскольку даже при опережающих темпах роста бедных стран абсолютные размеры прироста ведут к нарастающему разрыву в уровнях доходов стран разных доходных групп. «Наиболее развитые страны — часто при более низких темпах роста — удаляются от бедных за несколько лет на величины, сопоставимые с уровнем ВВП на душу населения последних» [с. 28].

Некоторое сокращение неравенства по населению мира в целом связано с успехом только двух демографических гигантов — Китая и Индии. Неравенство, рассматриваемое на страновом уровне, также демонстрирует высокую устойчивость. Авторы не получают подтверждения кривой Кузнецца, доказывая, что неравенство оказывается высокоустойчиво к росту, и различия между высоко- и низкодходными слоями сохраняются как в бедных, так и в богатых странах: «...раз сформировавшись социальное неравенство удивительно устойчиво к экономическому росту — во всяком случае надежды ученых 1950-х гг. о снижении неравенства по мере экономического развития не оправдываются» [с. 376]. И даже в странах с эффективными институтами и социальным государством неравенство в доходах фактически передается по наследству, обустраиваясь прежде всего уже сложившимся распределением имущества.

Второй источник глобальных проблем позволяет выявить анализ демографических процессов. Быстрый демографический рост в странах бедного Юга, прежде всего Африки южнее Сахары, протекает на фоне торможения темпов увеличения численности населения в относительно благополучной Латинской Америке и Азии, которые уже прошли демографический переход, и начинающихся процессов депопуляции богатых стран Севера, уже столкнувшихся с вызовами старения населения. На пороге демографического взрыва находятся страны Африки, часть из которых еще не подошла к началу демографического перехода, то есть движению «от равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к равновесию на низком уровне того и другого» [с. 327]. Такое расхождение в демографических трендах должно привести, по мысли авторов монографии, к последовательному нарастанию противоречий в мировом развитии. Решение проблемы через целенаправленную массовую миграцию из беднейших стран в страны «золотого миллиарда» должно привести к серьезным сдвигам в структуре населения. Так, по представленным в работе расчетам, только решение задачи стабилизации численности населения Германии увеличило бы долю мигрантов в населении страны к 2050 г. до 28%, а прекращение старения потребует ее роста до 36% [с. 354]. И хотя миграция может быть вариантом решения проблемы, вряд ли Европа пойдет

по такому пути, создающему угрозу традиционной социально-культурной среде. К тому же совсем не очевидно, что такой приток, даже легальный, малоквалифицированной рабочей силы был бы поглощен развитой экономикой и позволил хотя бы удержать существующий уровень производительности труда. Еще более жесткий выбор ставят демографические процессы для самой Африки — проведение артикулированной политики ограничения рождаемости или социальные катастрофы в результате голода и нищеты.

Существенным аспектом глобальной проблемы несбалансированного роста становится угроза для устойчивости пенсионной системы. В этом отношении положение развивающихся стран с быстро растущим населением и развитых, стоящих на пороге депопуляции, сильно различается. Для первых задача заключается в расширении пенсионных систем, вовлечении в них новых групп работающих, для стареющих развитых стран задача обратная — снижение финансовой нагрузки на работающих, даже за счет снижения благосостояния сегодняшних и завтрашних пенсионеров.

Изменения в возрастном составе населения ставят под угрозу действующую модель социального государства. Снижение доли трудоспособного населения в общей численности создает угрозу для материального благополучия старших возрастных групп и/или экономического роста. Приводимые в монографии данные показывают, что вне зависимости от используемой схемы построения пенсионной системы — распределительной или накопительной — снижение численности работающих будет вести к снижению той части национального дохода, который достается пенсионерам. В результате сокращения благосостояния пенсионеров диктуется не изменениями в финансовой системе или организации пенсионных накоплений и их выплат, а объективными сдвигами в структуре населения. Сам процесс такого ухудшения может идти по разным каналам — повышение возраста выхода на пенсию, сокращение пенсионных выплат в бюджетной системе, снижение размера пенсий относительно средней зарплаты. Выбор наименее болезненной комбинации мер по сокращению нагрузки пенсионной системы на экономику — это вопрос искусства социальной политики. И в этом отношении российский опыт оценивается в монографии весьма скептически.

Последний анализируемый в монографии глобальный вызов связан с переходом к зеленой энергетике, обусловленным экологическими проблемами. Очевидное усиление давления на среду обитания вследствие роста численности населения и потребления ресурсов планеты в ходе экономической деятельности приводит к признанию необходимости перехода к устойчивому росту, то есть такому росту, при котором удовлетворение текущих потребностей не подрывает эту возможность для будущих поколений. Однако практическая реализация такого перехода порождает серьезные проблемы, связанные прежде всего с тем, кто будет оплачивать его за счет снижения (или ограничения) собственного благосостояния. Богатые страны в свое время имели благоприятные возможности для роста как за счет дешевизны вовлекаемых ресурсов, так и за счет большой экологической емкости планеты в тот период. Учет экологических потерь и движение к углеродно-нейтральной экономике и чистым производствам требует соответствующих издержек и становится ограничителем экономического роста для стран догоняющего развития.

Начинающийся очередной энергетический переход, как справедливо отмечается в монографии, отличается от всех предыдущих, которые были обусловлены большей экономической эффективностью новых источников энергии. В настоящее время «критически важной становится не столько экономическая привлекательность новых источников энергии, сколько качественно новый фактор — борьба с глобальным изменением климата» [с. 477]. При этом технологии, которые могут такой переход обеспечить,

разрабатываются только в одной группе стран, что дает им безусловное и долговременное преимущество при условии, что создание таких технологий и их доведение до коммерчески эффективного использования будет оплачено всем остальным миром. Этот аспект проблемы в монографии хотя и затрагивается, на примере позиции корпорации DuPont в отношении борьбы за сохранение озонового слоя [с. 560], но не анализируется в связи с сегодняшней ситуацией с переходом к зеленой энергетике.

Хотя текущий энергетический кризис лежит за пределами рассматриваемого в книге временного периода, он наглядно иллюстрирует, во-первых, ненадежность перехода к новым источникам энергии, идущего без экономической целесообразности, а во-вторых, то, как быстро происходит отказ от внедрения зеленой энергии в ситуации, когда альтернативных источников энергии и относительно чистых традиционных оказывается недостаточно для удовлетворения даже скорректированных в сторону понижения потребностей. Уже в 2021 г. объем угольной генерации в Европе вырос на 9%, а в 2022 г. восстановление угольных ТЭС и расконсервация шахт началась в нескольких европейских странах [Вечерова, 2022]. В этой связи объяснение происходящих в энергетике процессов нарастающими тенденциями усиления протекционизма, отмечавшимися в книге ранее [с. 130–134], кажется более убедительным. Иначе при этом будет трактоваться и приводимый в книге кейс с борьбой за сохранение озонового слоя и изменением позиции корпорации DuPont.

В целом положительно оценивая проведенное авторами исследование, считаем целесообразным обратить внимание на ряд имеющихся, на наш взгляд, спорных моментов.

Так, вопреки первоначально заявленному акценту на период 2009/10–2019 гг., монография по преимуществу охватывает период развития мировой экономики с начала 90-х годов прошлого столетия и рассматривает процессы, протекавшие до начала пандемии или, в некоторых разделах, включая рецессию, вызванную «великим карантином».

Как представляется (хотя подобное замечание в очень большой степени связано с местом работы и кругом научных интересов одного из рецензентов), недостаточный акцент сделан на мирохозяйственных связях. Ведь под мировой экономикой мы понимаем не просто некое количество национальных экономик, существующих на нашей планете, но прежде всего систему, сложившуюся и развивающуюся в условиях их активного и масштабного взаимодействия. В этой связи остается сожалеть, что, по существу, за рамками анализа остались региональные интеграционные группировки. Хотелось бы видеть материал, посвященный ключевым хозяйствующим субъектам мировой экономики — компаниям (и не только транснациональным гигантам, но и многочисленным представителям малого и среднего бизнеса) и их стратегиям функционирования, в частности формированию глобальных производственных систем (или, как у нас их чаще называют, глобальным цепочкам создания стоимости).

Наконец, есть определенные вопросы к структуре исследования, логике отнесения тех или иных сюжетов в соответствующие разделы. Так, гл. 3 посвящена целям устойчивого развития ООН, включающим экологическую составляющую, но ей специально посвящена гл. 20. Почему-то цифровизация анализируется только в контексте энергетического перехода [гл. 18]. Эволюция роли государства рассматривается специально применительно к концепции государства всеобщего благоденствия, хотя место государства в современной экономической системе, на наш взгляд, намного шире и многообразнее. Проблема неравенства, по существу, разнесена по трем отдельным и достаточно далеко отстоящим друг от друга главам — гл. 1 (межстрановое экономическое неравенство), гл. 3 (первая и особенно десятая из целей устойчивого развития

ООН вообще-то именно об этом) и гл. 14 (социальное неравенство). Все это, в той или иной мере, имеет право на существование в качестве подходов к анализу, но, как представляется, нуждается в соответствующем обосновании. Его в ряде случаев, к сожалению, не хватает.

Сделанные замечания — не столько некая констатация недоработок и недостатков (рецензенты ни в коей мере не претендуют на обладание истиной в ее последней инстанции), сколько приглашение и авторов, и читателей к размышлениям по поводу поднятых в безусловно заслуживающей внимания интересной и содержательной монографии вопросов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Вечерова Е. (2022) Угольный дым: почему в Европе открывают закрытые шахты и надолго ли это // Forbes. 18 мая. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/465693-ugol-nuj-dym-posemu-v-evrope-otkryvaut-zakrytye-sahty-i-nadolgo-li-eto> (дата обращения: 06.02.2023).

Tomorrow Were the Pandemic and the Special Military Operation

(On the Book “The World Economy in a Period of Great Turmoil”)^{1, 2}

A. Lyakin, S. Sutyurin

Alexander Lyakin – Dr. of Sc. (Economics), Professor, Head, Department of Economic Theory and Economic Policy, St Petersburg University; 62 Chaikovsky Ulitsa, St Petersburg, 191123, Russia; a.lyakin@spbu.ru

Sergei Sutyurin – Dr. of Sc. (Economics), Professor, Department of World Economy, St Petersburg University; 62 Chaikovsky Ulitsa, St Petersburg, 191123, Russia; s.sutyurin@spbu.ru

Abstract

The present review deals with a collective monograph “The World Economy in a Period of Great Turmoil” edited by L. Grigoriev, I. Makarov, A. Kurdin. The book investigates complicated and controversial processes taking place in the modern world economy. The authors identify its major persistent trends and formulate, on this basis, forecasts for long-term development. The monograph contains a number of debating points.

Keywords: world economy, sustainable development goals, inequality, demographic transition, pension system crisis, energy transition

For citation: Lyakin A., Sutyurin S. (2023) Tomorrow Were the Pandemic and the Special Military Operation (On the Book “The World Economy in a Period of Great Turmoil”). *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 1, pp. 238–244 (in Russian).

References

Vecherova E. (2022) Ugol'nyy dym: pochemu v Evrope otkryvajut zakrytye shahty i nadolgo li jeto [Coal Smoke: Why Are Closed Mines Open in Europe and for How Long?]. *Forbes*, 18 May. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/465693-ugol-nyj-dym-pocemu-v-evrope-otkryvaut-zakrytye-sahty-i-nadolgo-li-eto> (accessed 6 February 2023) (in Russian).

---

¹ Mirovaya ekonomika v period bol'shikh potryasenij: monografiya / L.M. Grigor'ev, A.A. Kurdin, I.A. Makarov (eds). Moskva: INFRA-M, 2022. (The world economy in a period of great turmoil).

² This review was submitted 29.01.2023.

К сведению авторов

Редакция журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» НИУ ВШЭ приглашает к сотрудничеству авторов.

Наше издание открыто для экспертных организаций и исследовательских институтов, в том числе вузов, занимающихся изучением вопросов деятельности международных институтов; развития образования, науки и инноваций в национальном и международном контексте. В числе наших авторов мы будем рады видеть ученых и экспертов в сфере международных отношений и глобального управления; содействия развитию; международного сотрудничества по различным сферам социально-экономической политики. Мы приглашаем к сотрудничеству исследователей и экспертов зарубежных университетов, экспертных институтов и международных организаций и рады возможности познакомить российского читателя с результатами оригинальных исследований зарубежных авторов. Журнал принимает для рассмотрения результаты исследований и публикации учащихся аспирантур российских университетов, вузов стран СНГ, университетов дальнего зарубежья. Аудитория журнала в настоящее время представлена руководителями и специалистами научно-исследовательских организаций, федеральных министерств и ведомств, экспертным и академическим сообществом России, стран СНГ, дальнего зарубежья.

Мы будем рады видеть вас среди наших авторов!

Обращаем внимание:

- Все материалы публикуются бесплатно. Основными требованиями к материалу является его соответствие тематике издания, научность и соблюдение требований к оформлению рукописей.
- Требования к оформлению рукописей сформированы на основании текущих российских требований и **требований международной библиометрической базы Scopus** к оформлению научных публикаций.
- Российские требования и требования международной библиометрической базы Scopus к рукописям размещены на странице журнала по адресу <http://iorj.hse.ru/authors>. **Несоответствие рукописей всем требованиям является одним из оснований для отказа в публикации статьи в журнале.**
- Перед публикацией все присланные материалы проходят процедуру анонимного рецензирования.
- На основании полученного экспертного заключения материалы публикуются, возвращаются авторам на доработку или не допускаются к изданию. Редакция своевременно уведомляет автора в случае отказа в публикации.
- С авторами опубликованных материалов заключается **лицензионный договор**, согласно которому изданию передаются неисключительные права на публикацию материала.
- Все рукописи передаются в редакцию журнала по электронной почте по адресу iorj@hse.ru.

*С уважением,
редакция журнала «Вестник международных организаций»*

Формат 60×88 1/8.
Уч.-изд. 19,5. Тираж 170 экз. Заказ .

Адрес редакции
Россия, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, оф. 417
Телефоны: +7 495 772-95-90 *23147 и *23150
E-mail: iorj@hse.ru

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»,
Россия, 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42